

ВОПРОСЫ НАЦИОНАЛИЗМА

2014
№18

2014 № 2 (18)

ЖУРНАЛ НАУЧНОЙ И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

Главный редактор
Константин Крылов

Научный редактор
Сергей Сергеев

Шеф-редактор
Надежда Шалимова

Технический директор
Сергей Каунов

Редакционная коллегия
К.С. Бенедиктов, М.А. Брусиловский,
Е.С. Галкина, О.В. Кильдюшов, М.Н. Любомудров, О.Б. Неменский,
П.В. Святенков, А.Н. Севастьянов, И.Р. Шафаревич

СОДЕРЖАНИЕ

Александр Храмов

Работник одиннадцатого часа.....	3
Тема номера. УКРАИНА	
Павел Святенков	
Три эссе по поводу украинской революции	10
Сергей Бирюков	
Антиколониальный выбор Юго-Востока.....	15
Олег Неменский	
Модели южнорусской идентичности на Украине.....	20
Сергей Сергеев	
Прощание славян.....	32
Анджей Вержбицки	
Украина и Польша: национализм и геополитика.....	39
Владислав Мальцев	
«Россия — извечный враг Украины»	48
Дмитрий Павлов	
«Бандеровцы» и формирование национальной идентичности Западной Украины	68
Андрей Марчуков	
Украинское национальное движение и КП(б)У	75
Сергей Беляков	
Тарас Шевченко как украинский националист.....	93
Александр Котов	
«Призрак, который стал бы вампиром целых поколений».....	115
ПЕРЕВОДЫ	
Джон Филипп Раштон	
Этнический национализм, эволюционная психология и теория генетического сходства.....	124
Джаред Тейлор	
Скончался Фил Раштон	143
НАЦИОНАЛИЗМ И РЕВОЛЮЦИЯ	
Василий Молодяков	
<i>Мэйджи исин</i> : японская консервативная революция.....	147
НАЦИОНАЛИЗМ VS. ЕВРАЗИЙСТВО	
Сергей Петров	
Кто на самом деле сделал евразийский выбор?.....	165
ВНУТРЕННЕЕ ЗАРУБЕЖЬЕ	
Анатолий Уралов	
Будут ли русские торговать на базарах Баку?.....	174
ФЕДЕРАЛИЗМ И РЕГИОНАЛИЗМ	
Николай Клёнов	
Единая, но делимая?	183
ШТУДИИ	
Владимир Василевский	
Национальный вопрос в Забайкальской Белой государственности.....	206
ПОЛЕМИКА	
Иван Русаков	
Не бывает бунтов без грехопадения власти.....	214
КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ	
Александр Репников	
«Нам надо быть национально стальными...».....	231
Авторы номера.....	238
Summary	240

АЛЕКСАНДР ХРАМОВ

РАБОТНИК ОДИННАДЦАТОГО ЧАСА

РУССКИЙ НАЦИОНАЛИЗМ И НАЦИОНАЛЬНОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО
В ПОСТКОММУНИСТИЧЕСКИХ СТРАНАХ

В 1983 г. Бенедикт Андерсон в своей книге «Воображаемые сообщества», считающейся одним из ключевых текстов в области исследований национализма, писал: «“конец эпохи национализма”, который так долго пророчили, еще очень и очень далеко. Быть нацией — это по сути самая универсальная легитимная ценность в политической жизни нашего времени»¹.

События последующего десятилетия блестяще подтвердили этот прогноз. К изумлению многих интеллектуалов, которые, подобно Юргену Хабермасу, уже приготовились жить в «постнациональном мире», в конце 1980-х — начале 1990-х национализм вновь напомнил о себе, внезапно выйдя на сцену истории во всей своей мощи, одновременно разрушительной и созидательной. Противостояние глобальных идеологий, коммунизма и капитализма, закончилось, и крах коммунистических режимов в СССР и странах Восточного блока открыл дорогу партикулярному национализму, еще недавно казавшемуся пережитком XIX столетия.

На смену прежним многонациональным образованиям (СССР, ЧССР, СФРЮ) пришло множество новых национальных государств, появление каждого из которых, неважно, насильственное (распад Югославии) или мирное («бархатный развод» Чехии и Словакии), сопровождалось массовой националистической мобилизацией на-

селения. В политической жизни стран, формально независимых к моменту распада Варшавского договора (Венгрия, Румыния, Польша), идея нации также стала играть заметно большую роль по сравнению с послевоенной системой «народных демократий». Так, диссидент Йожеф Анталл, став первым премьер-министром демократической Венгрии, сразу же изъявил о своем желании «быть премьер-министром 15 миллионов венгров» (1990). Он имел в виду миллионы соотечественников, живущих за пределами 10-миллионной Венгрии, проблемы которых прежде коммунистическое руководство игнорировало, и «неспособность венгерского правительства встать на защиту прав этнических венгров, в особенности в Румынии (и в меньшей мере в Словакии), для антикоммунистических сил в Венгрии в 1980-х служила основным поводом для недовольства»².

Одновременный запуск процессов нациестроительства на посткоммунистическом пространстве заставил исследователей обратиться к обсуждению феномена «волн национализма». Например, советолог Марк Бейссингер, рассматривая националистические проявления, распространявшиеся подобно лесному пожару по советским республикам во второй половине 1980-х, подчеркивал: «...национализмы

¹ Андерсон Б. Воображаемые сообщества. М., 2001. С. 27

² Batory A. Kin-state identity in the European context: citizenship, nationalism and constitutionalism in Hungary // Nations and nationalisms. 2010. V. 16. №1. P. 624–642.

оказывают глубокое влияние друг на друга. Они являются транснациональным и взаимозависимым феноменом, а не просто набором индивидуальных и изолированных друг от друга историй. <...> Национализм в этом смысле суть модульная форма политического поведения, специфический модуль протестного действия или дискурсивная рамка, которая легко может перемещаться из одного контекста в другой»³. Бейссингер показывает, как в СССР одно за другим — сначала под нейтральными природоохранными лозунгами, а затем и под сецессионистскими — возникли сходные националистические движения. Националисты, вдохновляясь примером соседей, например, борющихся против строительства вредного производства, запланированного союзными властями, начинали поднимать в своих республиках схожую проблематику.

Волны национализма

Нечто подобное наблюдалось всегда: национализм с самого начала являлся «модульной» идеологией, легко адаптируемой к местной специфике. Возможно, в этом и заключается одна из главных причин его повсеместного триумфа. Так, первый же полноценный проект национального строительства в Европе, выкристаллизовавшийся в ходе Великой французской революции, породил и первую «волну» национализма. В начале XIX в. Фихте в оккупированном французами Берлине читал лекции о единой немецкой нации, Шишков и Ростопчин в России впервые противопоставили моде на всё французское идеал русской самобытности⁴, а еще раньше, в 1796 г., итальян-

ские республиканцы Буонаротти и Черризе, вдохновляясь идеалом «единой и неделимой» французской республики, одними из первых начинают взывать к объединению раздробленной тогда Италии: «мы все принадлежим одной стране, одному отечеству, все итальянцы — братья»⁵. В разных странах разные группы на свой лад приспосабливали националистический «модуль», имеющий маркировку «Made in France», к местному контексту. Желая противостоять французам, которые первые встали на путь построения современной нации, политики и интеллектуалы обращались к французским же рецептам. Ответом на возникновение французского национализма было возникновение национализма русского, итальянского, немецкого.

В свою очередь, национализмы «первой волны» с отсрочкой в несколько десятилетий «инфицировали» националистическим микробом окружающие регионы: сербы и хорваты оглядывались на соседнюю Италию с ее Рисорджименто, чехи и поляки вдохновлялись опытом немцев. Прошло еще несколько десятилетий — и в деле национального строительства с европейских стран стали брать пример их колонии. А затем уже в самой Европе в 1960–1970-х гг. баскские и корсиканские сепаратисты перенимали тактику и идеологию у революционеров из третьего мира. Запутанная сеть миметических отношений всё разрасталась, националисты подглядывали друг за другом, и в момент срабатывания геополитических триггеров по миру пробежали всё новые «волны» национализма. К ним можно отнести европейскую «Весну народов» (1848–1849), образование национальных государств в результате распада многонациональных

³ *Beissinger M.* How Nationalisms Spread: Eastern Europe Adrift in the Tides and Cycles of Nationalist Contention // *Social Research*. 1996. V. 63. № 1. P. 97–146.

⁴ *Храмов А.* «Ура, русские!»: национализм 1812 года // *Вопросы национализма*. 2012. № 11. С. 161–167.

⁵ *Бондарчук В.С.* Национальная идея и национальное сознание в Италии // *Национальная идея в Западной Европе в Новое время*. Под ред. В.С. Бондарчука. М., 2005. С. 337–393.

империй, участвовавших в Первой мировой войне, триумф антиколониальных национально-освободительных движений после Второй мировой войны.

Вспышка посткоммунистических национализмов, пришедшая на конец 1980-х и первую половину 1990-х гг., если не считать Арабской весны 2010–2011 гг., — это самый свежий пример такого рода волн. По мнению Ганса-Юргена Пуле⁶, посткоммунистические национализмы в Восточной Европе являются шестой по счету волной националистической мобилизации. О ее порядковом номере можно спорить (он зависит от методики подсчета предыдущих волн), однако далеко идущие последствия подъема посткоммунистических национализмов сложно отрицать. Почти 20 лет назад один из специалистов по национализму, ирландский историк Раймонд Пирсонс даже сравнил их с последствиями Великой французской революции: «...так же как влияние 1789 [года] распространилось на XIX столетие, так и 1989 [год] обусловил амбивалентное, но [в то же время] несомненно основополагающее господство национализма, породив политико-социальную лавину (*deluge*), чья турбулентность приливами будет захлестывать большую Восточную Европу и в XXI столетии»⁷.

Многонациональность versus русское государство.

Прогноз Пирсонса звучит особенно интригующе применительно к России, которая остается единственной посткоммунистической страной, до сих пор не затронутой «волной» национализмов конца 1980-х — начала 1990-х

(за исключением отдельных иноэтнических регионов, таких как Чечня, Татарстан и Башкирия). В отличие от стран Восточной и Центральной Европы и бывших советских республик, которые за минувшие 25 лет с разной долей успеха трансформировались в национальные государства, Россия так и не встала на этот путь. Российские власти продолжают ориентироваться на советскую модель, которую Роджерс Брубейкер очень удачно обозначил термином «институционализируемая многонациональность»⁸. Брубейкер справедливо указывает, что этническая гетерогенность характерна для многих стран мира, в особенности для бывших колоний. Тем не менее их руководство пытается, хотя и не всегда успешно, «спаять» этнические группы в единое целое, тем самым реализуя принцип *nation state*. Напротив, советские власти все 70 с лишним лет сознательно культивировали этническую неоднородность собственного населения, институционализируя национальные группы как на низовом уровне, через отметки о национальности в паспорте, так и на государственном, через соответствующие национальные республики и другие территориальные образования.

Иначе говоря, в СССР, как и в нынешней России, никогда не пытались создать относительно гомогенную нацию, делая в случае необходимости уступки этническим меньшинствам. Политика была прямо противоположной: этническую неоднородность не просто «терпели», ее поддерживали при помощи соответствующих институтов. «Многонациональный советский народ», как и сейчас «многонациональный российский народ», не был и не мог быть нацией в привычном смысле этого слова: он конструировался как сборная сущность более

⁶ Пуле Г.-Ю. Новые национализмы в Европе — шестая волна? // Национализм в поздне- и посткоммунистической Европе. Т. 1 / Под ред. Э. Яна. М., 2010. С. 174–195.

⁷ The Making of '89: Nationalism and the Dissolution of Communist Eastern Europe // Nations and nationalism. 1995. V. 1. № 1. P. 69–79.

⁸ Brubaker R. Nationhood and the national question in the Soviet Union // Theory and Society. 1994. V. 23. P. 47–78.

высокого порядка, составленная из множества малых наций. С моделью институционализированной многонациональности, унаследованной (с некоторыми поправками) со времен СССР, связаны многие на первый взгляд парадоксальные особенности политики нынешней российской власти. Например, в недавно одобренной «Стратегии государственной национальной политики РФ до 2025 года» наряду с «укреплением единства российской нации» парадоксальным образом провозглашается «сохранение и развитие этнокультурного многообразия народов России»⁹. Сложно представить себе, например, французских политиков, которые бы занялись укреплением единства французской нации, сохраняя и развивая этнокультурные отличия бретонцев или окситанцев. Особенность российской ситуации состоит в том, что российская нация, подобному советскому народу, не имеет отношения к реальному националстроительству и не является его продуктом.

Институционализированная многонациональность предполагает реальный nation-building лишь на уровне составных элементов супранациональной общности: советские власти успешно и во многих случаях практически с нуля создали множество наций, снабдив их собственной национальной территорией, культурой, государственностью¹⁰, и в итоге СССР распался по границам, которые были прочерчены в процессе этих множественных националстроительств. Система институционализированной многонациональности предполагала культивирование «особости» всех национальных субъектов, за исключением самой крупной из них — русской. Брубейкер отмечает, что у русских, в отличие от осталь-

ных крупных советских национальностей, не было четко очерченной национальной территории¹¹, русским предлагалось ассоциировать себя с общесоюзными институциями. В РСФСР, которая, впрочем, никогда не считалась русской республикой, подобно тому как УзССР считался узбекской республикой, а АзССР — азербайджанской, не было собственной компартии, собственного отделения Академии наук. На первом открытии Всесоюзной сельскохозяйственной выставки в 1939 г. не было даже отдельного павильона РСФСР, несмотря на присутствие павильонов всех остальных союзных республик, выполненных с учетом соответствующего национального колорита. Во многом эта фундаментальная асимметрия и являлась залогом устойчивости многонациональной *politeia*: русскому большинству в ней отводилась роль связующего аморфного субстрата, который должен скреплять во едино многочисленные национальные «кирпичики», при этом не претендуя на какую-либо политическую субъектность.

Российская Федерация унаследовала от СССР, наряду с некоторыми другими особенностями советской модели многонациональности, систему асимметричного федерализма, где национально-территориальные образования предусмотрены только для малых наций. У русских нет «собственных» республик, а Россия как государство представляет интересы не русской нации, а «многонационального русского народа» в целом. Именно этим можно объяснить тот факт, что в отличие от остальных посткоммунистических стран, активно включившихся в защиту интересов соотечественников за рубежом, Россия до последнего времени не делала каких-либо шагов в данном направлении. Если, например, в Венгрии вопрос взаимодействия с венгерской диаспорой (например, предло-

⁹ <http://kremlin.ru/news/17165>

¹⁰ Храмов А. Российская Федерация как наследие Ленина–Сталина // Вопросы национализма. 2010. № 4. С. 18–38.

¹¹ Brubaker R. Ibid.

жение раздать гражданство всем пяти миллионам венгров, живущим в соседних странах, вынесенное на референдум 2004 г.) играл определяющую роль в политической жизни, то судьба многомиллионного русского населения, оказавшегося при распаде СССР за пределами России, никогда не привлекала повышенного внимания российских политиков первого эшелона¹².

Поскольку Российская Федерация позиционируется не как русское национальное государство с этническими меньшинствами, а как особое «многонациональное» образование, то ее руководство не считает себя обязанным как-либо специально заниматься проблемами этнических русских как за рубежом, так и внутри России (например, как-либо реагировать на сокращение процента русского населения в ряде регионов). Более того, даже разговоры о необходимости русского национализма рассматриваются как посягательство на государственные устои. В программной статье Владимира Путина, посвященной национальному вопросу, специально отмечалось, что «попытки проповедовать идеи построения русского “национального”, моноэтнического государства противоречат всей нашей тысячелетней истории»¹³.

Волна приближается?

Неизбежным следствием претворения в жизнь модели институционализированной многонациональности яв-

ляется парадокс, подмеченный недавно Шоном Гиллари: «несмотря на свое политическое, культурное и численное преобладание, многие русские считают себя народом без государства»¹⁴. По-видимому, такие настроения распространены сильнее всего в наиболее обеспеченном и политически активном сегменте российского общества — среди жителей Москвы и Санкт-Петербурга. Согласно опросу, проведенному по заказу Общественной палаты РФ (май-июль 2013), в обоих городах 46% русских респондентов согласны с тем, что русские в России «оказались в роли угнетенного большинства» (в целом по России — 37%)¹⁵. Из опроса ВЦИОМ (сентябрь 2013), подготовленного в преддверии заседания дискуссионного клуба «Валдай», следует, что лозунги «Хватит кормить Кавказ» и «Россия для русских» пользуются наибольшей поддержкой (70%) среди жителей обоих столичных регионов (по России — 51 и 46% соответственно)¹⁶. Социологи также указывают, что с начала 2010-х в России в целом наблюдается рост симпатий к русскому национализму. Согласно опросу «Левада-центра» (октябрь 2013), за последние три года число россиян, относящихся положительно к идее проведения «Русских маршей», выросло с 28 до 40%, а число людей, негативно оценивающих такие мероприятия, сократилось с 36 до 26%¹⁷.

¹⁴ Guillory S. How Russian Nationalism Fuels Race Riots // <http://www.thenation.com/article/176956/how-russian-nationalism-fuels-race-riots>

¹⁵ Национальный вопрос в российской общественно-политической жизни // Материалы к слушаниям на тему: Национальный вопрос в общественно-политической жизни России. М., 2013. 168 с.

¹⁶ Современная российская идентичность: измерения, вызовы ответы // Опрос ВЦИОМ по заказу международного дискуссионного клуба «Валдай». М., 2013.

¹⁷ <http://www.levada.ru/01-11-2013/rossiyanе-o-russkom-marshе>

¹² В конституциях многих восточноевропейских стран специально оговаривается право соотечественников, живущих за рубежом и не имеющих гражданства, на поддержку со стороны государства, но в российской конституции этот вопрос не упоминается. См.: Храмов А. Конституционная реформа и русский nation-building // Вопросы национализма. 2013. №15. С. 41–47.

¹³ Путин В. Россия: национальный вопрос // Независимая газета. 23.01.2012.

Можно предположить, что «националистический поворот» последних лет в России объясняется не только недовольством, связанным с притоком внешней и внутренней миграции, но и ответом на незавершенное русское нацистроительство. Для всё большего числа русских их национальная идентичность выходит на первый план, в то время как российское государство до сих пор отказывается признавать, что у русских как национальной группы могут быть какие-то особые запросы, помимо тех, что свойственны всем россиянам, например, в плане социального обеспечения или образования. Око институционализированной многонациональности распознает национальную специфику только малых народностей, русские же всегда попадают в область его слепого пятна. В этом смысле особенно важно, что в 2014 г. на растущее национальное самосознание русского большинства наложился и важный внешний фактор — национально-освободительная революция в соседней Украине. Эта революция, в которой ключевую роль сыграли украинские националисты, можно сказать, сошла со страниц монографии по истории национализма XIX в. Практически всё происходившее в январе–феврале 2014 г. в центре Киева — баррикады, кровавые уличные столкновения, «урожайные» на национальных героев-мучеников («Небесная сотня»), обилие патриотической риторики и национальных флагов, коллективное исполнение гимна на площадях, прямая демократия вооруженного народа, сражающегося против тирана-узурпатора, каким был президент Янукович в представлении революционеров, — всё это можно рассматривать как проявления национализма в самом что ни на есть классическом смысле этого слова. Украинские события в который раз доказывали, что хоронить национализм, как это пытались делать еще в нача-

ле 1980-х, было бы крайне преждевременно. Это же касается в первую очередь восточного соседа Украины, застрявшего в советском прошлом.

Как уже говорилось выше, национализм по своей сути миметичен и заразителен. Это значит, что вспышка украинского национализма не может не сказаться на развитии массового русского национализма, которое до сих пор блокировалось во имя институционализированной многонациональности. Первые признаки такого влияния уже налицо. Российское руководство, ссылаясь на необходимость защиты русскоязычного населения от украинских националистов, провело операцию по присоединению Крыма, что стало полной неожиданностью практически для всех аналитиков. Выступая перед Федеральным собранием 18 марта 2014 г. по случаю этого события, президент Путин провозгласил, что «на Украине не живут и будут жить миллионы русских людей, русскоязычных граждан, и Россия всегда будет защищать их интересы»¹⁸, противодействуя попыткам «лишить русских исторической памяти, а подчас и родного языка, сделать [их] объектом принудительной ассимиляции». В этой речи президент ясно дал понять, что Крым был присоединен к России потому, что там живет полтора миллиона русских: «Крым — это исконно русская земля, а Севастополь — русский город». Путин также подчеркнул, что после распада СССР «русский народ стал одним из самых больших, если не сказать, самым большим разделённым народом в мире». Раньше такие слова никогда не звучали из уст российских первых лиц. Кремлю едва ли не впервые пришлось заявить о существовании русской нации, которая не ограничивается обладателями российских паспортов и должна быть предметом особого попечения. Очень ве-

¹⁸ <http://www.kremlin.ru/news/20603>

роятно, что это не пройдет бесследно: в дальнейшем, пусть и вопреки желанию действующего руководства, аналогичный вопрос о правах и интересах русских будет поднят уже внутри самой России.

Хватило буквально пары месяцев триумфального шествия украинского национализма, чтобы руководство России, еще недавно действовавшее в парадигме советской многонациональности, стало выступать от имени русской нации. Подобным образом династия Романовых, в эпоху Александра II и ранее делавшая ставку на инациональные элиты и даже не помышлявшая о русификации Российской империи, после 1871 г., под влиянием триумфа немецкой национальной идеи — объединения Германии, была вынуждена приступить к реализации русского национального проекта. В нынешней ситуации российская власть разыгрывает «русскую карту» тоже под давлением обстоятельств: в современном мире национализму можно противопоставить только национализм. Впрочем, национализм, инспирированный национализмом соседа, никогда не бывает его точной копией. «Модуль» всегда адаптируется к местным условиям. В начале XIX в. немецкий национализм, как уже было сказано, возник как реакция на экспансивный французский национализм, но он отнюдь не стал таким же либеральным и республиканским. Наоборот, антифранцузская направленность заставляла немцев скептически оценивать французские порядки: многие немецкие интеллектуалы полагали, что «права человека прибыли в Германию в обозе захватчиков». Поэтому еще неизвестно, как украинская национальная революция отразится на русской национальной мобилизации и будет ли она происходить под такими же прозападными и демократическими лозунгами.

Работник одиннадцатого часа

В одной из евангельских притч рассказывается о хозяине, который с самого раннего утра и вплоть до одиннадцатого часа нанимал работников в свой виноградник. В конце рабочего дня он заплатил и тем, кто приступил к труду первыми, и тем, кто пришел в одиннадцатом часу, одинаковую плату. Об этой притче заставляет вспомнить история национальных движений двух последних столетий. Французы стали первыми трудиться на ниве национального строительства, в третьем часу к ним присоединились немцы, греки, итальянцы, венгры, в шестом часу «пробудились» западные славяне, финны. Часы истории тикали, и в разных регионах возникали всё новые волны национализма. Но в этом винограднике не могло быть опоздавших, и каждый получал одинаковое вознаграждение — национальное государство.

Возможно, русский национализм является работником одиннадцатого часа, и этот час еще не пробил. Россию до сих пор не захлестнула националистическая волна, поднявшаяся при распаде советской системы. Но кто знает, быть может, спустя десятилетия она всё же «докатится» и до нашей страны? Разве не слышен глухой рокот, сопровождающий ее приближение? Конечно, не стоит впадать в историцистскую самоуверенность: нельзя говорить о неких неумолимых исторических законах, которые будто бы делают неизбежной трансформацию России в русское национальное государство. И всё же такая трансформация представляется очень вероятной. Всякое ружье рано или поздно выстрелит. Бытие нацией до сих пор остается самой универсальной установкой политической жизни. Институционализированная многонациональность, напротив, — это уникальный советский реликт, не имеющий мировых аналогов. И не эта, так другая волна разобьет эту конструкцию вдребезги.

ПАВЕЛ СВЯТЕНКОВ

Три эссе по поводу украинской революции

1.

Нация до Нового времени явление редкое и к тому же мерзкое. Почему? Потому что в древности гражданская община равноправных (что и есть нация) могла существовать и обеспечивать свои права только за счет порабощения и эксплуатации других. Ибо для того, чтобы заниматься политикой, необходимо свободное время, «досуг». В древности позволить себе роскошь свободного времени могли только люди, на которых работали рабы или крепостные крестьяне.

Например, в Древней Спарте полноправные спартиады, именовавшие себя «гомеями» («равными»), имели возможность постоянно заниматься военной подготовкой и пользоваться гражданскими правами только потому, что на них работали государственные рабы (илоты). При этом элины не считали илотов рабами, поскольку полагали, что положение илота гораздо хуже, чем положение раба. И действительно, раб был всего лишь имуществом («говорящее орудие», по классификации Аристотеля). А на илотов спартанцы устраивали настоящую охоту как на диких зверей с целью держать в повиновении.

Древняя Спарта — «господская республика», по Гегелю. То есть государство с явным разделением на рабов и господ, в котором политическими правами могут пользоваться только господа, а труд рабов обеспечивает возможность пользоваться правами.

Другой, более распространенный вид нации в Античности и Средние

века — колониальная империя. Например, таковой были Афины, которые брали дань со своих «союзников» (фактически — колоний), а за счет нее могли содержать государственный аппарат и платить афинянам жалованье за исполнение государственных обязанностей. Например, в гелиэю (аналог коллегии присяжных, как утверждают многие) входило 6 тысяч человек, то есть большинство афинских граждан. При этом за членство в этом судебном органе выплачивалась зарплата.

Таким образом, граждане могли не работать: «Ах, отец мой, если б судьба не сидела на собранье, что б добыл ты нам на завтрак, нам на ужин», — говорится в классическом стихе того времени. Аналогичная ситуация была во многих других городах-государствах.

То есть нация до начала Нового времени — это всегда небольшой гражданский коллектив, который ради обеспечения своих политических прав порабощает других.

Только с наступлением Нового времени, благодаря развитию науки и техники, нация стала явлением прогрессивным. Просто потому, что уже не нужно порабощать людей, все делает «порабощенное» наукой «электричество».

Царь пользовался лифтом в Зимнем дворце. Но лифт с этажа на этаж поднимали «мужички», с помощью физической силы. А современный лифт — электрический. Тяговая сила людей ему не нужна.

Раз ушла в прошлое необходимость

в рабах, права постепенно удалось распространить на всё население современного государства, которое обычно и составляет нацию.

Проблема современной Украины в том, что там пытаются строить не современную нацию, а архаичную «господскую республику», в которой половина населения объявлена рабами, колорадами, илотами и недочеловеками, которых свидомитам очень приятно сжигать в рамках охоты на людей.

Естественно, единственный способ сокрушить «господскую республику» — восстание. Оно и происходит на Юго-Востоке. Точно так же приднестровцы восстали в свое время против диктата Мирчи Снегура, а Грузия развалилась на куски в правление Звиада Гамсахурдии.

Поэтому ничего удивительного в том, что национальное строительство на Украине терпит крах. Желаящий быть античным господином в эпоху электричества закономерно получает пулю в лоб. Ту самую, которую создали Новое время, Наука и Просвещение.

Именно они, а не «Путин» мстят сейчас свидомитам за тупость, подлость, хамство и желание иметь рабов.

2.

Накануне последних событий в Киеве тезис о том, что русского движения на Украине не существует, был банальным и общепринятым. «Бурлящий и пассионарный» Запад Украины противопоставлялся «сонному и апатичному» Юго-Востоку. Дескать, даже в Крыму и Севастополе не было пророссийских сил. Их действительно не было. Малочисленные и разрозненные русские организации — не в счет. Ни российское посольство, ни тем более руководство нашей страны не занималось и не интересовалось ими.

Тем не менее падение режима Януковича сразу же привело к активизации русского движения на Украине. Мы видим многотысячные митинги в Крыму и Севастополе, захваты мест-

ных администраций в Донецке и Луганске. Споры нет, Россия сделала многое для того, чтобы подобное могло свершиться. Но, нужно отдать должное, сделала при поддержке местных жителей. То есть русских.

Иначе говоря, украинские события недвусмысленно показали, что утверждения об апатичности и неспособности русских к национальной солидарности — миф. Русские были «апатичны», пока велась согласованная работа против нашего народа, которую осуществлял государственный аппарат «незалежной неньки», а также Партия регионов. Все представители русской общественности Украины согласованно жаловались на то, что ПР, как огромный бульжник, задавила всю пророссийскую активность.

Как только Майдан нанес удар по украинскому государству, оно покоилось. Одновременно рухнула опора режима «тряпичного» Януковича — Партия регионов. И сразу стало видно, что русская самоорганизация существует. Это очень важный теоретический вывод.

Можно выбросить на помойку рассуждения о том, что русские — невероятные индивидуалисты. Дескать, русских невозможно организовать. Сами разбегаются. Как тараканы. Выяснилось, что никаких проблем нет. Горстка активистов собрала в Севастополе огромный митинг. Сделаем оговорку: при поддержке России. Но ведь люди пришли сами, их не сгоняли силой.

Почему так произошло?

Потому что существовала группа активистов. И ей — о чудо! — не мешали. Дальше процесс оказался сродни образованию жемчужины.

Как известно, в тело моллюска попадает песчинка, дальше вокруг нее нарастает слой перламутра. Жемчужина готова!

Итак, русские способны быстро организовываться при совпадении нескольких условий:

1) отсутствие «свидомого» вмешательства, дезорганизирующего гражданскую активность;

2) наличие хотя бы небольшого «ядра» активистов;

3) наличие политической воли.

Если перевернуть известную формулу Ленина, получится, что гражданская активность возможна тогда, когда верхи могут, низы хотят и есть политический актив, способный связать первое и второе.

Иначе говоря, благодаря крымским событиям мы можем увидеть не выдуманные, а реальные недостатки русских, которых не хватает для серьезной гражданской активности.

Первый недостаток — отсутствие внятной структуры по отбору и выдвижению лидеров. Обычно лидеры сами назначают себя, по принципу «найди руководителя или стань руководителем». В случае с украинскими событиями на щит были подняты лидеры пусть слабых, но организаций.

Второй недостаток — отсутствие способности к сплочению вокруг лидеров. Обычно эта способность подается как нечто, имеющее отношение к армейской иерархии. Дескать, генерал приказал полковнику, тот — майору, тот — лейтенанту, а лейтенанты собрали солдат, так войско и выдвинулось.

На деле работает иной принцип — принцип сознательности. Это значит, что разные люди одновременно и независимо друг от друга принимают решение протестовать против «свидомой» власти. И протестуют. Для этого нужна не иерархия, а СМИ, играющие роль координатора процесса. Недаром Ленин говорил о том, что газета есть «коллективный организатор и пропагандист». Сегодня СМИ уже другие, но принцип тот же.

Наконец, третье немаловажное обстоятельство — неспособность обеспечить хотя бы нейтралитет силовых структур. Это минимум. Украинские войска в Крыму не выступили против сторонников референдума. А россий-

ские войска (допустим, они были — так, для конспирологии) и вовсе поддержали восставших.

Решение этих трех проблем в ходе крымского кризиса во многом было обеспечено помощью российской центральной власти. Поэтому совершенно ясно, что как только российское государство станет учитывать интересы русских внутри страны, проблемы с «индивидуализмом» попросту исчезнут.

Никакого русского индивидуализма на самом деле нет. Есть просто долгосрочный конфликт между русскими и государством. Как только он уйдет в прошлое, что рано или поздно произойдет, проблемы русского гражданского общества, сегодня кажущиеся неразрешимыми, уйдут в прошлое.

3.

Генеральная ассамблея ООН признала незаконным референдум о присоединении Крыма к России. За это решение проголосовали 100 стран — участниц ООН. Какие последствия будет иметь эта резолюция? Да никаких. Почему? Потому что обязательную силу имеют только решения Совета Безопасности ООН, а в Совбезе Россия обладает правом вето.

Вообще, принято считать, что существуют международное право, международные институты. Наивные люди думают, что без них — никуда. Но на деле существующая международная система лишь узаконивает власть великих держав. Принято считать, что ООН — нечто новое в мировой истории. Дескать, только после Второй мировой войны возникла справедливая система.

На деле же это не так. Принято ругать Лигу Наций, которая венчала собой систему международных отношений между Первой и Второй мировыми войнами. Дескать, и такая она, и ская, и вся неправильная. Однако если изучить, как была устроена Лига Наций, вы будете долго смеяться — от-

личный от нынешней ООН не было никаких.

Вместо Генеральной ассамблеи ООН была Ассамблея Лиги Наций, вместо Совета Безопасности ООН — Совет Лиги Наций. Совет Лиги Наций включал в себя четыре великие державы — Великобританию, Францию, Италию и Японию. Сегодня список великих другой: США, Россия, Великобритания, Франция и Китай. Вот и все отличия.

Иначе говоря, международная система не может быть другой. Почему? Потому что любое реальное решение ООН должно быть подкреплено силой. А сила есть только у великих держав, так уж исторически сложилось.

И в XIX веке была та же ситуация. Созданный по предложению России Священный союз играл роль европейской ООН, примиряя конфликты в Европе. До Крымской войны 1854–1855 гг. эта организация справлялась со своими обязанностями. В Европе был мир. Распад Священного союза привел к череде европейских войн, которая завершилась разгромом Франции в 1871 году. Затем возник аналог Священного союза — Союз трех императоров (Германия, Россия, Австро-Венгрия). Эта комбинация опять дала мир Европе, который прервался с Первой мировой войной...

Иначе говоря, международная система всегда работает как союз великих держав или, во всяком случае, как их консенсус, который препятствует войнам благодаря равновесию сил между великими. Если равновесие нарушается, начинаются конфликты.

Россия после 1991 года оказалась в странной ситуации. С одной стороны, мы сохранили статус великой державы, чему порукой — ядерные силы и место в Совбезе ООН. А с другой стороны, Россия оказалась выключена из «концерта держав», как это называли в Европе XIX столетия.

То есть Россию приняли в «Большую восьмерку» (которая, впрочем, продолжала встречаться в формате

«семерки»), но с условием: наша страна была обязана отказаться от национальных интересов и во всем следовать курсу Запада.

Западные дипломаты говорили: «У Москвы нет права вето на расширение НАТО. У Кремля нет права вето на размещение американской ПРО у российских границ». Иначе говоря, несмотря на то что у России было право вето в Совете Безопасности ООН, России реально в этом праве отказывали, вынося принятие решений на другие площадки. Например, в Совет НАТО, в котором Россия не присутствует.

Для нашей страны создавались всякие эрзацы. Например, консультативный Совет Россия — НАТО. Предполагалось, что эта структура должна обеспечивать взаимодействие России и Запада и согласование позиций в экстренных ситуациях. Однако в ходе грузино-российской войны 2008 года Запад приостановил работу Совета для оказания давления на Россию. Сегодня, в ходе крымского кризиса, он точно так же приостановил работу «Большой восьмерки».

То есть с точки зрения конструкции международных отношений существует важный системный конфликт: Запад пытается господствовать над миром. Но при этом у него не хватает ни сил, ни желания, чтобы закрепить это господство, создав новую ООН. Почему? Потому что он понимает, что за пределами такой организации окажутся Китай, Индия, Россия... Короче говоря, множество крупных стран.

Никто такой миропорядок не признает, и возникнет ситуация, похожая на ту, что была вокруг Лиги Наций. В последнюю не входили США, из нее исключили СССР. И это плохо для Лиги кончилось, потому что возник вопрос: кого она представляет — Англию и Францию? Слишком мало, чтобы претендовать на управление миром.

Короче говоря, вопрос в том, что система международных отношений в том виде, в каком она существовала по-

сле Второй мировой войны, явно развалилась, хотя формально существует. Но никакая новая не возникла. НАТО в качестве новой ООН никем не признано. Никаких инструментов для воздействия на ситуацию нет. США когда хотят, выполняют резолюции ООН, когда не хотят — не делают этого.

Американские дипломаты в свое время сформулировали курс США в отношении Европы: нужно держать Россию вовне, США — внутри (Европы), а Германию — под контролем. То же самое можно сказать и про международные дела. Россию стремились держать «вне» центров принятия решений.

Больше так продолжаться не может. Международная система должна быть реформирована таким образом, чтобы голос России звучал не только в ООН.

Россия не может постоянно находиться вне реальной системы принятия

решений Западом. Прежде всего потому, что это может затрагивать наши национальные интересы, как в случае с Крымом и Украиной.

Как новая система может быть оформлена — вопрос. Быть может, следует реанимировать ОБСЕ, созданную по предложению СССР, в качестве общеевропейской ООН, создать в ее рамках Совет Безопасности и включить в него не только США, Россию, Францию и Британию, но и Италию, Испанию и Польшу — для того чтобы поддерживать равновесие сил в этой части света.

Неравноправное положение, в котором оказалась Россия после 1991 года, должно быть преодолено, а Россия должна занять по праву принадлежащее ей место великой державы. Иначе долговременный мир и стабильное функционирование мирового порядка попросту невозможны.

Севастьянову — 60!

Александр Никитич Севастьянов — живой классик русской национальной мысли, проложивший для неё в 90-е годы новые пути и продолжающий и сегодня развивать поразительную интеллектуальную активность.

Редакция и редколлегия «Вопросов национализма» сердечно поздравляет Александра Никитича, члена редколлегии с момента основания журнала и его постоянного автора, со славным юбилеем и желает ему крепкого здоровья и новых творческих свершений!

Сергей Бирюков

Антиколониальный выбор Юго-Востока

Драматическое развитие событий вокруг Славянска и Краматорска, а именно начатая утром 2 мая официальным Киевом новая фаза «антитеррористической» операции с использованием вооруженных сил и парамилитарных формирований — с особой остротой ставит в повестку дня вопрос о дальнейшей судьбе Украины как все еще единого государства. Однако по-настоящему переломным моментом стало произошедшее в тот же день убийство десятков одесских ополченцев в местном Доме профсоюзов привезенными в Одессу футбольными «ультрас» и специально подготовленными штурмовиками «Правого сектора». После этого морально-психологический и политический Рубикон оказался переижден. Референдумы о самоопределении, состоявшиеся 11 мая в Донецке и Луганске, лишь политически оформили качественно новую политическую ситуацию. Главное, что волнует сегодня многих, — существует ли реальная возможность относительно мирного выхода из созданного киевскими правителями политического тупика, который привел к многочисленным рецидивам гражданской войны? И насколько глубок раскол между различными историческими частями и регионами Украины?

Евромайдан, изначально заявленный как массовое движение против коррумпированной и непопулярной власти Виктора Януковича, на деле являлся продуктом альянса галичанских радикалов и киевской проевропейской

либеральной интеллигенции. Последний изначально оказался «заточен» против русофонного Юго-Востока, вплоть до последнего сохранявшего лояльность к неоднократно разочаровавшей его прежней украинской власти, которая систематически не выполняла свои предвыборные обещания и торговала интересами населения региона.

При этом союз Львова и Киева во время «активной фазы» Евромайдана имел сугубо тактический характер — ибо галичанский мессианизм, в отличие от «проевропейских» амбиций киевской элиты и интеллигенции, является самодостаточным и во многом достигшим своих целей. Галицкий субэтнос в рамках трех известных областей за Збручем на сегодня вполне оформился в самостоятельную политическую нацию со своими героями и символами и ощущает свой европейский «выбор» свершившимся и бесповоротным. В то же время многочисленные прозападно ориентированные (русскоязычные в своем большинстве) киевляне существуют как довольно аморфное политическое сообщество, которому еще только предстоит распространить свое влияние на остальную Украину.

Последнее не мешает современному Киеву претендовать на общеукраинскую миссию, связанную с последовательной европеизацией всей Украины. Однако, вступив в глубокий мировоззренческий и идеологический конфликт с Юго-Востоком, он рискует его потерять в уже обозримой перспекти-

ве; ведущаяся сегодня военная операция против городов Донбасса — скорее свидетельство неспособности Киева предложить региону любой нормальный вариант интеграции. В этом случае он останется наедине с деиндустриализированной и полуаграрной Украиной — однако на базе ее ограниченного ресурсного потенциала построить современную конкурентноспособную нацию весьма проблематично, а вот стать страной третьего мира — вполне реально, вопреки надеждам тех, кто рассчитывает провести модернизацию без Крыма и Донбасса¹. Перемещение амбициозного Киева на геополитическую «периферию» в этом случае практически неизбежно — что вызывает настоящее смятение в умах его политически активного слоя.

Таким образом, в украинской политике после победы Евромайдана сложился вполне определенный колониальный дискурс в отношении Юго-Востока страны — что предполагает его идеологическое, политическое и социально-экономическое подчинение и «переделку» под новые стандарты. Только если для киевского политикума подобная переделка означает преобразование Юго-Востока по канонам «европейской политической нации», то для Галичины — его последовательную «украинизацию» по галицким идеологическим стандартам. Подобный «внутренний колониализм», складывающийся в современной Украине, в качестве политической стратегии де-факто реализовался в большинстве постсоветских государств, где русские одновременно превратились в меньшинство, лишенное политической и иной субъектности. С позиций логики колониального дискурса вполне объяснима ситуация, когда либеральный киевский политбомонд готов

не замечать проявления самого брутального и архаического национализма — если они исходят от представителей Центральной и Западной Украины; при этом политически «сознательные» киевляне готовы одобрить подавление любых попыток Юго-Востока Украины отстаивать свое исторически сложившееся самосознание и ценности. Ибо такое подавление — главное условие дальнейшего государственного строительства в глазах многих сторонников Евромайдана.

Поэтому столь пугающей для киевской элиты и «культурного слоя» выглядит ситуация, связанная с внезапным пассионарным подъемом Юго-Востока и его отказом от прежней лояльности столице. Последний дольше других регионов Украины оставался носителем советской индустриальной городской культуры (пусть и изрядно маргинализированной) и одновременно подвергался «мягкой» украинизации, которую проводили на местах представители все той же Партии регионов. Юго-Восток, жителям которого в течение 23 лет украинской независимости внушалось сознание собственной вторичности, неполноценной «украинскости», внезапно заявил о наличии у него собственной идентичности, которая очевидно не вписывается в рамки модели украинской мононации на основе галицких (по большей части) ценностей и символов. В сознании немалого числа жителей этого региона в ответ на Евромайдан активно возрождаются контуры «Новороссии» как самостоятельного проекта, основанного на уникальном синтезе нескольких национальных культур.

Победа Евромайдана и последовавшие за ней события, и прежде всего «свежие» драмы Славянска, Краматорска и Одессы подтвердили тот факт, что «Украинской ССР» больше нет — а Украина в ее нынешнем политическом формате не в состоянии удерживать в своем составе столь различающиеся по своим культурным особенностям и

¹ Романенко Ю. Что Украина выигрывает от ухода Донбасса // <http://hvylyia.org/analytics/politics/chto-ukraina-vyiigraet-ot-uhoda-donbassa.html>

устремлениям регионы. Сломал тонкий механизм согласования интересов различных территориальных кластеров Украины и продвигая с помощью системного террора культурную и политико-идеологическую унификацию, триумфаторы Евромайдана не оставили Юго-Востоку выбора — за исключением активного сопротивления. Майская трагедия Одессы продемонстрировала это самым наглядным образом. Ибо бесконечно давить несогласных танками и закидывать их бутылками с зажигательной смесью очевидно не удастся. Своё лицо «Правый сектор» показал не только одесситам, но и жителям Харькова, Днепропетровска, других городов Востока и Юга. И ответ последних, как представляется, остается лишь вопросом времени.

Складывающийся расклад лучше всех поняли львовско-галицкие интеллектуалы, которые уже готовы идти в Европу маленьким компактным государством из нескольких областей. Уроженец Львова Тарас Чорновил, неоднократно за последние годы менявший свой «партийную» прописку, в своем блоге глубоко сожалеет о «фактически состоявшейся» утрате Украиной Донецка и Луганска. И в то же время — пытается повлиять на мятежные регионы «пряником», утверждая, что именно Юго-Восток прежде всего выиграл бы от евроинтеграции... именно в силу своей «глубокой отсталости» от «общедемократических стандартов»². И посему — у жителей Юго-Востока нет другого выбора, помимо сдачи на милость «прогрессоров».

Наиболее патетично свой взгляд на происходящее на Донбассе сформулировал известный львовский политический обозреватель Остап Дроздов. Последний не готов более жертво-

вать «соборным единством» и «гомогенностью» Украины ради удержания Юго-Востока. В случае же неприятия Юго-Востоком родившейся на Майдане «новой» украинской идентичности Дроздов согласен на его отделение от Украины: «Украине придется выбирать, кого терять. Ну, или есть другой выход, который называется “синергетический эффект”. Из глубочайшего кризиса государственности Украина выползет только тогда, когда Восток и Запад скинутся своей энергией. Сейчас слово за Востоком — захочет ли он быть Украиной в широком смысле слова. Это будет его окончательное слово, от которого зависит дальнейшая судьба Запада. Присоединится к новому проекту Украины Запада — добро пожаловать. Не присоединится — ну так поплачем, потужим и вздохнем с облегчением»³.

Однако наибольший культурный шок испытывает в сложившейся ситуации киевская интеллектуальная элита и номинально проевропейская либеральная интеллигенция. Опасаясь утраты своей «исторической» миссии и неизбежно вытекающей из нее смысловой фрустрации, она обрушивает гнев и ненависть на «варварскую» Россию и поднявшийся Юго-Восток, все теснее смыкаясь в этом выборе с откровенными праворадикалами и нацистами. Выступления депутатов, бесчисленных «деятели культуры», популярных журналистов и шоуменов исполнены первобытно-пещерной ненависти к оппонентам, они переполнены призывами беспощадно карать любое проявление инакомыслия и инакодействия. В социальных сетях с участием вполне уважаемых русскоязычных киевлян в отношении жителей Юго-Востока регулярно употребляются термины типа «совки», «колорады», «ватники» и даже «существа». Харак-

² Чорновил Т. Давайте не будемо брехати самі собі // <http://ua.korrespondent.net/ukraine/politics/3348476-donetska-i-luhanska-oblasti-vzhe-vtracheni-dlia-ukrainy-chornovil>

³ Дроздов О. Западная Украина — на выход // <http://www.alternatio.org/articles/articles/item/20827>

терно, что в своем стремлении к подавлению юго-восточной антимайданной «Вандеи» некогда считавшиеся либералами киевские «культуртрегеры» и «менторы» Майдана становятся все ближе к национал-радикалам из ВО «Свобода» и идеологам «Правого сектора».

Либеральная и национал-демократическая стадии украинской «революции» на сегодня успешно пройдены, и идейные приверженцы Майдана все более переходят на радикальные позиции, будучи морально готовыми бороться за единство страны практически любыми средствами. И именно либеральная киевская интеллигенция, активно поддерживавшая Евромайдан и последовавшие за ним события, из опасения неизбежного когнитивного диссонанса и вытекающей из него фрустрации, горячо приветствует действия киевских властей на Юго-Востоке Украины, невзирая на террор со стороны неконституционных парамилитарных структур и жертвы среди мирного населения.

Надежды на сохранение единства Украины до последнего момента связывались многими с федералистским проектом. Так, видный представитель федералистского движения Украины киевлянин Михаил Павлив вплоть до последних событий активно отстаивал тезис о том, что без пассионарных энергий и потенциала Юго-Востока у Украины не получится никакого динамичного развития и движения в Европу. Для этого, согласно Павливу, остальной Украине нужно было позволить Юго-Востоку быть «не Украиной» — то есть сохранить свои языковые особенности и культурно-цивилизационную идентичность, основанную на органичном синтезе русской и украинской культур⁴.

⁴ См.: Харьков станет столицей новой украинской автономии // <http://politobzor.net/show-12925-harkov-stanet-stolicey-novoy-ukrainskoy-avtonomii.html>

В свою очередь, еще до майских событий в Одессе, Славянске и Мариуполе киевский политолог Алексей Блюминов высказал мнение о том, что сегодня у Украины существует выбор между тем, чтобы стать, условно говоря, Польшей или Бельгией — то есть выбрать модель унитарного государства с жесткой политикой унификации (какой была Польша 1918–1939 годов) либо многонациональной толерантной страной с федеративным устройством (по типу современной Бельгии). По мнению Блюминова, у нынешних властей в Киеве вплоть до последнего момента оставался шанс найти конструктивный выход из сложившейся ситуации путем перехода к согласованной с различными политическими силами и регионами страны глубокой конституционной реформе⁵.

Однако события 2 мая в Славянске, Краматорске и Одессе сделали ситуацию практически необратимой. Многие прежние приверженцы украинского единства фактически отказали этому проекту в жизнеспособности. Действительно, захотят ли одесситы после всего произошедшего жить в Украине, лицо которой будут определять Олег Тягнибок, Ирина Фарион и Дмитро Ярош?

Поэтому борьба, которую ведут сегодня Донецк, Луганск и Одесса, является по сути антиколониальной борьбой против галицких «украинизаторов», киевских «прогрессоров», днепрпетровского олигархического клана и других носителей колониального дискурса внутри Украины. Это борьба не только за свое видение политического будущего Украины, но прежде всего — за сохранение своей «русофонной» идентичности, за свой статус как части «Русского мира». Она заслуживает поддержки самого широкого спектра приверженных антиколониальному дискурсу политических сил как на постсоветском пространстве,

⁵ <https://www.facebook.com/bluminov>

так и на международной арене. Ибо референдум, прошедший 11 мая в Донецке и Луганске, — лишь начальная стадия масштабного трансформационного процесса, который способен превратить два этих региона в исходную точку политической стабилизации, и не только в пределах Украины.

Помимо этого, современный подъем Юго-Востока — первый на постсоветском пространстве масштабный вызов системной русофобии как составляющей политики многих из числа постсоветских государств. Успех движения способен преобразовать не только кризисную Украину, но и ситуацию

в пространстве «Русского мира» в целом. Сумеет ли Юго-Восток Украины отстоять себя и сможет ли Россия, претендующая сегодня на роль лидера «Русского мира», противостоять реализуемым сегодня деструктивным стратегиям и оказать поддержку региону без вовлечения в масштабный военный конфликт — покажет уже ближайшее время. Точка бифуркации уже пройдена, и альтернативой дальнейшей политической самоорганизации регионов Юго-Востока являются только гражданская война и перманентный хаос на Украине. И счет в этом процессе идет уже на недели и дни.

**Сайт журнала
«ВОПРОСЫ НАЦИОНАЛИЗМА»:
<http://vnatio.org/>**

На сайте:

- Выпуски предыдущих номеров журнала, избранные статьи
 - Анонсы новых материалов
 - Интервью с авторами, статьи и рецензии
 - Ориентировка для читателя: где приобрести новые выпуски журнала
- Кроме того:

- Новостная лента, ориентированная на читателя, интересующегося национальным вопросом в России и русским движением
- Библиотечка «ВН»: книги наших авторов
- Сообщество читателей журнала
- Путеводитель по Сети: коллекция ссылок на ресурсы русского движения и мировые националистические ресурсы

ОЛЕГ НЕМЕНСКИЙ

МОДЕЛИ ЮЖНОРУССКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ НА УКРАИНЕ

Электоральная география Украины приобрела столь устойчивые границы, что они уже стали частью самосознания жителей двух частей страны. Можно говорить о формировании двух политических протонаций — условно западно- и восточнорусских. Более того, степень их различия столь высока, что любые проекты по федерализации государства наталкиваются на убежденность властей в их губительности для страны. Почти никто не верит, что федеративная Украина сможет сохранить своё единство. Залогом существования государства видится унитарная модель как блокирующая политические проявления регионального своеобразия. И эти опасения небезосновательны — очень уж различны две части страны.

Все последние годы Украина существует благодаря действию политического маятника Восток–Запад. Как в системах демократии разные партии уживаются друг с другом, потому что имеют шансы на победу в результате очередных выборов, так и здесь две половины государства принимали возможность сосуществования именно потому, что к власти приходили то восточные, то западные представители. И всё же этот маятник постепенно раскачивался — система оказалась нестабильной.

Сохранение единства такого государственного образования возможно только при двух условиях — внутреннем и внешнем. Внутреннее условие: власть, от какой бы части страны она ни была бы избрана, должна позицио-

нировать себя не как представителя своей «половины», а как выразителя интересов всего населения, и действительно стремиться к удовлетворению запросов другой половины народа. Внешнее условие заключается в ситуации геополитической неопределённости, когда государство может занимать промежуточное положение между основными центрами силы и балансировать на их противоречиях, проводя многовекторную политику. Оба условия очень хрупкие: первое зависит от доброй воли и сообразительности пришедших к власти людей, второе от международной обстановки, которая склонна к изменениям.

В 2014 г. произошло крушение обоих условий существования единой Украины. К власти пришли люди, не намеренные считаться со своеобразием другой части страны и открыто заявляющие о своём желании подавлять её волю. Но сам их настрой не случаен, а вызван изменением внешних условий. Ещё с конца 2009 г. Россия стала круто разворачивать свою внешнюю политику с ориентации на сближение с Западом и создания с ним «общих пространств» — на интеграционные проекты на постсоветском пространстве, реставрацию старых связей и формирование самостоятельного центра силы в «многополярном мире». В то же время Европа в своём расширении подошла к решению вопросов о форме участия в этом процессе Украины. Привязка украинского рынка к ЕС оказалась очень актуальной задачей и в свете американских инициатив по

новому уровню трансатлантического сближения.

Участие сразу в двух проектах интеграции невозможно, но и попытки сохранить промежуточное положение оказались безуспешны. Запад поставил перед Украиной требование чёткого самоопределения. Киев утратил условия для проведения многовекторной политики, а к власти пришли люди с однозначной геополитической ориентацией. А она вынуждает разрушить систему мягкого сосуществования двух частей страны: теперь Юго-Восток должен быть политически подавлен, и его голос не должен влиять на политику государства. Однако привести в такое «овощное» состояние половину страны представляется просто нереалистичной задачей.

Так Украина подошла к крайней черте своего существования: все условия для сохранения её единства нарушены, и теперь для него есть только один вид аргументации — силовой. Вопрос состоит в том, какие регионы удастся сломить, а какие сумеют воспротивиться и добиться самоопределения через отделение от Украины. Удержать весь Юго-Восток Киеву не под силу, да и не надо: полного преобладания западного вектора можно достичь только через радикальные изменения в соотношении электорального веса двух частей страны. Несомненно, что отпадение Крыма никак не входило в планы ни новой киевской власти, ни её западных покровителей. Но вот отпадение двух восточных областей — это тот идеальный для них вариант, при котором геополитический выбор становится гарантированным, ставя юго-восточное население в положение меньшинства, а отношения с Россией в статус враждебных. Однако велика опасность потери и всего Юго-Востока — тогда Украина станет сравнительно небольшим, экономически слабым и малозначимым для международного расклада сил государством.

Залог успеха радикально прозапад-

ного Киева — в пассивности населения «неправильной» половины страны. И есть все основания рассчитывать на это. Две половины Украины совсем не равны. Сила прозападной части страны в том, что именно она — собственно и есть Украина в том смысле этого слова, который заложен в идеологии украинства. Здесь широко распространено употребление украинского языка и абсолютно господствует украинское самосознание. Здесь есть националистически настроенные элиты и национально-сознательное население. И они агрессивно относятся к Юго-Востоку, так как единственный залог долговременного выживания Украины — это его полноценная украинизация, то есть скорейшее уничтожение его культурного своеобразия.

А вот сам Юго-Восток — это что-то вроде недо-Украины. Здесь нет своего особого самосознания, нет национального мышления, местных патриотических элит. Это просто территории, недостаточно вовлечённые в дело строительства единой украинской нации. Большинство их населения считает себя украинцами — это привычка, привитая здесь ещё советской национальной политикой. Однако они плохо знают украинский, предпочитают говорить на русском языке, плюс проявляют откровенную неприязнь к выходцам из наиболее украинизированного региона страны — Галичины. Они не являются «другой национальностью» и не предлагают ничего взамен. Это области, заселённые денационализированными русскоязычными славянами.

Отсутствие своей идентичности, своего политического проекта Юго-Восточной Украины очень заметно и на символическом уровне: например, галичанин-униат надевает на праздник патриотические шаровары и говорит, что он — казацкого рода, и это никому уже не кажется странным. Хотя казаки были православными воинами, боровшимися с унией, и жили на совершенно других землях — тех, которые в наши

дни русскоязычны и положительно настроены к России. Но даже когда кандидат последних побеждает на выборах, идеологически продолжает господство тот же самый ряженый галичанин. Украинская власть неизбежно имеет антироссийский и антирусский характер, так как такова структура её идентичности, таковы свойства идеологии украинства, такова задача всего политического проекта независимой Украины.

На Украине нет межнационального или межэтнического конфликта. Она разделена не между «русскими» и «украинцами», а между теми, кто обрёл национальное самосознание, и теми, кто ещё нет. На Юго-Востоке просто нет никакой идеи своей самости, даже на региональном уровне. Однако растёт неприятие государственной идеологии. Украинство стало всё более ассоциироваться с «бандеровцами», «фашизмом», насилием и жестокостью, «рагулями», униатами и т.д. То есть со всем тем, что составляет уже прочно сложившийся имидж Галичины. В связи с этим привычное украинское самосознание становится всё более некомфортным. Долговременная пропаганда образа галичанина как настоящего украинца убеждает людей в том, что они не совсем украинцы. И с этим не поспоришь — ведь именно галичане украиноязычны.

Более того, украинская идентичность теперь не просто ставится под сомнение, она иногда и отвергается. Показательны события на Донбассе: здесь по переписям и советского, и постсоветского времени фиксировалось абсолютное украинское большинство. Даже в оплоте сопротивления — городе Славянске украинцев насчитывалось более 73%. Однако люди здесь вышли на улицы с демонстрацией своего русского самосознания. «Мы русские!» стало основной идеей для восставших донбассовцев, а налёт советской номинационной «национальности» сошёл быстро и почти

бесследно. Провозглашению суверенитета здесь предшествовал массовый отказ от украинской идентичности, стихийная ре-русификация и следующий из этого запрос на воссоединение с Россией.

Однако думается, что такая ситуация вряд ли может стать моделью для всего остального Юго-Востока. Донбасс в основном пролетарский, а в этой среде изменения этнонационального самосознания проходят легче, чем в более связанных с традицией слоях общества. Кроме того, это всё же довольно маленький регион — две области, и, отделяясь, он не претендует на создание долговременного государственного проекта. То, что за провозглашением независимости сразу последовала просьба к России о присоединении — вполне естественно. Это тот сценарий, который может быть реализован в двух приграничных областях, но вряд ли на всём Юго-Востоке.

Главная проблема этой части страны — в отсутствии какой-либо идеологии самости, на основе которой мог бы быть построен местный политический проект. Жителям Восточной Украины нечего противопоставить украинству. Они выходят на улицы против украинства, но предпочитают говорить о «фашизме», потому что заявить другую идентичность не могут. Однако всё более ошутим запрос на иной национальный проект, чем украинство. Проект, который имел бы другой интеграционный вектор и не противопоставлял бы русских украинцам, а наоборот, мог бы играть консолидирующую функцию.

Десять лет назад, во время Оранжевой революции, я опубликовал статью «Недоукраинцы или новый народ»¹, которая ставила задачи создания особого национального проекта для Юго-Восточной Украины: «Существование столь своеобразного региона с “русскоязычными нерусскими и неукра-

¹ Русский журнал. Декабрь 2004. URL: http://old.russ.ru/culture/20041229_nem.html

инцами», с сильной и неразрушенной промышленностью, со все более определенными геополитическими, культурными и экономическими предпочтениями, носящими совершенно неприемлемый для галичан характер, требует придания ему собственной политической формы, институтов скоординированной защиты местных интересов. Потребность в ней объективная — и она уже выразилась в проектах автономизации, но ей недостает самого главного — субъективного фактора, то есть того комплекса идей, который обосновывал бы её существование и целостность, и того имени, с которым её жители могли бы себя ассоциировать. Без этого субъективного фундамента никакие объективные предпосылки и потребности не создадут целостного геополитического и культурного организма, способного к формулированию и отстаиванию своих интересов».

Тогда, в 2004-м, я призывал интеллектуалов и государственные структуры к работе по созданию такого проекта, однако за прошедшие годы было сделано слишком мало. При этом потребность в нём не только не отпала, но стала ещё более насущной. Нынешняя Юго-Восточная Украина — это пространство для экспериментального нациостроительства, и именно в его успехе залог её выживания. Необходимо идеологически вооружить ту часть граждан Украины, которые не могут принять настоящего украинства даже в условиях гражданской войны.

Вопрос о политическом самоопределении — это вопрос применения технологий нациостроительства. Национализм технологичен, он предлагает для этого все необходимые инструменты по конструированию новой социально-политической общности. При этом он должен быть востребован самим населением: выражать местное своеобразие и обосновывать мотивации для политической деятельности, сообразной с запросом большин-

ства. Полагаю, что особый национальный проект для недоукраинизированной части Украины должен совмещать два аспекта: принятие русского самосознания как общего для всех восточных славян поверх политических границ и осознание историко-культурной самостоятельности своего региона.

По формальным признакам «национальности» народ здесь разделён на «украинцев» и «русских», однако на самом деле между ними нет никакой этнокультурной границы, это не более чем фиктивное наследие советской национальной политики. И всё же с этим фактом самосознания надо считаться. Новая национальная идентичность должна выполнять две важнейшие функции: строить внешнюю границу сообщества с украинцами как с иной нацией и одновременно консолидировать население на основе общей идентичности. Такое объединение возможно только через отказ от украинского самосознания, и мы имели возможность убедиться в том, что к этому уже есть психологическая готовность. Но простой смены его на русскую идентичность вряд ли стоит ожидать, это можно признать сложноосуществимым сценарием. В наше время русское самосознание всё же очень москвоцентрично и мало отражает региональное своеобразие, тем более на Украине.

В последнее время на Юго-Востоке активно шёл процесс формирования особой «русскоязычной» идентичности. Это был компромиссный вариант осознания себя украинцем, но именно русскоязычным. Отмирание формальной советской национальности, не имеющей каких-либо реальных оснований в жизни, сопровождается повышением роли языка как идентитарного фактора. Однако такое самосознание можно считать компромиссным, а потому временным: оно является переходным от сомнения в своей украинскости к обретению новой идентичности. Двадцать лет назад местное население,

в основном признавая себя по переписи украинцами, относилось к своему русскоязычию очень спокойно, по принципу «ну, так получилось, мне так удобнее». Теперь же русскоязычие становится символом его самосознания, маркером местной идентичности. Современный Юго-Восток с каждым годом всё менее склонен принимать украинизацию, чем раньше. Украинским политикам всё сложнее что-либо заявлять от имени «всех украинцев», так как общеукраинского «мы» уже почти не существует.

Однако понимание того, что ты не совсем украинец (скоро настоящие украинцы — это галичане), ещё не означает готовности признать себя «москалём». Русская идентичность должна идти вкуче с особым региональным самосознанием, которое может играть роль основного. Именно переключение на него позволит и объединить тех, кто привык считать себя «украинцами», с теми, кто по-прежнему придерживается русского самосознания (а это миллионы граждан Украины), и одновременно дать основания для местного патриотизма и осознания своей самости.

Такая модель самосознания не является чем-то новым и сложным, наоборот, её можно считать традиционной. Однако в числе современных национальных идеологий у восточных славян на ней основывается только одна — русинская, да и то не все её направления². Русинство уникально тем, что в наши дни представляет собой чуть ли не единственное сознательное национальное движение у восточных славян, которое одновременно и акцентирует местные исторические и этнографические особенности, и при этом признаёт свою изначальную русскость.

Вообще, я бы предложил следующую

² См.: *Неменский О.Б.* Восточнославянский этнический сепаратизм: Русины и казаки // Актуальные проблемы Европы. Сб. науч. трудов ИНИОН РАН. М., 2009. № 3. Сепаратизм в современной Европе.

типизацию восточнославянских национальных проектов — их можно разделить на три типа на основе критерия отношения к русской идентичности:

1) общерусский проект национального единства всех восточных славян (панрусизм);

2) внерусские национальные проекты, отрицающие русскую идентичность в прошлом и настоящем. Здесь можно упомянуть, помимо украинства (постулирующего вынужденный отказ от русскости), различные вариации «кривичского» национального проекта в Белоруссии (как отрицающих причастность к русскости вообще когда-либо в прошлом и настоящем), схожее с ними казакство, а также россиянство в РФ. Этот тип является господствующим для современных государственных образований на Русской земле. Менее явно он выражен в Белоруссии, но и там всё более укореняется экзо-этническое восприятие русскости;

3) субрусский, включительно-русский тип. Таковыми могли бы стать великорусский, белорусский и малорусский проекты, если бы не их сознательная маргинализация. Этот тип отчасти сочетается с первым, так как сохраняет общерусское самосознание, выводя его, правда, за пределы конкретики строительства национальных государственных институтов. На деле он, будучи мейнстримом национальной мысли у восточных славян в XIX в., в XX в. и сейчас оказался сознательно оттеснён от информационного поля и ныне в политике почти не представлен. Однако он заявлен в русинском проекте, а также всё более пробивает себе дорогу в Юго-Восточной Украине.

Закарпатское русинство принципиально отличается от украинства тем, что строится на основании старой русофильской традиции местной мысли. Благодаря этому оно, хотя и заявляет русинов как «четвёртый восточнославянский народ», всё же не склонно к такому противопоставлению себя

русским, как это делается в украинстве. Благодаря этому русинский проект не связан с русофобией. Наоборот, основные деятели русинского возрождения в Закарпатской области Украины настаивают на своей принадлежности к русской общности. Как говорит один из лидеров закарпатского русинства о. Димитрий Сидор: «Русины сохранили именно то, что современные украинцы почти безвозвратно потеряли при помощи унии и экспериментов австрийской этнолаборатории на Галичине, где удалось создать новый этнос-гибрид, ненавидящий все русское. Подкарпатские русины русскость сохранили»³.

Русинство даёт нам пример современной актуализации трёхчленной формы этнической идентичности, где помимо самого общего — славянского — уровня, учитывается также русская идентичность и особое местное самосознание. Признание возможности множественной идентичности по линии вертикальной групповой иерархии даёт основания для создания неантирусского национального проекта для Юго-Востока Украины.

Именно по этому пути шло осознание местного своеобразия и формирование ранней национальной идеологии в первой половине — середине XIX в. Движение украинофильства, как оно стало тогда называться, теперь обыкновенно вспоминают лишь как начало украинства, его ранний этап. Однако это неверно⁴. Наоборот, есть все основания рассматривать украинство как прямо противоположную ему идеологию, сумевшую заменить и загубить прежнюю линию развития.

³ Сидор Д. Притеснянская (Подкарпатская) Русь — чудом уцелевший осколок Святой ПраРуси // Русин: Международный исторический журнал. 2005. № 2. С. 126–127.

⁴ См. об этом: *Неменский О.Б.* «Чтобы быть Руси без Руси»: Украинство как национальный проект // Вопросы национализма. 2011. № 1 (5).

Важнейшее свойство украинофильства в том, что оно настаивало на «двухсоставной русскости», то есть выделении украинской культурной традиции как особого направления в русской общности. Его идеологи никогда не отказывали Украине в русской идентичности и в общности с остальным русским народом. Понятие об «украинском» употреблялось рядом с такими как «южнорусский народ», «малорусская народность» и т.п. Историк Николай Костомаров, которого заслуженно считают своего рода «отцом украинофильства», писал о необходимости «мыслить на общерусском языке» и подчёркивал своё русское самосознание: «Оказывается, что русская народность не едина; их две, а кто знает, может быть их откроется и более, и тем не менее они — русские»⁵. И хотя последующая история фактически уничтожила украинофильское движение, те модели местной идентичности, которое оно сформулировало, остаются по-прежнему актуальными.

Русскоязычная часть Украины неоднородна. Здесь можно видеть очень разные регионы. Большая её часть объединяется понятием Новороссии, которое в последнее время стало приобретать политическую актуальность.

Новороссийская модель

Прошлое Новороссии — это краткая, но очень бурная история впечатляющего развития. Это цивилизационный скачок от Дикого поля к современному индустриально развитому обществу всего за двести лет. Исторически Русь — лесная. Новороссия — это степная Русь, потому она и новая. Это огромная линия степи от Дуная и до азиатских пределов. В наши дни она занимает территорию нескольких государств, но основное внимание приковано именно к украинской её части.

⁵ *Костомаров Н.И.* Две русские народности // Основа. Южно-русский литературно-учёный вестник. 1861. № 3. С. 33.

Новороссия прошла три стадии заселения: 1) казачью, 2) раннюю имперскую, когда её заселяли сельские колонисты и припортовые торговцы, а также всевозможные мещане новых городов, 3) индустриальную (рабочую) миграцию конца XIX–XX в. Все три волны переселений обеспечили абсолютное господство в ней русской культуры и русского языка. «Украиной» Новороссию стали называть впервые только большевики. И массовое украинское самосознание жителей Новороссии — это наследие коммунистической власти и только.

Исторически Новороссия — органическая часть Российской империи, то есть того большого пространства, без которого она до сих пор немыслима. Империя — это в некотором смысле родина новороссов. Поэтому неудивительно, что украинствующая независимая Украина не смогла «переварить» Новороссию и откровенно отторгает её и на культурном, и на политическом уровне. Так, и электоральная граница Украины совпадает с границей Новороссии, то есть с границей Леса и Степи. Украина отвергает всё её прошлое, всю её историю как чуждую. Хороший пример — с попытками переименования улиц новороссийских городов, например ул. Советской в Херсоне. Раньше она была Дворянской, и это название ей так и не решились вернуть.

Ключом ко всей Новороссии является Крым. Так было изначально: Новороссия началась с присоединения Крыма в 1783 г. Так оно и сейчас. И в наши дни Крым — это регион, где сохранилась преобладающая русская идентичность. И в современных обстоятельствах он быстро перешёл к России. Теперь России принадлежит ключевая область Новороссии, что не может не сказываться в дальнейшем на её положении и развитии. Новороссийская идентичность сейчас только появляется, есть лишь первые попытки её сформулировать. И несомненно, она должна быть — и уже таковой ста-

новится — частью общерусского самосознания.

Судьба Новороссии — это и вопрос о современном казачестве, как на Украине, так и в России. Это вопрос о том, каким оно станет по обе стороны границы. И не стоит искусственно отделять развитие украинской Новороссии от её российской части — история у этих земель схожая и проблемы во многом тоже схожие. Кроме того, с Новороссией напрямую связана судьба Приднестровья, а во многом и всей Бессарабии. И сейчас очень много зависит от местной интеллигенции: каким она захочет увидеть свой край, какую идеологию его будущего она создаст.

Центральная историческая фигура Новороссии — это, несомненно, князь Григорий Александрович Потёмкин. Фактически, он её создатель. А потому и идеологические истоки края нужно тоже искать именно в его деятельности. Потёмкин и план подчинения Крыма разработал, и флот черноморский создал. Он проделал колоссальную работу по освоению новых земель. Приглашал и расселял колонистов, закладывал и строил города, разводил леса и виноградники, всего за несколько лет наладил полноценную жизнь нового края.

Потёмкин фактически является и автором исторической концепции Новороссии. Он определил два её начала: первое — греческо-византийская культура (что проявилось в активном использовании греческой топонимики) и второе — древнерусские корни, завязанные на принятии христианства Владимиром. Всё это он подчёркивал и своей деятельностью, и тем, как он устроил путешествие императрицы Екатерины Великой, какие представления давал ей и её спутникам. Думаю, что всё это актуально и в наши дни. Он же заложил и специфически имперский облик края. Основание и строительство Екатеринослава было представлено как параллель с основанием

Петром I Санкт-Петербурга, а Екатерина представляла как продолжательница дела Петра на южных рубежах Империи.

Миф о «потёмкинских деревнях», распространённый впоследствии в Европе, был нужен, чтобы заронить недоверие к сведениям о блистательном заселении и развитии Новороссии. Это был миф о призрачности русской силы, хрупкости русского влияния. И всё же я воспользуюсь этим выражением — «потёмкинские деревни» — чтобы описать то, что можно сейчас видеть в Новороссии. Я бы назвал это «потёмкинской украинизацией». Современный Киев пытается создать параллельную реальность и заставить приезжих поверить в неё. Вывески и рекламные щиты на языке, на котором почти никто не разговаривает; официальные мероприятия, идеологически и даже эстетически краю чуждые. Вместо мифических «потёмкинских деревень» Киев возводит в Новороссии «потёмкинскую Украину», некую бутафорию, в которую сам же пытается поверить. Однако всё это лишь подталкивает к развитию те национальные процессы, которые неизбежно отделяют гуманитарное пространство этого региона от остальной Украины.

Малороссийская модель

В последнее время на Украине стали всё чаще встречаться случаи позиционирования себя как «малороссов». Это свойственно обыкновённо представителям интеллигенции, которые разочарованы в украинском национализме, но ищут пути выражения своего местного патриотизма. Возвращение к малорусской идентичности вполне закономерно, так как она присутствует и в украинской идеологии в качестве негативного самосознания: украинец противопоставляется малороссу как национально-сознательный человек имперскому провинциалу. Заложенный в украинстве отказ от русскости предполагает процесс, который обык-

новенно описывается именно как переход от малоросса к украинцу. Соответственно, в сознание закладывается и обратная модель: в случае сознательного отказа от украинской «свидомости» естественно осознать себя малороссом, но уже в положительном смысле. Малорусская идентичность настолько значима для описания современных идеологических расхождений в украинском обществе, что даже президент В. Ющенко в речи 9 декабря 2009 г. объявил малороссов своими «противниками». Можно сказать, что под малороссийским в украинском дискурсе чаще всего подразумевается всё то, что выражает специфический набор комплексов, свойственный носителям украинской идентичности.

Понятие «Малая Россия» известно из греческой церковной переписки ещё с XIV в. Однако малорусская (малороссийская) идентичность начала складываться лишь в самом конце XVI — в XVII в. Различение «Малой» и «Великой» России многократно встречается в текстах, написанных ведущими православными авторами того времени — Иоанном Вишенским и Захарией Копыстенским. Эта идентичность постепенно распространялась, но всегда была свойством лишь верхушки общества и не входила в противоречие с общерусским самосознанием. Применительно к XVIII в. можно говорить о широком распространении малороссийской идентичности среди высшего слоя Гетманщины. Борьба местных дворян, в основном потомков казачьей старшины, за восстановление своих автономных сословных прав после ликвидации Гетманщины сделала это самоназвание ещё более актуальным. На этой же основе стало зарождаться украинофильское движение, лидерам которого было свойственно говорить о своей малороссийскости.

Можно сказать, что именно украинофилы создали Малороссию как национальный проект. Вот, например, как различал русскую и малороссий-

скую составляющую своей идентичности один из зачинателей этого движения, профессор Михаил Максимович. Он писал в переписке с Погодиным: «люблю Малороссию, люблю язык её народа, и песни его, и историю... люблю наш первопрестольный Киев больше, чем ты, это также естественно: ибо, питая к нему любовь общерусскую, и ближайшую к нему любовь — малороссийскую, — я люблю его ещё как родину моего рода»⁶. Для Николая Костомарова важно было утвердить значительную роль Малой Руси в общерусской истории и культуре, сложно-сочинённый характер русского народа: «Малорусы же никогда не были покорены и присоединены к России, а издревле составляли одну из стихий, из которых складывалось русское государственное тело»⁷. Пантелеймон Кулиш так писал о своих впечатлениях о львовском униатском соборе Св. Юра: «История разделившейся Руси томилла меня в обители Св. Юра больше, нежели в самом городе.... “Это не русская церковь, — думал я, — ... это костёл, в котором метириесають полурусские священнослужители: это Ляхи в православном облачении. Вот чего домогались в Брест-Литовском паписты от наших предков! Они хотели уподобить всю Малороссию Польше и навсегда оторвать нас от великого Русского Мира”»⁸.

К началу XX в. слово «малоросс» стало самоназванием русофильски настроенной части общественности, и особенно это было актуально для Галиции. «Малороссы» оппонировали «украинцам», и для того времени это различие между идентитарными

проектами было сродни партийному. Тогда же в Российской империи активно заявил о себе молодой русский национализм, причём в первую очередь именно на землях нынешней Украины. Примечательно, что русские националисты здесь осознавали себя в то же время и малороссами. Есть все основания полагать, что из украинофильского движения выросло не столько даже украинство, сколько местный русский национализм. Основным выразителем этих взглядов был Киевский клуб русских националистов. Малорусская идентичность при этом оставалась именно свойством верхних слоёв общества. Вот что писал один из основателей клуба А.И. Савенко: «В настоящее время малороссийский крестьянин совершенно не знает слово “малоросс”. Если вы спросите малоросса о его национальном происхождении, он всегда и неизменно отвечает: “Я — русский”. Представление о полном единстве русского народа глубоко внедрилось в умы южноруссов»⁹. Малорусская идентичность в те годы господствовала во всей культурной элите региона. Вот, например, что писал тогда проф. Т. Локоть: «Я, как сын малорусской ветви русского народа, люблю все малорусское: и живую малорусскую речь (но не “украинскую”, в которой так много искусственного и не малорусского), и малорусскую природу, и самое важное — малорусский народ»¹⁰.

Носители малорусской идентичности были физически истреблены в годы Первой мировой и Гражданской войн и после большевиками. В советские годы определение себя малороссом было запрещено. Уже во время

⁶ Максимович М.А. Ответные письма к М.П. Погодину // Максимович М.А. Собрание сочинений. Т. III: Языкознание. История словесности. Киев, 1880. С. 250.

⁷ Костомаров Н.И. Украинофильство. С. 330.

⁸ Кулиш П.А. Владимирия (1894) // Київська старовина. 1998. № 1.

⁹ Савенко А.И. Заметки // Киевлянин. 1908. № 134.

¹⁰ Локоть Т. Как быть с украинством // Голос Москвы. 1911. № 277. С. 2. // Цит. по: Котенко А., Мартынюк О., Миллер А. «Малоросс»: эволюция понятия до Первой мировой войны // Новое литературное обозрение. 2011. № 108.

первой всесоюзной переписи населения в 1926 г. все, назвавшие себя малороссами, были записаны украинцами. Однако эта идентичность вновь становится актуальной. Приобрели большую известность тексты публициста Олеся Бузины, настаивающего на своём малорусском определении: «Давно пора вернуть Малороссии историческую память, самосознание и, не побоюсь этого слова, автономию, которой она исторически обладала»¹¹.

В уже упомянутой моей статье 2004 г. я предлагал развивать на Украине как раз малорусский проект как способный поломать разделение электорального поля на две примерно равных половины и привлечь к Юго-Востоку также и Центр. С тех пор появился целый ряд работ, посвящённых развитию этого проекта¹². Однако в настоящее время, по-моему, можно уже определённо сказать, что идентичного большинства в старых границах Украины не сложилось. Центр всё более тяготеет к Западу, а Юго-Восток становится всё менее украинским и

постепенно вовлекается в весьма перспективный проект создания Новороссии. И всё же представляется, что и малорусский проект имеет своё будущее. Более того, он становится лишь актуальнее в новых условиях краха государственности, построенной на утверждении украинства. В случае отделения Юго-Востока значительная часть общества Центральной Украины может отвернуться от «западенства» как от идеологии, виновной в развале страны. Кроме того, малорусскость может оказаться привлекательной для немалой части общества новороссийских областей, которая прежде была втянута в украинский национальный проект и не отождествляет себя с Новороссией.

Востокуукраинская (советская) идентичность по-прежнему очень сильна. У её носителей иная историческая память, особенно по XX в., чем у западенцев. Иная и культурная и религиозная комплиментарность. Иной менталитет — более связанный с традициями городской жизни. Иной и опыт контактов с русскими Центральной России. Здесь с трудом прививается русофобия — а без неё невозможно стать сознательным украинцем. Всё это даёт основания считать, что малороссийский проект имеет довольно благодатную социальную среду для распространения.

Важнейшей чертой украинского «национализма восточного обряда»¹³ должно стать Православие, то есть общая лояльность к канонической церкви — УПЦ(МП). Это свойство может объединять Центральную Украину с Новороссией. Если для современного украинского проекта характерно отрицание православной идентичности в

¹¹ Бузина О. Воскрешение Малороссии. // Сегодня.ua, декабрь 2009. URL: <http://www.segodnya.ua/ukraine/ictorii-ot-olecja-buziny-vockreshenie-maloroccii.html>

¹² См., напр.: Джадан И. После инаугурации. Теория национального строительства для Юго-Востока Украины // Русский журнал, январь 2005. URL: http://old.russ.ru/culture/20050121_j.html; Бутаков Я. Проект Русь-Украина. Возможно ли возрождение малороссийской идентичности? // RPMonitor.ru и Русская линия, сентябрь 2007. URL: <http://rusk.ru/st.php?idar=23720>; Миллер А. Дуализм идентичностей на Украине // Отечественные записки. 2007. № 1 (34); Ярёмченко Н.Я. — малоросс, этим горжусь! // Одна Родина. Декабрь 2008. URL: <http://odnarodyna.com.ua/content/ya-maloross-etim-gorzhus>; Марчук А. Малорусский проект: о решении украинско-российского национального вопроса // Regnum, 23.11.2011. URL: <http://www.regnum.ru/news/1470788.html> и др.

¹³ Выражение, употреблённое осенью 2004 г. П. Святенковым; см.: Святенков П. Национализм восточного обряда // Агентство политических новостей, сентябрь 2004. URL: <http://www.apn.ru/publications/article1107.htm>

пользу «вообще христианской», объединяющей православных с униатами и различного рода раскольниками, то при конструировании малорусского самосознания важнейшая роль должна быть отведена многовековой истории борьбы с насаждением унии и отождествлению себя с византийской цивилизационной общностью.

Важное место также должно занимать наследие казацкого прошлого. История Гетманщины, местного автономизма, бывшего в своё время источником украинофильской мысли, несомненно может быть идентитарным маркером малороссийского самосознания. В XIX в. было написано немало «Историй Малороссии» — произведений, не всегда значимых с научной точки зрения, однако формирующих идентичность. Их можно переиздавать, использовать разработанные в них исторические схемы для новых сочинений, учебных пособий. Нужно возродить сам дискурс исторических описаний, который в них содержится, систему идентитарных понятий. Одновременно важно донести до сознания общества, что казацкое прошлое — именно малороссийское, к галичанам никакого отношения не имеющее. Малорусский проект должен притязать на полноту этого наследия. Украинство имеет на него несопоставимо меньше прав. Весь символический комплекс, связанный с казачеством, должен работать именно на самоопределение малороссов и их отделение от западнцев. При этом казачество — это то, что будет сближать малорусское самосознание с Новороссией и южными регионами Российской Федерации.

Украинофильство XIX в., будучи частью народнических умонастроений, было склонно к отрицанию всей городской культуры Малороссии в пользу сельской (плебейской, как выражался М. Драгоманов). Это стало залогом слабости всей идеологической конструкции, определило её враждебность к общерусскому наследию как

якобы ненародному. Местная городская культура — вся русскоязычная и основанная на многовековой местной традиции — была признана не национальной не только как городская, но и как «общеимперская», общерусская. Городская культура Киева или Чернигова мало чем отличалась от культуры городских центров Великороссии, в чём тогда усматривали опасность общерусской стандартизации. При воссоздании малорусской идентичности очень важно уйти от этой однобокости. Новый национальный проект должен быть не сельским, а городским и иметь инновационный, современный, ориентированный на будущее характер, что вполне соответствует уровню развития местной индустрии и социальной сферы.

Сейчас большинство населения Центральной Украины — городское, и именно это является причиной сохранения широкого использования русского языка. Важнейшей чертой малорусского самосознания должно также стать принятие русского языка как национального наравне с украинским. Даже политически украинствующий Киев остаётся по преимуществу русскоязычным городом. Литературная норма русского языка во многом создавалась именно здесь, в Киеве. Постулирование национального характера русского языка, того, что малороссы имеют на него равные с великорусами права — должно быть одной из основ всего проекта. Соответственно, Н.В. Гоголь как гармоничный выразитель малороссийскости, может занять здесь центральное место в пантоне «великих своих». Использование общего литературного языка с соседями не ново, на этом основан, например, австрийский национальный проект. Было бы также полезным создавать местную норму украинского языка, очищая его от полонизмов и специфически галичанских словечек.

Масштабная нациотворческая работа требует создания столь же масштаб-

ной инфраструктуры. Нужны кафедры в университетах и целые институты, занятые изучением культурного наследия региона и описанием его в понятиях, свободных от украинского национализма. Нужно проводить большие общественно-просветительские кампании по дискредитации украинской модели истории, развенчанию её мифов, высмеиванию нелепых трактовок в украинских учебниках и прочих сочинениях. Украинский национализм по своей природе радикален, а потому богат фантазийными эксцессами. Нужно формировать сеть неправительственных организаций, действовавших в раскрутке нового самосознания как на информационном, так и на организационном уровне.

* * *

Оба национальных проекта — новороссийский и малороссийский — имеют общим знаменателем русскую идентичность. Причём для новороссийского проекта она может быть даже приоритетной, для малороссийского — скорее «фоновой». Однако есть смысл в формулировании и того общего, что есть у этих двух моделей на уровне Украины. История русского самосознания в этих землях даёт для этого достаточный материал. Это южнорусская идентичность.

Николай Костомаров выделял в статье «Две русские народности» отдельно северорусскую и южнорусскую ветви¹⁴, что вошло в традицию украинфильской мысли. Возможно, модель

особого южнорусского самосознания может оказаться даже более привлекательной, чем, например, малорусского, так как не имеет мнимо уменьшительного значения. Есть пример большого проекта, имя которому было дано схожим образом — югославский. Его слабым местом было то, что в одну общность объединяли очень разные по культуре и исторической памяти народы. Здесь же есть общее языковое и культурное пространство. Единственное, что нужно местному русскому самосознанию — это фиксация его своеобразия в сравнении с рускостью средней России. Но очень важно, чтобы местное самосознание структурировалось не как часть украинского пространства (Юго-Восток Украины), а как часть русского (Южная Русь). Кроме того, модель «я — южнорус» может быть неплохо скоррелирована с осознанием казачьих корней. Казачество Украины имеет гораздо больше общего с казаками России, чем с западенцами.

На Украине необходимо создать информационную среду презентации и активного соперничества различных национальных проектов, идентитарных моделей. Главное, чтобы появилась альтернатива украинству. А предпочтительный вариант выработается в ходе живой общественной дискуссии и конкуренции. Тяжелейший кризис, а то и крах украинской государственности, который мы сейчас наблюдаем, обязывает заинтересованные центры силы к проведению здесь активной политики идентичности, направления национальных процессов.

¹⁴ Костомаров Н.И. Две русские народности. С. 33.

СЕРГЕЙ СЕРГЕЕВ

ПРОЩАНИЕ СЛАВЯН

ЗАМЕТКИ АНГАЖИРОВАННОГО ИСТОРИКА

I

События на Украине и вокруг неё развиваются столь стремительно, что комментировать свежие новости для ежеквартального издания становится бессмысленно: и новости, и комментарии могут устареть ещё на стадии журнальной вёрстки. Поэтому ограничусь анализом только того, что более-менее устоялось.

Уже сейчас очевидно, что Украина безвозвратно уходит из орбиты «русского мира», причём по самому худшему сценарию — в ходе острого конфликта с РФ, который в течение нескольких месяцев опасно балансировал на грани войны. Травматическое переживание украинским общественным сознанием возможности российского вторжения даёт такую мощную и актуальную подпитку, такую ядерную активацию антирусскому мифу украинства (Россия как вечный враг и победитель украинского народа), что сейчас трудно даже представить результат его трансформации, но направление последней угадать нетрудно: «никогда мы не будем братьями». Вполне резонно предположить, что Украина, рождённая из духа Майдана и крымско-донецкого кризиса, станет по отношению к РФ ещё одним государством с русофобией в качестве официальной идеологии — вторым (исправленным и дополненным) изданием Польши.

С другой же стороны, одесская трагедия и ликование по её поводу украинских блогеров, трупы мирных граждан на улицах Мариуполя — в меньшей степени травмировало и рус-

ское сознание, в котором образ «братского украинского народа» стал вытесняться образом коллективного «укрофашиста-бандеровца».

Таким образом, можно констатировать, что события весны 2014 г. нанесли колоссальный удар по идее восточнославянского братства (и её политическим проекциям), от которого она в ближайшее десятилетие вряд ли оправится, и, кажется, окончательно похоронили проект «большой», триединой (великороссы, малороссы, белорусы) русской нации, о которой двести лет грезил русский националисты.

Проект этот, кстати, окончательно стал догмой в среде последних только во второй половине XIX в., ранее же среди них на сей счёт не было полного единодушия, в частности, многие считали малороссов родственным, но *другим* народом. Скажем, известный журналист Н.А. Полевой (несмотря на фамилию, вовсе не украинец, а сибиряк с курскими корнями) писал в 1830 г., что хотя «доньине Малороссияне только исповедуют Греческую веру, говорят особенным диалектом Русского языка и принадлежат к политическому составу России, но по народности вовсе не русские». Выдающийся историк М.П. Погодин в 1845 г. позволил себе такое рассуждение: «Великороссияне живут рядом с Малороссиянами, исповедуют одну веру, имеют одну судьбу, долго одну Историю. Но сколько есть различия между Великороссиянами и Малороссиянами! Нет ли у нас большего сходства в некоторых качествах даже с Французами, чем с ними? В чем же

состоит сходство? — Этот вопрос гораздо затруднительнее»¹.

Тем более эта точка зрения не была мейнстримом в украинском общественном мнении. Большинство элиты бывшей Гетманщины разделяло концепцию, изложенную в анонимной «Истории Русов» (конец XVIII — начало XIX в.), противопоставлявшую русов и москвитов как два разных народа. Позднее эта концепция стала основой интеллигентского украинофильства. О теориях радикальных украинских националистов, следовавших по стопам польских русофобов типа Духиньского, я уже не говорю. Малороссийское шляхетство оплакивало утрату своей родиной автономии, а некоторые его представители готовы были на союз с врагами Российской империи для восстановления прежних вольностей. Так, знаменитый поэт В.В. Капнист — человек вполне интегрированный в имперскую элиту, закончивший карьеру в ранге государственного советника, член Российской академии, собеседник Екатерины II, близкий друг Державина — в 1791 г. в разгар войны России с Турцией и Швецией отправился с тайным визитом в Берлин к прусскому министру графу Херцбергу, дабы выяснить, не окажет ли Пруссия помощь Украине в деле её освобождения от «тирании русского правительства» в случае антироссийского восстания казаков².

Да, существовала иная, весьма влиятельная русофильская традиция малороссийской мысли (напомню, что формула единой и неделимой России, первоначально украшавшая памятник Богдану Хмельницкому в Киеве, принадлежит полтавскому шляхтичу М.В.

Юзефовичу), но в силу ряда исторических обстоятельств (от неспособности самодержавия вовремя создать массовую общедоступную русскую школу — до большевистской украинизации) она не смогла восторжествовать, и в конечном итоге современная украинская национальная идентичность оказалась замешана на идее «Украина — не Россия».

И дело не только в идеологических факторах, но и в разном историческом воспитании великороссов и украинцев. Когда говорят о нашем общем прошлом, забывают, что оно всё же не совсем общее. С XIV по середину XVII в. подавляющая часть территории нынешней Украины находилась в составе Литвы и Речи Посполитой, Правобережье оставалось там до конца XVIII в., а Галиция с конца XVIII в. до Первой мировой войны была частью империи Габсбургов. Затем было недолгое (1921–1939) пребывание Западной Украины в межвоенной Республике Польша. Таким образом, практически вся Украина прогуляла суровую школу Московской Руси, уроки которой заложили фундамент великорусской идентичности; Левобережье в составе России пользовалось автономией и не знало крепостного права почти столетие; всю Западную Украину миновали самые жуткие годы большевистской диктатуры; наконец, Галичина разделяла судьбу России всего несколько десятков лет.

В результате на Украине сформировалась общественная культура с совсем иной доминантой, чем в Великороссии. Очень грубо обобщая, можно сказать так: из великоросса история вылепила *государственника* («всё для фронта, всё для победы» — наш перманентный девиз), украинец же, по словам В.В. Розанова, «провинциален», «глубоко личен», «свободолюбив», «субъективен». Отсюда слабость институтов украинской государственности, но отсюда же оживлённость украинской общественной жизни, которую так

¹ Цит. по: Котенко А.А., Мартынюк О.В., Миллер А.И. Малороссы // «Понятия о России». К исторической семантике имперского периода. Т. 2. М., 2012. С. 401–402, 410.

² См.: Дворянство, власть и общество в провинциальной России XVIII века. М., 2012. С. 400–401.

и не сумели задавить Российской империя и СССР. Причём, несмотря на весь очевидный провинциализм украинской культуры, у последней есть своё «скромное обаяние», имеющее даже некоторый ассимиляционный потенциал. Ведь стоит же чего-то тот факт, что добрая половина идеологов украинского национализма — Н. Костомаров, Д. Донцов, М. Хвильёвый (подлинная фамилия — Фитилёв), М. Волобуев — великороссы, как минимум, по отцу, а Вячеслав Липинский и Николай Циборский были поляками...

Можно ли было после крушения СССР совместить великорусскую и украинскую «картины мира» в рамках общего (над)национального проекта? Трудно сказать однозначно, во всяком случае, для этого от российской стороны требовалась гигантская и кропотливая культурно-политическая работа, которая все двадцать с лишним постсоветских лет не велась вовсе. Мудрено ли, что после победы Майдана Россия не смогла противопоставить ему никакой влиятельной внутри Украины интеграционной стратегии? Поэтому ей ничего иного не оставалось, как отказываться от Незалежной всё, что не вписывалось в украинский национальный проект и было исторически связано с московско-петербургско-советской традицией. Не лучший вариант, но имелся вариант похуже: молчаливое согласие на насильственную украинизацию русской Украины.

II

Другое катастрофическое последствие украинского кризиса — удручающая демонстрация зашкаливающего политического инфантилизма русского общественного мнения. Чисто детские «болельщицкие» реакции: одни гордо протестуют против Путина под украинскими знамёнами, другие — с восторгом подсчитывают, сколько раз Путин в своей речи употребил слово «русские». С обеих сторон восторжествовала именно инфантильная исте-

рия, исключаяющая какое-либо трезво-мыслие, — либо откровенная солидарность с украинским национализмом, вплоть до «Правого сектора», либо верноподданнические тосты в честь великого Путина-Крымского.

И вот теперь, с одной стороны, мы имеем полную дискредитацию «болотной» оппозиции, включая Навального, которая недвусмысленно заявила, что готова бороться против Путина в союзе хоть с чёртом. Ясно, что ничего хорошего этническому и социальному большинству населения России от этих деятелей, не обнаруживших в себе ни капли национального самосознания, ждать не приходится, ибо они руководствуются исключительно догмами своего религиозно-манихейского антипутинизма. Люди, которые (за исключением Навального) так не разу и не выдавили из себя ничего внятного в защиту русских прав и интересов, постоянно искавшие под лупой в русском национализме признаки коричневой чумы, легко и просто закрыли глаза на более чем влиятельную национал-социалистическую составляющую Майдана, ибо всё, что может хоть как-то навредить Путину, с их точки зрения заслуживает похвалы и поддержки. Я писал не так давно³, что наши интернационалисты в случае межнациональных конфликтов, вроде бы стремясь быть над схваткой, как правило, играют на стороне нерусских национализмов. Увы, этот диагноз катастрофически подтвердился.

И это очень печально, ибо «болотники» до сих пор являлись единственной, по сути, активно действующей оппозиционной силой. Но они сделали всё возможное, чтобы оппозиция теперь ассоциировалась у русских с национальной изменой. Снова в нашей истории проявил себя «синдром Герцена». Но Герцен-то хотя бы вёл какую-никакую политическую игру, и

³ *Сергеев Сергей*. Интернационалисты вольные и невольные // ВН. 2013. № 15.

его вынужденное, драматическое, принятое скрепя сердце решение поддержать польское восстание было обусловлено обязывающим положением Александра Ивановича в международном революционном движении, наши же либералы и леваки просто устроили себе эмоциональную разрядку, легкомысленно пожертвовав ради неё всеми достижениями 2011–2013 гг. Вместо того чтобы по-взрослому обсуждать минусы конфликта с Украиной, они по-детски принялись отстаивать территориальную целостность чужого государства.

Но, с другой стороны, *безоговорочная* поддержка Путина, высказанная многими русскими националистами, признание его чуть ли не русским национальным лидером — едва ли может быть названа позицией более политически и идеологически адекватной. Если «пораженцы» в очередной раз наступили на герценовские грабли, то «оборонцы» с тем же изяществом встали на грабли устряловские. Ибо из самого по себе территориального расширения антинационального, антирусского государства, коим является РФ, вовсе не следует, что оно обязательно теперь сделается русским национальным государством, даже не следует того, что оно будет в этом отношении эволюционировать. Это вполне может означать только то, что теперь его антирусские порядки распространятся ещё и на Крым, куда уже спешат вкладывать деньги чеченские толстосумы. Устряловская логика не сработала в 30-х годах: смена риторики с *интернационал*- на *национал*-большевистскую, при некоторых относительных плюсах последней, не изменила тогда антирусской сущности сталинской системы, лишь дала ей более подходящую к обстоятельствам идеологическую декорацию. Где у нас гарантия, что и сегодня мы не получим приблизительно то же самое?

Пока нет *никаких* оснований полагать, что успех во внешней полити-

ке приведёт Путина к новому курсу в политике внутренней. Опыт истории показывает, что победы вовне чаще используются правящими режимами для собственной консервации, а не для проведения назревших реформ. Во всяком случае, в нашей истории такое случалось не раз — достаточно вспомнить итоги Отечественных войн 1812 и 1941–1945 гг., со Священным союзом и военными поселениями в первом случае и с Ленинградским делом и новым голодом во втором.

Скорбя об инфантилизме русского общественного мнения, нельзя, тем не менее, отчасти если не оправдать, то хотя бы понять его. Оно и не могло быть другим, ибо в отсутствие реальной политики наше общество в политическом плане, собственно, и загнано в детскую песочницу социальных сетей и немногочисленных разрешённых митингов, вне всякой связи с народным большинством. Эта искусственная инфантилизация постепенно стала второй натурой оппозиции: когда реально ничего не решаешь и ни за что не отвечаешь, поневоле становишься дитём малым — легкомысленным и безответственным. Но тех людей, чей политический темперамент бурлит и требует практического выхода, желание быть «как взрослые» приводит к активности во что бы то ни стало, особенно, если вдруг появляется повод. Хочется избавиться наконец от обрыдшей беспочвенности, прислониться к чему-нибудь прочному, действительному — будь то чужой (но зато действенный) национализм или внезапно «прозревшая» ранее ненавидимая власть. Но это мир иллюзий, и в той, и в другой колеснице — вы не только не пассажиры или возницы, но даже и не колёса, разве что пяты...

Особо остановлюсь на положении националистов. Не секрет, что часть из них поддержала Майдан. Но как бы кому ни хотелось свести происходящее на Украине к проискам Кремля или борьбе мафиозных кланов, совер-

шенно очевидно, что сейчас там идёт настоящая гражданская война, где на одной стороне — украинские националисты, фактически взявшие на себя ответственность за десятки обугленных трупов в Одессе (а как иначе трактовать те восторги, которые они по данному поводу публично излили?), а на другой — не желающие «украинизироваться» русские Юго-Востока, значительная часть которых, как признал и.о. главы киевской этнократии А. Турчинов, поддерживают т.н. «федералистов» (а референдум о независимости Донецкой и Луганской республик это бесспорно подтвердил).

Либералы и левые у нас в России, как известно, «общечеловеки», поэтому вольно им делать какие угодно интеллектуальные выкрутасы, дабы оправдать своё удивительное «влечение, род недуга» к нацистам из «Правого сектора». Но для русских националистов выбора в сложившейся ситуации *нет*, они должны поддерживать *своих*, иначе они — не русские националисты. Если кому-то нужно объяснить, кто такие *свои*, значит, любые объяснения в данном случае вообще излишни.

Убеждения, всерьёз исповедуемые людьми, становятся для последних чем-то вроде судьбы, правда, такую «судьбу» можно изменить, но только отказавшись от заявленных убеждений. «Судьба» русских националистов влечёт их, возможно, не к самым лучшим перспективам, но «иного не дано»... Тем же, кто от неё решил отказаться, следовало бы заняться серьёзной и честной рефлексией по поводу своих принципов.

Но почему перспективы националистов «не лучшие»? Разве не происходит на наших глазах «русская ирредента», и разве так уж важно, *кто* её осуществляет? Разве не было оппонентов среди немецких и итальянских националистов политике Бисмарка и Кавура? И кого история в конечном итоге оправдала?

Увы, данная историческая аналогия хромает. И дело не только в том, что советский чекист Путин, типичное детище отрицательной селекции, сформировавшей элиту СССР — РФ, во всех отношениях — не чета потомственным прусскому и пьемонтскому аристократам. Дело прежде всего в том, что Прусское и Сардинское королевства, ставшие центрами германской и итальянской ирреденты, были *национальными государствами*, причём достаточно демократическими, по стандартам своего времени — конституционными монархиями с действующими парламентами. РФ же — есть мягкий вариант сословной деспотии под названием СССР, отрицающей *все* базовые принципы современного национального государства. Что за националостроительство это архаическое (но вечно живое!) образование — где, как мы знаем, какую правящую партию ни создавай, всё получается КПСС — способно осуществить? Да и серьёзность «ирредентистских» устремлений Кремля, честно говоря, вызывает большие сомнения.

Вряд ли русским можно рассчитывать на что-то большее, чем на русификацию официальной риторики по типу сталинского «национал-большевизма», благо, в обществе есть на такую риторику жадный массовый запрос. Как заметил некогда академик И.П. Павлов, русский ум больше реагирует на слова, чем на факты жизни, так что если правящий режим всерьёз займётся произнесением тостов за русский народ, то на какое-то время его легитимность будет вполне обеспечена. Тем удивительнее, насколько власть до сих пор скупа на подобные тосты, до сталинской «русофильской» пропаганды 40-х ей — как до звезды!

Коли уж продолжать тему исторических аналогий, то меня в последнее время преследует и мучает печальный параллелизм нынешнего «украинского кризиса» и «польского кризиса» 1863 года. Перечитывая страницы,

посвящённые этому сюжету, в очень честных и умных (последнее — приятная неожиданность от автора толстых томов анархистских благоглупостей) «Записках революционера» П.А. Кропоткина, постоянно ловишь себя на ощущении дежавю. Свидетельство Кропоткина очень важно, ибо он, как «левый», несомненно, на стороне поляков, но будучи человеком честным, не может отрицать очевидное⁴.

Вот Кропоткин пишет о всеобщей симпатии к полякам в начале 1860-х гг.: «Никогда раньше польскому делу так много не сочувствовали в России, как тогда. Я не говорю о революционерах... когда я был еще в корпусе, петербургское общество одобрительно приветствовало передовую статью, которую славянофил Иван Аксаков имел мужество напечатать в своей газете “День”. Он начинал с предположения, что русские войска очистили Польшу, и указывал благие последствия для самой Польши и для России. Когда началась революция 1863 года, несколько русских офицеров отказались идти против поляков, а некоторые даже открыто присоединились к ним и умерли или на эшафоте, или на поле битвы. Деньги на восстание собирались по всей России, а в Сибири даже открыто. В университетах студенты снаряжали тех товарищей, которые отправлялись к повстанцам». С поправками на время и обстоятельства, весьма напоминает реакцию нашего общества на Майдан.

Что же стало причиной радикальной перемены русского общественного мнения? Во-первых, *жестокая бойня*, устроенная польскими свободолюбцами русским солдатам (возникающую ассоциацию, думаю, не надо пояснять): «Но вот среди общего возбуждения распространилось известие, что в ночь на 10 января повстанцы напали на солдат, квартировавших по деревням, и перерезали сонных, хотя накануне

казалось, что отношения между населением и войсками дружеские. Происшествие было несколько преувеличено, но, к сожалению, в этом известии была и доля правды. Оно произвело, конечно, самое удручающее впечатление на общество. Снова между двумя народами, столь сродными по происхождению, но столь различными по национальному характеру, воскресла старая вражда...»

Во-вторых, «стало известно, что революционный комитет требует восстановления Польши в старых границах, со включением Украины, православное население которой ненавидит панов», что «в Польше берут верх чисто националистические стремления». Напоминает политику Майдана в отношении Юго-Востока, не так ли?

В-третьих, «Наполеон III и Англия стали угрожать России новой войной, и эта пустая угроза принесла полякам более вреда, чем все остальные причины, взятые вместе». Сегодняшнее давление США и Европы на Россию, думаю, тоже даст, скорее всего, отрицательный эффект.

Для поляков последствия их легкомысленной стратегии были плачевны: «В Сибири я часто беседовал с ссыльными поляками на эту тему, и некоторые из них понимали ошибку, которая была сделана. Революция с самого начала должна явиться актом справедливости по отношению к “униженным и оскорбленным”, а не обещанием поправки зла в будущем; иначе она, наверное, не удастся. К несчастью, часто случается, что вожди бывают так поглощены вопросами политики и военной тактики, что забывают самое главное. Между тем революционеры, которым не удается убедить массу, что для нее начинается новая эра, готовят верную гибель своему собственному делу...» Возможно, вожаки Майдана тоже очень скоро будут жалеть, что не смогли предложить Юго-Востоку привлекательный вариант будущего...

Однако «для России последствия

⁴ Далее цитирую эту книгу по изданию: М., 1988. С. 187–188, 191–192.

были одинаково бедственны. Польская революция положила конец всем реформам. Правда, в 1864 и 1866 годах ввели земскую и судебную реформы, но они были готовы еще в 1862 году... Хуже всего было то, что само общественное мнение сразу повернуло на путь реакции». Естественно, ибо внешняя угроза консолидирует население вокруг правящего режима, от которого требуют уже не реформ, а военных побед. То же самое происходит и сейчас: когда ситуация балансирует на грани войны, общество легко и практически без протестов проглатывает отмену выборов мэров, закон о блогерах, и сколько ещё всего проглотит... Ибо квазивоенное (а там, глядишь, и действительно военное) положение может длиться годами.

В сложившейся обстановке я не вижу у путинского режима никаких рациональных оснований для эволюции. Многие надеются на санкции Запада, но сама по себе перестройка экономики в сторону усиления государственного вмешательства (если она действительно произойдёт) поведёт вовсе не к демократизации политической системы РФ, а, напротив, к ещё большей её «авторитаризации», т.е. мы просто станем ещё ближе к блаженной памяти сталинским временам. Радоваться этому могут только разнопородные ордынцы.

Тем не менее всё сказанное выше не

означает, что властвующую украинскую этнократию возможно воспринимать как какую-либо альтернативу путинизму, а главное, не отменяет конкретный выбор в пользу *своих*, который сегодня должен сделать русский националист, ибо, если всякие искренние убеждения — это судьба, то *национализм есть судьба по преимуществу*. Упомянутый выше Иван Аксаков, который от петербургской монархии перенёс гонений поболее, чем иной «нигилист», и выражался по её поводу крепче некуда⁵, при всём своём сочувствии полякам в 1863 году такой выбор сделал.

Делай, что должно, и будь, что будет, — ничем более оптимистичным и духоподъёмным я не могу закончить эти невесёлые заметки.

⁵ Например (звучит более чем актуально): «Правительство есть истинный душегубец русской земли. И это душегубство в тысячу раз страшнее и преступнее всякого убийства... Не обвиняйте общество в недостатке патриотизма. Не надо ему этого дешёвого Вашего патриотизма, к которому правительство во дни бед прибегает, как к готовой силе, продолжая душить общество во дни мира! Общество понимает, что враг России не в Польше, а в Петербурге, что злодей его — само правительство» (из письма А.Д. Блудовой от 30 янв. 1863 // Российский архив. Вып. 11. М., 2001. С. 343–344).

Андрей Вержбицкий

Украина и Польша: НАЦИОНАЛИЗМ И ГЕОПОЛИТИКА

Польша и Украина

Польша и Украина, поляки и украинцы многие века создавали одно государство. С польской перспективы многовековая история в одном государстве имеет объединяющий характер. Принадлежность нынешних украинских земель к одному с Польшей политическому организму влияла на восприятие польского народа польской исторической территории¹. Ещё во второй половине XIX века, когда Польша не существовала как самостоятельное государство, многие представители интеллектуальных элит считали украинцев этнорегиональной группой польского народа². Польская экспансия на восток воспринималась самими поляками как «цивилизационная миссия»³ — распространение западной, латинской цивилизации среди восточнославянского населения. Для украинцев объединяющим с поляками фактором является противопоставление «московской деспотии».

С украинской перспективы польская экспансия оценивается как колониальная эпоха. Разъединяющим поляков и украинцев фактором являются также события на Волыни во время Второй мировой войны, когда украинские фор-

мирования УПА/ОУН⁴ (т.н. «бандеровцы») зверски замучили десятки или даже сотни тысяч местных поляков. Для многих украинцев в западной части страны эти события являются символом борьбы с польскими «оккупантами».

Политические события на Украине конца 2013 — начала 2014 г. стали поводом для новой «польской цивилизационной миссии», «братской помощи». В этой «миссии» принимают участие польские политики и средства массовой информации, создавая что-то вроде «проукраинского союза». К сожалению, воздействие пропаганды настолько сильное, что чувство «миссионизма» не совсем осознанно передается многим обычным гражданам. Организуются концерты, демонстрации, целью которых является моральная поддержка, а иногда и материальная помощь украинскому народу, особенно тем, которые три месяца проводили время на Майдане, или пострадавшим в результате применения силы и оружия. В этих жестах человеческой солидарности ничего плохого нет, но они идеологизированы и политизированы. Общая идея всех этих действий польской стороны такова: как только Украина станет членом ЕС, в стране будет демократия, будут соблюдаться права человека, поднимется уровень жизни граждан и возможно самое главное — Украина станет «нашей» — «вырвем ее из объятий московского медведя». Иногда складывается впечатление, что если бы не Рос-

¹ Для многих поляков Украина, как часть восточного пограничья (Kresów Wschodnich), остается значимым элементом их идентичности, хотя они знают, что история уже не вернётся.

² Walicki A. *Naród. Nacjonalizm. Patriotyzm*. Kraków, 2009. С. 461.

³ Dmowski R. *Polityka polska i odbudowanie państwa*. Warszawa, 1926. С. 506.

⁴ Украинская повстанческая армия/Организация украинских националистов.

сия, судьба Украины стала бы совсем другой, т.е. гораздо лучшей, беспроblemной.

Что самое интересное, польские элиты поддерживают новое украинское правительство, в котором несколькими ведомствами руководят представители националистических организаций, таких как Всеукраинское объединение «Свобода»⁵, которая считается наследницей УПА/ОУН. А ведь живы ещё люди, которые помнят волинский геноцид... Ещё несколько лет тому казалось, что польские политики правильно реагируют на исторические события. В июле 2009 г. Сейм принял постановление по поводу трагической судьбы поляков на *Kresach Wschodnich*, в котором речь шла о массовых убийствах, имеющих характер этнических чисток и признаки геноцида, совершенных ОУН и УПА⁶. В заявлении от февраля 2010 г. «Свобода» назвала постановление польского Сейма «обижающим национальное достоинство украинцев»⁷. Можем тогда задать вопрос: в чём причина «трансформации» подхода польских «элит» к украинскому национализму?

Во-первых, у многих представителей польского народа присутствует чувство пренебрежения к «востоку», причём «восток» означает всё, что находится восточнее реки Буг (т.е. охватывает Восточную Европу), и одновременно чув-

ство неполноценности по отношению к западу: «мы лучше самих восточнославянских народов знаем, как они должны жить, какие ценности должны быть для них самыми главными, кто должен править в их странах». Это суть польской национальной идеи (необязательно национализма). Поэтому исторически оправдана роль Польши в качестве посредника западных идей на восток.

Во-вторых, «миссия» Польши на востоке Европы всегда была направлена против главного соперника в этом регионе — России. Проукраинскость польских элит основывается на убеждении, «что без независимой Украины нет независимой Польши»⁸, но независимость Украины принимается тогда, когда ее политика более западно-, чем россияцентрическая. В связи с событиями на Украине создается впечатление, что польские элиты решили «проглотить» украинский национализм как «меньшее» зло и объединиться с ним против «большого» зла — имперской России⁹. Как сказал премьер-министр Польши

⁸ Автором этой концепции является эмигранционный писатель Юлиуш Мерошевски, который публиковался в журнале «Культура», издаваемом в Париже редактором Ежи Гедройцем. В более широком значении концепция называлась УЛБ (Украина, Литва, Беларусь). Речь шла о развитии сотрудничества с самоопределившимися соседями Польши в контексте польско-российских отношений и в перспективе объединения Европы (*Hoffman I. Koncepcja wschodnia paryskiej «Kultury» po transformacji ustrojowej w Europie Wschodniej // Rocznik Instytutu Europy Środkowo-Wschodniej. Rok 10 (2012). Zeszyt 1. С. 9–24.*)

⁹ Прямо признал это в декабре 2013 г. один из польских политиков, Павел Коваль: «Сейчас не время спасать розы, когда горят леса. Прокомментировать программу Свободы, которую не поддерживаем, придёт время, но сейчас концентрация на ее содержании — это ослабление оппозиции на Украине, значит, относительная поддержка Партии регионов. Не о том речь» // *Co nosi w sercu Ołeh Tiahnybok // www.onet.pl (25.04.2014).*

⁵ В программе этой партии требуется признание борьбы УПА и ОУН национально-освободительной, признание ветеранам этих формирований соответствующих льгот с компенсацией за прошедшее время и объявление 14 октября — дня создания УПА — Днём Украинских Вооруженных сил // Програма ВО «Свобода» // www.svoboda.org.ua (25.04.2014).

⁶ Uchwała Sejmu Rzeczypospolitej Polskiej z dnia 15 lipca 2009 r. w sprawie tragicznego losu Polaków na Kresach Wschodnich // <http://orka.sejm.gov.pl> (29.04.2014).

⁷ Заява ВО «Свобода» щодо проявів українофобії та шовінізму у Республіці Польща // www.svoboda.org.ua (25.04.2014).

Дональд Туск: «Участие Польши в решении украинского вопроса — это, с одной стороны, порыв души, а с другой — польский государственный интерес <...>. Каждый, кто хочет безопасной Польши, должен поддерживать Украину»¹⁰. Обострение антироссийской истерики произошло после присоединения Крыма: «Если появляются ситуации категорически неприемлемые, такие как присоединение Крыма и легитимизирование т.н. референдума, т.е. захвата Крыма Россией, депутатом левой партии <...> нам необходимо однозначно сказать, что такого рода действий, которые являются угрозой для Польши и Европы, нельзя одобрять»¹¹.

На самом деле, вопреки словам премьер-министра, поддержка новых украинских властей после ухода Виктора Януковича противоречит польскому национальному интересу. К счастью, есть в Польше многие здравомыслящие люди, у которых другая точка зрения на происходившее на Украине, но они считаются «московскими агентами»¹². На самом деле польский государственный интерес должен заключаться в действиях в пользу Польши, а не в мечтах о том, как повредить России.

Суть польской «миссии» на Украине состоит в поддержке европейской интеграции, «демократизации» и, в конце концов, в реализации геополитического интереса.

¹⁰ «Każdy, kto chce bezpiecznej Polski, musi wspierać Ukrainę» // www.polskieradio.pl (26.04.2014).

¹¹ Там же.

¹² Один из польских сайтов публикует своеобразный список «агентов», т.е. людей (публицистов, политиков, чиновников, учёных), которые стараются более объективно, чем с одной стороны, оценивать украинский кризис. См.: Cenzurowany ks. Isakowicz-Zaleski, publicyści na liście «prorosyjskich tub». Nieprawomyślność ws. Ukrainy to zbrodnia // www.natemat.pl (26.04.2014).

Европейская интеграция

Протесты на т.н. Евромайдане в Киеве начались после отказа подписания президентом В. Януковичем договора об ассоциации Украины с Европейским союзом. В польских СМИ, а также в аналитических центрах сразу появились информации о массовых протестах людей, представляющих всю страну¹³, и анализы¹⁴, в которых одной из причин такого решения украинских властей указывалось «растущее давление» со стороны России. В Польше создавалась картина «древней украинской мечты о вступлении в ЕС», охватывающей подавляющее большинство украинского общества. Формировался «украинский миф мечты о Европе». Для поддержания этого мифа стали приезжать в Киев польские политики, чтобы выступить на Евромайдане.

Что самое интересное и необыкновенное, но вытекающее из вышеупомянутого: представитель самой сильной оппозиционной партии в Польше, «Право и справедливость», выступал под чёрно-красным флагом УПА. Это очень интересный факт по нескольким причинам. Во-первых, во внутренней политике Я. Качински и его партия дистанцируются от ЕС, требуют уважения для суверенитета польского государ-

¹³ Janukowycz w Moskwie. Masowe protesty w Kijowie // www.polskieradio.pl (26.04.2014). По мнению очевидцев-киевлян, во-первых, протесты не имели массового характера и, во-вторых, в протестах участвовали прежде всего приезжие с Западной Украины (Разговор автора с Гриценко Андреем Андреевичем, членом-корреспондентом НАН Украины, заместителем директора Института экономики и прогнозирования НАН Украины (г. Киев), во время Международного симпозиума «Европейская и евразийская международные экономические интеграции: сравнительный анализ», 8 апреля 2014 г., Варшавский университет).

¹⁴ Konończuk W. Ukraina rezygnuje z podpisania umowy stowarzyszeniowej w Wilnie: przyczyny i implikacje // www.osw.waw.pl (26.04.2014).

ства. По мнению «ПИС», Польша не является полноправным членом ЕС, потому что члены «старой» ЕС согласились на неполноценный статус Польши в отношениях ЕС — Россия¹⁵. Во-вторых, стержнем программы «ПИС» признана необходимость «восстановления значения Польского Народа как центра политики и публичных дел»¹⁶. В национальной памяти поляков, особенно тех, у которых были предки на польско-украинском пограничье («крессах»), не исчезли события на Волини в 1943 г. — фактически геноцид, совершённый палачами УПА/ОУН. В-третьих, в своей программе «ПИС» предлагает заключение договора с Украиной, обеспечивающего польскоязычное образование в этой стране. Между прочим, партия «Свобода» — последняя, кто был бы заинтересован в развитии образования для национальных меньшинств¹⁷.

Вместо увлечения мифом о европейской интеграции Украины лучше было бы учесть несколько факторов, на которые только немногие в Польше обращают внимание. Во-первых, в договоре речь шла не о вступлении, а лишь об ассоциации Украины с ЕС. С этого момента до полноправного вступления и реальных, обещанных польскими политиками выгод для граждан Украины — «дорога длинная». Во-вторых, не учитывается цивилизационный фактор. В последнее время в политологических исследованиях много внимания уделяется цивилизационной парадигме. Американский политолог Самуэль Хантингтон обращает внимание на культурные, исторические и личные связи России и Украины¹⁸. Значительная часть населения Украины имеет проблемы с определением своей этнонациональ-

ной идентичности. Канадский исследователь Андрию Вильсон создал интересную «карту» «переходных» идентичностей граждан Украины между однозначно украинской и однозначно русской идентичностями и пришел к выводу, что они относятся к большинству населения Украины и, возможно, являются указателем для поминания естественной геополитической ориентации этого государства. Общей чертой всех «переходных» идентичностей является мифологизация СССР или восточнославянского сообщества, они основываются на русской культуре и русском языке¹⁹. Из этого следует, что основания для «европейской идентичности» украинцев, в смысле стремления к европейской интеграции, очень слабые.

Через Украину проходит граница цивилизационного разделения. Для С. Хантингтона критерием ее определения является религия. Он отделяет униатскую, западную часть страны от остальной, православной, хотя и разделённой юридически между разными церковными субъектами (Московский Патриархат, «Киевский Патриархат», Украинская Автокефальная Православная Церковь). В такой ситуации, в которой находится Украина и ее граждане, — кризиса идентичности, самым важным фактором единства являются кровное родство и вера. Люди тянутся к тем, у кого похожие предки, религия, язык, ценности. Дистанцируются от всех «других»²⁰. Поэтому выводы должны быть очевидными. Этнокультурная близость к России вовсе не означает стремления к воссоединению с восточным соседом, но тем более не дает оснований для близости с западными соседями.

К очень интересным и смелым выводам приходит украинский политолог Владислав Гулевич, интервью с ко-

¹⁵ Nowoczesna. Solidarna. Bezpieczna Polska. Program Prawa i Sprawiedliwości. Warszawa, 2011. С. 219.

¹⁶ Там же. С. 64.

¹⁷ Там же. С. 213.

¹⁸ Huntington S. Zderzenie cywilizacji i nowy kształt ładu światowego. Warszawa, 2001. С. 36.

¹⁹ См.: Wilson A. Elements of a Theory of Ukrainian Ethno-national Identities // Nations and Nationalism. 2002. Nr 8(1).

²⁰ Huntington S. Указ. соч. С. 175.

торым было опубликовано в Польше в 2012 г., но, кажется, не все его заметили. В. Гулевич ставит границу цивилизационного разделения своей страны на Днестре и показывает сложности сохранения ее территориальной целостности на основании цивилизационной парадигмы: «Вместе с развалом СССР Украина попрощалась с внутренней стабильностью. Причиной этого является то, что к ней были присоединены земли, которые либо никогда, либо долгое время не входили в состав Украины — Западная Украина, Донбас, Крым, Одесса <...>. Западная Украина не похожа на Восточную Украину <...>. Юго-восток стремится к России. Это не должно быть сюрпризом, потому что раньше эти земли вместе с частью южной России назывались Новороссией. Запад тянет в сторону Европы, но строит свою национальную идентичность на полоно- и русофобии. Центральная Украина идеологически разделена, скрещиваются там пророссийские, прозападные и националистические настроения. Закарпатские русины обычно требуют особого статуса и прав четвертого, восточнославянского народа, наравне с русскими, белорусами и украинцами»²¹.

Второй фактор, который надо учесть, рассматривая интеграцию Украины с ЕС, имеет политический характер. Цивилизационное разделение, хотя и с небольшим перевесом в сторону России, подтверждает, что Украина на самом деле является т.н. буферным государством между двумя империями — Россией и Европейским союзом: «Восточная Европа — это пространство <...> соперничества и кооперации между двумя империями: с одной стороны, империей, которую можно назвать слонном, нормативной империей какой является Европейский союз, а с другой

стороны — империей, которая возвращается к *Realpolitik*, к силовой политике, которая восстанавливает свое влияние (реинтегрирует) — Россией, называемой <...> медведем»²². Тезис польского исследователя Станислава Белея подтверждает В. Гулевич: «Украинская геополитика является либо “интеллектуальной копией” западной геополитики, где Украина воспринимается как государство, враждебное России, либо российской геополитикой, соответственно которой Украина, бывшая Малороссия, склоняется к Москве. Киев расположен между двумя столицами — Варшавой и Москвой, которые геополитически привлекательнее и сильнее. Поэтому украинская геополитика — это тактика балансирования между Востоком и Западом»²³.

Буферное государство, если хочет сохранить территориальную целостность и вообще свое существование, должно уметь найти «золотое средство» в отношениях со своими имперскими соседями. С одной стороны, оно может выигрывать на своем геополитическом положении, а с другой — геополитическое положение может быть для буферного государства проклятием. Украинскому правительству получалось до сих пор более-менее сохранять равновесие в отношениях с ЕС и Россией и справляться с «интеграционной конкуренцией»²⁴. Многовекторная политика оправдывается до момента, в котором любая из отделенных буфером

²² Prof. Stanisław Bieleń: Europa Wschodnia między UE a Rosj // skubi.salon24.pl (26.04.2014).

²³ Ukraińska geopolityka. Указ. соч.

²⁴ Украинская стратегия в рамках «интеграционной конкуренции» определялась как «интеграция с Европой, кооперация с Россией». Насколько это было возможно, наблюдаем в последнее время (*Wierzbicki A.* Białoruś, Rosja i Ukraina wobec integracji europejskiej // Dylematy integracji europejskiej. Europa Środkowo-Wschodnia u progu rozszerzenia Unii Europejskiej / Под ред. R. Kmicia, T. Wallasa. Pozna, 2004. С. 235).

²¹ Ukraińska geopolityka. Rozmowa z Władysławem Gulewiczem, ukraińskim ekspertem ds. międzynarodowych // Geopolityka. Biuletyn Analityczny Instytutu Geopolityki. Nr 19. 10 czerwca 2012 r.

сторон не начнёт требовать однозначного определения, что может быть результатом действий противника. Решения в пользу одной из сторон вызывают ответную реакцию другой стороны.

Третий фактор, который надо учесть, анализируя отношение Польши к событиям на Украине, экономического характера. Вступление Украины в ЕС, если оно когда-то вообще произойдет, будет для Польши невыгодным с экономической точки зрения. Вся помощь из структурных фондов на восстановление транспортной инфраструктуры или для сельского хозяйства «переедет» на Украину. Агропромышленный комплекс Украины, хотя, может, пока в запущенном состоянии, составляет очень сильную конкуренцию для польского сельского хозяйства, и если речь идёт о рыночных отношениях, никто не обращает внимания на сантименты²⁵. Пока в Польше доминирует политический, а не прагматический, экономический подход к Украине. Большинство польских политиков увлеклось романтической идеей «освобождения» Украины от московского влияния и привлечения ее на свою сторону. Мышление в категориях экономических выгод неприемлемо, поскольку доминируют «стратегические интересы». Одним из них является «демократизация».

«Демократизация»

На втором этапе протесты на Евромайдане приобрели не столько проевропейский, сколько антиправительственный характер и привели к кровавым событиям, спровоцированным и начатым протестующей стороной. Это, конечно, требует выяснения, но самое

главное в том, что в их результате произошла смена власти. Новое парламентское большинство решило отстранить от власти легитимно избранного президента, выбор которого признан «международным сообществом». После «оранжевой революции» все выборы на Украине были признаны легитимными. Отстранение от власти обвиняемого в коррупции, поддержке олигархов и фактическом разрушении государства В. Януковича произошло с нарушением украинской Конституции.

В соответствии со ст. 108 Конституции полномочия президента Украины прекращаются досрочно в случае: 1) отставки; 2) невозможности исполнять свои полномочия по состоянию здоровья; 3) смещения с поста в порядке импичмента; 4) смерти²⁶. Ничего из вышперечисленного не произошло. Выезд из страны не является конституционно предусмотренным условием прекращения полномочий. Такое поведение новой власти подвергает сомнению ее легитимность и «демократичность», также как и назначенные впоследствии новые президентские выборы. К сожалению, неконституционная и недемократическая смена власти на Украине признается западными странами, для которых демократические ценности и принципы являются основополагающими. Не первый раз это доказывает наличие двойных стандартов, применяемых Западом к постсоветским (и не только) странам. Дело не в демократии, а фактически в геополитическом ориентире. Если на выборах побеждает кандидат или партия с прозападной ориентацией, выбор не подвергается сомнению и признается, даже если реально произошли нарушения демократических правил. Если побеждает кандидат или партия, которые дистанцируются от Запада, стремятся реализовать свою политику, честность и демократический характер выборов под-

²⁵ С 2008 г. Украина не покупает в Польше говядины, но новая, прозападная власть приостановила в феврале текущего года импорт польской свинины по санитарным причинам, но не приостановила торговли с Россией и Беларусией, где эти причины также есть (Tusk o embargo na polskie mięso: Ukraina musi dokonać wyboru // www.bankier.pl (27.04.2014).

²⁶ Конституция Украины с изменениями от 21.02.2014 // meget.kiev.ua (27.04.2014).

вергается критике. Это касается даже уровня поддержки²⁷.

Демократическая легитимность нового украинского правительства вызывает сомнения из-за его состава, а также назначения глав областных администраций. Несмотря на заявления премьер-министра о борьбе с коррупцией и олигархами, во властных структурах олигархов — сторонников В. Януковича заменили другие олигархи.

Новая, «демократическая» власть пытается навязывать западноукраинские ценности и традиции всей, конечно, неоднородной стране. Политика нового правительства, состоящего во многом из представителей старой элиты, отождествляется им самим с государственным интересом, необходимостью стабилизации и т.д. Если отменяется статус региональных языков для языков национальных меньшинств, это ведёт к новому авторитаризму на этнократических основаниях²⁸. Этнокра-

тизм противоречит демократии, поскольку ограничивает права и статус граждан на основании этнической принадлежности.

Европейская интеграция и «демократизация» — это лишь только повод для выхода навстречу главному — геополитическому вызову.

Геополитика

В возникнувшей ситуации Украина борется за свою целостность или даже за свое существование. Можно прийти к спорному выводу, что Украина находится в ловушке геополитики. С одной стороны, как некоторые предыдущие (В. Ющенко), так и нынешние представители власти стремятся окончательно попрощаться с советским и, возможно, российским прошлым. Но с другой стороны, наследием этого прошлого, как мы уже упоминали, являются границы украинского государства. Здесь, конечно, невозможно пройти мимо проблемы Крыма — подарка коммунистической власти советской Украине.

До воссоединения с Россией в результате референдума в марте 2014 г. Крым был украинским только в территориально-государственном, но не этнокультурном смысле: «украинское государство — русский дух». То же самое, наверное, можно сказать о многих других регионах Украины, если считать, что все восточные славяне — это русские. Но здесь идёт речь об особом, «сакральном», «священном» для России регионе. Когда распался СССР, был принят принцип международного права *uti possidetis* — пусть останется так, как есть (то, что имеешь, будешь иметь)²⁹. Независимые постсо-

²⁷ Например, победа президента Казахстана Нурсултана Назарбаева в 2011 г. с более чем 90-процентной поддержкой вызывает сомнения и ехидные комментарии в западных странах, но такая же победа прозападного Михаила Саакашвили в январе 2004 г. замалчивается или открыто объясняется «массовой поддержкой» «возлюбленного народом» лидера. См.: *Avioutskaa V. Aksamitne rewolucje. Warszawa, 2007. С. 54.*

²⁸ В конце февраля 2014 года Верховная Рада отменила Закон об основаниях государственной языковой политики, принятый в июле 2012 г., который предусматривал присвоение статуса регионального языка языкам в тех областях Украины, где он является родным для по меньшей мере 10% населения. Спикер Рады, исполняющий обязанности президента, обещал наложить вето на отмену и внести новый законопроект, учитывающий интересы всех этнических групп Западной и Восточной Украины. Против отмены закона о языках выступила Венгрия. Другие европейские страны, у которых есть «свои» меньшинства на Украине, в т.ч. Польша, не стали комментировать это решение.

²⁹ Статья 3. «Для достижения целей Содружества государства-члены, исходя из общепризнанных норм международного права и хельсинкского Заключительного акта, строят свои отношения в соответствии с нижеследующими взаимосвязанными и равноценными принципами: <...> нерушимость государственных границ, признание существующих

ветские государства создавались в границах бывших союзных республик, которые не соответствовали этническим границам. В результате вне границ «своих» республик остались миллионы граждан бывшего СССР, среди них также тогда 25 миллионов русских, в том числе и в Крыму. Власти создаваемого независимого украинского государства не могли этого не осознавать, тем более что Крым имеет ключевое стратегическое значение на Черном море. Тогда никто — ни Украина, ни Россия — не хотел или не мог затронуть эту проблему.

Присоединение Крыма к России вызвало волну резкой критики, сопротивления и санкции со стороны западных стран, которые создали прецедент Косова и сейчас не хотят в этом признаться: «Западным политикам трудно признаться в своих ошибочных решениях по поводу Косова, подобно тому как сейчас не хватает им мужества поддерживать сецессию Крыма, поскольку основанием мышления является антирусский крестовый поход, во главе которого находятся польские политики»³⁰. Логика «двойных стандартов» Запада по отношению к России и другим постсоветским странам остается актуальной. Накануне признания Польшей независимости Косова тогдашний президент Лех Качински предупреждал не спешить с таким решением, поскольку это может иметь далеко идущие последствия³¹.

границ и отказ от противоправных территориальных приобретений» // Устав Содружества Независимых Государств // www.cis.minsk.by (20.10.2010).

³⁰ *Prof. Stanisław Bieleń: losy Krymu zostały przesądzone* // www.onet.pl (14.03.2014).

³¹ Не оправдывая никоим образом политики России, надо отметить, что в случае Косова, во-первых, признание западными странами независимости этого государства произошло единственно на основании декларации парламента. Во-вторых, декларация независимости предшествовала воздушная, открытая агрессия НАТО против Югосла-

Иногда создается впечатление, что Польша не готова защищать свои национальные интересы так усердно, как защищает интересы Украины. Ситуация на Украине способствует дальнейшему пробуждению антироссийских и антирусских настроений, которые всё время тлеют в сердцах многих поляков. Польша предпринимает рискованные меры по отношению к России, делая это с чувством морального, даже цивилизационного превосходства, как учитель демократии, прав человека и международного права в отношении провинившегося школьника. Особенно истерической была позиция Польши по поводу присоединения Крыма к России. Конечно, с одной стороны, результаты политики России могут в будущем обернуться против нее, имея в виду этнофедеральный характер российского государства. Но с другой стороны, надо понимать, что Россия имеет объективные основания считать постсоветское пространство зоной своих интересов.

Исследователь международных отношений Станислав Белень утверждает, что у России больше преимуществ в постсоветском пространстве, в т.ч. на Украине. У России есть жизненные интересы на Украине, которых нет у ЕС. Она является единым субъектом, способным принимать решения. В ЕС многие страны имеют свои интересы, не всегда совпадающие с политикой целой организации. У России больше возможностей применения политических, экономических и военных мер воздействия, а также обеспечения реальных гарантий безопасности. Россия доминирует в информационном пространстве постсоветских государств, чему способствует распространение русского языка (ок. 100 млн. не-русских в постсоветских странах общается на русском языке) и присутствие русской или русскоязычной диаспоры. Ожидает от своих постсоветских партнёров ло-

вии, и независимость Косова можно считать ее результатом.

яльности, но не выдвигает требований демократизации, соблюдения прав человека, борьбы с коррупцией, неприемлемых для многих, основанных на традиции авторитарных режимов³². Кроме этого, ЕС как олицетворение Запада ассоциируется также со сложной экономической ситуацией, особенно в еврозоне, а также с угрозой безопасности со стороны расширяющегося НАТО.

Украина находится сейчас между двумя этнонационализмами, последствием развития которых, скорее всего, может быть раскол единой до сих пор страны. Первый из них — это западноукраинский национализм, у которого, к сожалению, неприемлемая для многих граждан, особенно на восточной Украине неонацистская, ксенофобская традиция. Западноукраинский этноцентризм пытается в последнее время «надеть» европейскую (евроцентрическую) форму. Насколько искренни эти декларации или это только временная тактика — мы пока не знаем. Другой этнонационализм — это «русоцентризм» граждан Восточной Украины, которые, возможно, хотят быть гражданами этого государства, но с возможностью сохранения русского языка и русской культуры, доступа к русскоязычным СМИ. Позиция обоих этнонационализмов неприемлема для другой стороны.

В таких условиях единственным выходом для Украины может стать «третья сила», которую олицетворяли скомпрометированные представители политической элиты (В. Янукович, Ю. Тимошенко и другие). Оказывается, что она была звеном с трудом, но сплывающим всю страну. Парадоксально обвиняемый в авторитарном стиле управления государством В. Янукович смог сохранить территориальную целостность страны, потому что достаточно толерантно относился к западноукраинской традиции³³.

³² Prof. Stanisław Bieleń: Europa Wschodnia między UE a Rosją. Указ. соч.

³³ За исключением ситуации, которые ком-

Речь идёт о возвращении к т.н. креольскому национализму, украиноцентричному в территориальном смысле и в меньшей степени отождествляемому только с украинской культурой и украинским языком³⁴. Законодательные гарантии для русского языка, русского и русскоязычного населения должны быть ценой сохранения единого государства³⁵. Только такая идея способна объединить всех граждан. В противном случае украинские власти, поддерживаемые западными странами, смогут сохранить украинский язык, но вряд ли смогут сохранить единство государства, о котором все якобы заботятся. Во главе «креольского» национализма должны встать двуязычные лидеры, свободно владеющие как украинским, так и русским языком. Но в связи с этим появляется несколько вопросов. Во-первых, есть ли вообще такие лидеры среди скомпрометированных украинских политиков, прежде всего младшего поколения? Во-вторых, будет ли «креольская» идея настолько сильной, чтобы противостоять украинскому «западно-» и «восточноцентризму»? В-третьих, заинтересованы ли будут в этом сами граждане Украины? В-четвёртых, не помешает ли это геополитическим планам внешних сил?

прометировали Украину в мире. Таким решением была отмена звания героя Украины, присвоенного Степану Бандере указом президента Виктора Ющенко в январе 2010 г.

³⁴ «Креольский», украинский национализм, о котором писал Микола Рябчук, не отождествляется, с одной стороны, с Россией, но, с другой стороны, западноукраинская традиция для него чужая (Рябчук М. Від Малоросії до України: парадокси запізнiлого націєтворення. Київ, 2000. С. 7–8).

³⁵ Не будем доказывать очевидного факта, что язык является очень важным, но не детерминирующим элементом этнонациональной идентичности, о чём писал, между прочим, британский историк Энтони Смит. См.: Smith A.D. Etniczne źródła narodów. Kraków, 2009. С. 31–43.

Владислав Мальцев

«РОССИЯ — ИЗВЕЧНЫЙ ВРАГ УКРАИНЫ»

Современный украинский праворадикальный национализм

События на Украине — сначала связанные с Евромайданом, а затем с боями украинских и русских активистов на Юго-Востоке, постоянно мелькающие в новостях упоминания о «Правом секторе» — властно поставили перед российским обществом вопрос о том, что же представляют из себя украинские националисты. В этой статье автор попытается ответить на данный вопрос в рамках доступного объема.

Однако для начала нужно определиться с терминологией, чтобы точно понять, о каком именно явлении идет речь. Кто такие националисты? Те, кто апеллирует к идеям национализма (в данном случае — украинского) и прилагает усилия к их реализации на практике. Однако тут мы видим сразу четыре течения, достаточно сильно различающихся друг от друга.

— Радикальное, включающее, во-первых, молодежную субкультуру, оформленную по популярным западным образцам (наци-скинхеды, «автономные националисты», футбольные фанаты); во-вторых, военизированные организации орденового типа, схожие с РНЕ в России в 1990-е гг. (УНА-УНСО, «Тризуб», «Патриот Украины»).

— Национально-культурные объединения, такие как «Просвита», поклонники «родной веры», казачьи организации, скаутские и спортивные секции, литературные клубы.

— Политические партии, в том числе парламентские. Уже в 1990-е гг. в Верховной Раде был представлен десятками депутатов Народный Рух, сейчас — «Свобода».

— Представителей истеблишмента, вплоть до его верхушки. И президент Украины в 2004–2009 гг. Виктор Ющенко, и премьер-министр (в те же годы с некоторым перерывом) Юлия Тимошенко отнюдь не чурались националистической риторики, а их партии — «Наша Украина» и «Батькивщина» — охотно привлекали в свои ряды и в избирательный блок националистические партии. Среди образовавшихся в 2002 г. «Нашу Украину» партий были Народный Рух, Конгресс украинских националистов и Украинская национальная партия, в 2006 г. в его ряды вошел один из лидеров (в недавнем прошлом) Социал-национальной партии Украины Андрей Парубий. Да и в целом многие из актива этой партии разделяли идеи бандеровцев в той или иной степени, регулярно отмечаясь в местах их «боевой славы» в форме УПА. Точно так же в 2002 г. в «Батькивщину» Юлии Тимошенко вошла (через самороспуск) Украинская консервативная республиканская партия Степана Хмары, ранее тесно связанного с УНСО, в 2005 г. — тогдашний лидер УНА-УНСО Андрей Шкиль, а в 2012 г., после развала «Нашей Украины», — и вышеупомянутый Парубий.

Отношения между этими течениями могут быть откровенно враждебными. Радикалы упрекают интеллигенцию и партии в гибельной умеренности, пытаются свергнуть власть. Так, УНА-УНСО была в 2001 г. ударным отрядом в акциях «Украина против Кучмы», — против президента, который в том же году прямо подчеркивал необходимость создания национальной Поместной Церкви, а двумя годами позже выступил с программной книгой «Украина — не Россия». В свою очередь и пронационалистический истеблишмент жестко действовал против праворадикалов. Один из лучших примеров — разгон Марша в честь героев УПА в Киеве 18 октября 2008 г., когда было задержано и избито 147 ультраправых демонстрантов. Все это происходило при «оранжевом», вполне национал-демократическом президенте Викторе Ющенко, пришедшем к власти с помощью националистических партий, и при министре внутренних дел — одном из организаторов «Украины против Кучмы» и Майдана 2004 г. Юрии Луценко.

Но надо понимать, что при всех разногласиях эти течения имеют ряд общих положений в своей идеологии и деятельности, благодаря чему в определенные моменты (например, при активизации русских активистов) «выстраиваются в одну линию». На практике все они согласны с лозунгом уличных демонстрантов: «Одна страна, один язык, один народ», подразумевающим обязательную украинизацию всего населения страны. И в этом случае уличные радикалы легко оказываются в качестве пехоты, отстаивающей интересы тех же вроде бы чуждых им правящих кругов и крупных парламентских партий, как это было во время и после первого и второго Майданов.

Особое внимание в политике украинизации, конечно, направлено на молодежь. Начиная от школ — география дававших образование на русском языке сжималась как шагреновая кожа, к 2014 г. они были широко представлены

только в Крыму — и заканчивая музыкальной сценой и молодежными телеканалами. Иначе говоря, «поколение MTV» в Незалежной с Pepsi усваивало и украинскую идентичность. Неудивительно поэтому, что Евромайданы в регионах Юго-Востока собирали в 2013–2014 гг. почти исключительно молодежь.

С другой стороны, не стоит и преувеличивать эффективность «украинского проекта». Как показывают события последних месяцев в Харькове, публично отстаивать сохранение «второй столицы Украины» в составе Незалежной готовы за определенным исключением лишь футбольные фанаты, то есть праворадикальная субкультура, связанная с «Правым сектором». И таких в городе с населением 1,4 млн. человек от силы несколько тысяч — именно столько собирали там «Марши за единство Украины» 30 марта и 12 апреля. Марш 27 апреля собрал больше — от 5 до 10 тысяч — лишь благодаря участию в нем приехавших в город на матч своей команды фанатов «Днепра».

Аналогично, побоище 2 мая в Одессе было устроено в ходе марша фанатов местного «Черноморца», усиленных приехавшими на матч с ними харьковчанами¹.

Поскольку объять необъятное невозможно, то в данной статье я сосредоточусь на истории, практике и идеологии праворадикальных объединений Незалежной, ибо их роль в событиях на Евромайдане и после него была весьма заметна, с одной стороны, а с другой — широкому читателю непонятно, где там вымысел, где ложь, а где преувеличения.

Роль политиков и политических партий, эксплуатирующих националистические идеи, заметнее и описывалась

¹ В Одессу на фан-поезде приедут 500 болельщиков «Металлиста» // ВГороде. 30.04.2014. URL: <http://od.vgorode.ua/news/221251-v-odessu-na-fan-poezde-pryedut-500-boleschykov-metallista>

чаще², а национально-культурные объединения играют в случае конфликтов, аналогичных наблюдаемым последние месяцы на Украине, малозначимую роль. Исключение будет сделано лишь при описании коалиций праворадикальных партий или перехода их видных представителей в парламентские.

Опять же, поскольку международная праворадикальная субкультура — наци-скинхеды или футбольные фанаты, а также «автономные националисты», примыкающие в ряде городов Украины к «Свободе» — во всем мире весьма схожа в своем проявлении, то обзор таковой можно также опустить, ибо ничего нового (расизм, кельтские кресты, «мертвые головы»³ и иная апелляция к нацизму⁴) автор не откроет. Описывать разнообразные их объединения вроде оформившихся в последние годы в Киеве «Белого молота» или С14 нецелесообразно — они регулярно возникают и снова рассыпаются — в отличие от давно существую-

щих авторитетных праворадикальных организаций.

«Правый сектор»: структура

Именно это объединение проявило себя в боях 1 декабря на улице Банковой, в попытке прорыва к Администрации президента Украины, и в шедших начиная с 19 января боях с «Беркутом» на улице Грушевского. А позже — в карательных действиях на Юго-Востоке. Со второй половины января его представители охотно давали интервью СМИ, наконец-то заметивших их, и рассказали достаточно, дабы понять его структуру на тот момент.

«Инициировал создание [“Правого сектора”] Тризуб имени С. Бандеры, — рассказал 20 января заместитель главы “Тризуба” Андрей Тарасенко. — Мы создали объединение в первые дни Майдана... [В него вошли] “Тризуб”, УНА-УНСО, “Патриот Украины”, “Белый молот” и другие патриотические группы со всей Украины»⁵. Другой видный «тризубовец», Игорь Загребельный, уточнил позже, что «Правый сектор» создан «28–29 ноября 2013 года... Инициирован ВО “Тризуб” им. С. Бандеры. К нему присоединились отдельные локальные организации — “Белый молот” (Киевская область), “Карпатская сечь” (Закарпатье)», а также «Патриот Украины» и УНСО, причем последняя сохраняет определенную самостоятельность»⁶.

Лидер «Тризуба», постоянно презентуемый как командир «Правого сектора», Дмитрий Ярош 4 февраля уточнил в большом интервью Мустафе Найему по поводу дат создания «Правого сек-

² См., например, серию статей о феномене партии «Свобода»: Форум новейшей восточноевропейской истории и культуры. 2013. № 1. С. 7–150.

³ Предлагаемая к продаже в фанатском интернет-магазине ФК «Карпат» черная футболка содержит на груди изображение «мертвой головы» и кельтского креста, а на спине — эсэсовский лозунг «Наша честь зовется верность», см. фото в группе «Banderstadt Shop» от 18.03.2014, URL: https://vk.com/wall-30479356_654 (Это онлайн-страница магазина «Наш Формат» во Львове.)

⁴ На полуторатысячном фанатском «Марше за единство Украины» 30 марта 2014 г. скандировалось «Зиг хайль, Рудольф Гесс, Гитлерюгенд, СС!» См. видео: URL: http://www.youtube.com/watch?v=b_-IpQgOgr0 Судя по наблюдениям попадавших на фанатский сектор ФК «Металлист» (Харьков) журналистов, эта кричалка звучала там в массовом исполнении и ранее (Гнатенко Артем. Украинские националисты хотят оттяпать у России Ставрополье и Кубань // Комсомольская правда. 20.08.2013).

⁵ Шуклинов Петр. Правый сектор. Кто они и чего добиваются // ЛІГАБізнесІнформ. 20.01.2014. URL: http://news.liga.net/interview/politics/962730-pravyu_sektor_kto_oni_i_chego_dobivayutsya.htm

⁶ Глуховський Михайло. Один з лідерів Правого сектора: Єдині можливі переговори — про умови капітуляції // Главком. 21.01.2014. URL: <http://glavcom.ua/articles/16910.html>

тора»: «24–25 ноября в Киеве состоялась крупная акция в связи с отменой евроинтеграции. Вообще “Тризуб” не является активным сторонником любых интеграционных процессов, но мы провозгласили, что создаем “Правый сектор” как площадку для координации действий различных революционно настроенных групп, так, по большому счету, с самого начала мы прекрасно осознавали то, что нельзя жить дальше в той системе государственных координат, которые существуют. Окончательно “Правый сектор” возник уже после событий 30 ноября, когда мы отошли на Михайловскую площадь. Там мы и начали готовиться к защите и тренироваться. Потом мы все время были на Майдане и вошли в состав самообороны Майдана»⁷.

Что касается структуры, то, подчеркивал Загребельный, «“Правый сектор” — это скорее конфедерация, а не монолитная структура»⁸. По словам Тарасенко: «Единого лидера у “Правого сектора” нет и не может быть. Например, у нас в “Тризубе” есть свои предводители. Все решения “Правый сектор” принимает коллегиально на встречах руководителей... Есть много ребят, которые имеют командирские способности. Они, собственно, и организуют и руководят “Правым сектором”»⁹.

Итак, «Правый сектор» — лишь объединение уже существующих групп праворадикалов. Не случайно позже он четко «расслоился», распределив зоны руководства за лидерами таковых — руководителем по Западной Украине был назначен глава Ровенского отделения УНА-УНСО Александр Музычко (Сашко Белый), на Восто-

ке — глава «Патриота Украины» (чьё основное отделение находится в Харькове) Андрей Билецкий.

УНА-УНСО, «Тризуб», Конгресс украинских националистов

Раскладывая «Правый сектор» на составляющие, начнем с УНА-УНСО, более-менее известной в России. Стоит сразу уточнить важный момент — в первой половине 1990-х гг. партия Украинская национальная ассамблея (УНА) и военизированная Украинская национальная самооборона (УНСО) были самостоятельными друг от друга структурами. Как юридически, вследствие чего одна могла находиться под запретом, а другая — легально действовать и участвовать в выборах¹⁰, так и по изначальной задумке.

Название «ассамблея» в названии политической организации указывает на объединение в ее рядах представителей целого ряда других. Изначально так оно и было, и возникшая 30 июня 1990 г. структура, объединившая целый ряд партий и объединений (таких как Украинская национальная партия, Украинская народно-демократическая партия, Националистическая фракция Союза независимой украинской молодежи (СНУМ) и т.д.), носила название Украинской межпартийной ассамблеи (УМА). Далее, как отмечают политологи, «постепенно Националистическая фракция СНУМ, которая превратилась в Украинский национальный союз, захватила все руководящие должности в УМА. Сама Ассамблея превратилась из Межпартийной в Национальную и де-факто стала [отдельной] партией»¹¹.

⁷ *Найем Мустафа, Коваленко Оксана.* Лідер Правого сектору Дмитро Ярош: Коли 80% країни не підтримує владу, громадянської війни бути не може // Українська правда. 04.02.2014. URL: <http://www.pravda.com.ua/articles/2014/02/4/7012683>

⁸ *Глуховський Михайло.* Указ. соч.

⁹ *Шуклинов Петр.* Указ. соч.

¹⁰ Мы говорим «УНА», не подразумевая «УНСО»? Разъяснение Министерства юстиции Украины // Зеркало недели. 7.07.1995.

¹¹ Ультраправі партії // *Кулик В., Голубуцький О., Криворучко Т., Якушик В.* Політичні партії України. Київ: Кобза, 1996. Книга опублікована на сайті одного з її авторів, URL: <http://golob.narod.ru/glvltultrapravi.html>

Официально переименование УМА в УНА произошло 8 сентября 1991 г.

Лидеры вошедшей в УМА Националистической фракции СНУМ Дмитрий Корчинский, Андрей Витович и Андрей Шкиль играли в ней первые роли на протяжении 15 лет. Хотя с создания УМА и вплоть до августа 1994 г. де-юре лидером организации являлся Юрий Шухевич — украинский диссидент, слепой, но имевший огромное реноме из-за своего отца — командующего УПА Романа Шухевича, руководившего партизанами ОУН на Западной Украине вплоть до своей гибели в бою с НКВД в 1950 г. После ухода Шкиля в 2005 г. Шухевич был вновь избран главой организации.

19 августа 1991 г. УМА инициировала создание украинских военных формирований (УНСО) для борьбы с ГКЧП. По сути, это была идея создания Вооруженных сил независимой Украины, с этой целью в УНСО вербовались прежде всего военнотруженики Советской Армии украинского происхождения. Однако позже эту роль перехватила новая структура, созданная в период с 30 августа по 12 сентября 1991 г. властями Украины, уже принявшими 24 августа Акт о независимости, — Республиканская гвардия (позже — Национальная). Так что УНСО превратилась де-факто просто в боевой отряд при УНА, оформившейся к тому времени из коалиции партий — в одну из таковых.

«Поняв, что интегральный национализм [ОУН] потерял свою привлекательность еще в сороковых годах, а копирование идей НСДАП или ОУН(б) является обычным анахронизмом и, кроме политической медленной смерти, ничего не принесет, руководители УНА-УНСО начали модернизацию идеологии, — отмечают политологи. — Приблизительно с конца 1993 — начала 1994 годов УНА-УНСО слишком увлеклась леворадикальным экстремизмом. На страницах ее журналов появляются статьи, посвященные РАФ, “Красным бригадам”, Маркузе, Дебре, Не-

гри и т.д. Из-за увлечения руководства идеями левого радикализма произошел раскол между Ю. Шухевичем и командой Дм. Корчинского»¹².

В связи с этим находится и создание «Тризуба имени Степана Бандеры». Как отмечает Эдуард Андрищенко, историк украинского правого радикализма 1990-х гг.: «Основателем организации в 1993 году стал преподаватель филологии из Дрогобыча Василий Иванишин. До этого он возглавлял Дрогобычскую сотню УНСО, однако из идеологических соображений (как раз тогда начался отход УНА-УНСО от сугубо националистических идей) он оставил ряды этой организации (за ним пошла практически вся сотня). Официальной датой основания “Тризуба” считается 14 октября 1993 года, однако де-факто создание организации началось в следующем году»¹³. (Можно добавить, что Ярош говорил в интервью Найему, что был среди сооснователей «Тризуба» именно в 1994 г.¹⁴) «Планировалось, — пишет Андрищенко, — что новая организация будет больше отвечать классической бандеровской идеологии. Отношения УНСО и “Тризуба” в этот период можно охарактеризовать как “холодную войну”»¹⁵.

«Тризуб» действовал как спортивно-патриотическое объединение при партии Конгресс украинский националистов (КУН). Созданный 18 октября 1992 г. в Киеве, КУН был официальным преемником ОУН (Бандеры). Создате-

¹² Там же.

¹³ *Андрищенко Е.С.* Парамілітарні структури українського націоналістичного руху 90-х рр. ХХ ст. // Наукові праці історичного факультету Запорізького національного університету. 2011. Вип. XXX. С. 48.

¹⁴ *Найем Мустафа, Коваленко Оксана.* Указ. соч.

¹⁵ Протистояння серед українських націоналістів сучасності. Спроба періодизації // Блог Эдуарда Андрищенко. 26.10.2010. URL: <http://did-panas23.livejournal.com/137366.html>

лем и первым лидером КУН была Ярослава Стецько, с 1986 г. возглавлявшая ОУН(б) в эмиграции, — вдова Ярослава Стецько, ближайшего соратника Бандеры (30 июня 1941 г. именно Стецько стал лидером провозглашенного независимого Украинского государства, союзного Третьему рейху) и лидера ОУН(б) в 1968–1986 гг. «На то время главной функцией “Тризуба”, — пишет Андрищенко, — проистекавшей из насущной необходимости, было обеспечение охраны мероприятий ОУН(р)¹⁶ и КУН. “Оуновцы” и “куновцы” действительно нуждались в защите, особенно в юго-восточных регионах страны. В те годы там случились немало инцидентов при участии идеологических оппонентов националистов, однако благодаря согласованным действиям “Тризуба” конфликты быстро завершались нейтрализацией этих оппонентов»¹⁷.

Отделения «Тризуба» были созданы не только на Западной, но и на Юго-Восточной Украине, прежде всего в Харьковской, Донецкой и Днепропетровской областях. Уроженцем последней является Ярош, сделавший в организации стремительную карьеру: «начав от руководителя городской структуры Тризуба, потом областной, затем региональных структур и так далее», всего за два года поднялся до главного командира (главы Центрального Провода) организации. «Командовал организацией с 1996 по 1999 год, — вспоминал в 2014 году Ярош, — затем был главным инспектором “Тризуба”, затем снова командовал организацией, затем передал полномочия главного командира своему преемнику Андрею Стемпичкому»¹⁸. С 2012 г. он вождь (провідник) организации — руководитель, в том числе идеологический. Аналогичный пост в

ОУН занимали Евгений Коновалец, а затем Степан Бандера. В «Тризубе» его с 1995 г. и до своей смерти в 2007 г. занимал Иванишин, перед этим недолгое время (с Первого съезда организации в сентябре 1995 г. и до назначения на этот пост в мае 1996 г. Яроша) являвшийся ее первым главным командиром. В период своего апогея в 1995–1996 гг. боевое объединение новых бандеровцев, по оценке Андрищенко, насчитывало в своих рядах 2–3 тыс. активных членов. Это меньше, чем УНСО в период своего расцвета в 1992–1995 гг. (5 тыс.), но сравнимо и в любом случае больше любых прочих военизированных организаций¹⁹.

В отличие от УНСО, воевавшего в Приднестровье, Абхазии и Чечне, «тризубовцы» ни разу не принимали участия в военных конфликтах за границей. Причина, однако, отнюдь не в их миролюбии. «Тризубовцы» прославились в последующие годы огромным числом криминальных скандалов, в том числе с участием руководства отделений. В январе 1996 г. глава харьковского отделения вместе с двумя соратниками, вооруженные обрезками, напали на воинскую часть и, разоружив часовых, завладели автоматами и патронами, но на обратном пути были задержаны милицией. В итоге все участники нападения получили от 6 до 7 лет заключения²⁰. После этого прошли обыски по всем отделениям «Тризуба» на Востоке Украины, обнаружившие у его активистов незарегистрированное оружие. Глава донецкой «сотни» (отделения) Виталий Применко получил в 1997 г. два года тюрьмы, и, как писали журналисты, еще удачно отделался, так как вполне мог пойти и по статье о создании незаконных вооруженных формирований. Ряд городских и областных отделений «Тризуба» в разных регионах в итоге прекратил на какое-то время свою деятельность.

¹⁶ ОУН(р) — «революционная», одно из названий ОУН Бандеры.

¹⁷ Андрищенко Е.С. Указ. соч. С. 48.

¹⁸ Найем Мустафа, Коваленко Оксана. Указ. соч.

¹⁹ Андрищенко Е.С. Указ. соч. С. 45.

²⁰ Там же. С. 48.

В 1999 г. Иванишин увел «Тризуб» в отдельное плавание, ибо в рамках КУН ему стало тесно — он видел себя главным идеологом украинского национализма, написав на эту тему ряд книг. Касаясь попыток организации участвовать в политической деятельности, в 2011 г. авторы левого сайта «Политком» отмечали ее демонстративный радикализм: «В 2004 году они входили в “Движение за нацию”, куда кроме “Тризуба” входили такие структуры как “Общество возрождения украинского языка” (из радикальных элементов УКРП [Украинской консервативной радикальной партии] С. Хмары), Народный рух Украины за единство (Богдан Бойко) и обломок УНА-УНСО, возглавляемый Юрием Тымо. Деятельность заключалась в маршах в камуфляже и раздаче газет “Зов нации” и “Бандеровец”. В 2006 году во время первого “Майдана-2”... палатки “Тризуба” стояли рядом с БЮТовскими, а члены структуры несколько раз пытались штурмовать Верховную Раду... В 2010 году во время акции [в Киеве] против Черноморского флота [принятия Верховной Радой закона о продлении на 25 лет пребывания ВМФ России в Севастополе] одетые в камуфляж и береты “тризубовцы” ходили [строевым] шагом и опять-таки подбивали к штурму. Поговаривают, что на этот раз они были привезены автобусами с Тернопольщины на средства БЮТа для силовых провокаций»²¹.

Связь с Блоком Юлии Тимошенко вполне может быть объяснена тем, что в 2001–2005 гг. ее замом в «Батькивщине» был не кто иной как Степан Хмара, вошедший в партию Тимошенко со своей УКРП. С другой стороны, очевидно желание «Тризуба» войти в любой широкий общественно-политический протест в столице для превращения его в силовой штурм власти, для начала «национальной ре-

волюции». Того, что позже удалось реализовать на Евромайдане.

В уличных революциях тех лет участвовала и УНА-УНСО, пережившая репрессии в отношении ее руководства, падение влияния и популярности. Возглавлявший ее в 1999–2005 гг. Андрей Шкиль в итоге также вошел в партию Тимошенко.

Сильный удар «Тризуб» пережил после подрыва памятника Сталину в Запорожье 31 декабря 2010 г. По отделениям прокатились обыски, высшее и часть регионального руководство «Тризуба» было арестовано. И вновь изъятие нелегального боевого оружия: у активистов ивано-франковского отделения — автомат Калашникова, револьверы «Наган» и «Флобер», патроны, взрывные устройства²², а в машине главного командира «Тризуба» Стемпичко — травматический пистолет «Зораки», переделанный под стрельбу боевыми патронами²³. В сентябре 2011 г. был арестован глава донецкого отделения Применко по обвинению в минировании автомобиля частного предпринимателя²⁴. Получив шесть с половиной лет, он вышел на свободу только с победой Евромайдана.

Хронической проблемой «Тризуба» и УНА-УНСО к концу 2000-х было малое число активистов. По сути, от обеих организаций осталось лишь громкое имя, сайт с газетами и какое-то число ветеранов и молодежи по крупным городам. Достаточно ска-

²² *Загальний Стас*. «Тризуб», или Призрак терроризма // Трибуна. 11.01.2011. URL: <http://tribuna.com.ua/articles/politics/259338.htm>

²³ Головного «тризубівця» засудили на 4 місяці арешту // Gazeta.ua. 11.03.2011. URL: http://gazeta.ua/articles/politics/_golovno-go-trizubivcy-a-zasudili-na-4-misyaci-aresh-tu/375707

²⁴ В Славянске «тризубовцу» «шьют» организацию взрыва // Украинская правда. 28.09.2011. URL: <http://www.pravda.com.ua/rus/news/2011/09/30/6628852/>

²¹ *Друг Козака*. Справа ВО «Тризуб»–2011: кому це потрібно? // Политком. 22.01.2011. URL: <http://politcom.org.ua/?p=1758>

зять, что на 20-летний юбилей «Тризуба» в Тернополе осенью 2013 г. на марш удалось собрать менее полусотни бойцов²⁵. «Сейчас это уже умирающее движение», — констатировал в конце 2011 г. лидер донецкого отделения «Патриота Украины» Степан Головка²⁶.

«Тризуб» предпринимал яростные усилия по наращиванию численности. «В течение 2012–2013 годов руководство “Тризуба” продолжило активное воспитание своих молодых членов, — отмечает украинский историк и журналист Ярослав Гынченко. — И, судя по фото и видео, размещенным в сети Интернет, ребята выглядят значительно моложе и менее воинственно, чем их товарищи “по оружию” с “Патриота Украины”»²⁷.

Очевидно, эти лагеря на Грушевского и имел в виду Ярош в интервью Найему, рассказывая, как еще до Майдана его бойцы проходили тренировки. Но ничего подобного в лагерях «Тризуба» не преподавалось — лишь некое подобие допризывной подготовки: бег, физические упражнения, стрельба из пневматики и т.д.

Аналогичные «полевые лагеря» регулярно проводят и КУН, и УНА-УНСО. Разве что у последней они более привязаны к реальным боевым действиям — макеты автоматов и т.д. Это не школа уличных погромщиков.

²⁵ *Близнюк Тетяна*. Візит координатора КВП в Тернопіль // Комітет визволення політв'язнів. 02.11.2013. URL: <http://kvp.in.ua/?p=1326>

²⁶ *Кметь Станислав*. Портрет українського націоналіста в Донецьку. Патріот України // Острів. 14.12.2011. URL: <http://www.ostro.org/articles/article-303336>

²⁷ *Гинченко Ярослав*. Керівник «Правого Сектору» попередив про наближення боротьби з діючою владою ще у липні 2013 року // Сайт Олеса Бузины. 29.01.2014. URL: <http://www.buzina.org/politics/1206-praviy-sector.html>

Влияние всех вышеперечисленных организаций среди уличных радикалов достаточно ограничено. Тем более что в 2005–2008 гг. КУН, УНА-УНСО и «Тризуб» находились в состоянии «холодной войны» с представителями ориентированных на расизм «новых правых» (Украинская национал-трудовая партия, «Патриот Украины»), чья идеи были популярны среди нацискинхедов и футбольных фанатов. Тем более далеки от них были появившиеся позже «автономные националисты», заимствовавшие левацкий антураж.

Социал-национальная партия Украины, «Патриот Украины», Социал-национальная ассамблея

Еще одна малоизвестная в России политическая структура, из которой вышли и партия «Свободы», главный политический проект украинских националистов последних лет, и боевой «Патриот Украины», из которого состоят ныне отряды «Правого сектора» на Юго-Востоке Украины, — Социал-национальная партия Украины (СНПУ). Одним из создателей и лидеров этой партии и ее штурмовых отрядов был комендант Евромайдана и нынешний секретарь Совета национальной безопасности Украины Андрей Парубий.

СНПУ была создана 13 октября 1991 г. во Львове активистами ряда организаций, таких как «Наследие» («Спадщина»), «Варта» («Стража») Народного Руха, местная ячейка «Студенческого братства» (которую возглавлял Олег Тягнибок) и ветераны «афганцы».

Национал-демократический Народный Рух имел в те годы влияние не меньшее, чем ныне «Свобода». Образованная при нем в 1990 г. «Варта Руха», по сути, представляла собой отдельную организацию, как организационно, как и идейно. Вспоминает один из участников «Варты»: «Мы [“Варта” и собственно Рух] жили в параллельных мирах. Они не имели понятия, чем мы занимаемся, мы не очень интересова-

лись их вопросами. Хотя они и чувствовали, что в критический момент на нас можно опереться»²⁸. Как пишет уже цитированный нами историк украинского правого радикализма Эдуард Андрищенко: «Активисты “Варты Руха” обычно были радикальнее настроены [чем собственно “руховцы”]. Они отрицали идею каких-либо компромиссов с властью, а Украину видели лишь как независимое государство... Кроме того, в отличие от Руха, “Варта” имела четкую идеологию — украинский национализм»²⁹. Имела место и подготовка к силовому варианту обретения независимости: «Для нужд организации удавалось доставать необходимый военный инвентарь — противогазы, рации, детальные карты. Значительная часть членов “Варты Руха” уже имела определенные умения и навыки в этой сфере — это были прежде всего офицеры, в том числе с боевым опытом (война в Афганистане)»³⁰.

Лидером СНПУ стал руководитель учебного отдела «Варты Руха» Ярослав Андрушків — мастер восточных единоборств, создатель первых клубов карате на Западной Украине.

Созданная в 1988 г. «Спадщина», возглавляемая Парубием, представляла собой молодежное объединение, за ориентацией на спорт и краеведение скрывавшее подготовку к партизанской войне в духе УПА. «В 17 лет [в 1987 году, когда возникла идея создания “Спадщины”]... я верил, что за Украину придется бороться путем войны», — так позже рассказывал Парубий в интервью³¹. О таком настрое

участников организации говорится и на ее сайте: «Готовясь к возможному силовому противостоянию с советской властью, они тайком занимались активным сбором информации, читали книги об УПА... “Спадщанцы” понимали, что открыто не смогут противостоять вооруженным силам СССР, поэтому свое назначение видели в подготовке к возможной партизанской войне и свойственным ей формам борьбы»³². «Изучали маршруты по горам и перевалам», — уточнял Парубий³³.

Идейной основой организации становится интегральный национализм ОУН, благо им удалось наладить контакты с выжившими на Западной Украине бандеровцами. «Первым программным документом организации, — сообщает сайт “Спадщины”, — стал “Декалог украинских националистов”, переданный им бывшим бойцом УПА Михаилом Ветром»³⁴. «Декалог» написан в 1929 г. одним из идеологов ОУН Степаном Ленкавским.

Участники организации одеваются в воссозданную форму бандеровцев, обзаводятся, судя по всему, и оружием, без которого партизанская война немислима. В январе с.г. Парубий выложил в своей анкете в соцсети фотографию с рождественского вертепа (январь) 1990 г., где двое его участников (в том числе он) одеты в форму и фуражки бойцов УПА, а у него в руках — винтовка Мосина³⁵.

В февраля 1991 г. в газете «За вильну Украину» было опубликовано «Обращение к молодежи», подписанное Парубием от «Спадщины», главой СНУМ

²⁸ Цит. по: *Андрищенко Эдуард*. «Варта Руху» та її роль у суспільно-політичних процесах в Україні 1989–1991 рр. // Мандривец (Тернополь). 2013. № 1. С. 46.

²⁹ Там же. С. 47.

³⁰ Там же.

³¹ *Наливайко Северин*. «Свято вірив, що за Україну доведеться вести військову боротьбу» // Газета.ua. 11.02.2014. URL: http://gazeta.ua/articles/events-journal/_svyato-

viriv-scho-za-ukrayinu-dovedetsya-vesti-vijskovo-ovu-borotbu/541251

³² Исторична довідка // Сайт ОУМ «Спадщина». URL: <http://www.spadshchyna.org/index.php/id/193>

³³ *Наливайко Северин*. Указ. соч.

³⁴ Исторична довідка...

³⁵ Сообщение в аккаунте Андрея Парубия. 07.01.2014. URL: https://vk.com/wall186858653_68

Иваном Качмаром и руководителем комитета по воссозданию Вооруженных сил Украины Иосипом Гулой: «Империя зла уходит в небытие. Призываем молодых патриотов... принять участие в работе первых собраний... продолжателей дела Михновского, Донцова, Коновальца, Бандеры, Стецько, Шухевича»³⁶.

Собравшиеся в СНПУ активисты позиционировали себя как наиболее радикальную силу украинского национализма. В ее принятой в 1991 г. программе заявлялось: «Все прочие политические силы СНПУ считает или национал-коллаборантами — изменниками украинской революции, или романтиками национализма — пустоцветом украинской революции»³⁷. Истинной силой национальной революции она мыслила только себя, имея, как следует из показанного выше, к этому все основания.

СНПУ первой на Украине начала открыто апеллировать к неонацизму. Это и «социал-национализм» в названии, и эмблема — рунический знак «волчий крюк» (wolfsangel). Его в горизонтальном или вертикальном расположении использовали как эмблему ряд дивизий СС, а после войны — неонацисты в ФРГ (в том числе запрещенный в 1982 г. Junge Front) и других странах. В феврале 1990 г. огромный «волчий крюк» в принятом позже СНПУ горизонтальном ва-

рианте красовался на Первом съезде неонацистской греческой партии «Золотая заря» — рядом с классическим немецким орлом со свастикой³⁸.

В 1993 г. СНПУ создаются боевые Народные охранные отряды (Народні охоронні загони), опять-таки апеллировавшие к «партийной гвардии» НСДАП. Зарегистрировать их, отличившихся в сентябре в столкновениях с милицией у Верховной Рады, разумеется, не удалось. Более удачным опытом было создание в 1996 г. Товарищества помощи Вооруженным силам и Военно-морскому флоту «Патриот Украины», которое возглавил один из лидеров СНПУ Андрей Парубий. Отделения новой структуры, сделавшей ставку на привлечение радикальной молодежи, были открыты во многих регионах Украины, включая юго-восточные, но по-настоящему многочисленной она была лишь во Львове. Здесь 7 ноября 1997 г. несколько сотен «патриотов» устроили массовое побоище, напав на коммунистов, митинговавших у памятника Ивану Франко. В отношении Парубия и еще двух социал-националистов было возбуждено уголовное дело по части 2 статьи 206 (злостное хулиганство)³⁹, но его деятельность — как в партии, так и в политике (в 2002 г. он избрался в депутаты Львовской облрады и стал заместителем ее председателя) — это никак не стеснило. 25 июня 2004 г. уголовное дело было и вовсе закрыто.

Более того, как отмечает Андриющенко, в 1999–2000 гг. «Патриот Украины» пережил взлет своей численности⁴⁰. 12 декабря 1999 г. во Львове прошел его первый съезд, чьи участники затем провели полуторатысячное факельное

³⁶ Цит. по: *Стецюк В.* Історія Спілки Української Молоді (1989–1995). URL: <http://znanie.podelise.ru/docs/91666/index-3144.html?page=2>

³⁷ Цит. по: Історія партії // Сайт ВО «Свобода». URL: http://www.svoboda.org.ua/prg_partiyu/istoriya/ Полный текст партийной программы образца 1991–1992 гг., отличавшегося от представленного в 1995 г. при регистрации партии в Минюст: Програма Соціал-Національної Партії України // Ватра. Націонал-революційний часопис. 17.07.2008. URL: <http://www.vatra.cc/sotsial-natsionalizm/prohrama-sotsial-natsionalnoyi-partiyi-ukrayiny.html>

³⁸ См.: Блог WATCH. 04.04.2012. URL: http://xa-watch.blogspot.ru/2012/04/blog-post_03.html

³⁹ *Кукса Виталий.* Мы не фашисты, мы — радикалы // Зеркало недели. 23.04.1999.

⁴⁰ *Андриющенко Е.С.* Парамілітарні структури... С. 45, 49.

шествие по городу. А 7 ноября 2000-го социал-националисты проводят митинг уже у монумента Славы, традиционного места митингов коммунистов, не осмелившихся появиться там ввиду обилия крепких социал-национальных молодчиков. На том митинге Парубий заявил, что в Верховной Раде есть лишь два настоящих националиста — его однопартиец Олег Тягнибок и глава КУН Ярослава Стецько, а прошедшие туда «руховцы» забыли о своих обещаниях. «Если бы в Верховной Раде было хотя бы десять националистов, там уже давно никто не выступал бы на русском языке», — заявил далее Парубий⁴¹.

Правда, судя по всему, Тягнибок этот комплимент не оценил и в целом приревновал к «боевой славе» и парамилитарным формированиям своего однопартийца, в итоге чего в 2001 г. «Патриот Украины» практически прекратил свою деятельность. Официально он был распущен в феврале 2004 г., вместе с преобразованием СНПУ в более умеренную «Свободу», беспрекословным лидером которой стал Тягнибок. Победенный в борьбе внутри партии Парубий в январе 2005 г. создал и возглавил общественное объединение «Украинцы!», затем вступил в «Нашу Украину» Ющенко, а после ее развала — во «Фронт перемен» Яценюка, входивший в «Батькивщину». Немаловажно, что в 2008 г., будучи депутатом Верховной Рады от блока «Наша Украина — Народная самооборона», Парубий в публичном общении подчеркивал: «Я был одним из основателей СНПУ, с того времени и до сих пор мои политические ориентиры не изменились, как и мои идейные основы»⁴².

⁴¹ Аксенчик Виталий. Во Львове 7 ноября сожгли Ленина // 200. №45 (46). 10–16.11.2000.

⁴² Чат з Андрієм Парубієм // ВГолос. URL: <http://vgolos.com.ua/chat/35> (Интернет-интервью не датировано, но по обсуждаемым событиям (война в Южной Осетии) это конец лета — начало осени 2008 г.)

«Патриот Украины» был возрожден спустя два года людьми, имевшими к первой его версии весьма отдаленное отношение. Зарегистрировал ее как общественное объединение 17 января 2006 г. в Харькове Андрей Билецкий, о политическом прошлом которого известно лишь то, что в 2002 г. он возглавил в Харькове отделение «Тризуба», а с 2003 г. начал сотрудничать (не более) с местным отделением СНПУ. То есть к «Патриоту Украины» образца 1996–2003 гг. Билецкий отношения не имел.

Билецкий выстраивал действительно новую организацию. Прежний «Патриот» делал в 1999–2000 гг. публичные реверансы в сторону «защиты белой расы»⁴³ от иммигрантов из стран третьего мира, но новый поставил расизм в основу своей идеологии (характерно название программной статьи Билецкого: «Украинский расовый социал-национализм — идеология организации “Патриот Украины”»⁴⁴) и практической деятельности (регулярные «Марши патриотов», начавшиеся с 2006 г., были посвящены проблемам миграции).

Эта линия позволила привлечь в ряды «Патриота Украины» молодежь, сочувствующую скинхедам и футбольным фанатам, но к указанным уличным

⁴³ См. подборку цитат из публикаций в журнале СНПУ «Ориентиры», редактором которого в то время был Парубий: Шеховцов Антон. Всеукраинское объединение «Свобода»: проблема легитимности борьбы за власть // Форум новейшей восточноевропейской истории и культуры. 2013. №1. С. 35.

⁴⁴ См. копию статьи на сайте неоязыческого «Слова ориев», URL: <http://www.slovoor.info/SO35/St35Vid.htm> С сайта «Патриота Украины» и Социал-национальной ассамблеи статья про «расовый социал-национализм» была удалена после того, как ее процитировали в программе «Шустер LIVE» в апреле 2009 года, см.: Украинская телеаудитория считает, что Украине грозит неонацизм // Таймер. 25.04.2009. URL: http://timer.od.ua/news/Ukrainskaya_teleauditoriya_schitaet_chno_Ukraine.html

движениям не примыкавшую и ждавшую появления «более серьезной» организации, и создать в ближайшие годы сеть отделений в Киеве и по всему Юго-Востоку Украины.

Новая организация изначально подчеркивала свой «боевой», национал-революционный характер и сотрудничала прежде всего с «новыми правыми», оформившимися к середине нулевых на Украине в лице пронацистской Украинской национал-трудовой партии (УНТП), ряды которой практически целиком состояли из скинхедов и подобных групп.

В 2007 г. вышеперечисленные праворадикалы сформировали собственную колонну на марше УПА в Киеве, насчитывавшую, по разным данным, от нескольких сотен до тысячи человек. Фотографии марширующих в своей униформе и со знаменами бойцов «Патриота Украины», появившиеся в украинском Интернете⁴⁵, вызвали настоящий шок. На бундесверовском камуфляже «патриотов» красовались нашивки с «черным солнцем», популярным у западных неонацистов, и т.н. «орлы вермахта» с распростертыми крыльями (такие нашивались на военную форму в гитлеровской Германии), правда, сжимающие в когтях не *hakenkreuz*, а восьмиконечный «коловрат». Изображения на стягах «Патриота Украины» походили на нацистских «имперских орлов» (с опущенными крыльями).

Бойцы «Патриота Украины» носили на маршах большие щиты из ДСП, правда, тогда они играли все же символические функции (на них изображалась символика организации или буквы, складывающиеся в ее название). В 2008 г. многие бойцы организации шли на марше УПА уже в армейских

стальных касках⁴⁶. Это уже походило на будущих бойцов «Правого сектора» на Майдане.

Нечто подобное наличествует сейчас у греческих неонацистов из «Золотой зари», чьи бойцы выходят на уличные акции в мотоциклетных шлемах и с деревянными щитами, на которых изображается символика. Напрашивается мысль о сотрудничестве украинских и греческих ультраправых и обмене опытом. Ведь и те, и те вели агрессивную борьбу со своими оппонентами. «В Харькове “Патриот Украины” начал уличную войну с пророссийскими, коммунистическими, левацкими организациями — и они исчезли, — рассказывал в 2014 г. Олег Однороженко, с 2009 г. идеологический руководитель (референт) отделения в Харькове, а в 2011–2012 гг. — всей организации. — Начали мы с того, что просто “накрывали” их митинги, разгоняли съезды»⁴⁷.

Параллельно с маршами участники организации проводили немало времени в лагерях на природе, осваивая военную подготовку, рукопашный бой и драку стенкой на стенку.

Поскольку «Патриот Украины» продолжал позиционироваться как военно-спортивная организация, ставящая, как сказано на его сайте⁴⁸, перед собой прежде всего задачи «по прямому действию» против оппонентов, решено было создать и действующую при нем партию классического образца. Таковой стала Социал-национальная ассамблея (СНА), учредительный съезд которой прошел в Киеве 8 ноября 2008 г. В состав СНА помимо соб-

⁴⁵ См.: Нашумевший марш в Киеве // PlacePic. 16.10.2007. URL: <http://placepic.ru/7259-nashumevshijj-marsh-v-kieve-29-foto.html> Изначально фотографии появились на сайте Mignews.com.ua.

⁴⁶ См.: Николаев Сергей. Противостояние // PhotoPolygon. 08.11.2008. URL: <http://photopolygon.com/posts/4663>

⁴⁷ Наливайко Северин. «Оппозиция уже могла быть властью. Зато проигрывает на всех фронтах» // Gazeta.ua. 26.12.2013. URL: http://gazeta.ua/ru/articles/politics/_opoziciya-uzhe-mogla-byt-vlastyu-zato-proigryvaet-na-vseh-frontah-istorik/534204

⁴⁸ URL: <http://patriotukr.org.ua>

ственно «Патриота Украины» вошли еще три организации, разделявшие идеи социал-национализма, — «Рид», «Украинская альтернатива» и «Слава и честь» (СіЧ, по-украински так пишется «Сечь»). Последняя — одесская ультраправая организация, созданная летом 2007 г. и включившая в себя ряд представителей фанатского движения «Черноморца», разделявших идеи бандеровцев. Дебютом организации стал проведенный 29 июня 2008 г. в центре Одессы Марш памяти главнокомандующего УПА Романа Шухевича, затем 14 октября 2008 г. они организовали в городе первый Марш УПА (не очень удачный). Годом позже один из лидеров организации Чайка погиб в уличной драке с идейными оппонентами, став неким украинским Хорстом Весселем. После его смерти организация не распалась⁴⁹. В итоге социал-националисты плотно пустили корни в Одессе, где ранее с трудом существовали украинские националисты, и действуют там по сей день. Из них в основном и состоит местный «Правый сектор».

Взлет ультраправых, ряды которых росли, а вместе с этим шло и размежевание с более умеренными и лояльными властью «старыми правыми» организациями, достиг апогея в конце 2008 года, когда они решили провести собственный Марш УПА по центру Киева. Шествие, собравшее около 400 человек, в итоге закончилось побоищем, когда «Беркут» жестко задержал праворадикалов, пытавшихся прорваться к митинговавшим поблизости коммунистам. Особенно пострадал шедший в начале колонны «Патриот Украины». Было задержано 147 человек. Задержанных кидали друг на друга в кучу на мостовую⁵⁰.

⁴⁹ Звернення Проводу Одеської Націоналістичної Організації «Слава і Честь (СІЧ)» // Правая Одесса. 22.01.2010. URL: http://right-odessa.at.ua/news/zvernennja_provodu_odeskoji_nacionalistichnoji_organizaciji_slava_i_chest_sich/2010-01-22-27

⁵⁰ См.: *Білозерська Олена*. Побоїще під час

В 2011 г. вождь организации Билецкий и еще ряд бойцов харьковского «Патриота» были осуждены за нанесение ножевых ранений журналисту Сергею Колеснику. Позже в места заключения отправился с соратниками и лидер киевского «Патриота» Сергей Бевз — их обвинили в подготовке терактов. На свободу они вышли лишь после победы Майдана.

Репрессии и уход открытых праворадикалов в подполье привели к тому, что бывшие «терки» между «старыми» и «новыми» правыми забылись, и в 2013 г. они выступали уже единым национал-революционным фронтом.

Бойцы «Патриота Украины» приняли участие в громком побоище 1 декабря 2013 г. на Банковой улице. Стоявших в цепи солдат внутренних войск «Барс» пытались таранить трактором, им в лица распыляли из баллончиков краску и слезоточивый газ, забрасывали камнями, избивали толстыми стальными цепями и т.д.

Оппозиция поспешила публично заявить, что это побоище — дело рук провокаторов. Но украинский политолог, ранее глава украинского филиала Института стран СНГ Владимир Корнилов сразу же, по «горячим следам» проанализировавший ход событий по фото- и видеозаписям и по сообщениям в соцсетях, пришел к выводу, что атака производилась бойцами «Правого сектора»⁵¹.

Это аргументируется и фотоматериалами, отснятыми многочисленными фотографами 1 декабря в Киеве. Фотограф Илья Варламов запечатлел на Майдане Незалежности группу крепких молодых ребят в вязаных или марлевых масках, сжигавшую флаг Партии

Правого маршу // Блог Олены Билозерской. 19.10.2008. URL: <http://bilozerska.livejournal.com/91123.html>

⁵¹ *Корнилов Владимир*. Еврозвери: анатомия «роевропейского» беспредела // Блог Владимира Корнилова. 03.12.2013. URL: <http://kornilov.name/evrozveri-anatomiya-proevropeyskogo-bespredela/>

Регионов, и пояснил: «Эти люди потом будут в первых рядах бить срочников около Администрации Президента»⁵². Событиям на Банковой посвящен отдельный репортаж Варламова. Он пишет, как все начиналось: «Вначале людей было немного. Может быть, человек 50–100. Обычные люди, которых мы часто видим на улице. В целом атмосфера была очень дружелюбная, если можно так вообще сказать про революцию... Милиция была без защиты и даже без дубинок, кто-то пытался шутить, кто-то смеялся. Внезапно на улицу въехал бульдозер, на нем были люди с фаерами [зажженные пиротехнические факелы, популярные у футбольных фанатов]. За бульдозером шла толпа, человек 200, молодых людей. Я не знаю, как правильно называть эту “молодежь”. У нас их обычно называют футбольными фанатами или националистами. Это те самые ребята, которые накануне зажигали в “правом секторе”. Они с самого утра вооружились арматурой, палками и цепями. Они сделали себе защиту [щиты, шлемы, аналоги бронежилетов] и шли специально, чтобы драться. В общем, радикальная правая молодежь. В этот момент стало действительно страшно... Все сразу поняли, что сейчас может пролиться кровь»⁵³.

У сфотографированной Варламовым 1 декабря на Майдане группы националистов на рукавах — одинаковые желтые повязки с черным «волчьим крюком». Такие же повязки видны на фотографиях у боевиков в первых рядах оппозиционеров на Банковой, и в том числе у бросавшихся с цепями на солдат «Барса». На одном из эле-

ментов ограждения, за которым укрывались солдаты внутренних войск, подошедшие нападающие намалевали из баллончиков с краской (ими прыскали в прозрачные забрала на шлемах сотрудников МВД) «Свободу ПУ» и нарисовали рядом «волчий крюк»⁵⁴.

21 января 2014 г. один из лидеров «Тризуба имени Степана Бандеры», организации-участника и создателя «Правого сектора», Игорь Загребельный заявил в интервью, что ранее состоявший в рядах «Правого сектора» «Патриот Украины» на какое-то время «залег на дно. После 1 декабря они неактивны потому, что они там были открыто, только со [своими] повязками [по части символики]. Соответственно, подвергались репрессиям... Сейчас же многие активисты ПУ снова активизировались»⁵⁵. Сложно не поставить с этим в связь активизацию «Правого сектора» 19 января, до этого почти два месяца бывшего в бездействии. На фотографиях из захваченного 26 января Украинского дома, размещенных в (ныне заблокированных) пабликах «Правого сектора», видны занявшие его штурмовики в камуфляже, вязаных масках, касках и со щитами, на которых написано SNA (социал-националисты часто пишут аббревиатуру своей организации через латиницу) и нарисован «волчий крюк».

Отношение к России и русским

Надо понять, что несмотря на идеологические различия и трения между различными украинскими национали-

⁵² Варламов Илья. Европейская революция на Украине, взгляд изнутри // Блог Ильи Варламова. 02.12.2013. URL: <http://zyalt.livejournal.com/942866.html>

⁵³ Варламов Илья. Штурм Администрации президента, Киев // Блог Ильи Варламова. 02.12.2013. URL: <http://zyalt.livejournal.com/942815.html>

⁵⁴ См.: Корнилов Владимир. Патриот Украины — щиты — Банковая // Блог Владимира Корнилова. 03.12.2013. URL: <http://kornilov.name/evrozveri-anatomiya-proevropeyskogobespredela/patriot-ukrainiyi-shhityi-bankovaya> Фото ЕРА, запечатлевшее процесс рисования граффити ультраправыми с желтыми повязками; см.: <http://www.spiegel.de/fotostrecke/ukraine-proteste-von-regierungsgegnern-fotostrecke-104423-8.html>

⁵⁵ Глуховський Михайло. Указ. соч.

стами, общим для них является враждебное отношение к России.

Сравним утверждение в программе СНПУ, принятой в октябре 1991 г., что партия «считает Российское государство причиной всех бед на Украине»⁵⁶, с заявлением главы «Тризуба» Яроша в тренировочном лагере организации летом 2013 г.: «Россия — это извечный враг Украины, и пока существует Российская империя в любой форме, реальная национальная независимость Украины и украинского народа невозможна»⁵⁷. С разницей почти в четверть века, две совершенно разные организации — но идея одна.

Борьба с Россией логично подразумевала и поддержку сепаратизма внутри нее с целью дальнейшего включения ряда ее регионов (т.н. «украинских этнических земель») в состав будущей Украинской державы. Хорошо известно участие бойцов УНСО в боях в Чечне на стороне чеченских сепаратистов, но гораздо меньше — о том, чего оно должно было в итоге достичь. Украинский журналист Вахтанг Кипиани в 2002 г. вспоминал своего давнего знакомого Анатолия Лупиниса, являвшегося в первой половине идеологическим вождем УНСО: «Я запомнил его сидящим на фоне “Карти неспланичених боргів України” [“Карты неоплаченных долгов Украине”] — Кубань, Серый Клин [Южная Сибирь], Зеленый Клин [Приамурье], Стародубщина, Перемышль. И, конечно, Кавказ»⁵⁸, где Ставрополье в

свое время заселялось в том числе украинцами. «Развал империи, становления национальных государств, — процесс необратимый, — писал Лупинис в начале 1994 г. в газете “За вильну Україну”. — Украина станет опорой поработанных Москвой народов в демонтаже империи, в становлении своих национальных государств... Миссия Кивеа, 750 лет тому назад прерванная ордынским нашествием, всем своим грузом ответственности перед цивилизацией ложится на плечи нашего народа... Украина может существовать лишь как сильная держава, как фактор, определяющий в Евразийском регионе»⁵⁹.

В 1994 г. УНА-УНСО выдвигает лозунг «Украинской империи», которая должна возникнуть на развалинах России. Руководитель военной референтуры (направления деятельности) организации полковник Виталий Чечило писал в журнале «Голос нации»: «Самой историей и Богом определено, что миссию объединения земель русских должна опять взять на себя правопреемница Киевской Руси — Украина... имеющая мощную диаспору на всем пространстве бывшего СССР, которая способна установить этноконтроль на территориях, где она проживает... [эта украинская диаспора] позволит создать на первом этапе конфедерацию славянских государств, а позже и мощную унитарную империю в пределах прежнего СССР под эгидой Украины и со столицей в Киеве»⁶⁰.

Аналогичные заявления делал и Дмитрий Корчинский — как утверждает в его книге «Война в толпе» (1998), в своем докладе на съезде партии в декабре 1997 г. он заявил в присутствии ему красочном стиле: «Украина возможна

⁵⁶ Програма Соціал-Національної Партії України // Ватра. Націонал-революційний часопис. 17.07.2008. URL: <http://www.vatra.cc/sotsial-natsionalizm/prohrama-sotsial-natsionalnoyi-partiyyi-ukrayiny.html> Эти пункты цитирует в своей статье по другим источникам и Антон Шеховцов (*Шеховцов Антон*. Указ. соч. С. 33).

⁵⁷ *Тинченко Ярослав*. Указ. соч.

⁵⁸ *Кипиани Вахтанг*. Аятолла украинского сопротивления // Киевские ведомости. 09.02.2002. Копия на сайте автора. URL: <http://kipiani.org/plain.cgi?155>

⁵⁹ *Лупинис А.*: Ординський період закінчився // Сайт УНА-УНСО. URL: <http://una-unso.in.ua/Ordinskiy-period-zakinchivsyalaLupin>

⁶⁰ *Чечило В.* Українська імперія як фактор виживання слов'янської цивілізації // Голос Нації. № 23–24. 1994.

только как дракон с хвостом на Дальнем Востоке, сердцем на Кавказе, а головой на Балканах».

Эти устремления были свойственны не только УНА-УНСО, но и прочим украинским националистам. Карта Великой Украины, включающей в себя Краснодарский край, часть Ростовского до Дона, Воронежскую, Брянскую и Белгородскую области еще в 1992 г. красовалась на титульной части газеты «Нескорена нация»⁶¹, органе праворадикальной партии «Государственная самостоятельность Украины» (Державна самостійність України, ДСУ), действовавшей в 1990–2003 гг.

Аналогичная карта находится уже не первый год на сайте «Тризуба» в разделе с красноречивым названием «От Сана до Кавказа»⁶² (измененная формулировка «От Сана до Дону», которая описывает территорию Украины).

После того как в первой половине 2000-х гг. УНА-УНСО пережила серию расколов и потеряла свое влияние и активность, «Тризуб» сделал заявку на лидерство в поддержке сепаратистских движений в России. В мае 2007 г. в Тернополе по инициативе и при участии руководства организации прошел учредительный съезд Международного Антиимперского фронта, в который вошло Движение за деколонизацию Кавказа⁶³. Это Движение в 2006 г. создал и возглавил дагестанский исламист Ахмед Сардали, в 1999 г. входивший в «Исламскую шуру». Это движение в 1999 г. взяло на себя политиче-

ское руководство «джихадом» в Дагестане, т.е. вторжения отрядов Шамиля Басаева и Амира эль-Хаттаба в Дагестан при участии местных ваххабитов⁶⁴. Позже вплоть до 2013 г. Сардали был выпускающим редактором сайта «Кавказ-Центр»⁶⁵.

После проведенного в Тернополе съезда, в мае 2007 г., в письме главе «Тризуба» Дмитрию Ярошу «от имени правительства Чеченской Республики Ичкерия выразил благодарность» Докку Умаров, поддержавший «создание авторитетной международной силы, которая встанет в авангард борьбы с российским империализмом»⁶⁶.

Целью Международного Антиимпериалистического фронта на пресс-конференции в Тернополе 8 мая 2007 г. была обозначена «всесторонняя поддержка национально-освободительного движения поработанных народов Кавказа и других колонизированных Москвой территорий»⁶⁷.

В 2013 г. «Тризуб» высказался в поддержку сепаратизма славянского населения Юга России, который пытались инициировать эмиссары «Братства» Дмитрия Корчинского и

⁶¹ Фотоматеріали ДСУ. Частина перша. Фото з газет // Блог Едуарда Андрищенко. 16.05.2010. URL: <http://did-panas23.livejournal.com/61938.html>

⁶² Від Сяну по Кавказ // Сайт ВО «Тризуб». URL: <http://banderivets.ho.ua/index.php?page=pages/main/zmist6>

⁶³ В Тернополе создан Международный антиимперский фронт // Корреспондент. Нет. 06.07.2007. URL: <http://korrespondent.net/ukraine/events/189389-v-ternopole-sozdan-mezhdunarodnyj-antiimperskij-front>

⁶⁴ Музаев Тимур. Чеченская Республика Ичкерия в августе–сентябре 1999 года. Конфликт в Дагестане и начало войны в Чечне // Сайт Международного института гуманитарно-политических исследований. 1999 г. URL: <http://www.igpi.ru/monitoring/1047645476/1999/0999/20.html>

⁶⁵ Санбаригов Руслан. Ахмад Сардали сложил полномочия выпускающего редактора КЦ по состоянию здоровья // Kavkaz Center Blog. 23.07.2013. URL: http://www.kcblog.info/2013/07/blog-post_4251.html

⁶⁶ Цит. по: Чеченские боевики поддерживают создание «Антиимперского фронта» на Украине // Новый регион. 14.05.07. URL: <http://www.nr2.ru/kiev/118692.html>

⁶⁷ В Тернополе создан Международный антиимперский фронт // Корреспондент. Нет. 06.07.2007. URL: <http://korrespondent.net/ukraine/events/189389-v-ternopole-sozdan-mezhdunarodnyj-antiimperskij-front>

Украинского национального союза (это не вошедшая в 1990 г. в УНСО организация, а другая, созданная в начале 2010-х гг. в Харькове Олегом Голтвянским). «Сегодня, когда напряжение на Кубани и Ставрополье растет, украинским националистам нужно приложить максимум усилий, чтобы донести до населения этих регионов националистическое, антиимперское видение проблемы, — писал на сайте организации Игорь Загребельный. — Это борьба против имперской власти под лозунгами независимости казачьих территорий к северу от Кавказских гор с перспективой их дальнейшей интеграции в состав украинского государства»⁶⁸.

Наконец, и социал-националисты отнюдь не чужды подобным идеям, хотя озвучивают их не так откровенно. 15-й пункт программы СНПУ 1991 г. содержал заявление, что «Украина — геополитический центр Евразии»⁶⁹. (Вспомним схожий тезис Лупиниса, что «Украина может существовать лишь... как фактор, определяющий в Евразийском регионе».) В 2008–2009 гг. на сайте Социал-национальной ассамблеи на видном месте находилась карта будущей Украинской державы, включающей в себя все те же регионы России, что и прочие подобные карты Великой Украины. Сейчас эта карта и содержащая ее агитационная продукция уже недоступны на сайтах, но сохранились

⁶⁸ *Загребельний Ігор*. Етнополітична напруга на Північному Кавказі як прояв імперської дійсності // Сайт ВО «Тризуб». 28.01.2013. URL: <http://banderivets.org.ua/etnopolitychna-napruga-na-pivnichnomu-kavkazi-yak-proyav-imperskoj-dijsnosti.html>

⁶⁹ Програма Соціал-Національної Партії України // Ватра. Націонал-революційний часопис. 17.07.2008. URL: <http://www.vatra.cc/sotsial-natsionalizm/prohrama-sotsial-natsionalnoyi-partiyi-ukrayiny.html> Эти пункты цитирует в своей статье по другим источникам и Антон Шеховцов (*Шеховцов Антон*. Указ. соч. С. 33).

в блогах⁷⁰. Лидеры отделений «Патриота Украины» заявляли в 2011 г. на этот счет уклончиво: «Наша цель — Великая Украина “від Сяну до Дону”, а то и пошире»⁷¹.

Уклончивость высказываний насчет территориальных претензий к России и удаление с сайта «Патриота Украины» и Социал-национальной ассамблеи карт «Великой Украины», включающей в себя территорию пограничных российских регионов, говорит скорее не о смене целей, а об изменении направлений достижения таковых. Украинские ультраправые из «Патриота Украины» пошли сходным с «Тризубом» путем — инициированием движения с сепаратистским уклоном среди русских националистов этих регионов, но, в отличие от «тризубовцев», они находятся со своими адресатами в непосредственном контакте — а это вынуждает хотя бы к публичному отказу от педалирования территориальных претензий.

Но от таковых социал-националисты не отказываются. Показателен такой момент — 11 февраля 2014 г. возглавлявший тогда (во время нахождения Билецкого в тюрьме) «Патриот Украины» и Социал-национальную ассамблею Игорь Криворучко в интервью одному из российских националистических сайтов (кстати, весьма комплиментарно подавшего своим читателям украинских социал-националистов) отказался четко ответить на вопрос, как видит в будущем взаимоотношения (и границы) Украины и России, при этом отметив от лица организации, что «право на национальную самоидентификацию жителей Кавказа и Сибири признаем»⁷². То есть также имеют

⁷⁰ См.: Идеология извращения (продолжение) // Блог wehrwolf_r. 27.06.2010. URL: <http://wehrwolf-r.livejournal.com/1767.html>

⁷¹ *Кметь Станислав*. Указ. соч.

⁷² *Киреев Владимир*. Игорь Криворучко: «В правом движении Украины русофобии уже нет» // Modus Agendi. 11.02.2014. URL: <http://modus-agendi.org/articles/2689>

прицел на раздробление России и переход в состав Украины «украинских этнических земель», список которых в этом кратком описании близок к «Карте долгов Украины» Лупиниса.

Партнерами социал-националистов в сопредельных российских регионах были местные русские националисты радикального толка, например, на Белгородчине — Русское национал-социалистическое движение (РНСД) во главе с Романом Стригунковым. 22 мая 2011 г. РНСД провело в центре Белгорода пикет «Хватит кормить Москву!»⁷³. С плакатом с этим лозунгом соседствовал другой — «Нет паразитизму», т.е. намек на то, что Центр — «паразит» на теле Белгородчины. Далее, 14 октября 2012 г. делегация РНСД во главе со Стригунковым приняла участие в Марше УПА в Харькове, организованном «Патриотом Украины»⁷⁴. Как выясняется из заявлений самого Стригункова на том марше, с ним прибыли соратники из Белгорода, Воронежа и Москвы в числе восьми человек⁷⁵.

8 декабря 2013 г. Стригунков с несколькими соратниками развернул на Майдане в Киеве свою палатку и опубликовал призыв к «русским здравомыслящим националистам присоединиться к нам»⁷⁶. Позже он поясняет: «Мы тут с Правым сектором

общаемся»⁷⁷, судя по всему, с теми же «Патриотом Украины» и США.

После победы Евромайदानа карты Великой Украины до Волги и Кавказа появляются в группах Социал-национальной ассамблеи в соцсетях с заметной регулярностью⁷⁸. Судя по всему, стесняться чего-либо они считают уже излишним.

А как относятся украинские националисты к русским как к народу? В начале 1990-х гг. их заявления по этому вопросу были весьма откровенны. В 10-м пункте принятой в 1991 г. программы СНПУ заявлялось, что «подавляющее большинство так называемых русских — вчерашние угрофинские племена, народы Урала и Сибири, кочевники монголоидного происхождения»⁷⁹. А вот — из статьи идеологического лидера УНА-УНСО Анатолия Лупиниса за начало 1994 г.: «В “Расее” вашей никогда не было ничего от Руси... “великий русский народ” — конгломерат угрофинских и тюрских племен»⁸⁰.

Сейчас, конечно, это не выносятся в программы и публичные обсуждения, но тезис о том, что русские не имеют отношения к Киевской Руси (которая со времен Грушевского в националистической историографии называется

⁷³ Пикет «Хватит кормить Москву!». Парк Победы. 22 мая 2011 // Пост пользователя che0safe в сообществе «Остаться в Белгороде». 22.05.2011. URL: <http://stay-in-bel.livejournal.com/28176.html>

⁷⁴ См.: А шовіністи проти... // Сайт Украинского национального союза. 17.11.2012. URL: <http://www.naso.org.ua/delo/574-a-shovnsti-proti.html>

⁷⁵ Видео со Стригунковым, 16.10.2012. URL: <http://www.youtube.com/watch?v=TP79BZlIAbU>

⁷⁶ Сообщение в аккаунте Стригункова в Twitter @r_vasilich. 08.12.2013. URL: https://twitter.com/r_vasilich/status/409758086476611584

⁷⁷ Сообщение в аккаунте Стригункова в Twitter @r_vasilich. 26.01.2014. URL: https://twitter.com/r_vasilich/status/427695630157623297

⁷⁸ Сообщение в официальной группе «Соціал-Національна Ассамблея» в ВКонтакте. 25.03.2014. URL: http://vk.com/wall-1611359_18172

⁷⁹ Програма Соціал-Національної Партії України // Ватра. Націонал-революційний часопис. 17.07.2008. URL: <http://www.vatra.cc/sotsial-natsionalizm/prohrama-sotsial-natsionalnoyi-partiyi-ukrayiny.html> Эти пункты цитирует в своей статье по другим источникам и Антон Шеховцов (*Шеховцов Антон*. Указ. соч. С. 33).

⁸⁰ Лупинис А.: Ординський період закінчився...

Украиной-Русью, то есть ранним этапом истории украинского народа) и тем самым не имеют даже права носить русское имя (отсюда и постоянно употребляемая кличка «москаля»), среди украинских националистов классического образца весьма популярен.

Конечно, апеллирующие к идеям неонацизма и расизма украинские праворадикалы, на одно из первых мест ставящие идею борьбы с выходцами из Азии и Африки, такого рода доводы использовать не могут. На основании этого они обычно уверяют своих российских «соратников», что никакой русофобии у них нет. Но вопрос-то на самом деле в другом. Ведь и те и другие украинские националисты абсолютно разделяют лозунг о том, что на Украине не все должны говорить «державной мовой», принять украинские ценности, изучать в школах историю украинского народа как единственного политического и культурного субъекта на территории Незалежной в границах 1992–2013 гг. Иначе говоря, русским здесь просто не остается места.

В этом плане весьма показательным интервью, данное в марте с.г. лидером киевского отделения «Правого сектора» Андреем Тарасенко Ленте.Ру. Начал он с ритуальных пассов: «С чего вы взяли, что у нас есть русофобия? У нас вообще никаких фобий нет... Мы уважаем любую другую нацию». Собообщил, что сам — с Востока и говорит на русском. А далее заявил следующее: «Я говорю про нацию. А вы говорите про эфемерных русских в Донецке... А это украинская земля, где украинцы жили испокон веков». Аналогично про Крым: «Крым — это украинская земля еще с тех времен, когда крымско-татарской нации не существовало, когда и Москвы еще в природе не было. Говорить, что это крымская или российская земля — просто смешно. Это украинская земля испокон веков». В плане хотя бы элементарного знания истории он абсолютно безграмотен, так как территории Кры-

ма и Донбасса никогда не входили в состав казацкой Украины и были завоеваны Российской империей в XVIII в., после чего заселены выходцами из самых разных народов, среди которых украинцы были лишь одним из многих. Но он лишь следует известному тезису: «История — политика, опрокинутая в прошлое». Раз эти земли входят сейчас в состав Украины, то они — «исконное» достояние украинцев, представители же русского народа там «эфемерны», то есть не то что не существуют — не могут там существовать.

«Если они [местные жители] русские по национальности, то у них есть метрополия, Российская Федерация. Пожалуйста, какие проблемы?» — продолжает Тарасенко. Там они могут быть русским народом (так что, если хотят быть представителями такового, могут уезжать в Россию, — пояснил он в ответ на прямой вопрос журналиста), а на Украине — нет, только украинская нация и только украинский язык⁸¹.

Кто-то возразит, что Ярош — представитель «Тризуба», а вот социал-националисты, в отличие от них, к русским настроены более комплиментарно. Но вот недвусмысленная на сей счет позиция в программной статье ее вождя Андрея Билецкого: «Украине нужен один украинский национальный государственный патриотизм, который рассматривает ее как единственную территориальную, государственную, национальную и культурную целостность». Ибо, отмечает он: «Большинство русского меньшинства в Украине, безусловно, являются патриотами Слобожанщины, Донецкой области, Запорожья, и еще больше — Киева — “Матери городов русских”, и вообще — они патриоты “Малороссии”, но в составе “Великой России”... Именно

⁸¹ Азар Илья. «Мы — не вооруженные силы»: Интервью с одним из лидеров украинского «Правого сектора» // Лента.Ру. 10.03.2014. URL: <http://lenta.ru/articles/2014/03/10/pravysektor>

поэтому эти “наши патриоты” за триста лет своего обитания на нашей земле не выучили ни украинский язык, ни культуру, не восприняли наши национальные интересы, как свои. Это патриоты украинской территории и враги украинской государственности»⁸². И по его мнению, Новороссия и Крым — это издревле украинская территория, где русские — гости, а на Украине должна быть одна единая нация, один язык и культура — разумеется, украинские. Кто не согласен — враг. «Вопрос же тотальной украинизации в будущем социал-националистическом государстве будет решен в течение 3–6 месяцев с помощью жесткой и взвешенной государственной политики», — писал Билецкий в другой статье, вышедшей в 2008 г.⁸³.

Судя по примеру Тарасенко (родился на Востоке Украины и говорил на русском, но в настоящий момент его почти не помнит), русским языком те же радикальные украинские националисты могут пользоваться в своем кругу, но это момент, так сказать, тактический. Многие состоящие в «Правом секторе» молодые жители Киева или городов Юго-Востока говорят в основном на русском — но это не отменяет их будущей окончательной украинизации в планах их руководства.

Во всем вышеперечисленном есть колоссальная ловушка для тех рус-

ских националистов, которые уверены, что национализм — это уличные криминальные разборки с мигрантами. В украинском национализме все это тоже есть, но главное в нем другое: формирование нации путем ассимиляции представителей других народов и борьбы с Российским государством.

Когда русские националисты приезжают на Украину и их никто не оскорбляет и не бьет там за то, что они русские, они испытывают ломку шаблона. Но украинским национализмом руководят не уличные подростки, а серьезные люди, понимающие, что важно формировать свой позитивный имидж и что гораздо выгоднее, используя риторику «мы боремся за общие цели» (национальную революцию, белую расу, против режима Путина и т.д.), бесплатно использовать этих «туристов» далее в своих целях (в уличных боях на Украине, в агитации в пользу майдановцев в России — в Интернете и на массовых акциях и т.д.). В принципе, пока что это украинским националистам удастся неплохо.

Если брать исторические аналогии, то современный «украинский проект» очень похож на польский эпохи Речи Посполитой. Это государство не устраивало набегов, вырезая и продавая в рабство население России, как крымские и ногайские татары, в ее элите было немало людей с восточнославянскими фамилиями. Но задача польского государства сначала в Галиции, а после унии с Литвой — и во всей Западной Руси состояла в ополячивании русского населения, которое теряло свою и усваивало чужую идентичность. Война с этим проектом растянулась дольше, чем с кочевниками — вплоть до 1863 г., когда польские повстанцы претендовали на восстановление Речи Посполитой «по Днепр», пытаясь при этом использовать русских революционеров под лозунгом «за нашу и вашу свободу».

⁸² *Билецкий А.* Патріотизм проти націоналізму // Слово Білого Вождя [Б.м.: Самиздат, 2013]. С. 14. Статья (без указания авторства) размещена и на официальном сайте Социал-национальной ассамблеи под названием «Патріотизм чи Націоналізм?». URL: <http://snaua.info/patriotizm-chi-natsionalizm>

⁸³ *Билецкий А.* Мова і Раса — первинність питання // Слово Білого Вождя [Б.м.: Самиздат, 2013]. С. 31. Статья под тем же названием за подписью Билецкого размещена и на официальном сайте Социал-национальной ассамблеи. URL: <http://snaua.info/mova-i-rasa-pervinnist-pitannya>

Дмитрий Павлов

«БАНДЕРОВЦЫ» И ФОРМИРОВАНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ Западной Украины

После окончания Второй мировой войны в бывшем СССР имелось всего два региона, которые в глазах многих советских обывателей воспринимались как «чужеродные» элементы на фоне царства «дружбы народов», охватывавшей пространства от Восточной Пруссии до Камчатки. Это Прибалтика и Западная Украина. Широко было распространено мнение, что эти территории на крайнем западе «великого могучего Советского Союза» представляют собой своеобразную внутреннюю границу, где менталитет населения, политические традиции и степень неприятия социалистической реальности резко отличались даже от сопредельных земель, находившихся под контролем Москвы после окончания Гражданской войны 1918–1920-х гг.

Такой контраст объяснялся вполне рациональными причинами. Во-первых, эти земли большую часть своей истории развивались вне сферы влияния русской государственности в любых ее формах (от Московского княжества до Российской империи). Причем если Прибалтика формально и находилась под скипетром императора почти два столетия (при этом фактически там господствовал «особый порядок», заключавшийся в культивировании немецких или польских традиций), то земли Галиции вообще никогда не являлись частью единого с Россией политического пространства. Во-вторых, огромная полоса земли Восточной Европы

от южного берега Финского залива в Эстонии до отрогов Карпатских гор на Буковине в 1920–1930-е гг. не входила в состав Советского Союза, когда там происходило бурное становление институтов коммунистического режима. В-третьих, именно в Прибалтике и в Галиции местное население сумело воплотить в жизнь собственные национальные проекты как в виде отдельных государств (Эстония, Латвия, Литва), так и в виде мощных общественных движений (Галиция)¹.

Автор этих строк посвятил отдельную статью анализу ситуации в Прибалтике². Что касается Галиции, то ее история по сравнению с народами Балтии имеет как серьезное сходство, так и не менее серьезные различия. Если в случае прибалтов речь идет о совершенно отдельных от русских этнических массивах, в чьей самобытности не сомневался никто и никогда, то в случае украинского (русинского) населения нынешних Львовской, Тернопольской и

¹ На этом фоне сильно выделяется Западная Белоруссия, восточнославянское население которой в межвоенный период не обладало ни сильным национальным движением, ни значительной национальной интеллигенцией. Ввиду этой причины население современных Брестской и Гродненской областей сравнительно легко и органично интегрировалось в СССР.

² Русские в странах Балтии: мифы и факты // ВН. 2012. № 11.

Ивано-Франковской областей Украины картина представляется куда более неоднозначной. Как было показано в другом моем материале³, во второй половине XIX — нач. XX в. восточные земли Австро-Венгрии стали ареной конкуренции двух национальных проектов — русского и украинского, из которой последний вышел победителем. Однако окончательный успех пришел к нему не сразу. После поражения сторонников Западно-Украинской Народной республики в войне с поляками (1918–1919) и включения Галичины в состав возрожденной Польши начинается новый этап развития и утверждения украинской национальной идентичности, продолжившийся до Второй мировой войны. Ключевую роль в этом процессе сыграли местные организации украинских националистов, которые сумели не только добиться успехов в пропаганде своих идей, но и стать во главе самого ожесточенного антисоветского вооруженного движения после окончания Гражданской войны в России. Именно благодаря им слово «бандеровец», изначально означавшее принадлежность к радикальному крылу Организации украинских националистов, стало именем нарицательным и приобрело известность далеко за пределами Украины.

* * *

В 1920 г. в Праге была основана Украинская войсковая организация (УВО), основу которой составили офицеры армий Украинской Народной Республики (УНР) и ЗУНР. В состав УВО, являвшейся военизированным формированием радикальной направленности, входили две тысячи человек. Во главе всей структуры стоял полковник армии УНР Евгений Коновалец. Организация вела как пропагандистскую, так и террористическую деятельность против высших представителей руководства Польши,

обвинявшихся в полонизации восточнославянских меньшинств в Польше. Однако к концу 1920-х гг. в широкой народной среде возрос спрос на более массовые организации. В январе–феврале 1929 г. на съезде националистических организаций, получившем название Первый конгресс украинских националистов, УВО, вобравшую в себя менее радикальные движения, переименовали в Организацию украинских националистов — ОУН. Ее численность в середине 1930-х гг. достигала 20 тыс. человек.

Программа ОУН включала целый ряд положений, касающихся идеала националистов — будущего устройства независимого украинского государства. Во-первых, оно должно было включить в свой состав земли «от Сяна до Дона», где, с их точки зрения, проживали этнические украинцы. Фактически речь шла о территориях, входивших в состав СССР, Польши, Румынии и Чехословакии. Если говорить о социальных воззрениях актива организации, то их можно назвать корпоративистскими, т.е. ориентированными на сильную роль государства в экономике при сохранении частной собственности. Слабая выраженность либеральных элементов программы была связана с крестьянской основой движения и почти полным отсутствием национальной буржуазии.

Идеологом национализма ОУН был уроженец Малороссии Дмитрий Донцов, а также выходцы с Волыни Николай Сциборский и Вячеслав Липинский. Стержнем программы являлась концепция «интегрального национализма», где интересы «воображаемого сообщества» — украинской нации, выступали *raison d'être* жизнедеятельности любого политического активиста. Причем, с точки зрения лидеров ОУН, защита этих интересов вполне могла вестись и насильственными методами, даже в мирное время. Одно из изданий украинских националистов 1930 г. прямо признавало, что спокойная жизнь населения не служит интересам дела

³ «Русь от Карпат до Камчатки»: восход и закат галицкого русофильства // ВН. 2013. № 13.

«освободителей»: «Средствами индивидуального террора и периодических массовых выступлений мы увлечем широкие слои населения идеей освобождения и привлечем их в ряды революционеров... Только постоянным повторением акций мы сможем поддерживать и воспитывать постоянный дух протеста против оккупационной власти, укреплять ненависть к врагу и стремление к окончательному возмездию. Нельзя позволить людям привыкнуть к оковам, почувствовать себя уютно во вражеском государстве».

Результатом деятельности ОУН и идеологически близких ей структур были не только террористические акты против представителей польской администрации, но и вполне зримые изменения в идентичности населения. Так, к началу 1930-х гг. число лиц, декларирующих свою национальную украинскую идентичность, впервые превысило тех, кто мыслил себя как «русинов». Об этом красноречиво свидетельствуют результаты польской переписи населения 1931 г. по Львовскому, Тарнопольскому и Станиславовскому воеводствам: русинами записались 1 млн. 116 тыс. человек, а украинцами — 1 млн. 660 тыс. человек. Во время предыдущих переписей, проводившихся как в Польше, так и в Австро-Венгрии, абсолютное большинство восточнославянского населения постулировало исключительно русинскую идентичность.

Катализатором процессов украинского нациостроительства стала Вторая мировая война и связанные с ней изменения политической карты Восточной Европы. В сентябре 1939 г., в соответствии с пактом Молотова-Риббентропа, Западная Украина стала частью СССР, и на ее территории стали активно проводиться мероприятия по интеграции политико-правового и экономического пространств в советскую государственную систему. На практике это означало борьбу с классовыми врагами в лице буржуазных и кулацких элементов. Любопытно отметить,

что поскольку восточнославянское православное и греко-католическое население занимало наименее престижную нишу социума Галиции и Волыни (в основном это было крестьянство, только иногда — пролетариат и провинциальная интеллигенция и полуинтеллигенция), то оно пострадало в относительном измерении намного меньше доминировавших в крае поляков и евреев. Характерно, что даже такой пропагандистский документальный фильм радикально антисоветской направленности, как картина Тараса Химича «Золотой сентябрь. Хроники Галичины 1939–1941», не стремится скрыть это обстоятельство: основная часть представленных в фильме львовян, переживших те коллизии, — поляки и евреи, составлявшие большинство жителей городов региона.

Однако и у сельских жителей шок от столкновения с советской действительностью был не меньшим. Автору этих строк удалось пообщаться с львовским краеведом, хорошо знающим историю родного города и окрестностей. Оказывается, в сознании местного населения долгое время параллельно существовали два совершенно разных образа России. Первый сформировался благодаря войскам Российской императорской армии, которые заняли Львов в 1914 г. Это были в основном хорошо образованные, галантные, доброжелательные офицеры и дисциплинированные солдаты. И второй — из 1939 г. Пришедшая в город Красная армия состояла — от солдат до высших офицеров — главным образом из люмпенизированных элементов, отличавшихся крайне разнузданным, грубым и бесцеремонным поведением. Колоссальной властью на вновь присоединенных территориях обладали сотрудники НКВД, регулярно терроризировавшие жителей (многие из которых до того с искренней симпатией относились к Советскому Союзу). Такой контраст вызвал у галичан настоящий шок. Как отмечал известный кинорежиссер Александр Довженко,

побывавший на вновь присоединенных к УССР территориях: «В Западной Украине нас встречали в прошлом году прекрасно, а теперь мы довели до того, что там расширяется повстанческое движение».

Именно накануне начала вооруженной фазы советско-германского конфликта происходит раскол ОУН на два лагеря — умеренный и радикальный. Катализатором раскола послужило убийство в 1938 г. в Роттердаме авторитетного лидера организации — Евгения Коновальца агентом НКВД Павлом Судоплатовым. В августе 1939 г. на съезде руководства ОУН в Риме руководителем был избран полковник Андрей Мельник, представитель старшего поколения националистов. Молодые радикалы во главе со Степаном Бандерой (он провел несколько лет в польской тюрьме за организацию покушения на министра внутренних дел) не признали этого решения и начали действовать самостоятельно. Преимуществом мельниковцев было наличие в их рядах интеллектуалов, главный козырь бандеровцев — радикально настроенный молодежный актив, проживавший непосредственно в Галичине.

Если советские репрессии поставили крест на всех легальных политических организациях, включая русофильские, то привыкшим к конспирации украинским националистам было несложно продолжить свою деятельность в подполье. Несмотря на несколько судебных процессов, закончившихся для обвиняемых смертными казнями и длительными тюремными сроками, активистам ОУН удалось сохранить свою подпольную сеть на Западной Украине вплоть до прихода гитлеровских войск и даже организовать в ряде мест боевые операции против отступавших частей Красной Армии. Начало немецкой оккупации позволило украинским националистам вывести свое движение на качественно новый уровень. И именно тогда, с нашей точки зрения, происходит окончательное утверждение укра-

инской национальной идентичности на территории современных Львовской, Ивано-Франковской и Тернопольской областей.

В задачу статьи не входит правовая и моральная оценка деятельности ОУН как идеологической и военной структуры и действиям, совершенным ее представителями в годы Второй мировой войны и после ее окончания. Совершенно очевидно, что немало украинских националистов сотрудничали с немецкими оккупантами и совершали преступления против мирных жителей не только Западной Украины, но и сопредельных регионов, таких как Белоруссия и Польша. Настоящим черным пятном на репутации движения стала во львинская резня весной—летом 1943 г., в ходе которого погибло около 40 тысяч поляков. Однако деятельность ОУН и созданного в 1942 г. ее вооруженного крыла — Украинской повстанческой армии (УПА) во главе с Романом Шухевичем не сводилась только лишь к бесчеловечным актам геноцида против представителей «чужих» этносов или коллаборационистов. Дело в том, что эти структуры, участвуя в вооруженном противостоянии с советскими партизанами и впоследствии с частями НКВД, уделяли большое внимание разносторонней пропаганде среди местного населения. В подпольных типографиях они выпускали брошюры и листовки как идейно-политической, так и художественной направленности. Одним из наиболее известных образцов бандеровского агитпропа стала брошюра, принадлежащая перу известного публициста Петра Федуна (Полтавы) «Кто такие бандеровцы и за что они борются» (1949). Чтобы представить себе градус антисоветского настроения повстанцев и сочувствовавших им галичан, можно привести несколько цитат из этого издания:

«Всю Западную Украину большевистские бандиты превратили в сплошную ужасную мясорубку. Нет здесь сегодня дома, где бы эти извер-

ги кого-нибудь не убили, не арестовали, не вывезли в Сибирь; нет ни леса, ни роши, где не виднелись бы разрытые повстанческие могилы, нет деревни, где бы не были сожжены, разрушены хозяйства; нет семьи, где бы мать не оплакивала замученного в пытках сына, дочь — так же замученной матери, маленький ребенок — вывезенных в Сибирь родителей.

И за что это море горя, за что это море крови и слез?! За то только, что западно-украинский народ любит Украину — свою Родину, за то только, что он, как и любой другой народ в мире, хочет жить свободной, независимой жизнью.

Мы, украинские революционеры и повстанцы, боремся против большевистских поработителей потому, что они в колхозах впрягают женщин в бороны, принуждают их на плечах носить навоз на колхозные поля, приговаривают колхозников к многолетнему заключению за несколько колосков, которые они осмеливаются сорвать, чтобы спасти себя от голодной смерти; потому, что большевистские эксплуататоры полностью грабят у колхозников продукты их труда, выплачивают им по 300 граммов хлеба за трудодень; потому, что они столкнули украинское крестьянство на дно нищеты и страданий.

Мы боремся против большевистских поработителей потому, что украинский рабочий принужден постоянно жить на голодном пайке, выставлять в длинных очередях за хлебом, жить в трущобах, физически истощаться необычайно высокими нормами выработка, стахановщиной, дрожать перед жестокими наказаниями за малейшее опоздание на работу».

Важно упомянуть и о религиозном факторе, сыгравшем важную роль в становлении украинского национального проекта. Дело в том, что благодаря деятельности митрополита греко-

католической церкви Андрея Шептицкого униатство стало восприниматься русинами, шедшими по пути обретения национальной идентичности, как важная компонента народной традиции, нуждавшейся в сбережении и развитии. В 1920–1930-е гг. в греко-католической среде возникает даже определенное мессианское мироощущение, связанное с восприятием УГКЦ как духовного моста между западной и восточной христианскими традициями. Эта изначально чисто религиозная черта самосознания постепенно проникала и в светский националистический дискурс, делая его более пассионарным. Отсюда проистекало желание «принести свет» украинцам к востоку от реки Збруч. Показательно, что ключевые лидеры ОУН, включая самого Степана Бандеру, происходили из семей униатских священников.

К середине 1940-х гг. униатство определенно стало одним из столпов национальной идентичности галицких украинцев, в особенности у новых поколений. В этом свете крайне недальновидным и волюнтаристским шагом Сталина была ликвидация УГКЦ в 1946 г. Наличие в Советском Союзе нескольких миллионов верующих, объединённых в особую церковь, связанную с Ватиканом и поддерживавшую враждебные Советскому Союзу силы, представлялось советскому лидеру весьма нежелательным. Для воплощения замысла вождя НКВД УССР приступает к оперативным мероприятиям по присоединению Церкви к РПЦ руками ее же паствы. Ключевой фигурой, воплощавшей в жизнь замыслы Кремля, стал протопресвитер Гавриил Костельник. Равно как и многие другие священники и миряне греко-католики, Костельник являлся идейным сторонником воссоединения униатов с православными, однако принудительно-репрессивный характер действий советских органов безопасности на корню дискредитировал саму идею отказа от отношений с Римским престолом. Так, «катехиза-

торская» работа Костельника со священниками деканатов (благочиний) Львовской области проходила в весьма необычных условиях, которые нечасто встречаются в истории современного миссионерства. Рядом с маститым протоиереем, выступавшим с пламенными обличительными речами против пороков и ересей папства, сидел высокопоставленный офицер НКВД, который молча постукивал по столу служебным оружием. Те, кто не желал разрываться с УГКЦ, были вынуждены уйти в подполье или отправиться в длительное тюремное заключение. Само собой, оказавшаяся под запретом «церковь-мученица» стала дополнительным фактором, объединявшим противников советского режима.

На наш взгляд, главный секрет успеха деятельности ОУН и УПА в деле утверждения выработанной ими версии украинской национальной идентичности состоял в том, что именно эти организации оказались в авангарде антисоветского сопротивления. Последнее стало естественной реакцией против жестокого распространения советских порядков на Западную Украину. Несложно предположить, что если в самой России большевистская революция вызвала ожесточенный отпор значительной части населения, продолжавшийся несколько лет, то в регионах с более развитыми институтами собственности и правовыми механизмами отношение к «Советам» будет еще более непримиримым. Тем более, если коммунистические порядки устанавливают не «заблуждающиеся соплеменники», а те, кого население воспринимает в значительной мере как пришельцев-чужеземцев.

К сожалению, образ России и русских как вследствие сознательных пропагандистских усилий украинских националистов, так и в результате репрессивной политики московского режима (массовые расстрелы, депортации и насильственная коллективизация, насильственная ликвидация греко-католической церкви и присоединение ее

к Московскому Патриархату) в глазах многих галичан оказался безнадежно испорчен. Здесь можно продемонстрировать на конкретном примере, насколько в сознании по крайней мере части населения оказались переплетены понятия «советский» и «русский». В рассказе «Учительница» детской писательницы и активистки ОУН Марии Дмитренко (1918–1948), погибшей в бою с отрядом НКВД в Карпатах, есть такой эпизод. После освобождения Западной Украины от немецкой оккупации советская власть отправляет с востока Украины в Галичину интеллигентские кадры для работы в местных учебных заведениях. Так на Львовщине оказывается Таня — молодая русскоязычная выпускница харьковского пединститута. Постепенно школьная учительница попадает под пропаганду повстанцев и в конце концов осознает себя «свидомой» украинкой, что весьма своеобразно проявляется в ходе бытового конфликта с директором школы по фамилии Сидоренко, также командированным из Харькова:

«...Сидоренко прислонился к Тане своим покрасневшим от выпитого спиртного лицом и попытался обнять ее скользкой, потной рукой. Таня отскочила, как ошпаренная.

— *Что вы? С ума сошли? Забыли, как вы же учили меня. Я вас другом считала.*

— *Танечка, что такое? Тебе жизни не хочется? Вот, знаешь, наш брат сегодня пьет и кушает — утром погибает за Сталина. Вот, ты уж другая стала. Нет, ты уж не русская девушка...*

Таню словно задела раскаленным куском железа:

— *Не была такой “русской” и не буду. А вы кто такой, Сидоренко, будете? Вы разве не украинец по отцу и деду?..»*

* * *

Активное сопротивление УПА советскому режиму на Западной Украине продолжалось до начала 1950-х гг., а отдельные группы повстанцев продолжали вести борьбу вплоть до 1960 г.

Через ОУН и УПА прошли десятки тысяч местных жителей. По данным МВД СССР, только к июлю 1946 г. карательными органами было уничтожено более 110 тыс. «бандитов», более 200 тыс. — арестовано. С 1944 г. до смерти Сталина 203 тыс. человек было депортировано за пределы УССР. Приведенные цифры позволяют представить масштабы противостояния, ведь все население Западной Украины составляло лишь около 6 млн. человек. Фактически «бандеровщина» и ее последствия затронули каждую семью, проживавшую в регионе. Автор этих строк неоднократно бывал в Прикарпатье и почти не встречал людей, чьих родных и близких в сталинские годы не постигла трагическая судьба быть убитыми или высланными в Сибирь.

Массовость антисоветского сопротивления на Западной Украине показывает и следующий интересный факт. В 1953 г. после смерти Сталина ключевую роль в государстве стал на короткое время играть министр внутренних дел Лаврентий Берия. В борьбе за власть он стремился опираться на «национальные» кадры союзных республик, включая даже националистов, и начал активнее привлекать в органы внутренних дел представителей «титовых» народов. Однако в западных областях УССР политика Берии воплощена в жизнь не была, и причина заключалась вовсе не в саботаже нижестоящих начальников. Как пишет в своих мемуарах известный чекист Георгий Санников, «каждый житель Западной Украины, прямо или косвенно за небольшим исключением, был связан с вооруженным подпольем. Практически в каждой западноукраинской семье прямой или дальний родственник либо погиб в вооруженной борьбе против советской власти, либо был арестован за участие в подполье, либо сослан в Сибирь за пособническую деятельность, за укрывательство подпольщиков, хранение оружия, боеприпасов, листовок и националистической литературы, содействие на оунов-

ских линиях связи, снабжение продовольствием, медикаментами, сбор и передачу информации, да и просто за доноительство органам госбезопасности о контактах с подпольем. Где уж тут найти кандидатов для работы в органах ГБ с такой “чистой” анкетой».

Ничто не способствует утверждению национальной идентичности в широких народных массах, как пролитая за идею кровь. Не будет преувеличением сказать, что Украинская повстанческая армия благодаря самопожертвованию ее членов дала украинскому национальному проекту целый пантеон мучеников и страдальцев-героев, о которых слагали легенды и песни. Про них писали мемуары и снимали фильмы. Несмотря на то что крайне жестокие методы, к которым порой прибегали повстанцы, вызывали негативную реакцию и у самих галичан, общее отношение к УПА было положительным. Большинство западноукраинских крестьян и горожан мало что понимало в тонкостях идеологии, которую несли с собой бандеровцы. Однако они воспринимались как реальные защитники от притеснений советской власти; повстанцев кормили, обували и одевали именно местные жители (кстати, именно активная или пассивная поддержка вооруженных националистов вынуждала советский режим идти на такую крайнюю, негуманную и непопулярную меру, как выселение целых деревень в Сибирь).

Память о кровавых 40-х гг. никуда не исчезла и в мирные 60–80-е. Львов тогда стал крупнейшим центром диссидентского движения в Советском Союзе. И поэтому не удивительно, что в ходе референдума о сохранении СССР в марте 1991 г. именно области Галичины выделились на фоне всей страны поразительно низкой поддержкой сохранения прежнего государственного устройства — лишь 17% ее жителей высказались за то, чтобы и дальше оставаться советскими гражданами. Пожалуй, на вопрос о том, проиграли ли ОУН и УПА в исторической перспективе, итоги плебисцита дали вполне определенный ответ.

Андрей Марчуков

УКРАИНСКОЕ НАЦИОНАЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ И КП(б)У

За десятилетия господства в нашей стране коммунистической идеологии в общественном сознании утвердился штамп о несовместимости национализма и социализма/коммунизма и о том, что последний может быть только интернационалистическим. Между тем история, и в том числе отечественная, свидетельствует, что национализм и социализм/коммунизм нередко выступали вместе, а то и сливались. Особенно ярко это видно на примере советских национальных республик, в том числе Украины, где наблюдался такой феномен, как «национал-коммунизм», имевший тенденцию превратиться в антитезу «интернациональному коммунизму», под которым националисты, а нередко и «национал-коммунисты», понимали «российский великодержавный национализм». Высокопоставленные политические деятели, разделявшие левые и даже коммунистические взгляды и считавшие себя коммунистами, мыслили не только социальными, но и национальными категориями. Поэтому «национал-коммунизм» вполне можно считать одной из составляющих национального движения вообще и украинского в частности.

Статья выполнена в рамках Программы фундаментальных исследований секции истории ОИФН РАН «Нации и государство в мировой истории», направление «Проблемы нацистроительства и национализма». Проект «Украина на перекрёстке идентичностей: формирование национальных общностей и нацистроительство (XIX — начало XX вв.)», 2012–2014 гг.

Партия и национальные проекты

«Украинские настроения» в рядах Коммунистической партии (большевиков) Украины — КП(б)У — появились с самого ее возникновения и отмечались на протяжении всех 1920-х гг. Отношение союзного партийного руководства к тенденциям трактовать национальный вопрос на Украине как самодовлеющий и к возникавшим время от времени партийным группам, стремящимся воплотить эти тенденции на практике, в целом было негативным на протяжении всего послереволюционного времени. Но реакция на них могла быть разной — в зависимости от хода внутрипартийной борьбы в руководстве РКП(б)–ВКП(б) и проводимого в данный момент курса национальной политики.

Начиная с середины 1920-х гг. и в местном партийном руководстве, и в ЦК ВКП(б) всё чаще начинает обсуждаться проблема проникновения «украинских настроений» в партийные ряды. Например, в докладе специальной комиссии ЦКК ВКП(б) о результатах обследования практики проведения национальной политики на Украине за 1925–1927 гг. с тревогой указывалось на перегибы в проведении украинизации, которые выражались в украинизации всего и вся, превращающейся из средства укрепления власти (как её понимали большевики) в самоцель. Причинами этого члены комиссии считали то, что проведение украинизации в значительной степени попало в руки мелкобуржуазного националистического элемента, преимуще-

ственно из числа украинской интеллигенции, а также слабое противодействие этому негативному явлению со стороны некоторых коммунистов, неспособных дать отпор «националистическим выходкам»¹. Более того, отмечалось, что недооценка классового момента при строительстве украинской культуры зачастую приводила к стиранию граней между такими коммунистами и беспартийной украинской интеллигенцией, установлению между ними «братского единства» в борьбе против проявлений «великодержавного шовинизма» — то есть русскости в культуре, образовании, общественном сознании. Естественно, что такое единение оказывалось возможным на национальной, а не на коммунистической платформе, и означало подчинение этих коммунистов воле и идеологии сторонников украинского движения. В отчёте приводились примеры того, что «борьба против украинского национализма ведётся не в должной мере» и, что самое главное, не затрагивая партию².

То, что партии приходилось действовать под постоянным давлением «украинских элементов», в полной мере пользовавшихся украинизацией для утверждения в народных массах своих идей и национальной идентичности, для большевиков не было секретом и воспринималось как неизбежное условие борьбы с буржуазной средой. Но проникновение националистических настроений в партийные ряды грозило неприятными последствиями. Причём эти настроения чаще присутствовали не в рядовой партийной массе, а среди руководителей и людей, занимавшихся вопросами национально-культурного строительства и потому имевших влияние в республике. В отчёте упоминавшейся

выше комиссии прямо говорилось, что «для некоторых ответственных работников — партийцев» (фамилии указывались) развитие украинского языка и культуры и т.п. «превратилось в самоцель»³.

Каковы же были источники появления в КП(б)У таких настроений, как они туда проникали и в чём выражались?

Подходить к изучению деятельности украинского движения в КП(б)У, внутривластной борьбы и национальной политики советской власти следует с точки зрения борьбы национальных проектов и строительства украинской национальной общности и в контексте противостояния украинскости и русскости. Поскольку партия являлась составной частью советского общества, то противоборство украинского и общерусского начал нашло отражение и в ней. Конечно, противостояние по этому принципу было там не таким явным, как вне партии. Оно было сознательно или даже неосознанно замаскировано коммунистическим мировоззрением и риторикой. Однако это противостояние в значительной степени питалось теми же корнями, что и противостояние украинскости и русскости вообще.

Более того. В среде научной и творческой интеллигенции, «ответственной» за выработку и распространение национальных идеологий, в 1920-е гг. уже не было противостояния национальных проектов в чистом виде, поскольку проект большой русской нации вместе со старой Россией сошёл со сцены. Точнее, он был насильственно устранён либеральной Февральской и леворадикальной Октябрьской революциями и последующей политикой большевиков. Но хотя украинский проект становился реальностью, он продолжал сталкиваться с определёнными трудностями, мешавшими его реализации. Главным препятствием

¹ Центральный государственный архив общественных организаций Украины. Ф. 1. Оп. 20. Д. 2631. Л. 11, 12.

² Там же. Л. 12, 13, 22.

³ Там же. Д. 2631. Л. 31.

ем (помимо относительной слабости украинского движения и его политического поражения в Гражданской войне) было постоянное сопротивление (в основном скрытое, хотя порой и сильное) тех слоёв общества, которые в той или иной степени сохраняли общерусское сознание, идентичность, являлись носителями русского языка, культуры и мировоззрения. Или же просто не считали строительство украинской нации чем-то нужным или важным. То есть на пути украинского проекта стояла общерусскость, имевшая глубокие и прочные корни.

Но в 1920-е гг. это противодействие носило статический характер, было инерцией от полученного ранее импульса развития. Никаких активных форм, альтернативных украинскому проекту для некогда малороссийского населения, послереволюционное общество уже не могло ни выработать, ни предложить. Эти функции, наряду с прочими вопросами идеологии, взяла в свои руки партия. Всё, что хоть как-то касалось выработки курса национальной политики, становилось её прерогативой. Любые попытки не то что отстаивать, но даже озвучивать иные взгляды на перспективы развития страны, своей основой предполагающие русскую систему ценностей, пресекались на корню, а непослушные карались как «великорусские националисты», «шовинисты» и «белогвардейцы»⁴. Русская общественность была лишена возможности выработать собственные проекты и даже заявлять претензии на это право. Последние рефлексии в этом направлении нашли своё выражение в сменевеховстве, которое означало примирение с существующей действительностью, с правом большевиков решать судьбу России, и стремление видеть в больше-

визме хоть и необычную, но в глубине своей всё же русскую власть.

Носители же украинской идентичности продолжали сохранять своё видение стоящих перед ними целей, равно как и путей их достижения. Создание национальной Украины оставалось альфой и омегой их деятельности, и они были не только готовы продолжать её строительство, но и не собирались уступать кому-либо инициативу в работе на «национальном поле». Именно этим обстоятельством объясняется то соперничество, которое вели друг с другом большевики и украинская интеллигенция (как беспартийная, так и некоторые группы «красной») вплоть до начала 1930-х гг.

Не будет преувеличением сказать, что в начале 1920-х КП(б)У не была монолитной организацией. В ней имелись течения, группы, отдельные лица, придерживавшиеся разных точек зрения на важнейшие вопросы текущей политики, разумеется, в рамках общей идеологической линии. Такого единства пока не было и в РКП(б)–ВКП(б). Но «плюрализм» в КП(б)У подогревался в значительной степени благодаря национальному признаку. Речь не об этническом происхождении членов партии, а о соотношении в ней русского и украинского начал⁵.

В 1920-е гг., особенно в начале десятилетия, была распространена теория «двух корней», из которых якобы происходила КП(б)У. Согласно ей, история компартии Украины была «суммой двух историй: украинского пролетариата и русского про-

⁴ Большевиками были уничтожены многие представители малороссийской интеллигенции — сторонники идеи общерусского единства.

⁵ Третий элемент — еврейский, широко представленный в партии на этническом уровне, в национальном плане был либо космополитическим, либо тяготел к русской культуре и языку. Те же представители политически активных групп еврейского народа, в мировоззрении которых национальный вопрос занимал центральное место, объединялись вокруг собственных партий с выраженной национальной окрашенностью.

летариата на Украине», а сама компартия — синтезом «двух великих параллельных движений, охватывавших огромные массы рабочих двух национальностей»⁶. Это означало, что революционное движение на Украине развивалось по двум отдельным направлениям — общерусскому (пришлыми) и украинскому (коренным населением). Первое представляли российские социал-демократы, большевики, а второе — украинские левые группы и партии (социал-демократы, эсеры). А раз так, то и революций на Украине было две — общероссийская и национальная украинская. В конце Гражданской войны оба революционных течения слились, образовав единую КП(б)У, которая стала их общей наследницей.

Концепции «двух корней» в том или ином виде надолго закрепились в теоретических посылках и аргументации адептов украинского движения, действующих на «коммунистическом поле», и у коммунистов-националистов. На рубеже 1920–1930-х гг. она была объявлена ложной, извращающей основные вехи развития марксизма и пролетарской революции на Украине, и охарактеризована как теоретическое обоснование национального уклона⁷. Действительно, неверно говорить о рабочем классе на Украине как о каких-то двух, развивавшихся порознь, русском и украинском отрядах⁸. Неправильно и утверждение о слиянии этих «двух великих параллельных движений», так как революционное движение было одно — общероссийское, а украинские группы

при этом равнозначными партнёрами не были, уступая главным и единственным представителям именно пролетарской революции — РСДРП, РКП(б)–КП(б)У.

Левые украинские группы вливались в единое общероссийское революционное движение, естественно, привнося в него что-то из своего идеологического багажа и заставляя партию корректировать свою линию в национальном вопросе. И это косвенное влияние было весьма сильным. Выходцы из украинских партий левого спектра, представляемого украинскими социал-демократами и эсерами, как раз и составили основной контингент тех коммунистов, кто продолжал разделять и развивать в ней «украинские настроения». Главный контингент адептов украинского проекта в КП(б)У составляли бывшие боротьбисты и укаписты.

Боротьбисты

Течение, получившее название боротьбизма, затем организовавшееся в Украинскую коммунистическую партию (боротьбистов) — УКП(б), вело своё происхождение от возникшей в апреле 1917 г. Украинской партии социалистов-революционеров (УПСР). А она, в свою очередь, восходила ещё к самой первой украинской партии — к Революционной украинской партии (РУП), то есть имела общие корни со всеми остальными украинскими партиями и являлась составной частью политического спектра украинского движения.

РУП была создана в 1900 г. представителями народнических, социалистических и крайне националистических украинских кружков. Общей почвой для всех них послужил национализм, а идейной платформой (до 1903 г.) стала брошюра «Самостийная Украина», написанная Н. Михновским. В ней провозглашалось, что главной задачей «сознательных украинцев» являлось создание «одной, единой, нераздели-

⁶ Равич-Черкасский М. История Коммунистической партии (большевиков) Украины. Харьков, 1923. С. 5.

⁷ Костюк Г. Сталінізм в Україні (генеза і наслідки). Київ, 1995. С. 17.

⁸ Марчуков А. В. Рабочий класс Советской Украины: штрихи к национальному портрету (1920-е годы) // Отечественная история. 2005. № 3. С. 83–95.

мой, вольной, самостийной Украины от Карпат и до Кавказа»⁹.

Вскоре после распада РУП из её осколков создаются группы эсеровского направления, которые в 1906 г. провозглашают создание УПСР. И хотя её первый съезд, на котором была принята программа партии, состоялся лишь весной 1917 г., организации украинских социалистов-революционеров были политической реальностью ещё задолго до революции¹⁰.

История боротьбизма ведёт начало с ноября 1917 г., с III съезда УПСР, на котором сложилось левое крыло партии. Его лидеры — И. Михайличенко, В. Блакитный, А. Шумский (тот самый, чьим именем будет назван национальный уклон в КП(б)У) — начинают издавать газету «Боротьба», от которой это течение и получило название. Левые сохранили приверженность партийной программе, но критиковали политику мелкобуржуазной Центральной Рады по ряду социальных вопросов, прежде всего по земельному. Остались они и противниками большевиков, которых обвиняли в централистско-антиукраинской политике.

Кризис Центральной Рады, немецкая оккупация, гетманский переворот вынуждали все политические силы самоопределяться. В мае–июне 1918 г. на своём IV съезде УПСР самораспустилась, тогда же продолжилось организационное расхождение левых украинских эсеров с правыми. К ноябрю левых насчитывалось примерно 600–700 человек, имелся у них и свой центр — Центрревком¹¹. Следующим шагом боротьбистов в направле-

нии создания собственной партии стало образование ими в марте 1919 года УПСР-коммунистов. Программы у новой партии не было, но в её идеологии уже обозначился заметный сдвиг влево: УПСР-к выступала за власть Советов, диктатуру пролетариата, а в самостийности Украины, за которую она боролась, её члены видели тактическое средство для достижения всемирной федерации. Наконец, 6 августа 1919 г. ЦК УПСР-к и ЦК УСДРП-независимых левых (см. ниже) подписали акт о слиянии своих партий и образовании единой УКП (боротьбистов)¹².

Итак, под воздействием перипетий Гражданской войны наиболее полевевшие группы украинских эсеров и социал-демократов создали украинскую же, альтернативную КП(б)У компартию. УКП(б) во всеуслышание заявила об этом. В конце августа 1919 г. её ЦК направил в Исполком III (Коммунистического) Интернационала (ИККИ) письмо, в котором выразил желание вступить в ряды Коминтерна. Создание УКП(б) именовалось «большим завершающим моментом в развитии украинского коммунистического движения» (которое, по их убеждению, представляли они сами). И далее говорилось о «глубочайшей необходимости образования единого коммунистического центра, органически вырастающего из совокупности социально-экономических условий и особенностей Украины». Таковым, по мнению боротьбистов, могла быть только УКП(б). Большевиков они украинским коммунистическим центром не считали, называя КП(б)У временной, «областной организацией» РКП, исторически неизбежной (из-за особенностей развития промышленного пролетариата и характера революции). И поэтому официально заявили, что берут на себя «руководство украинским коммунистическим дви-

⁹ *Марчуков А.В.* Украинское национальное движение в УССР. 1920–1930-е годы. М., 2006. С. 82–85.

¹⁰ *Курас И.Ф.* Торжество ленинских идей пролетарского интернационализма и крах мелкобуржуазных партий на Украине. Дисс. на соиск. уч. степ. д.и.н. Киев, 1980. С. 117.

¹¹ Боротьба. 1918. № 57. 27 грудня.

¹² Документи трагічної історії України (1917–1927 рр.). Київ, 1999. С. 182–183.

жением и его представительство в рядах III Интернационала»¹³.

В прилагавшемся Меморандуме были изложены основополагающие принципы новой партии. Они дают ясное представление об идеологии течений и организаций, относимых к так называемому «украинскому национал-коммунизму», то есть об идеологии левокоммунистического сектора украинского национального движения, а также о природе дальнейших «украинских настроений» в КП(б)У.

Основой идеологии «национал-коммунизма» являлось убеждение, что Украина представляет собой «своеобразный, в значительной мере самостоятельный народнохозяйственный организм со специфической структурой хозяйственной жизни». Другим базисным положением было отношение к ней как к особому национальному организму, подвергавшемуся «вековому давлению русифицирующей помещичье-буржуазной государственной машины». Это давление хотя и оказалось не в состоянии ликвидировать «Украину», сильно её изменило, зажав «лишь в социальных низах, в украинской деревне, в недрах украинского пролетариата и полупролетариата», превратив города в «культурно-изолированные острова и источники насаждения чужой, искусственно прививаемой, а потому паразитирующей культуры»¹⁴ (под «паразитирующей» имелась в виду русская культура).

Боротьбисты считали городской пролетариат слишком тонким слоем, по укладу жизни отличающимся от остального населения Украины. Основная масса трудящихся, по их представлению, была связана с селом. К ней они относили почти всё крестьянство с сельскохозяйственным пролетариатом и «крестьянским полупролетариатом» — беднейшими массами сельских производителей. По при-

чине аграрного характера украинского народнохозяйственного организма, утверждали боротьбисты, и революция на Украине имела сильный аграрный оттенок, чего, по их словам, не понимали пришедшие из России большевики, в диктатуре пролетариата видевшие диктатуру пролетариата промышленного. Всё это, как считали боротьбисты, приводило к отрыву незначительного русифицированного городского рабочего класса от «пролетарских» масс крестьянства и потому неминуемо определяло характер Советской власти как оккупационный¹⁵.

Линия разлома между «московской» Советской властью и местными «носителями коммунистического переворота» — сельским пролетариатом и полупролетариатом — закладывалась не только социально-экономической политикой большевиков, но и их ставкой на городских рабочих как носителей русской культуры. Согласно точке зрения боротьбистов, это ставило местных сторонников коммунистической революции «лицом к лицу либо с националистическими тенденциями украинской буржуазии и украинской интеллигенции, либо с фактическим господством великорусского языка и культуры и инерцией русификаторства во всём аппарате власти на Украине»¹⁶.

Интересы революции, по мнению авторов Меморандума, требовали широкого и планомерного содействия «развитию пролетарской культуры в близких украинскому пролетариату и крестьянству национальных фор-

¹⁵ Там же. С. 196–198, 202.

¹⁶ Там же. С. 199. Все украинские националисты стремятся представить русский язык не общерусским феноменом, а именно великорусским, тем самым отрывая малороссов от общерусского культурного и языкового пространства и «доказывая» правомерность и необходимость создания своих — украинских и *не-русских* по определению — культуры, языка и нации.

¹³ Там же. С. 192–194, 203, 207.

¹⁴ Там же. С. 196, 198–199.

мах» — то есть украинизации и отказе от идеи «диктата» русской культуры на Украине. Это выбило бы оружие из рук украинских буржуазных националистов и обеспечило переход народных масс на сторону Советской власти. Но для их полнейшего взаимопонимания эта власть не должна быть внешней, российской. Экономическое и национальное своеобразие, считали боротьбисты, ставит необходимость порвать с инерцией подчинения Украины «чужому государственному центру» и выдвигает вопрос «о необходимости конструирования Украины в особую Советскую республику как самостоятельного члена... всемирной федерации советских республик», обладающего всеми государственно-правовыми полномочиями. Такая республика должна была управляться собственным коммунистическим центром, подчинённым только Исполкому Коминтерна — естественно, УКП(б)¹⁷.

Таковыми были идеологические основы УКП(б) и коммунистического сектора украинского движения в целом. То есть их фундаментом был взгляд на «Украину» как на особый национальный и хозяйственный организм. Коммунистическое тесно переплеталось с национальным, причём национальный фактор превалировал над социально-экономическим.

В соответствии со своими идейными соображениями боротьбисты проводили повседневную работу, добиваясь создания самостийной советской украинской республики. Они обладали определённым влиянием среди крестьянства и интеллигенции и заставляли считаться с собой противоборствующие стороны. В конце 1918 г. боротьбисты принимали участие в борьбе против режима Скоропадского, входили они и в состав Рабоче-Крестьянского правительства Украины. Ради борьбы с общим врагом — белыми, боротьбисты и боль-

шевики шли на сотрудничество, но периоды совместной работы быстро сменялись противостоянием.

Например, весной — летом 1919 г. боротьбисты организовывали против большевиков повстанческое движение. Борьба против «оккупационной большевистско-московской» Красной Армии закончилась занятием Украины деникинцами. Осенью 1919 г. боротьбисты вновь перешли к совместным с большевиками действиям. Они создавали повстанческие комитеты, формировали собственные отряды, именуемые Украинской красной армией (УКА) (подчинялась общему командованию). Боротьбисты входили во Всеукраинский Ревком и в руководство ряда наркоматов республики (Наркомпрос, Наркомюст, Наркомфин)¹⁸.

Победа над белыми вновь поставила вопрос о будущих взаимоотношениях большевиков и боротьбистов. Последние не собирались отказываться от своих претензий на представительство коммунистических сил Украины и создания своей армии. Например, в феврале 1920 г. П. Любченко, будущий секретарь ЦК КП(б)У и председатель Совнаркома УССР, а тогда председатель киевского губкома УКП(б), на митинге среди рабочих киевского завода «Арсенал» доказывал необходимость «своей сознательной армии». Также они стремились овладеть «культурным фронтом» и вытеснить большевиков из Наркомата просвещения, для чего старались опираться на украинскую интеллигенцию¹⁹.

С начала 1920 г. стало отмечаться усиление агитации боротьбистов в РККА и в рабочей среде, вновь стали наблюдаться тенденции к переходу к партизанщине, а в ряде местностей даже имели место антисоветские

¹⁷ Там же. С. 200–201, 203–207.

¹⁸ Документи трагічної історії. С. 231–232; *Курас И.Ф.* Торжество ленинских идей пролетарского интернационализма. С. 316, 327, 348, 350.

¹⁹ *Курас И.Ф.* Указ. соч. С. 327, 330–331.

мятежи. Как указывалось в письме ЦК КП(б)У в Исполком Коминтерна от 17 января 1920 г., УКП(б) всё больше начинала отражать интересы среднего и крупного крестьянства и являлась коммунистической только по названию. ЦК боротьбистов обвинялся в поощрении антисоветской агитации, организации вокруг себя петлюровских и повстанческих контрреволюционных элементов и прикрытии их «именем коммунизма», «резкой травле» КП(б)У и проведении линии «примирения с... шовинистической петлюровской интеллигенцией»²⁰. Тем самым, по мнению руководства компартии Украины, боротьбисты нарушали подписанное в декабре 1919 г. совместное соглашение с ЦК КП(б)У о сохранении единого фронта коммунистических сил и пресечении любых попыток его разложения.

Данное соглашение было важным успехом большевиков в деле устранения боротьбистов с политической арены. В основе соглашения лежала платформа КП(б)У и решение VIII Конференции РКП(б) «О Советской власти на Украине», в которой подтверждалось признание независимости УССР со стороны РСФСР²¹, и договор о военно-политическом союзе советских республик, по отношению к которому боротьбисты были настроены весьма критически. Данное соглашение означало идеологическую капитуляцию боротьбистов перед большевиками, перехватившими у них лозунг борьбы за независимость Украины, и свидетельствовало о скором конце боротьбизма как самостоятельно-

го явления. В конце письма ЦК КП(б)У констатировал неизбежность переорождения УКП(б) и уведомлял ИККИ о начале против этой партии «энергичной контрагитации»²².

По мере побед большевиков на фронтах Гражданской войны и над боротьбистами (в декабре 1919 г.) стал возможен курс на окончательную ликвидацию УКП(б). Он был направлен на отрыв наиболее коммунистически настроенных боротьбистов от УКП(б) и привлечение их в ряды КП(б)У с одновременной «самой серьёзной, внимательной и энергичной кампанией» против самой партии²³. Сбор компромата, прекращение финансовой помощи, давление в прессе, направленное на дискредитацию УКП(б), обвинения её в петлюровщине²⁴ скоро дали свои результаты. С середины февраля 1920 г. ряд её местных организаций заявил о самороспуске и желании вступить в КП(б)У. Участились случаи индивидуальных выходов. Тогда же ЦК КП(б)У вынес постановление о разрыве соглашения с боротьбистами о едином фронте и персональном приёме желающих вступить в КП(б)У²⁵.

Окончательный удар по «украинскому коммунистическому центру» нанёс главный орган коммунистического движения. Именно его руководитель Г.Е. Зиновьев был одним из наиболее последовательных противников членства УКП(б) в Коммунистическом Интернационале. В своей резолюции от 26 февраля 1920 г. Исполком Коминтерна единогласно постановил, что УКП(б) «на деле отступает от принципов коммунизма в ряде важнейших вопросов», таких как отказ от борьбы с шовинистическими мелкобуржуазными элементами и опора на них в требовании создания УКА и агитации против коммунистов-неукраинцев. Учитыва-

²⁰ Там же. С. 258–259.

²¹ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 2. 1917–1922. М., 1983. С. 199. Там говорилось, что «РКП стоит на точке зрения признания самостоятельности УССР», а «определение форм» союзных отношений советских республик «будет окончательно решено самими украинскими рабочими и трудящимися крестьянами».

²² Документи. С. 259.

²³ Там же. С. 270–271.

²⁴ ЦГАОО У. Ф. 1. Оп. 20. Д. 145. Л. 25–26.

²⁵ *Курас И.Ф.* Торжество... С. 361–362.

вая, что РСФСР «безоговорочно признала независимость советской Украины», а последняя может устоять только «в самом теснейшем экономическом и военном союзе» с РСФСР, ИККИ признал неправомерными все требования УКП(б) и отказал ей в приёме в Коминтерн. Попытки создать «вторую параллельную партию» были охарактеризованы как стремление «расколоть ряды трудящихся». Единственной настоящей украинской компартией была признана КП(б)У²⁶.

Резолюция ИККИ оставляла для УКП(б) два пути: либо самороспуск, либо переход на антисоветские позиции. Она выбрала первый путь, хотя нашлись и те, кто охарактеризовал решение Исполкома Коминтерна как «смерть для украинской революции». 20 марта 1920 г. Всеукраинская конференция УКП(б) одобрила курс на самороспуск, а 24 марта ЦК УКП(б) принял постановление о самоликвидации партии. Из 15 тысяч членов УКП(б) в КП(б)У было принято четыре тысячи — «всё лучшее, что было в среде боротьбистов», по словам В. Ленина²⁷. Остальные либо примкнули к УКП (см. ниже), либо пополнили ряды антикоммунистического подполья, либо ушли из политики. Впрочем, из этих четырёх тысяч в компартии удержались немногие. Уже летом — осенью 1920 г. при перерегистрации партбилетов многие из них были исключены из партии за «националистические пережитки». К 1923 г. в рядах КП(б)У их оставалось только 118 человек²⁸. Но несмотря на относительно небольшое количество боротьбистов, принятых в партию, их влияние было немалым: многие из них попали на работу в высшие эшелоны КП(б)У и республиканского руководства, где

могли влиять на ход национальной и культурной политики²⁹. У руля УССР в 1920–1930-е гг. стояли Г. Гринько, А. Шумский, А. Любченко, А. Хвыля, И. Мусульбас и ряд других бывших боротьбистов.

Большевики оценивали самоликвидацию боротьбистов как свой крупнейший успех, предотвративший вполне вероятный мятеж и устранивший неудобного конкурента. Но с самоликвидацией УКП(б) коммунистический сектор украинского движения не исчез. На политической сцене оставалась ещё Украинская Коммунистическая партия.

Укаписты

УКП вела своё происхождение от образованной в 1905 г. Украинской Социал-демократической рабочей партии (УСДРП), которая, в свою очередь, тоже вышла из РУП. Эту преемственность укаписты не скрывали и даже подчёркивали. Национальный вопрос, бывший причиной появления на свет Революционно-украинской партии, занимал центральное место и в жизни УКП, а борьба против «национального порабощения» украинского рабочего оставалась её путеводной звездой.

Рождение УКП — это история расколов УСДРП и выделения из неё левых групп. В конце 1918 — начале 1919 г. в УСДРП складывается левая фракция, которая разрывает с правыми (лидерами которых были В. Винниченко, С. Петлюра, Н. Садовский) и создаёт собственную УСДРП (независимых). Лидерами нового образования стали А. Речицкий, А. Драгомирецкий, М. Ткаченко, Ю. Авдиенко, Ю. Мазуренко. Новая партия выступила за превращение УНР в «суверенную, самостоятельную и независимую Украинскую Социалистическую республи-

²⁶ Документи. С. 278–280.

²⁷ Ленин В.И. ПСС. Т. 40. С. 266; Курас И.Ф. Указ. соч. С. 365–366.

²⁸ Двенадцатый съезд РКП(б). Стенографический отчёт. М., 1968. С. 572.

²⁹ Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 81. Оп. 3. Д. 113. Л. 20.

ку», управляемую блоком украинских революционных партий³⁰. Большевики и советскую власть они считали оккупантами. От лица созданного ими Всеукраинского Ревкома большевикам был направлен ультиматум. «Независимые» вместе с эсерами и социал-демократами выступили организаторами повстанческого движения против них. В ответ большевики закрывали организации «независимых», арестовывали их членов, исключали их из советских органов, в то же время не препятствуя свободной работе тех, кто порывал с УСДРП(н)³¹.

А такие люди имелись. В мае 1919 г. те «независимые», кто признавал коммунистическую программу, создали свою УСДРП независимых–левых. Но её идейное единство с КП(б)У не выходило за рамки социально-политических вопросов. В национальном же вопросе они выступали против политики «русификации» и за развитие «родной» для украинского рабочего (городского и сельского) украинской культуры³². Вскоре УСДРП(н-л) слилась с УПРС-к (см. выше) в единую партию боротьбистов. После победы большевиков правые круги «независимых» оказались перед необходимостью выбора приоритетов. Понимая, что борьба за «освобождение украинского рабочего класса» не завершена и может быть продолжена только легально, они совместно с частью боротьбистов идут на создание новой партии.

Она получила название Украинской Коммунистической (УКП). В январе 1920 г. состоялся её учредительный съезд, где была подтверждена приверженность программе РКП(б), всемирному единству трудящихся (именно «трудящихся», а не «пролетариата»). Идеология укапистов почти ничем не

отличалась от идеологии боротьбистов. Но хотя УКП и приняла коммунистическую программу, она стремилась применить её к «конкретным национальным условиям Украины»³³. Переход на коммунистическую платформу был вызван осознанием того, что в условиях поляризации общества и одержавшей верх марксистской идеологии дальнейшая работа с социал-демократических позиций невозможна.

Но, перейдя по ряду моментов на коммунистические позиции, УКП сохранила прежние установки в отношении национального вопроса. Так, в принятой на съезде программе революция на Украине трактовалась как «революция национальная», ставящая своей задачей национальное освобождение «украинского народа» и выросшая из потребностей развития производительных сил украинского экономического организма. Исходя из положения о существовании такого организма — Украины, УКП заявляла, что отстаивает «независимость и самостоятельность экономического и политического хозяйствования Украинской Социалистической Советской Республики» и борется против всего, что ведёт к денационализации украинского народа. Себя же УКП объявила «выразителем воли всего пролетариата Украины, всего трудящегося населения»³⁴.

Краеугольным камнем мировоззрения укапистов оставались проблемы формирования нации, что нашло отражение в Меморандуме ЦК УКП II Конгрессу Коминтерна. В нём повторялись уже известные сюжеты о пробуждении «неисторических наций», «национальной революции», «русифицированном городе», не связанном с «массой украинского народа», об Украи-

³⁰ *Курас И.Ф.* Указ. соч. С. 298–300.

³¹ *Чирко А.В.* Крах ідеології та політики націоналістичної партії укапистів // Український історичний журнал. 1968. №12. С. 26.

³² *Курас И.Ф.* Указ. соч. С. 301–302.

³³ *Чирко А.В.* Крах ідеології та політики націоналістичної партії укапистів. С. 26–27; *Курас И.Ф.* Указ. соч. С. 303.

³⁴ *Национальні процеси в Україні. Історія і сучасність.* Київ, 1997. Т. 1. С. 540–542.

не, «покорённой российским абсолютизмом» и добывающейся национального освобождения. КП(б)У именовалась «областной организацией» РКП, не изжившей «империалистическое наследие старой России», не понимающей национального контекста революции и гражданской войны на Украине и потому остающейся по отношению к ней «внешней силой», неспособной противостоять контрреволюционным украинским элементам³⁵.

УКП заявляла, что в силу «органической несвязанности» КП(б)У с «украинской революцией» и её неспособности вовлечь в коммунистическое строительство «украинский пролетариат и трудящееся крестьянство» она берёт на себя задачу «заставить русских коммунистов изменить своё отношение к украинскому вопросу», повести за собой украинский пролетариат и возглавить борьбу за его «социальное и национальное освобождение». Вписывая «украинскую революцию» в общеевропейский контекст освободительной борьбы колониальных народов, укаписты называли попытки «проводить пролетарскую революцию обязательно в рамках старых империалистических государств» немыслимыми и реакционными. Это означало, что Украина (как «национально-экономическая общность») должна идти к коммунизму самостоятельно, как независимая УССР. Пролетариат Украины должен подчиняться «лишь интересам общей борьбы мирового пролетариата», а не его «другому отряду» (то есть российскому пролетариату). Из этого следовала и необходимость создания собственного, национального партийного центра, равного другим участникам III Интернационала. Таковым, по убеждению укапистов, была только их УКП³⁶.

Существование КП(б)У укаписты считали явлением временным — до тех

пор, пока все коммунистические силы не будут объединены в УКП на основе её программных принципов. При этом они были убеждены, что «органическим путём» переход КП(б)У на рельсы УКП не произойдёт, так как «империалистически мыслящие» силы в ней сделают всё, чтобы этого не допустить³⁷. Единственным способом достижения своих целей деятели УКП считали победу над этими силами. Но для этого было необходимо перехватить у КП(б)У влияние на массы и начать раскалывать и разлагать большевиков.

Впрочем, этому мешала крайняя слабость укапистов. Численность УКП была несопоставима не только с численностью КП(б)У, но даже с партией боротьбистов. Если последних на момент самоликвидации УКП(б) насчитывалось 15 тысяч человек, то укапистов в начале 1921 г. было примерно 500 человек, в конце — уже 300 и далее количество членов УКП неуклонно сокращалось. В начале 1924 г. их было всего 150. Для сравнения, на 1 апреля 1924 г. в КП(б)У состояло 54 818 человек³⁸.

УКП пополнялась за счёт бывших боротьбистов, исключённых из КП(б)У коммунистов (особенно «за национализм»). Её социальный состав больше соответствовал прочим «национально-украинским» партиям. Например, на I Всеукраинской конференции УКП (август 1920 г.) «служащие» (а в их число вошли учителя, литераторы, агрономы) составляли 57% от общего количества делегатов³⁹. В отчёте о деятельности ЦК КП(б)У за апрель — июнь 1920 г. говорилось, что УКП не представляет никакой силы, «только местами объединяя интеллигентские группы» преимущественно левой украин-

³⁷ Там же. С. 543–545, 547.

³⁸ ЦГАОО У. Ф. 1. Оп. 20. Д. 998. Л. 62; Чирко А.В. Крах ідеології... С. 28, 33; Курас И.Ф. Указ. соч. С. 374.

³⁹ Курас И.Ф. Указ. соч. С. 306–307.

³⁵ Документи. С. 530–533, 536.

³⁶ Там же. С. 536–540, 542, 545.

ской ориентации. Эта тенденция сохранилась и в дальнейшем⁴⁰. Но малочисленность не пугала укапистов.

Они старались в полной мере использовать имевшиеся у неё возможности (партийные клубы, собственные фракции в комитетах незаможных селян и советах) для расширения сети своих ячеек и ведения активной работы. Действовала УКП легально. Более того, заявляя о лояльности и поддержке правительства Советской Украины, укаписты смогли получать от РКП(б) и КП(б)У материальную помощь, иметь свой печатный орган, участвовать в работе Советов, а двое представителей УКП — А. Речицкий и Ю. Авдиенко — даже являлись членами ВУЦИК⁴¹.

Уделяли укаписты внимание и развитию молодёжного движения. При партии имелся Украинский коммунистический рабочий юношеский союз (УКРЮС), тоже немногочисленный. В него влились остатки самораспустившегося вместе со всей УКП(б) боротьбистского молодёжного союза. УКРЮС состоял в основном из представителей интеллигенции и учащихся, имелись в нём мещанские элементы, оставшиеся в УССР военнослужащие Украинской Галицкой армии. Если на селе «укапистский комсомол» ещё имел в ряде случаев некоторую поддержку, то в городах (а именно на них в первую очередь ориентировалась УКП) её почти не было. В идеологическом плане УКРЮС ничем не отличался от своего «старшего товарища» — УКП, и комсомол Украины называл организацией русифицированных сил⁴².

Борьбу за «организацию Украины в самостоятельное государство» укапи-

сты вели по нескольким направлениям. Первым была агитация среди пролетариата. В связи с малочисленностью УКП и её оторванностью от рабочих масс агитация успеха не имела, хотя укаписты старались использовать малейшие возможности для влияния на рабочих. Так, укаписты активизировали свою работу среди металлистов и железнодорожников, как только в этих отраслях начались перебои с выплатами зарплат⁴³.

Укаписты протестовали против «колониального положения», в котором, по их мнению, находилась Украина (то есть что не были созданы Украинская Красная Армия, Всеукраинский совет народного хозяйства, Всеукраинский профсоюзный центр как часть Профинтерна, что наркоматы подчинялись Москве и т.д.)⁴⁴. Не приняли укаписты и НЭП, так как считали, что он ведёт к реставрации капитализма. Но не боязнь возвращения помещиков и капиталистов имела тут решающее значение. Как указывали в открытом письме в ЦК КП(б)У лидеры УКП А. Речицкий и А. Драгомирецкий, новая экономическая политика подводила экономическую базу под «колониационно-русификаторские тенденции», замечавшиеся в городской русской среде, пролетариате и даже компартии, и под «перерождение и бюрократизацию» такого же централистского по своим убеждениям госаппарата⁴⁵. Влияние НЭПа, полагали они, несло разложение пролетарскому государству, отодвигало мировую революцию на неопределённый срок и автоматически усиливало российские государственнические позиции. А в этом случае не оставалось места ни для украинских экономических и политических центров, ни для УКП как партийного центра Украины.

⁴⁰ ЦГАОО У. Ф. 1. Оп. 20. Д. 135. Л. 1–16; Д. 1999. Л. 23.

⁴¹ Чирко А.В. Указ. соч. С. 28.

⁴² ЦГАОО У. Ф. 1. Оп. 20. Д. 1642. Л. 32; Прилуцкий В.І. Небільшовіцькі молодіжні об'єднання в УСРР в 20-ті роки. С. 17–18, 20–21.

⁴³ ЦГАОО У. Ф. 1. Оп. 20. Д. 998. Л. 74; Оп. 16. Д. 1. Л. 36.

⁴⁴ Курас И.Ф. Указ. соч. С. 374–375.

⁴⁵ ЦГАОО У. Ф. 1. Оп. 20. Д. 1642. Л. 41.

Теми же самими причинами объяснялась борьба укапистов против укрепления единства советских республик. Несмотря на то что формально они выступали за необходимость тесного союза и сотрудничества УССР с ними, а образование СССР называли шагом вперёд в решении национального вопроса⁴⁶, их видение такого союза в корне отличалось от большевистского. Образование СССР на федеративных началах (причём не в сталинском варианте, а даже в том, который в итоге был реализован) стало моментом, отталкивающим националистов всех оттенков от политики большевиков⁴⁷.

Укаписты видели Советский Союз некоей совокупностью республик. Права непосредственного управления во всех сферах должны были принадлежать республикам. Решения IV Всеукраинского съезда Советов (май 1920 г.) об усилении федеративных связей с Россией укаписты называли «глубоко ошибочными и вредными». На V Всеукраинском съезде Советов (февраль — март 1921 г.) они выдвинули проект «полного отмежевания» от РСФСР. Попытка пересмотреть союзный договор и упрочить «экономическую независимость УССР», которую укаписты намеревались провести и на следующем, VI съезде в декабре, окончилась для них неудачно⁴⁸.

Несколько больший успех, чем в рабочем городе, им сопутствовал на селе, где находилось немало элементов, способных отнестись к идеям УКП с сочувствием⁴⁹. Игра на национальных чувствах и вечные обвинения центра в том, что он грабит Украину и вывозит из неё хлеб, иногда оказывали влияние на крестьян. В сводках ГПУ отмечалось, что в ряде случаев кулаки и анти-

советские элементы выдвигали в Советские списки, в которых значились местные укаписты⁵⁰.

Вся деятельность УКП — агитация, распространение листовок, призывы к забастовкам, срыву воинского призыва, требования украинизации рабочего класса — в условиях постепенного укоренения Советской власти в народе толкали её в лагерь противников большевиков. По имевшимся у Политбюро ЦК КП(б)У данным, вокруг УКП как легальной организации спланивались все оппозиционные большевикам группы⁵¹, чему способствовала не только общность их идеологии, но и то, что сама УКП эволюционировала вправо. В Меморандуме ЦК КП(б)У Исполкому Коминтерна (ноябрь 1924 г.) говорилось, что в УКП влилось много бывших петлюровцев, ушедших к укапистам после разгрома подполья и бандитизма⁵², и это резко качнуло партию в сторону национализма. Случалось, что и сами укаписты выступали организаторами подполья. К примеру, весной 1922 г. в Богодуховском и Купянском уездах Харьковской губернии были ликвидированы повстанческие организации, тесно связанные с укапистами⁵³. УКП поддерживала связи (в основном на личном уровне) не только с петлюровским подпольем, но и с раскольнической «Украинской автокефальной православной церковью», с которой укапистов роднило единство мировоззрения в национальном вопросе⁵⁴.

По мере укрепления большевиков, по меретого, как они перехватывали инициативу в национально-государственном строительстве Украины и естествен-

⁴⁶ Національні процеси в Україні. Т. 1. С. 541; Курас И.Ф. Указ. соч. С. 375.

⁴⁷ ЦГАОО У. Ф. 1. Оп. 20. Д. 998. Л. 77.

⁴⁸ Документи. С. 522; Чирко А.В. Указ. соч. С. 29.

⁴⁹ Курас И.Ф. Указ. соч. С. 325.

⁵⁰ ЦГАОО У. Ф. 1. Оп. 20. Д. 1999. Л. 1.

⁵¹ Там же. Оп. 16. Д. 1. Л. 36.

⁵² Документи. С. 554, 556.

⁵³ Політичний терор і тероризм в Україні. XIX–XX ст. Історичні нариси. Київ, 2002. С. 263.

⁵⁴ ЦГАОО У. Ф. 1. Оп. 20. Д. 1999. Л. 7–8, 21, 22.

ного в этих условиях скатывания УКП на антисоветские позиции вставал вопрос о дальнейшем существовании этой партии. Уже в постановлении ЦК КП(б)У от 22 июня 1920 г. говорилось о необходимости начать кампанию против УКП. Она обвинялась в петлюровщине и защите интересов кулака. Против партии укапистов развернулась кампания в прессе, началось усиленное давление, исключение её членов из советов, комнезамов и даже аресты некоторых из них⁵⁵.

Давление немного уменьшилось после XII съезда РКП(б), решения которого имели для «украинского коммунизма» как течения, стоящего на стыке национального и коммунистического движений, решающее значение. Сами укаписты встретили решения съезда по-разному. Часть посчитала их уступкой со стороны КП(б)У, долгожданным и закономерным переходом последней на укапистские позиции. Другие называли постановления «бумажными» и оставляли право на «искреннюю» украинизацию за собой⁵⁶. Объясняя Исполкому Коминтерна свою неудовлетворённость официальной политикой в национальном вопросе, лидеры УКП доказывали, что украинизация не может сводиться только к удовлетворению «национальной интеллигенции в вопросах языка и культуры». Истинная украинизация должна заключаться в создании независимой Украины как хозяйственного и политического организма, что только и позволит правильно решить вопросы языка и культуры⁵⁷.

После XII съезда началось быстрое эволюционирование УКП впра-

во и одновременное её разложение изнутри, что предусматривалось линией КП(б)У в отношении этой партии. Органы госбезопасности отмечали наличие ликвидаторских настроений почти во всех первичных организациях УКП. Переход отошедших групп в компартию Украины начался уже с ноября 1920 г. К началу осени 1922 г. в КП(б)У состояло уже 34 бывших укаписта⁵⁸. После XII съезда, в октябре 1923 г., группы укапистов в Харькове, Киеве и Донбассе организовали левую фракцию УКП и заявили о полной поддержке позиции РКП(б) и КП(б)У в национальном вопросе. О своём стремлении слить все коммунистические силы УССР в единую партию, стоящую на позициях КП(б)У, и ликвидировать УКП они уведомили Исполком Коминтерна⁵⁹.

Большевики выжидали⁶⁰. Курс на скорейшую и неминуемую ликвидацию УКП 20 июля 1924 г. озвучил первый секретарь КП(б)У Э.И. Квиринг. Он заявил, что о каком-то едином фронте между многотысячной КП(б)У и насчитывающей 150 человек УКП, на создании которого настаивали укаписты, не может быть и речи, и выход он видит только «в самоликвидации УКП», её «полном разрыве с прошлым» и переходе её членов в КП(б)У⁶¹. После этого кампания против УКП набрала новую силу. Органами ГПУ и местными организациями компартии отмечалось разложение УКП, отсутствие активной работы и растерянность укапистов.

При ликвидации УКП был задействован Коминтерн — формально, главный орган коммунистического движения. К нему апеллировали и УКП, и КП(б)У, и левая фракция УКП. Укаписты выражали готовность подчиниться любому решению Коминтерна.

⁵⁵ Там же. Д. 998. Л. 73; *Чирко А.В.* Указ. соч. С. 29.

⁵⁶ Там же. С. 375–376; *Чирко Б.В.* Борьба Коммунистической партии Украины за осуществление решений XII съезда РКП(б) по национальному вопросу (1923–1927 гг.). Дис. на соиск. уч. ст. к.и.н. Киев, 1983. С. 146–147.

⁵⁷ Документи. С. 524–525.

⁵⁸ ЦГАОО У. Ф. 1. Оп. 20. Д. 998. Л. 64, 73; Документи. С. 469; *Чирко А.В.* Указ. соч. С. 33.

⁵⁹ Документи. С. 527.

⁶⁰ ЦГАОО У. Ф. 1. Оп. 20. Д. 1642. Л. 50.

⁶¹ *Чирко А.В.* Указ. соч. С. 34.

КП(б)У требовала ликвидации партии укапистов как «второй», «националистической» партии, лишившейся опоры в народных массах. Того же требовали и «левые» укаписты. Рассмотрев все поступившие материалы, ИККИ подтвердил правоту партии большевиков, признал её единственной коммунистической партией в УССР и высоко оценил её роль в хозяйственном, национальном и государственном строительстве Украины. Он также указал, что извращение укапистами трактовки национального и колониального вопросов привело к тому, что УКП объективно стала работать на подрыв диктатуры пролетариата, и постановил распустить УКП и её левую фракцию⁶².

Постановление ИККИ вызвало различную реакцию укапистов. Кто-то был подавлен. Были и такие, кто с удовлетворением признал его правильным, посчитав своей победой (в постановлении содержалось немало моментов, которые отстаивала УКП, только ставились они в заслугу национальной политике большевиков), и посчитал переходом КП(б)У на укапистские позиции. Многие и после вхождения в КП(б)У надеялись продолжить идти «своим путём» и даже изменить её курс⁶³.

Но имелись и недовольные тем, что национально-колониальный вопрос так и не был разрешён⁶⁴. А некоторые даже (на IV съезде УКП в марте 1925 г.) попытались подвергнуть решение ИККИ критике и сомнению, что вызвало неудовольствие присутствовавших на съезде функционеров КП(б)У. После споров съезд всё же признал УКП и её местные организации распущенными. Тогда же самоликвидировался и УКРЮС⁶⁵. Часть укапистов была

принята в ряды компартии Украины, а некоторые (например, А. Речицкий) — заняли ответственные посты. В 1926 г. в компартии Украины насчитывалось 126 бывших укапистов⁶⁶.

КП(б)У и украинские течения

После ликвидации УКП «украинский коммунизм» формально отошёл в прошлое, но это не означало, что само явление исчезло полностью. То, что в многотысячной КП(б)У бывших боротьбистов и укапистов было немного, вовсе не означало, что их влияние было незначительным. Немало выходцев из этих партий встало у руля УССР. А главное, они, как носители украинской идентичности и языка, и люди, по их собственным словам, знакомые с «местной спецификой», оказались очень востребованы в системе Наркомпроса (в учреждениях культуры и образования), ибо в УССР как раз набирала обороты политика украинизации. Многие укаписты, принятые в партию 1925 г., были направлены на работу в русскоязычные и русскокультурные Донбасс и Харьков для ускорения их украинизации и придания им украинского облика⁶⁷. И за работу они принялись с полной отдачей. А ввиду того, что собственных кадров, «украинских» не по этническому происхождению, а именно по мировоззрению и идентичности, у КП(б)У было немного, вес в партии и в общественной жизни выходцы из украинских партий приобрели немалый.

Пытались они воздействовать на курс партии и напрямую. Одним из таких примеров стала попытка бывшего видного боротьбиста В. Блакитного и ещё нескольких делегатов прове-

⁶² Документи. С. 558–561.

⁶³ ЦГАОО У. Ф. 1. Оп. 20. Д. 1999. Л. 2–4, 7, 15, 16.

⁶⁴ Там же. Л. 4, 6–7, 18, 26 об.

⁶⁵ Чирко А.В. Указ. соч. С. 35; Прилуцкий В.І. Указ. соч. С. 22.

⁶⁶ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 497. Л. 9; Чирко Б.В. Борьба Коммунистической партии Украины за осуществление решений XII съезда РКП(б) по национальному вопросу. С. 153–154.

⁶⁷ Чирко Б.В. Борьба Коммунистической партии Украины. С. 35.

сти на V Конференции КП(б)У (ноябрь 1920 г.) свой вариант резолюции. В ней не только «констатировался» возврат к «колониальному управлению» Украиной (со стороны Москвы), оторванность КП(б)У от крестьянства и неспособность её вовлечь массы в коммунистическое строительство, но и указывался путь преодоления такого положения. Блакитный настаивал на необходимости отказаться от «российских особенностей психологии» (то есть великодержавных и общерусских настроений) и устранить среду для их возникновения (как и вообще для русскости) на Украине. Наличие таких настроений в мелкобуржуазной мещанской среде как части старого мира не особенно волновало авторов проекта резолюции. Их взоры приковывал к себе рабочий класс Украины — опора большевиков. Его следовало украинизировать, «приблизить» его национальный облик к украинскому селу и тем самым овладеть украинским национально-культурным процессом⁶⁸.

Другими словами, Блакитный настаивал на активной украинизаторской политике, имеющей своей целью изменение национального облика населения. И прозвучало у него это откровенно, без прикрытия коммунистической фразеологией. Требования украинизации рабочих вскоре стали раздаваться чаще, причём из уст не последних людей в партии, а проблема национального облика рабочего класса Украины в середине 1920-х гг. стала настолько острой, что акценты в ней был вынужден расставить лично И. Сталин.

Выходцы из украинских партий и их единомышленники из числа большевиков чутко реагировали на всё, что, по их мнению, угрожало развитию Украины как нации и республики. Например, после приёма боротьбистов в партию Наркомпрос (кстати, возглав-

ленный бывшим членом этой партии Г. Гринько) активизировал борьбу с тем, что упомянутый Блакитный называл «неизжитыми традициями упорного общеруссизма»⁶⁹ — то есть с общерусским мировоззрением, идентичностью и культурой.

Бывший боротьбист Гринько сделал самую высокую карьеру из всех национал-коммунистов. Его присутствие на столь высоком в УССР посту расценивалось адептами украинства как важное достижение. Идеальный вождь украинского движения М. Грушевский считал его «представителем украинцев» в Совнарком УССР. В 1926 г. Гринько был переведён на работу в Москву (заместителем председателя Госплана СССР, а с 1930 г. он стал наркомом финансов СССР). Его переход на союзный уровень не остался незамеченным. «Гринько убрали в Москву, возвысив его как личность, но уничтожив как украинца» — так прокомментировал это событие Грушевский⁷⁰. Замена Гринько на посту наркома просвещения В. Затонским расценивалось как изменение Москвой курса в национальном вопросе. Забеспокоились в основном бывшие боротьбисты, увидевшие в этом, к тому же, «поход против них» самих⁷¹.

Конечно, некоторые «бывшие» постепенно отходили от своих взглядов, но именно выходцы из украинских партий составили тот элемент в КП(б)У, среди которого продолжали оставаться сильными «украинские настроения» и подход к национальному вопросу не как к тактическому, а как к основному. Но главный эффект от деятельности У КП(б) и У КП был в другом. Уже самим фактом своего существования и деятельности они вынуждали большевиков корректировать свой курс в национальном вопросе и идти навстречу адептам украинства. Строительство

⁶⁸ *Попов Н.Н.* Очерк истории Коммунистической партии (большевиков) Украины. Изд. 5. Харьков, 1933. С. 235–238.

⁶⁹ Документи. С. 320.

⁷⁰ РГАСПИ. Ф. 81. Оп. 3. Д. 127. Л. 276–277.

⁷¹ ЦГАОО У. Ф. 1. Оп. 20. Д. 998. Л. 46, 47, 86.

украинской советской государственности, украинской парторганизации, переход к политике украинизации (изменения национальной идентичности у миллионов людей) помимо прочего был обусловлен деятельностью украинских левых партий и близкой к ним общественности — одного из секторов национального движения.

Если бы большевики не приняли их правила игры (то есть украинскую точку зрения на развитие национальных процессов), они могли бы вполне не обращать внимания на позицию этих украински ориентированных кругов. Но для этого большевики должны были разделять общерусскую систему ценностей и свойственную этому национальному проекту оценку настоящего момента и перспектив развития Малороссии и Юга России. Или, хотя бы, действовать, исходя из модернизационной точки зрения и используя русскую культуру и язык пусть и не ради них самих, а как средство для нужд социально-экономического преобразования и развития страны и мобилизации её населения. Ни того, ни другого они не придерживались, а исходили из совершенно иных приоритетов. А к идее общерусского единства вообще относились как к главному препятствию на пути утверждения своего политического проекта. Почему и заимствовали украинскую точку зрения — автоматически став зависимыми от адептов украинства.

Не только бывшие боротьбисты и укаписты были в партии носителями идеологии украинского проекта. Люди, мыслящие в категориях украинского националистического дискурса, имелись в большевистской организации Украины с самого начала её существования. Во-первых, в большевистские организации постоянно вливались те представители украинства, кто склонялся к коммунистическим позициям, хотя и смотрел на мир как на поле деятельности наций. Во-вторых, на настроения оказывали влияние пе-

рипетии Гражданской войны, когда от конкретных вопросов — способа организации большевистских сил, их связи с РКП(б), отношения к украинской несоветской государственности и украинской государственности вообще — зависело положение большевиков и перспективы пролетарской революции на Украине.

Очень часто в основе подхода к разрешению этих вопросов, который демонстрировали разные группы украинских большевиков, лежали не национальные мотивы, а интересы наиболее приемлемой организации сил. Но порой под требованиями создания украинского партийного центра, равноправного с РКП(б), или его большей независимости от последнего лежала вполне узнаваемая мотивация: создание самостоятельной партии не из тактических соображений, а как часть украинского проекта, для обеспечения национального развития «украинских трудящихся» и борьбы с «российским шовинизмом».

Споры о необходимости создания украинской партийной организации, как и республики, продолжались на протяжении всей Гражданской войны. Даже сам вопрос о названии будущей партии, поднятый весной 1918 г. на Таганрогском совещании представителей большевистских организаций Украины, со всей наглядностью продемонстрировал наличие в партийной среде разных точек зрения на характер революции в этих землях и местное преломление национального вопроса. Из трёх вариантов — «УКП», «РКП на Украине» и «КП(б)У» — наибольшее число голосов получил компромиссный между «централизмом» и «местной спецификой» третий вариант⁷². Предложен он, кстати, был Н. Скрыпником — большим сторонником украинизации, максимального расширения самостоятельности и границ украинской республики (за счёт России).

⁷² Равич-Черкасский М. Указ. соч. С. 54–57.

На X съезде РКП(б) (1921 г.) создание фракций было запрещено⁷³, и это значительно укрепило единство партийных рядов, воспрепятствовав возможным попыткам появления внутри партии особых «украинских» групп. Выступления отдельных членов партии с требованиями внесения корректив в национальную политику или вообще её полного изменения исчезают до середины десятилетия. Это объясняется не только запретом на фракционную деятельность и начавшимися кампаниями против оппозиций, но и действительной сменой большевиками курса национальной политики. Украинизация, борьба с «великорусским шовинизмом», дальнейшее строительство

украинской государственности на время устранили почву для появления подобных настроений.

Но лишь до тех пор, пока эта политика соответствовала целям адептов украинского движения с партбилетами в кармане. По мере того как разгорались их аппетиты, они начинали требовать большего. А замечая, что курс большевиков, по их мнению, был недостаточно активен, всеобъемлющ и в основе своей имел иные движущие мотивы, чем у них самих, деятельность адептов украинства — партийцев и околопартийной интеллигенции — вновь заметно активизировалась. Что стало заметно по так называемой «литературной дискуссии» и появлению «шумскизма», «хвильевизма» и «волобуевщины». Но об этом — в другой раз.

⁷³ КПСС в резолюциях. Т. 2. С. 336.

«ВН» в соцсетях

Новости «Вопросов национализма» можно узнать на страницах социальных сетей, посвящённых журналу.

Facebook: facebook.com/vnatio; «В контакте»: vk.com/vnatio.

- Анонсы новых публикаций
- События журнальной жизни
- Оформление подписки
- Приобретение электронной версии
- Обсуждения и дискуссии

Сергей Беляков

ТАРАС ШЕВЧЕНКО КАК УКРАИНСКИЙ НАЦИОНАЛИСТ

Тарас Григорьевич Шевченко — не только крупнейший украинский поэт, бесспорно признанный первым классиком украинской литературы. Шевченко — символ самой Украины. Современная украинская национальная идентичность немыслима без Шевченко, как современная русская — без Пушкина. Примечательно, что именно накануне его двухсотлетнего юбилея в Киеве произошла национальная революция. Ее исторический смысл и последствия будут нам понятны не скоро, но не случайно Майдан в течение нескольких месяцев противостояния украшали многочисленные портреты Тараса Шевченко. И современный исследователь, обращаясь к истории украинского национального движения, изучая украинскую идентичность, не может обойти вниманием автора «Кобзаря».

1. Социальное происхождение и национальное воспитание

Тарас Шевченко родился 9 марта 1814 г. в семье крепостного крестьянина Григория Ивановича Шевченко в деревне Моринцы, что в Звенигородском уезде Киевской губернии (теперь это Черкасская область). Вскоре его семья переехала в соседнюю деревню Кирилловку (Кирилівку), где и прошло детство будущего поэта и художника. Его предки с отцовской стороны происходили от некоего казака Андрея, который в начале XVIII в. пришел из Запорожской Сечи. Предки матери, Катерины Якимовны Бойко, были переселенцами из Прикарпаття.

Жизнь Тараса Шевченко в Кирил-

ловке вовсе не была замкнутой, а кругозор не ограничивался окрестностями родной деревни. Григорий Иванович чумаковал, ездил в Новомиргород, Гуляй-Поле, Елисаветград и брал с собой сына. Так Шевченко еще в детстве увидел жизнь других украинских сел, услышал песни чумаков, песни и думы кобзарей о народных героях, «лыцарях» — о Сагайдачном, Хмельницком, Сирко, Палее и, конечно же, о гайдамаках. Впрочем, о гайдамаках Шевченко знал не только от кобзарей, но и по рассказам своего деда, Ивана Андреевича.

Системы украинского школьного образования в то время не было и в помине, но изучение грамоты у сельского дьячка все-таки могло оказать некоторое влияние на формирование национального чувства. И.В. Бондаренко, школьный товарищ Шевченко, вспоминал позднее: «После изучения “азбуковника” Тарас Григорьевич перешел к чтению псалтыри. Пришедши домой после уроков, Шевченко подолгу просиживал над псалмами, любуясь их поэзией, декламируя их вслух»¹. Важнейшая тема псалмов, как известно, отношения народа Израиля с его Богом. Книга великая, но дохристианская. Чтобы увидеть в псалмах христианский смысл, необходим хороший духовный наставник, а такого у Шевченко никогда не было. Грамоте его обучал дьячок П.Ф. Богорский, который хоть и учился в Киеве, но

¹ Здесь и далее воспоминания о Шевченко, кроме особо оговоренных случаев, цит. по: Воспоминания о Тарасе Шевченко. К., 1988 // <http://litopys.org.ua/shevchenko/vosp.htm>

бросил учебу на середине, дойдя только до класса риторики. Учитель часто напивался допьяна, а учеников зверски избивал, так что вряд ли у него были время, возможность и желание наставить детей в христианской морали и привить им христианское понимание Ветхого Завета. Сам текст псалмов, сохранивший в церковнославянском переводе часть своей поэтической силы, полон страстной любви и к Богу, и к своему народу, как полон он и ненависти к врагам — другим народам, к суду над которыми и взывает псалмопевец. Пройдет время, и Шевченко станет переводить псалмы на украинский язык, находя в древнем тексте мотивы, близкие себе. Библию Шевченко будет читать всю жизнь и трактовать по-своему, подчас отнюдь не ортодоксально.

Наконец, само по себе воспитание в украинской этнической среде было решающим фактором, определившим идентичность Шевченко. В детстве будущий поэт усвоил язык, обычаи, традиции, вкусы и взгляды, характерные для украинского крестьянина Надднепрянщины. Позднее, уже при барском дворе П.В. Энгельгардта, Шевченко столкнется с другим миром — русско-польским, а позднее, в Петербурге, — с русско-немецким.

В Петербурге, получив благодаря хлопотам своих украинских (И.М. Сошенко) и в особенности русских друзей (В.А. Жуковского, А.Г. Венецианова, К.П. Брюллова) свободу, он не только поступает в Академию художеств, но и начинает писать стихи. Первые из них датированы 1837–1838 гг., а в 1840 г. появится первое издание сборника стихотворений под названием «Кобзарь». Сейчас смело можно сказать, что выход «Кобзаря» стал одним из важнейших исторических событий в судьбе Украины и украинцев.

2. Украина и ее судьба

Судьба («доля») Украины — одна из центральных тем и первого издания «Кобзаря», и всего творчества Тара-

са Шевченко. В его поэзии, в особенности ранней, история Украины четко распадается на два периода: страшное, но великое прошлое — и убогое настоящее. В прошлом казаки (о значении этого понятия см. ниже) плавали по синему морю, раскуривали люльки «в Польщі на пожарі», «морем червоніла» кровь ляхов и татар, а славные запорожцы и вообще казаки «пановали» да «бенкетовали».

Пановали, добували
І славу, і волю;
Минулося — осталися
Могили на полі².

Не стало запорожцев, традиции казачества ушли, исчезли вместе с Гетманщиной и Запорожской Сечью.

Од козацтва, од гетьманства
Високі могили —
Більш нічого не осталось...

И только поэт-кобзарь может воскресить гетманов, запорожцев, гайдамаков, чтобы воспеть их славу.

Любовь Шевченко к Украине безмерна. Об Украине он тоскует в Петербурге, окруженный друзьями, получивший уже славу талантливого ученика великого Брюллова. В сущности, Шевченко жертвовал карьерой живописца, к которой стремился много лет, ради стихов, посвященных его любимой родине. Время и силы уходили не столько на учебу в Академии, а на стихи и на путешествия по Украине. В конечном счете Украине и украинской поэзии он принесет в жертву и десять лет своей жизни. Как известно, из всех членов Кирилло-Мефодиевского братства суровое наказание понесли только Н. Гулак (за отказ сознаваться и, как бы сейчас сказали, «сотрудничать со следствием») и

² Здесь и далее сочинения Шевченко цит. по: Шевченко Тарас. Зібрання творів: У 6 т. К., 2003 // <http://litopys.org.ua/shevchenko/shev.htm>

Т. Шевченко — за «возмутительные» стихи, в особенности, за страшную, почти самоубийственную поэму «Сон».

Много лет спустя, в Новопетровском укреплении, рядовой Шевченко будет записывать в своем дневнике: «Я из грязного чердака, я, ничтожный замарашка, на крылья[х] перелетел в волшебные залы Академии художеств. <...> Чем занимался я в этом святилище? Странно подумать. Я занимался тогда сочинением малороссийских стихов <...> передо мною мелькали мученические тени наших бедных гетманов. Передо мной расстилалась степь, усеянная курганами. Передо мной красовалась моя прекрасная, моя бедная Украина во всей непорочной меланхолической красоте своей».

В стихотворении «На вечную память Котляревского» Шевченко обращается к основоположнику современной украинской поэзии и драматургии: «Прилини до мене хоть на одно слово // Та про Україну мені заспівай».

В стихотворении, посвященном украинскому прозаику Г. Квитке-Основьяненко, Шевченко еще красноречивее:

Наша дума, наша пісня
Не вмре, не загине...
От де, люде, наша слава,
Слава України!

И в каземате Петропавловской крепости Шевченко будет думать об Украине:

Та неоднаково мені,
Як Україну злії люде
Присплять, лукаві, і в огні
Її, окраденую, збудять...
Ох, не однаково мені.

Другой вопрос, что вкладывал Шевченко в понятие «Украина». Вскоре после выхода первого издания «Кобзаря» и «Гайдамаков» Шевченко несколько раз побывает на Украине, а в 1845–1846 гг. станет сотрудником ар-

хеографической комиссии, что позволит ему много путешествовать по малороссийским землям. Наблюдения, сделанные тогда, он использует десять лет спустя, когда будет работать над повестью «Прогулка с удовольствием и не без морали». В уста героя Шевченко, по всей видимости, охотно вкладывал собственные мысли: «От берегов тихого Дона до кремнистых берегов быстротекущего Днестра — одна почва земли, одна речь, один быт, одна физиономия народа; даже и песни одни и те же. Как одной матери дети». И на той же странице, даже в том же абзаце следует важное уточнение. Рассуждая о том, почему в Подолии и на Волини мало курганов-могил, но нередко развалины замков, а на Киевщине и Полтавщине версты не пройти, не увидев «высокой могилы», герой приходит к такому заключению: «Бедная, мало-сильная Волинь и Подолия, она охраняла своих распинателей (очевидно, польских шляхтичей. — С.Б.) в неприступных замках и роскошных палатах. А моя прекрасная, могучая, вольнолюбивая Украина туго начиняла своим вольным и вражьем трупом неисчислимые огромные курганы. <...> ворога деспота под ноги топтала и свободная, не-растленная умирала...».

Таким образом, понятие *Украина* имеет у Шевченко два значения. В широком смысле — это все земли, населенные украинским народом. Жители этой большой Украины имеют сходные обычаи, традиции, даже внешний облик, они разговаривают на одном языке, поют одни песни. Украина в узком смысле слова включает в себя земли по обе стороны Днестра, территорию Надднепрянщины, бывшей Гетманщины (собственно Малороссии) и Запорожья. Следует отметить, что до середины 1840-х Шевченко не бывал на Волини и в Подолии, а в Галицию (в то время австрийскую) ему так и не удалось приехать. Эти земли не успели стать ему родными, хотя он все-таки подчеркнул их украинский характер.

3. Жертва за Украину

В системе ценностей, созданной автором «Кобзаря», Украина занимает первое место. Она стоит даже выше Бога. В знаменитом «Заповите» («Як умру, то поховайте») поэт не хочет знать Бога до тех пор, пока Днепр не понесет «кров ворожу» в синее море. Из контекста ясно, что речь именно о крови врагов Украины. В стихотворении «Гоголю» поэт, вспоминая «Тараса Бульбу», горюет, что нынче «старый батько» не убьет своего сына

За честь, славу, за братерство,
За волю Вкраїни.

Украина стоит самой дорогой жертвы. Жертва во имя Украины — тема «Гонты в Умани», центральной, кульминационной главы поэмы «Гайдамаки». Шевченко обращается здесь к легенде, по которой уманский сотник Иван Гонта не только перешел на сторону гайдамаков и устроил резню евреев и поляков в Умани, но и будто бы убил собственных детей, рожденных матерью-католичкой. Украинские исследователи сравнивали «Гонту в Умани» не только с убийством Андрия Тарасом Бульбой, но и с жертвой Авраама. В самом деле, Исаак и дети Гонты невинны, и отец приносит их в жертву не по злобе, а из чувства долга. Поэтому Гонта просит детей поцеловать его: «Бо не я вбиваю, // А присяга». Но если Авраам готов принести жертву Богу, то кому приносит жертву шевченковский Гонта? Народу, нации, но никак не Богу. Религия здесь выступает только как национальный/этнический маркер: дети умирают, приговаривая «Тату-тату... мы не ляхи!» Католик = поляк, униат = предатель, «перевертень», и переход в другую религию трактуется как отречение от собственной нации. Кровавая жертва во имя нации может быть оправдана, ведь Гонта для Шевченко — «мученик праведный».

Многие стихи Шевченко напоминают поэтические переложения сюже-

тов из украинской истории. «Тарасованіч» — о восстании Тараса Федоровича (у Шевченко и в «Истории руссов» — Тараса Трясило), «Заступила чорна хмара» — о капитуляции в Чигирине гетмана Дорошенко перед войсками Ромодановского и Самойловича. Об этих сюжетах Шевченко мог узнать из письменных источников. Он читал не только «Историю руссов», но и летопись Величко, «Историю Малой России» Бантыш-Каменского и другие сочинения по украинской истории. Исследователи, такие как М. Гнатюк, автор монографии, посвященной «Гайдамакам»³, И. Дзюба⁴ искали письменные источники и у «Гайдамаков». Правда, Шевченко подчеркивал, что писал по рассказам, услышанным в детстве, но это свидетельство списали на литературный прием⁵. Авторы исторических сочинений, доступных во времена Шевченко, не романтизировали зверства Колиивщины. Сочувствие гайдамакам можно найти разве что в «Сказании о Колиивщине» М. Максимовича⁶, но это сочинение не было напечатано при жизни Шевченко и нет никаких данных, которые доказывали, будто Шевченко мог прочитать это «Сказание» в рукописи.

С украинофилами, членами будущего Кирилло-Мефодиевского братства (Кулишем, Костомаровым, Белозерским), Шевченко еще знаком не был, да и никто из них не шел так далеко в любви к родному краю, чтобы оправдывать резню и погромы. Остается поверить Шевченко, не имевшему здесь оснований лукавить.

В 1768 г. крестьяне Кирилловки приняли участие в Колиивщине. Дед Шевченко будто бы и сам был гайдамаком. Именно на его рассказы и ссылался сам

³ Гнатюк М. Поема Т.Г. Шевченка «Гайдамаки». К., 1963. С. 10–11.

⁴ Дзюба І. Тарас Шевченко: Життя и творчість. К., 2008. С. 149–151.

⁵ Там же. С. 148.

⁶ Максимович М.А. Собрание сочинений. К., 1876. Т. 1. С. 623–653.

Тарас Григорьевич как на важнейший источник сведений, положенных им в основу поэмы «Гайдамаки».

Бувало, в неділю, закривши Мінею,
По чарці з сусідом випивши тієї,
Батько діда просить, щоб той розказав
Про Коліївщину, як колись бувало.
Як Залізник, Гонта ляхів покарав.
<...>
І мені, малому, не раз довелось
За титаря плакати. І ніхто не бачив,
Що мала дитина у куточку плаче.
Спасибі, дідусю, що ти заховав
В голові столітній ту славу козачу...

Сам Тарас Григорьевич был убежден, что дед его и в самом деле был настоящим гайдамаком. Биографы Шевченко, от А. Конисского⁷ до П. Жура⁸, И. Дзюбы⁹, Ю. Барабаша¹⁰ упорно держатся версии об участии Ивана Андреевича Шевченко в Колиивщине. Но авторы академической биографии Шевченко, выпущенной в Киеве в 1984 г., показали, что документально подтвержденный год рождения деда Ивана — 1761-й¹¹. Следовательно, в 1768-м ему пошел только восьмой год и о гайдамаках он мог много слышать, мог их видеть, но сам гайдамаком стать не мог. Однако это обстоятельство никоим образом не подрывает версии об исключительном влиянии рассказов деда на Тараса Шевченко. П. Кулиш, собиравший этнографические материалы и еще заставший в живых свидетелей Колиивщины, отметил интересную закономерность: люди, в самом деле видевшие живых гайдамаков, рассказыва-

ли о них как о разбойниках и злодеях: «Сочувствия им не обнаружил ни один рассказчик»¹². Но со временем народ начинал принимать сторону гайдамаков, петь их песни и передавать «будущим поколениям их кровавую славу»¹³. История превращалась в национальный исторический миф. Так что Иван Андреевич, очевидно, передал внуку уже мифологизированное представление о гайдамаках.

Видимо, большое влияние на молодого Тараса оказало и посещение Мотронинского монастыря (под Чигирином), где по преданию освящали свои ножи гайдамаки и где их вождь, Максим Залізник, в самом деле устроил свою первую ставку¹⁴. Близ Мотронинского монастыря захоронено немало гайдамаков. «Маленький Шевченко, в это время уже грамотный, прочитывал могильные надписи, удовлетворяя тем любопытство как свое собственное, так и других богомольцев...» и, конечно, слушал новые рассказы о Колиивщине с таким вниманием, «что память о них сохранилась у поэта до позднего времени» (А.М. Лазаревский). И Шевченко, уже в расцвете своего таланта, будет воспевать героев, убивавших и погибавших «за волю», за «Вкраїну». В стихотворении «Холодній яр» он будет защищать и гайдамаков, и себя от критики просвещенных гуманистов.

«Гайдамаки не воины —
Розбойники, вори.
Пятно в нашій історії...»
Брешеш, людоморе!
За святую правду-волю
Розбойник не стане,
Не розкує закований
У ваші кайдани
Народ темний, не заріже

⁷ Конисський О. Тарас Шевченко-Грушівський. Хроніка його життя. К., 1991. С. 53.

⁸ Жур П.В. Труды и дни Кобзаря. Люберцы, 1996. С. 10.

⁹ Дзюба І. Тарас Шевченко... С. 18.

¹⁰ Барабаш Ю. «Если забуду тебя, Иерусалим...» Гоголь и Шевченко: сравнительно-типологические опыты. Харків, 2007. С. 26, 97.

¹¹ Дзюба І. Указ. соч. С. 18.

¹² Кулишъ П. Записки о Южной Руси. СПб., 1857. Т. 2. С. 107.

¹³ Там же. С. 108.

¹⁴ Яковенко Т.Г. Очерк истории Украины в Средние века и Раннее Новое время. М.: Новое литературное обозрение, 2012. С. 644.

Лукавого сина,
Не розіб'є живе серце
За свою країну.

4. «Козачий народ»

Творчество Шевченко, конечно же, не сводится к поэмам о кровавом историческом прошлом. Для развития национального самосознания украинского народа не меньшее значение имеют стихи, далекие от политической истории, поэтизирующие украинский быт, культуру, образ жизни, от «Садок вишневий коло хати» до «Тече вода з-під явора». У Шевченко не было необходимости «идти в народ», он и родился в крестьянской семье, и до конца жизни оставался простым мужиком, в чем с удовольствием признавался. Только вот свой народ Шевченко называл по-разному. *Поэт, так много писавший об Украине, крайне редко использовал само понятие «украинцы».* Например, в комментарии к своему офорту «Дары в Чигирине 1649 года» Шевченко говорит про «народ украинский, уже вольный и сильный». Еще раз «украинский народ» упоминается в начале повести «Близнецы». В «Письме редактору Народного чтения» речь идет об «украинской народности».

Между тем понятие «украинцы» уже было хорошо известно, его использовали даже русские. Тем не менее одно из последних сочинений Шевченко — «Букварь» — также назван не украинским, а южнорусским. Очевидно, здесь Шевченко следовал за Костомаровым и Кулишем, охотно использовавшими именно понятия «Южная Русь», «южнорусский». Но из этого вовсе не следует, будто он разделял концепцию Костомарова о двух русских народностях, «великорусской» и «южнорусской» или «малорусской»¹⁵. Шевченко не нуждался в необходимости теоретически обосновать отличия укра-

инцев от русских или поляков. Кажется, такой вопрос перед ним просто не стоял.

В письмах к украинским адресатам Шевченко чаще всего использовал понятие «наши», «наш народ». В своих повестях, написанных на русском, а также в письмах к русским адресатам Шевченко называет свой народ «малороссиянами», упоминает «малороссийский язык», «малороссийские песни», «малороссийские хаты», «малороссийские полки». Таким образом, он обращается к терминологии, общепринятой в среде образованных людей своего времени. В повестях, в дневнике и письмах он нередко использует и слово «хохлы». Зато в его стихах место «малороссиян» и «хохлов» занимают «козаки», «козачий» народ. Слово «козак» у Шевченко во многих случаях означает не только представителя военного сословия. «Козаки» — этноним того самого народа, к которому относит себя сам автор «Кобзаря». Казачество для него именно вольный украинский народ, пусть и немалая часть его закреплена «німотой та москалями».

В мистерии «Великий льох» одна из трех ворон, символизирующих силы зла, признается:

І я люта, а все-таки
Того не зумію,
Що москалі в Україні
З козаками діють.

«Великий льох» написан в 1845 г., когда никаких казаков на Украине, собственно говоря, не было. Черноморское казачество (преемник запорожского) располагалось далеко за ее пределами.

Историк, редактор и журналист В.И. Аскоченский, оставивший интересные воспоминания о встречах с Тарасом Шевченко, писал о том, как Шевченко его спрашивал: «То ви, мабуть, козак?» Когда же Аскоченский спел «Злетів орел попід небо, жалібно голосити...», то Шевченко, выпивший к тому времени, воскликнул: «Сучий я син,

¹⁵ См.: Костомаров Н. Исторические монографии и исследования. СПб., 1863. Т. 1. С. 221–287.

коли ви не козак!.. Козак, щирий козак!»

Использование слова «козаки» в качестве этнонима было хорошо известно в начале XIX в. «Малороссияне именовались прежде козаками»¹⁶, — писал А. Левшин еще в 1816 г. И.М. Долгорукий употреблял слова «хохол» и «козак» как синонимы¹⁷.

Шевченко, воспевая украинское казачество, обращался не столько к прошлому военного сословия, сколько к настоящему и прошедшему украинского народа.

Следует подчеркнуть, что «козаки» Тараса Шевченко стоят в одном семантическом ряду не с сословиями (шляхтой, духовенством и т.п.) и не с этнографическими группами, субэтносами или иными формами региональной идентичности (подоляне, полищуки и т.п.), а именно с этносами и/или нациями.

Грає кобзар, виспівує,
Вимовля словами,
Як москалі, орда, ляхи
Бились з козаками...

При этом нет никаких оснований обвинить Шевченко в отсутствии национального/этнического самосознания. Напротив, как мы видели, это самосознание было в нем чрезвычайно развито. Скорее наоборот, случай Шевченко показывает, что имя нации или этноним сам по себе не играет большой роли в национальной/этнической идентичности. Шевченко мог назвать родной народ несколькими именами, однако не путал его ни с «москалями», ни с «ляхами», ни с немцами.

Отметим, что Шевченко, крестьянский сын, который, если верить последователям Геллнера и Хобсбаума, просто не мог иметь украинской идентич-

ности (да и такой идентичности, по мнению, например, О. Неменского, просто еще не было), на самом деле вел себя как убежденный, последовательный, даже фанатичный националист. Любовь Шевченко к своему народу, к Украине ни в коем случае нельзя назвать «местным патриотизмом» или «проявлением региональной идентичности». Случай Шевченко вообще находится в очевидном противоречии с представлениями, которые господствуют в современной науке благодаря распространению конструктивистского подхода к изучению национальной идентичности.

5. Национальный демократ?

Но Шевченко не мог игнорировать жесткую сословную иерархию, которая разделяла украинский народ так же, как и русский. Сам бывший «крипак» и сын «крипака», Шевченко в принципе не любил панов, в том числе и украинских. Хотя именно среди образованных украинских помещиков появились его первые читатели и поклонники, хотя в господских имениях автора «Кобзаря» принимали как дорогого гостя, чувство сословной и классовой вражды у Шевченко проявлялось не раз. Здесь этнонациональная и сословно-классовая формы идентичности вступали в конфликт. Хорошо известна ссора Шевченко с Платоном Лукашевичем, известным фольклористом, этнографом, но еще и помещиком. Когда Лукашевич прислал за Шевченко своего крепостного, который должен был проделать путь в 30 верст «в мороз и вьюгу», то Шевченко не только не поехал, но и написал Лукашевичу записку с упреками в жестокости к людям. В ответной записке Лукашевич написал, что у него-де «триста душ таких», как Шевченко. Другой раз в гостях у П. Скоропадского автор «Кобзаря» увидел, как хозяин бил лакея, не стесняясь гостей. Шевченко пришел в ярость, потрянул обеденный стол так, что с него посыпались рюмки и бутылки, разорвал свою

¹⁶ Левшин А. Письма из Малоросии. Харьков, 1816. С. 60.

¹⁷ Долгорукий И.М. Славны бубны за горами, или Мое путешествие кое-куда 1810 года. М., 1870. С. 252.

шапку, бросил ее в Скоропадского и, сказав несколько резких слов, ушел.

Но и в тех случаях, когда помещики не обижали крепостных, по крайней мере в присутствии Шевченко, поэт предпочитал простых людей господскому обществу. Он часто гостил у братьев И.И. и А.И. Лизогубов, представителей славного рода, из которого вышли многие видные представители казачьей старшины. Днем Шевченко рисовал, а по ночам «кутил с лизогубовскою прислугою».

В последние годы жизни Шевченко очень хотел жениться на молодой девушке, обязательно малороссиянке и непременно простой, не из панов. Варфоломей Шевченко, двоюродный брат поэта, разумно советовал взять замуж просвещенную девушку, которая могла бы лучше оценить такого мужа. Тарас ему отвечал так: «...я и по плоти, и по духу сын и родной брат нашего несчастного народа (здесь слово “народ” имеет не этнический, а именно сословно-классовый смысл. — С.Б.), так как же мне соединиться с собачей панской кровью? Да и что будет делать паночка в моей мужицкой хате?»

И. Дзюба справедливо замечает, что Шевченко практически не обращается к теме защиты «вольностей» (казачьих, шляхетских)¹⁸. Между тем именно борьба за сохранение старых вольностей и за признание статуса малороссийских (гетманских) чинов объединяла малороссийское дворянство, тормозила процесс его русификации, способствовала историческим изысканиям, обращению к историческому прошлому гетманства¹⁹. Но бывшему крепостному Шевченко эти вольности не интересны, ему важнее — воля, а не вольности и права.

Шевченко был убежденным и последовательным противником монар-

хии. Собственно, за крайне злобные и оскорбительные стихи об императоре и императрице он и был отправлен в Оренбургский край, в солдаты. Десять лет солдатчины только укрепили его в ненависти к монархии, не только русской:

О люди, люди небораки,
Нащо здалися вам царі?
Нащо здалися вам псарі?
Ви ж таки люди, не собаки...

Политический идеал Шевченко — демократия, враждебная не только монархии, но и сословному обществу. По воспоминаниям Бр. Залеского и дневнику Н.А. Маркевича хорошо известен анекдот о том, как Шевченко вел «демократическую» пропаганду в шинке. Он бросал на стол зёрнышко и говорил «Оце цар». Потом еще несколько зерен, подальше от первого зерна: «Оце пани». Потом еще набросал много зёрен кучками: «А се громада, люде прости». Затем смешивал все зерна и спрашивал: «Шукайте царя й панів! Де вони?..»

К буржуазии, по крайней мере «национальной», поэт был куда снисходительнее. Примечательно, что Шевченко, воспевавший героев исторического прошлого — гетмана Дорошенко, запорожских «лицарей», гайдамаков, — с большим уважением, даже с восторгом осматривал в 1859 г. процветающий в то время Городищенский сахарный завод К.М. Яхненко и П.Ф. Симиренко²⁰. Оба промышленника были, правда, как и Шевченко, из крепостных, а теперь богатели и процветали. Оба были украинцами, малороссиянами. Насмотревшись на технические чудеса и увидев, что при заводе есть еще и училище, Шевченко прослезился, обнял и поцеловал Яхненко и воскликнул: «Батьку! Що ти тут наробив!»

В октябре 1850 г. в Уральске Шевчен-

¹⁸ Дзюба І. Указ. соч. С. 77.

¹⁹ См.: *Голочко А.* Киевская Русь и Малороссия в XIX веке. К., 2012. С. 177–203.

²⁰ П.Ф. Симиренко финансировал последнее прижизненное издание шевченковского «Кобзаря».

ко познакомился с Я. Гордоном, конфирмированным поляком, который оставил очень интересное свидетельство о политических взглядах Тараса Григорьевича: «Независимая Украина была целью его мечтаний, революция была его стремлением»²¹, — писал он. Это свидетельство не противоречит всему тому, что мы знаем о Шевченко. Еще за пять лет до этого разговора в своем «Заповите» поэт призывал порвать кандалы и окропить волю злою вражьей кровью. Такой призыв мог легко трактоваться и в социальном (призыв к восстанию против крепостничества), и в национально-освободительном смысле. Но одно не противоречит другому, и социальная революция вполне может сочетаться с национальной, как это и покажут революция и гражданская война на Украине 1918–1920 гг.

Взгляды Шевченко можно было бы назвать «национально-демократическими», если о нём вообще можно говорить языком, привычным для сторонников общераспространенного в современной науке модернизационного подхода. На самом же деле политические взгляды Шевченко не так важны, как его безграничная любовь к Украине, «козачьему» народу, украинскому языку. Шевченко был поэтом и художником, а не политиком, юристом или политическим публицистом.

6. Москаля

«Кохайтеся, чорнобриві, // Та не з москалями, // Бо москалі — чужі люде...» Это первые строки поэмы «Катерина», одной из лучших у Шевченко, и крупнейшего из произведений, включенных в первое издание «Кобзаря» (1840).

Сюжет «Катерины» — вариация одного из самых популярных сюжетов мировой литературы. Простую, наивную девушку соблазнил и бросил блестящий, богатый и легкомысленный че-

ловек, занимающий высокое социальное положение. В данном случае москаль, русский офицер.

Сам Шевченко говорил, что в основу сюжета «Катерины» положена подлинная история, что, впрочем, и не удивительно. Случай был, очевидно, типичным, нашедшим отражение и в фольклоре. Этнограф П. Чубинский записал даже песню: «Да не гуляй, молода дівчино, з москалями; // Москальчики — обманщики, вони обманять...»²²

В украинском языке у слова «москаль» два значения: 1) солдат и 2) русский. Шевченко использует это слово в обоих значениях. Например, в поэме «Москалева криниця» речь идет именно о солдате, в «Катерине» слово «москаль» используется в обоих значениях, но преобладает, бесспорно, второе — «москаль = русский».

В поэме Шевченко подчеркивается с первых же строчек: любовь к чужаку-москалю окончится трагедией. Поэт не осуждает отца и мать Катерины за то, что выгнали дочь с грудным ребенком за порог:

Будь щаслива в чужих людях,
До нас не вертайся!

Зато «препоганый» москаль поминается не раз. Дважды преданная москалем (он «не узнал» в «безумной» женщине, которая бросилась показывать ему его же ребенка, свою любовницу), Катерина топится, а ребенка подбирают добрые люди и он, в конце концов, становится «мехоношей», помощником слепого кобзаря. Однажды на дороге в Киев рядом с кобзарем и мальчиком останавливается карета, запряженная шестеркой лошадей. В карете — «господиня // З паном і сем'єю». Панна люби-

²¹ Жур П. В. Труды и дни Кобзаря... С. 265–266.

²² Труды этнографическо-статистической экспедиции в Западно-Русский край, снаряженной императорским Русским географическим обществом: Юго-Западный отдел: Материалы и исследования, собранные д. чл. П. П. Чубинским. СПб., 1883. Т. 5. С. 304.

ется на черные брови мальчика и подает милостыню, а пан, тот самый москаль, узнает в мальчике своего сына и... отворачивается, таким образом, предав Катерину в третий раз. Карета трогается с места, обдав мальчика пылью, а мальчик с кобзарем, помолившись, продолжают свой путь.

Полічили, що достали,
Встали сіромахи,
Помолились на схід сонця,
Пішли понад шляхом.

В шевченковедении существует аллегорическое толкование этой поэмы, где образ Катерины символизирует образ Украины, поработенной русскими, Российской империей²³. Далекое не все с этим толкованием согласны, тем более что и сама по себе тема девушки, обещенной и родившей ребенка вне брака, одна из любимых у Шевченко. Но и «аллегорическое» толкование представляется убедительным, а ксенофобское отторжение москалей как людей чужих встречается и в переписке Шевченко. В особенности в самых ранних из сохранившихся петербургских писем Шевченко. Из Петербурга он будет просить брата Никиту писать ему «не по-московському, а по-нашому,

Бо москалі чужі люди,
Тяжко з ними жити;
Немає з ким поплакати,
Ні поговорити».

«Московщина» (то есть Россия, Великобритания, включая и Петербург) для Шевченко — чужбина, где живут люди чужие, а потому малоприветные.

А до того — Московщина,
Кругом чужі люде...
<...>
Насміються на псалом той,

Що виллю сльозами;
Насміються... Тяжко, батьку,
Жити з ворогами!

В дневнике, который Шевченко вел около года (с июня 1857 по июль 1858), найдем весьма нелестные характеристики, которые он дает различным слоям русского общества. Больше всего ему, разумеется, не нравятся офицеры и вообще военные, что понятно. Шевченко, поэт и художник, к военной службе не приспособленный, 10 лет был вынужден провести в армии николаевской России. Отсюда и его оценка русских военных: «Отвратительное сословие». Но достается и русским купцам, а самыми неприятными из русских показались ему раскольники-староверы. О последних он пишет с нескрываемым презрением. Уральские казаки-староверы для него «хуже всяких язычников». «В Уральске постоянно набит острог беглыми солдатами, — продолжает Шевченко, — их мнимыми пресвитерами. И несмотря на явные улики, они благоговейно перед этими разбойниками и бродягами. И это не простые, а почетные, чиновные казачки».

Русским/москалям чуждо все, что так близко малороссиянину/хохлу/украинцу. Малороссияне любят природу, их хаты укрыты в тени вишневых и черешневых садов. Зато «...в великороссийском человеке есть врожденная антипатия к зелени, к этой живой блестящей ризе улыбающейся матери природы». В русской же деревне «наваленные кучи серых бревен с черными отверстиями вместо окон, вечная грязь, вечная зима! Нигде прутика зеленого не увидишь, а по сторонам непроходимые леса зеленеют».

Малороссияне любят поесть и поговорить о еде, они гордятся своим вкусным борщом, на праздник подают целых зажаренных кабанов, а русские и готовить толком не умеют, но за тарелку постных щей возьмут полтину серебра.

Неприянь Шевченко к русским

²³ См., напр.: *Чижевський Д.* Історія української літератури: Від початків до доби реалізму. Тернопіль, 1994. С. 412–413.

(«москалям»), по всей видимости, достаточно распространена в среде украинского крестьянства первой половины XIX в. О ненависти малороссиян к русским («великороссиянам») писал еще А. Левшин, побывавший в Малоросии в 1815 г.: «Они переливают чувство сие (ненависть к москалям. — С.Б.) в самих малюток и пугают их *москалями*. При сем имени малое дитя перестает кричать»²⁴. В 1815-м таким «малым дитя» был и годовалый Тарас Шевченко.

7. Московщина

Возможно, именно эта ксенофобия²⁵ и оказала решающее влияние на формирование исторических взглядов Шевченко, на его отношение к Российской империи, императору и к имперской столице. Без личного опыта все, что он прочел в «Истории руссов», осталось бы только «мертвыми словами», которые вряд ли оказали бы влияние на автора поэмы «Сон», направленной против царя, империи, Петербурга и против тех украинцев, что выучили «московскую мову» и пошли москалям на службу.

Україно! Україно!
Оце твої діти,
Твої квіти молодії,
Чорнилом політі.
Московською блекотою
В німецьких теплицях
Заглушені!.. Плач, Україно!
Бездітна вдовице!

Но более всего приводит в отчаяние лирического героя поэмы не царь и царица, а сам Петербург, построенный, как считает поэт, на костях украинцев. Город, построенный «проклятым, лу-

кавым» царем, «аспидом голодным», «распявшим» Украину²⁶. Сами размышления лирического героя у памятника Петру I показывают, как чужда Шевченко история России. Русские цари для Шевченко — людоеды, палачи. Оказывается, что русский и украинский взгляды на одни и те же события просто несовместимы. Не случайно Шевченко, хотя и ценил стихи А.С. Пушкина, не мог простить ему поэму «Полтава»²⁷.

Страшно погибнуть не за Украину, а за чужого царя — «палача Украины» — и чужую страну. Об этом и поэма «Кавказ», посвященная памяти Якова де Бальмена, друга Шевченко.

Мій Якове добрий! Не за Україну,
А за її ката довелось пролити
Кров добру, не чорну. Довелось запити
З московської чаші московську отруту!

Разумеется, Шевченко не мог не видеть наднациональной сущности империи, которая была особенно заметна в имперской столице, городе «то ли турецком», «то ли немецком», а может быть «даже русском» (у Шевченко, естественно, «московском»). Но империя была создана прежде всего москалями, а потому Россия для поэта — это именно Московщина, а русские — это «новые ляхи», терзающие мать-Украину.

В мистерии «Великий льох» три души молодых девушек, даже девочек, рассказывают о трех смертных грехах, за которые они лишены царства не-

²⁴ Левшин А. Указ. соч. С. 73.

²⁵ Понятие «ксенофобия» следует воспринимать без свойственных этому слову отрицательных коннотаций, а всего лишь как научный термин, означающий неприязнь к чужому и чужакам, свойственный природе каждого человека.

²⁶ Впрочем, отношение Шевченко к Петербургу, конечно же, было сложнее. В Петербурге жили многие друзья Шевченко (и русские, и украинцы), с Петербургом были связаны многие светлые его воспоминания, там же была и любимая Академия художеств, которую он часто будет вспоминать в годы солдатской службы. Именно в Петербург он вернется в 1858 г., в Петербурге проведет и последние годы жизни.

²⁷ Об этом см. в воспоминаниях Я.П. Полонского.

бесного. Третья — поприветствовала императрицу Екатерину, не зная, что та «Лютый ворог України, // Голодна вовчиця!..» Вторая напоила коня царя Петра, который приказал уничтожить город Батурин вместе со всеми жителями. Первая же виновна в том, что перешла с полными ведрами дорогу Богдану Хмельницкому, когда тот ехал в Переяслав присягать Москве. Это гетман, на свое и всей Украины несчастье, счел за добрый знак. О Хмельницком Шевченко высказывается с иронией, даже сарказмом: «Якби-то ти, Богдане п'яний...», «За що ми любимо Богдана?..»

Такое отношение к москалям и Московщине не мешало Шевченко не только говорить, но и писать на русском. Правда, его русские стихи несопоставимы с украинскими. К.И. Чуковский очень точно написал о Шевченко: «...когда он писал не на народном, днепровском своем языке, а “по-московски”, по-великорусски, вдохновение отлетало от него». И сам Шевченко это понимал. В письме к писателю и казаку, будущему наказному атаману Черноморского войска Я. Кухаренко 30 сентября 1842 г. Шевченко сетовал: «Переписал “Слепую” и плачу над нею. Какой черт и за какой грех подбил меня исповедоваться кацапам черствым кацапским словом».

В последние годы своей солдатской службы Шевченко взялся писать прозу, причем — на русском. Уже много лет он был оторван и от литературной жизни, и от украинцев (в части был только один украинский солдат, да и тот не сразу признал в Шевченко своего). А Шевченко, естественно, хотелось писать и печататься, но писать он мог только для русских журналов, украинских в 1850-е гг. просто не было. И Шевченко успел написать девять повестей. Но их судьба оказалась печальна. Ни одна не увидела света при жизни их автора. И причина этой неудачи не цензура, а художественная слабость, о которой честно написал Шевченко С.Т. Аксаков, которому

в «Русскую беседу» и прислал Шевченко одну из них: «Я не советую Вам печатать эту повесть. Она несравненно ниже Вашего огромного стихотворного таланта»²⁸. Сам Шевченко тоже относился к своим русским опытам скептически. «Поучи ты меня, пожалуйста, что мне делать с русскими повестями, — писал он Кулишу 26 января 1858 г. — Их у меня десятка два накопилось. Затопить печку — жаль: много труда пропадет. Да и денег бы хотелось, теперь они мне очень нужны».

И Кулиш отозвался о русской прозе Шевченко намного резче, чем Аксаков: «Не торопись, братец, печатать московские повести. Ни денег, ни славы за них не добудешь. <...> унизишь ты себя ими перед всем светом, да и больше ничего <...> Будь у меня деньги, я б у тебя купил их все да и сжег»²⁹.

Неприятнь Шевченко к Московщине и москалям не мешала ему дружить со многими русскими людьми, в особенности с теми, кто сделал для него что-то доброе: с В.А. Жуковским, К.П. Брюлловым, В.Н. Репниной, Ф.П. Толстым и в особенности с его женой, А.И. Толстой, которую в глаза и за глаза называл своей «святой заступницей» (хлопотам графов Толстых Шевченко был обязан своим освобождением от службы и разрешением вернуться в Петербург). Шевченко очень радовался, если кто-либо из русских интересовался Украиной, украинским языком и культурой, как В.Н. Репнина, С.Т. Аксаков или Л.М. Жемчужников: «Что за дивный, оригинальный человек Л. Жемчужников! Поцелуй его от меня, как увидишь», — писал Шевченко Кулишу. В 1854 г. поэт общался с будущим автором «России и Европы» Н.Я. Данилевским и, по его собственному признанию, сблизился с ним «до самой искренней дружбы».

²⁸ Цит. по: *Барабаш Ю.* «Если забуду тебя, Иерусалим...» С. 400–401.

²⁹ Там же. С. 399.

8. Панславизм и украинизм

Особо следует сказать о панславизме Шевченко, который сам по себе представляет интересную тему для исследователя. Увлечение Шевченко идеей славянского единства, вероятнее всего, было связано с влиянием О.М. Бодянского, одного из основоположников отечественного славяноведения. От него, а также от П. Лукашевича Шевченко мог узнать много о Караджиче, Ганке, Колларе, Шафарике, последнему Шевченко даже посвятил свою поэму «Єретик» (Ян Гус), где были и такие слова:

Слава тобі, Шафаріку,
Вовіки і віки!
Що звів єси в одно море
Слав'янські ріки!

Н. Костомаров, познакомившийся с Шевченко только в 1846 г. в Киеве, с радостью нашел у Тараса Григорьевича «самое восторженное сочувствие» идее «славянской взаимности». Впрочем, не стоит и преувеличивать значение этих панславистских симпатий. Еще за полгода до знакомства с Костомаровым и создания Кирилло-Мефодиевского братства Шевченко в мрачном «дружеском послании» «И мертвым, и живым, и не рожденным землякам моим в Украине и не в Украине» упрекает сторонников славянского единства: читаете Коллара, Шафарика и Ганку и на всех языках говорите, а родного не знаете...³⁰ Да и сам Костомаров, лучше узнав Шевченко, поймет и позднее характеризует Шевченко как убежденного украинца, мало интересовавшегося славянскими делами.

Шевченко, как и многие «украинофилы» (М. Максимович, Кулиш), подерживал хорошие отношения с московскими славянофилами, которые,

³⁰ Прошу прощения за пересказ прекрасных стихов презренной прозой, но иначе пришлось бы цитировать слишком большой фрагмент.

в свою очередь, тогда еще благожелательно смотрели на развитие «малороссийской» литературы и уважали Шевченко. Но их разрыв был неизбежен и наметился уже при жизни Шевченко. Когда Максимович предложил Шевченко прислать стихи для публикации в газете «Парус», издание которой предпринял И.С. Аксаков, автор «Кобзаря» довольно резко отказался. Одна из причин была такой: «“Парус” в своем манифесте перечислил всю славянскую братию», но украинцев-малороссов не вспомнил. «Мы, видишь ли, слишком близкие родственники. Когда наш батько горел, то их батько руки грел».

9. Ляхи

П.И. Мартос, полтавский помещик, финансировавший первое издание «Кобзаря», считал себя и первооткрывателем поэзии Шевченко³¹. Будто бы он в квартире Шевченко поднял испсанный листок и первым прочитал:

Червоною гадюкою
Несе Альта вісті,
Щоб летіли круки з поля
Ляшків-панків їсти.

Это был фрагмент из небольшой поэмы «Тарасова ніч». Поляки, ляхи в творчестве Шевченко — один из главных (наряду с татарами и москалями) исторических врагов народа Украины, сильные и воинственные, борьбе с ними посвящены «Тарасова ніч», «Гайдамаки», отчасти — «Заступила чорна хмара»:

А ляхи з своїм Чарнецьким,
З поганим Степаном,

³¹ Как давно уже показали исследователи, вполне обоснованно. Задолго до Мартоса стихи Шевченко читал и высоко оценил Е. Гребенка и взял их для своего альманаха «Ластивка». Который, однако, вышел позднее «Кобзаря». См.: *Большаков А.Н., Бороздин В.С.* Путь Кобзаря. Судьба книги Т. Шевченко. М., 1978. С. 5–9.

Запалили церкву Божу.
І кості Богдана
Й Тимошеві в Суботові
Гарненко спалили
Та й пішли собі у Польщу,
Мов добре зробили.

В отличие от турок и татар, которые для Шевченко были уже персонажами историческими, с поляками автора «Кобзаря» связывали отношения личные, запутанные и сложные. Они, разумеется, требуют отдельного исследования. Здесь же только наметим контуры этой темы.

Как известно, на правобережье Днепра, в Подолии, на Волини даже после присоединения к Российской империи в значительной степени сохранялось господство польских землевладельцев. В начале XIX в. там сосуществовали польская и российская законодательные системы (в Киевской губернии к ним добавлялась еще и малороссийская). Польский был языком делопроизводства, что вызывало законное возмущение не только у простых русских людей, но даже у аристократов и высокопоставленных чиновников (по крайней мере, отставных)³².

Энгельгардты, хозяйева семьи Шевченко, были связаны с поляками многими нитями³³. После смерти старого барина, В.В. Энгельгардта, в управление Ольшанским именем, к которому относилась и родная Шевченко Кирилловка, пришли «поляки, которые привели с собою целую фалангу своих соплеменников, получивших должности экономов, лесничих, писарей и т. под., вместе с тем в экономическом управлении введено делопроизводство на

польском языке»³⁴. Польские обычаи процветали и в доме П.В. Энгельгардта, молодого барина, в Вильно. Там «господствовала польская речь»³⁵. Именно в «достославном» Вильно шестнадцатилетний слуга («козачок») Тарас Шевченко влюбился в полячку, Дзюню (Дуню, Ядвигу) Гусиковскую. Девушка занималась с Тарасом чем-то вроде «национального перевоспитания»: общалась с ним только по-польски. Польский Шевченко выучил, но поляком не стал.

Публикация «Кобзаря» и «Гайдамаков» совпали с расцветом так называемой «украинской школы» в польской литературе. Ее представители интересовались украинской историей и фольклором. В основе этого интереса были как ностальгия по Речи Посполитой и надежды на воссоздание польского государства в границах 1772 г., так и, в отдельных случаях, искреннее раскаяние в жестокой и недальновидной политике своих предков, которая и довела украинской народ до хмельниччины и гайдаматчины. Отсюда интерес поляков к творчеству Шевченко. В свою очередь, Шевченко читал на польском. Вероятно, роман М. Чайковского «Вернигора» он читал при работе над «Гайдамаками», а стихи А. Мицкевича даже пытался переводить на украинский. Знал и поэтов «украинской школы» (Залеского, Красинского).

Во время солдатской службы, в Орске, Оренбурге, Новопетровском укреплении (на п-ове Мангышлак) с Шевченко охотно сводили знакомство ссыльные поляки. Эти же поляки помогали пересылать рисунки Шевченко на Украину, где их продавали, а деньги пересылали художнику. Дружба с поляками была так заметна, что солдат Андрий Обеременко, украинец, с которым Шевченко решил подружиться как с соотечественником, сначала относил-

³² Долгофукий И.М. Путешествие в Киев в 1817 году. М., 1870. С. 88–91.

³³ Родная сестра В.В. Энгельгардта (старого барина), А.В. Браницкая, была замужем за польским магнатом К. Браницким. Мать П.В. Энгельгардта (молодого барина), последнего хозяина Шевченко, была полячкой.

³⁴ Долгофукий И.М. Путешествие в Киев в 1817 году. С. 88–91.

³⁵ Дзюба І. Тарас Шевченко... С. 38.

ся к Тарасу Григорьевичу настороженно: уж не лях ли сам Шевченко?

Вернувшись в Петербург, Шевченко поддерживал хорошие отношения со многими поляками. Некоторые из них были его хорошими знакомыми, даже друзьями: С. Сераковский, Бр. Залеский. На похоронах Шевченко в Петербурге было очень много поляков.

И все-таки польский писатель Юлиан Белина-Кенджицкий сдержанно замечает: «Украинский поэт относился к полякам очень неровно. Часто нападал на них, но обычно за прошлое». Сам же Тарас Григорьевич в разговорах с украинцами отзывался о поляках довольно грубо. Приведу два высказывания, записанные его другом, украинцем Ф.М. Лазаревским. Переводить не стану, чтобы не лишить слова Шевченко выразительности и экспрессии, которые так присущи его украинскому. На вопрос: «Где ты был?» Шевченко отвечал: «Та оці проклятуці ляхи заманили мене до себе, та й не випускали». Однажды он принес Лазаревскому свой портрет и попросил: «Візьми ти у мене, Христа ради, оцей портрет, хотілось би, щоб він зостався у добрих руках, а то поганці ляхи виманять його у мене. Усе пристають, щоб я їм оддав».

В Оренбургском крае Шевченко написал знаменитое стихотворение «Полякам», где вспоминал славное время, когда казаки «братались з вольними ляхами», и призывал поляка: «Подай же руку козакові // І серце чистее подай!». Однако виновниками многовековой вражды Шевченко объявлял ксендзов, то есть обвинял католицизм, без которого немислима сама польская национальная идентичность. Здесь он, в сущности, только повторял написанное еще в «Гайдамаках».

10. Евреи, немцы и другие народы

Трудную задачу задал Тарас Григорьевич советским и украинским литературоведам. Современная мораль требует решительно осуждать антисемитизм, между тем тексты Шевчен-

ко изобилуют такими выражениями в адрес еврейского народа, какие делают его поэзию и прозу заведомо неполиткорректными.

Взгляд Шевченко на «еврейский вопрос» вполне традиционен для украинца его времени.

В мещанских и «козацких» (точнее, уже крестьянских) хатах еще висели изображения запорожца, играющего на бандуре неподалеку от повешенного вверх ногами еврея³⁶. Даже просвещенный Н. Костомаров писал про «семитический мозг» еврея, который оказывался способнее славянского мозга «на всякие корыстные измышления»³⁷.

Еще не пришло время, когда просвещенные и европейски образованные писатели, например, И. Франко и М. Коцюбинский, будут осуждать погромщиков и стараться даже пересмотреть общепринятый взгляд на евреев как жадных арендаторов, ростовщиков, шинкарей, которые будто бы не давали спокойно жить украинскому народу.

Шевченко, кажется, и в голову не приходит поставить под сомнение эти стереотипы. Напротив, по Шевченко, историю Украины не представить без произвола евреев, арендовавших даже православные церкви.

Виростають нехрещені
Козацькі діти,
Кохаються невінчані,
Без попа ховають,
Запродана жидам віра,
В церкву не пускають!

Когда шляхтичи, насытившиеся гульбой и злодеяниями, отдыхают, евреи еще не спят — считают барыши («Гайдамаки»).

Современность столь же безрадостна, ведь даже Сечь Запорожская «жи-

³⁶ Кулиш П.А. Записки о Южной Руси. Т. 1. СПб., 1856. С. 191.

³⁷ Костомаров Н. Богдан Хмельницкий. М., 1994. С. 140.

довою поросла» («Великий льох»), а Чигирин, славная гетманская столица, спит, «повитий жидовою» («Чигрине, Чигрине...»).

Еврей хитер, корыстен. Он казаку враг, иначе и быть не может.

Отак уранці жид поганий
Над козаком коверзував.

Автор «Кобзаря» не чужд и брезгливости. Еврей у Шевченко «поганий», его хата «смердюча»: «Пользуясь сим удобным случаем, я мог бы описать вам белоцерковский жидовский трактир со всеми его грязными подробностями, но фламандская живопись мне не далась, а здесь она необходима», — герой-повествователь из повести «Прогулка с удовольствием и не без морали».

И все-таки Шевченко иногда сбрасывает с глаз пелену антисемитских предрассудков и смотрит на еврея другими глазами. Любуется спящей еврейкой в «Гайдамаках» или рассказывает романтическую историю любви еврейки и шляхтича в стихотворении «У Вільні, городі преславнім...»

Амбивалентно отношение Шевченко к немцам. С одной стороны, «німота та москалі» — главные имперские народы, проклятый Петербург — город, с точки зрения лирического героя поэмы «Сон», сначала немецкий, а только потом уж «московский». В определенной степени, они хуже москалей. Ворона в мистерии «Великий льох» хвастается тем, что «...кацапів закрепила / У німецькі кайдани». Немцы в чем-то даже подобны евреям. Сама Украина жалуется в стихотворении «Розрита могила»:

Степи мої запродані
Жидові, німоті...

В еврейский шинок простодушных малороссиян увлекают игрой немецких шарманок: «Вот мужик бедный и пропивает последнюю нитку под немецкую музыку».

Помимо особого положения немцев в бюрократическом аппарате империи, ненавистной Шевченко, было и еще обстоятельство, питавшее украинскую германофобию: немецкие колонии на землях Запорожской Сечи. Одна из таких колоний размещалась даже на острове Хортица!

І на Січі мудрий німець
Картопельку садить.

Побывав на Хортице в 1844 г., Шевченко написал Я.Г. Кухаренко, что он «все плакал», потому что «сплюндрували нашу Україну катової віри німота з москалями, щоб вони переказилися».

Разнообразных выпадов против немцев, «німоти» можно найти немало. В то же время, если судить по шевченковской прозе, то немцы — едва ли не самый симпатичный народ.

«Вы замечаете, что все мои знакомые — немцы. Но какие прекрасные немцы! Я просто влюблен в этих немцев», — говорит герой повести «Художник». А в повести «Музыкант» есть похвалы и аккуратности немцев, и немецкому саду, которым герой не может налюбоваться.

О других народах не так часто можно найти хоть доброе слово, но зато Шевченко упоминает в своих повестях и в письмах «верблюдовожатых киргизов», «поганных черкесов», «Иродов Кавказ». Здесь нет противоречия с поэмой «Кавказ», где автор сочувствует горцам, воюющим против Российской империи. Хотя Шевченко видел и живых черкесов, и расспрашивал о них знающих людей, но в поэме только две «черкесские» этнографические детали: чурек и сакля. Поэма эта, конечно же, не о черкесах.

11. Кобзарь и народ

Пожалуй, самая интересная задача для исследователя выяснить, каким образом стихи Тараса Шевченко «пошли в народ», как они распространялись, почему нашли отклик в душах лю-

дей. Первое издание «Кобзаря» вышло в апреле 1840 г. тиражом всего 1000 экземпляров. В 1841-м отдельным изданием вышли «Гайдамаки». В 1844-м появилось еще издание под названием «Чигиринский Кобзарь и Гайдамаки». Наконец, третье, самое полное и последнее прижизненное издание «Кобзаря» вышло в 1860 г. Его тираж был самым большим — 6050 экземпляров. Правда, отдельные стихотворения печатались в украинских альманахах «Ластивка» (1841), «Хата» (1860), в журнале «Основа», в русском славянофильском журнале «Русская беседа» и некоторых других. Все эти издания охватывали сравнительно узкий круг просвещенных читателей.

Каких-либо административных рычагов в руках «укаинофилов», заинтересованных в распространении стихов Шевченко, не было. Их журнал «Основа», до выхода которого сам Шевченко едва дожид, не имел большого успеха. Журналу не хватало подписчиков, номера за 1861 г. не были до конца распроданы, а в 1862-м журнал закрылся. Закрыла его не царская цензура. Просто у журнала не нашлось достаточно читателей³⁸. Русифицированным или полонизированным украинским панам этот журнал не был интересен, а украинские крестьяне, даже грамотные, вряд ли и узнали о его существовании. Попытка использовать церковь для пропаганды украинского языка и литературы была предпринята только в 1861-м и оказалась не слишком успешной. В начале 1861 г. группа украинских активистов из Харькова послала 6000 экземпляров букваря, составленного Шевченко, киевскому митрополиту Арсению, но тот первым делом направил запрос насчет этого букваря обер-прокурору Святейшего Синода А.П. Толстому, а Толстой, в свою очередь, обратился к начальнику III отделения В.А. Долго-

рукову³⁹. В 1863 г. министр внутренних дел П.А. Валуев выпустил циркуляр, ограничивший публикацию и распространение литературы на «малороссийском языке».

И на таком безрадостном для «укаинофилов» фоне успех стихов Тараса Шевченко и необыкновенно широкое их распространение должны были казаться чудом. Сохранилось немало свидетельств, подтверждающих большой успех Шевченко у «малороссийского» читателя и удивительно быстрое для той эпохи распространение его стихов и его славы. В 1843 г. Шевченко приехал на Украину уже известным поэтом. «Тогдашняя южнорусская молодежь заучивала на память стихи Шевченка, которые, кроме изданной книги, расходились по Южной Руси во множестве тетрадок, с удовольствием переписываемых; альбомы даже сельских барышень наполнялись стихотворениями Шевченка, рядом с стихотворениями Пушкина и Лермонтова» (Е.А. Ганненко).

«Появление “Кобзаря” мигом разбудило апатию и вызвало любовь к родному слову, — писал А.С. Афанасьев-Чужбинский. — В 1843 году Шевченко уже знали украинские паны. <...> Случай увлек меня на Кавказ и Закавказье, где величественная природа и совершенно незнакомый край с его диким населением поглотили все мое внимание. Я не имел вестей о Шевченко, но везде, где находил несколько украинцев, в кругу ли чиновников или в каком-нибудь полку, везде встречал я истрепанные экземпляры “Кобзаря” и “Гайдамак” и полное, искреннее сочувствие их автору».

Н.Д. Шигарин, будущий чиновник канцелярии Киевского генерал-губернатора и издатель журнала «Библиотека западной полосы России», вспоминал, как в Киеве 1844–1845 гг. молодые люди, в особенности «кровные малороссы», читали и переписыва-

³⁸ Миллер А. Украинский вопрос в Российской империи. К., 2013. С. 94.

³⁹ Там же. С. 79.

ли стихи Шевченко. Иные специально начинали учить «малорусский» язык, чтобы читать и лучше понимать стихи Шевченко. Помимо печатных экземпляров, по рукам ходили и «рукописные тетрадки, которые списывались почитателями Шевченко непрерывно друг перед другом». И сам Шигарин признавался, что тоже переписывал стихи «для своих знакомых, которым высылал тетрадки в провинцию». Шевченко со временем превратился для читателей-малороссов в человека великого, в источник «любви, добра, света».

Косвенное свидетельство популярности Шевченко находим в русских источниках.

Власти еще в 1847 г. отмечали успех сочинений Шевченко и опасались их распространения. Д.П. Антонелли доносил в III отделение о словах Петрашевского по поводу Шевченко, чьи стихи «разошлись в том краю (в Малороссии. — С.Б.) во множестве и были причиной сильного волнения умов»⁴⁰. В записке Липранди о петрашевцах в частности говорилось, что в Малороссии «умы предполагались находящимися уже в брожении от семян, брошенных сочинениями Шевченко»⁴¹.

Русские издания конца 1850 — начала 1860-х гг. писали о Шевченко как о поэте, «известном почти всем на Украине» («Народное чтение»)⁴², который пользуется «огромной популярностью между своими земляками» («Иллюстрация»)⁴³, а его сочинения на Украине «расходятся превосходно» («Северная пчела»)⁴⁴.

Разумеется, для интеллектуалов-«украинофилов» Шевченко уже в 1840 гг. был фигурой культовой: «Я

стал читать ей наизусть шевченковские плачи и пророчества (мы все знали их, как “Отче наш”)), — писал П. Кулиш. При обысках у членов Кирилло-Мефодиевского общества жандармы находили экземпляры «Кобзаря», не только печатные, но и переписанные от руки и даже «превосходно иллюстрированные»⁴⁵. Следствие, после обысков и допросов кирилло-мефодиевцев, пришло к выводу о том, что «украино-славянисты» питали «чрезмерное уважение» к стихам Шевченко⁴⁶. В 1857 г., когда имя Шевченко еще нельзя было упоминать в печати, а сам он еще нес солдатскую службу, тот же Кулиш во втором томе своих «Записок о Южной Руси» напечатал поэму «Наймичка» как анонимную. Издатель заметил, что не знает «ничего совершеннее ни в одной европейской литературе»⁴⁷. Этнограф и фольклорист Н.М. Белозерский, младший брат знаменитого украинофила, издателя «Основы» В.М. Белозерского, вспоминал: «Стихи Шевченка произвели на меня очень сильное впечатление; они глубоко запали тогда в мою еще детскую душу. <...> На родине я много слышался о Шевченке, который в начале 1847 года бывал у моей матери и у многих родных в Борзенщине; все, видевшие его, о нем хорошо помнили».

Н. Костомаров сформулировал тезис о Шевченко как воплощении украинского народа, его поэзии, его творчества. Тезис этот со временем станет основой культа Шевченко: «Шевченко как поэт — это был сам народ, продолжавший свое поэтическое творчество. Песня Шевченко была сама по себе народная песня, только новая, такая песня, какую мог бы запеть теперь целый народ <...> Шевченко был избранник народа в прямом значении это-

⁴⁰ Дело петрашевцев. М.—Л., 1937. Т. 1. С. 406–407.

⁴¹ Цит. по: Жур П.В. Труды и дни Кобзаря... С. 238.

⁴² См. рецензию на издание «Кобзаря»: Народное чтение. 1860. Кн. 1. С. 143–148.

⁴³ Цит. по: Жур П.В. Указ. соч. С. 473.

⁴⁴ Северная пчела. 1861. №89.

⁴⁵ Кирило-Мефодіївське товариство. Т. 1. Київ, 1990. С. 249, 275.

⁴⁶ Там же. С. 67.

⁴⁷ Кулиш П.А. Записки о Южной Руси. Т. 2. С. 148.

го слова...» Насколько этот образ соответствовал действительности? Знали ли украинское простонародье стихи Шевченко? Тот же писатель и этнограф А.С. Афанасьев-Чужбинский, опубликовавший свои воспоминания через несколько месяцев после смерти автора «Кобзаря», утверждал, что Шевченко пока не известен «простолюдинам». Очевидно, он не совсем прав.

Уже в 1843 г. Шевченко слышал, как девушки-крестьянки пели на мотив народной песни отрывок из его «Катерины»⁴⁸. Б.Г. Суханов-Подколзин, барин, русский офицер, еще ребенком брал у Шевченко уроки рисования (1858–1860 гг.). Позднее он вспоминал о необыкновенном успехе стихов Шевченко у простых малороссиян. В доме Суханова-Подколзина прислуга состояла из крепостных — «уроженцев Малороссии». Дворецкий Пивоваренко был счастливым обладателем «Кобзаря». Судя по описанию, это было издание 1840 г.: «...маленькая, засаленная книжонка переходила из рук в руки, безжалостно трепалась, путешествуя из кухни в переднюю; стихи выучивались наизусть, своими родными, теплыми мотивами помогали этим простым людям переноситься мысленно на далекую родину». Не удивительно, что крепостные малороссияне, увидев в барском доме живого автора «Кобзаря», ухаживали за ним, «старались во всем угодить».

Знали Шевченко и на родине. «А на правой стороне Днепра Вы стали лицом мифическим, о котором идут уже баснословия и легенды наравне с преданиями старых времен», — писал Тарасу Шевченко Михаил Максимович в декабре 1859 г.⁴⁹.

Еще при жизни у Шевченко появились мнимые родичи. В январе 1859 г. из письма Я.Г. Кухаренко Тарас Григорьевич узнал, что в Черноморском войске

есть у него брат Петро. Случай внешне напоминает сюжет о «детях лейтенанта Шмидта», но этот казак руководствовался, вероятно, не меркантильными соображениями, как будущие герои Ильфа и Петрова⁵⁰. Уж скорее его можно сравнить с героем Шукшина, который просто хотел быть причастным к великому делу («Миль пардон, мадам!») или, в данном случае, к великому человеку. Автор «Кобзаря» удивился появлению такого «родственника», но не обиделся и не рассердился. Уже при жизни Шевченко его слава перешла далеко за пределы круга украинской интеллигенции и дворянства, а простые люди знали его не только на родной Надднепрянщине.

Впрочем, эту известность не стоит преувеличивать. Даже Варфоломей Шевченко, прочитав «Гайдамаков», признавался, что не все там понял, так как слабо знал историю Украины: «...я только плакал, читая о страданиях украинского народа да о притеснениях от евреев и поляков», — вспоминал он. Тем не менее уже в 1860 гг. экземпляры «Кобзаря» и «Гайдамаков» (не ясно, печатные или переписанные) можно было найти и у грамотных украинских крестьян⁵¹. К.И. Чуковский, воспитанный матерью, грамотной украинской крестьянкой, вспоминал, как в детстве (вероятно, речь о начале 1890-х гг.) покупал в одесском магазине маме на именины стеклянный кувшин и бюст Шевченко. Чуковский еще не читал «Кобзаря» и думал, что «всякий бюст называется Шевченко»⁵². В магазинах и лавках продавали, разумеется, только товары, пользовавшиеся спросом. Значит, спрос на такой товар был, и спрос этот никак не подогревался государством.

⁵⁰ Кухаренко, правда, дал этому Петру Шевченко 10 рублей, но тот изначально денег не кланчил.

⁵¹ *Большаков А.Н., Бородин В.С.* Указ. соч. С. 84.

⁵² *Чуковский К.И.* Дневник: В 3 т. Т. 3. М., 2011. С. 378.

⁴⁸ *Большаков А.Н., Бородин В.С.* Указ. соч. С. 82.

⁴⁹ Цит. по: *Жур П.В.* Указ. соч. С. 461.

Крестьяне Надднепрянщины, в особенности Звенигородского и Каневского уездов, жители сел, расположенных неподалеку от могилы Шевченко, почитали Шевченко, хотя и не слишком разбирались в его творчестве. Так, они благодарили государя императора за то, «що тепер і на нашій землі лежить дуже розумний чоловік, а то все пани та пани, которі живцем гризуть нас, як ті собаки!» Гораздо ближе к подлинному Шевченко легенда о гайдамацких ножах, будто бы закопанных в его могиле.

В крестьянской среде образ Шевченко постепенно приобретал черты запорожского «лыцаря», «характерника», наделенного сверхъестественными способностями. Будто бы он научился грамоте, когда панские дети ходили в школу, а юный Тарас пас гусей под окнами школы «да так і научився». В Киевской губернии существовали и легенды о бессмертии Шевченко. Согласно одной, Шевченко не умер, а сослан в Сибирь и прикован к столбу, когда столб сгниет, Шевченко вернется. «Тарас три рази умирав, та не вмер: він і тепер (в начале 1890-х. — С.Б.) живе, а поховали тільки його прозваніє», — гласила другая легенда.

Эти рассказы, анекдоты, легенды были собраны в 1880–1890 гг., то есть за 30–40 лет до украинизаторской кампании, которая окончательно превратит Шевченко в объект поклонения. В царской России государство, разумеется, никак не способствовало популяризации поэзии Шевченко. Его стихи вплоть до 1917–1918 гг. издавались со значительными цензурными правками. «Сон», «Кавказ» и ряд других произведений издавались только за рубежом, главным образом во Львове, ставшем одним из основных центров «укаинофильства». Впрочем, в Российской империи знали эти стихи: их переписывали и передавали друг другу⁵³, как переписывали и легальные издания «Кобзаря».

«Простые» (крестьяне, мещане), но грамотные люди, видимо, становились даже большими любителями творчества Шевченко, чем паны. Знали Шевченко и неграмотные. В.А. Беренштам вспоминает свою беседу с пожилым киевским мещанином Кисилевским в 1874 г.: «Войдя в мой кабинет, Кисилевский увидел гипсовый бюст Шевченка по модели П.П. Забелло. Остановившись, он набожно перекрестился и проговорил: “Царство Тобі небеснее, дядьку Тарасе!”». Кисилевский был неграмотен, но будто бы лично знал «дядько Тараса». Однако людей, которые его «лично знали и видели», было подозрительно много. А портреты Шевченко со второй половины XIX в. все больше распространялись по Украине, так что узнать хорошо известный облик мог и человек, живого Шевченко в глаза не видевший.

Громкая украинская слава Шевченко контрастировала с его сравнительно малой известностью у русских. Его, разумеется, знали в литературном мире, но до 1860 г. «у широкой публики» его имя было почти не известно. И только после публикации в журнале «Народное чтение» его автобиографии, написанной в форме письма к издателю и перепечатанной потом многими газетами и журналами, имя Шевченко стало известно и по всей России⁵⁴.

21 ноября 1860 г. в концертном зале Пассажа состоялись литературные чтения, где Шевченко была устроена овация. Его приветствовали гораздо больше, чем Достоевского, выступавшего тогда же с чтением «Записок из мертвого дома». Впрочем, после того как Шевченко прочитал стихи, аплодисменты были гораздо слабее, чем при его встрече. Это и объяснимо: публика встречала героя, страдальца, а его украинские стихи многие просто не поняли.

12. Шевченко и мова

Значение Шевченко для Украины ис-

⁵⁴ *Пантелеев А.Ф.* Из воспоминаний прошлого. СПб., 1905. С. 171.

ключительно. История не только украинской литературы, но и украинского народа делится на время до Шевченко и после Шевченко. Главная заслуга Шевченко, бесспорно, в том, что он своим творчеством показал, что на «мужицьем» языке можно писать гениальные стихи, можно создавать высокую литературу.

В первой половине XIX в. украинская «мова» считалась языком мужицким. «Тогда между украинским панством редко кто еще мог разговаривать мовой», — вспоминал Пантелеймон Кулиш⁵⁵. Но и народ как будто все меньше любил родной язык. К середине XIX в. этнографы и фольклористы отмечают признаки упадка народной поэзии. П.А. Лукашевич отмечал, что даже малороссийские песни постепенно уступили место великороссийским (солдатским и ямщицким), которые начали петь даже девушки, а из «десяти парубков, едва ли сыщется один, который может вам пропеть “мужицкую песню”»⁵⁶. Упадок творчества бандуристов и кобзарей отмечал и Кулиш в своих «Записках о Южной Руси».

В 1840 г. само по себе сочинение стихов на украинском было решением рискованным. Н.В. Гоголь, как известно, сделал выбор в пользу русского языка, лишь украсив «Вечера на хуторе близ Диканьки» и «Миргород» многочисленными украинизмами. Почти за полвека до «Кобзаря» вышла «Энеида» И. Котляревского, которая пользовалась большим успехом у читателя, а в театрах ставили его же «Наталку-полтавку» и «Москаля-чаривника». Из печати выходили сочинения Е. Гребенки и повести Г. Квитки-Основьяненко, но «все это читалось как-то вяло высшим кругом» (В. Афанасьев-Чужбинский), а веселая, смешная, остроумная «Энеида» представлялась чтением не совсем се-

резным и не совсем приличным. Да многим образованным украинцам и не нравилось распространившееся благодаря Котляревскому и раннему Гоголю мнение обо всем украинском («малороссийском») как о смешном, забавном, комичном. Сам Шевченко скажет, что «“Енеїда” добра, а все-таки сміховина на московський шталт». Барочный бурлеск уже не соответствовал духу эпохи и, очевидно, не подходил самоощущению украинцев, болезненно воспринимавших забвение традиций гетманщины (дворянство) или просто не любивших москалей, равно как и ляхов (народ). И здесь появился «сумрачный гений» Шевченко, у которого вообще мало веселья, зато есть и эпос, и лирика, и дума, и песня.

И стихи Шевченко сразу же были признаны большинством читающих украинцев. Их автора стали сравнивать с великими писателями, каковых у народа украинского прежде не было.

В первую очередь, с А.С. Пушкиным. Интересно, что одним из первых (если не первым) сравнил Шевченко с Пушкиным не украинец, а русский — издатель «Современника» профессор П. Плетнев: «Его стихи знает вся Украина и наслаждается их чтением, так же, как Великобритания стихами Пушкина»⁵⁷.

Н. Костомаров, еще в 1840 г. хваливший Шевченко довольно сдержанно, в 1860-м сравнивал его с Пушкиным и Мицкевичем⁵⁸. Рецензент «Северной пчелы» сопоставлял Шевченко с Крыловым и утверждал, что «Кобзарь» — «гениальное произведение даровитого художника», украсившее бы «самую богатую литературу»⁵⁹. М.И. Михайлов в «Русском слове» сравнивал Шевченко с Бёрнсом. Правда, с Кольцовым тоже сравнивал⁶⁰. Но всех пре-

⁵⁷ Современник. 1844. Т. 34. №6. С. 295–296.

⁵⁸ Отечественные записки. 1860. Т. 129. №3. С. 44–50.

⁵⁹ Северная пчела. 27 января 1860.

⁶⁰ Цит. по: Жур П.В. Указ. соч. С. 489–490.

⁵⁵ Цит. по: Дзюба І. Указ. соч. С. 453.

⁵⁶ Цит. по: Пытин А.Н. История русской этнографии. Т. 3. Этнография малорусская. СПб., 1891. С. 141.

взошел П. Кулиш, в альманахе «Хата» поставивший Шевченко в ряд с Вальтером Скоттом, Шиллером, Мицкевичем и даже Шекспиром⁶¹. Вообще в критике преобладали сравнения с Мицкевичем и Бёрнсом.

Вряд ли справедливы сравнения с Шекспиром, его пьесы и сонеты стали достоянием именно мировой литературы, Шевченко же неперево­дим даже на русский. В этом он как раз ближе к Пушкину, во многом также непере­водимому. Шевченко подобен Пушкину и в той роли, какую сыграл он для развития литературного языка и самой литературы. Вся послешевченковская украинская литература, в особенности поэзия, так или иначе обращается к Шевченко, или продолжает его, или спорит с ним и даже отказывается от него. Украинский футурист Михайль Семенко в 1914-м (в столетний юбилей Шевченко) торжественно объявил, что «сжигает свой “Кобзарь”», но его эпатаж так же невозможен без Шевченко, как невозможен был бы без Пушкина эпатаж русских футуристов, сбрасывавших его с парохода современности.

Шевченко стал не только первым украинским литературным гением и уже в силу этого — высшим авторитетом в вопросах украинского языкознания. Еще при жизни автора «Кобзаря» Костомаров в полемике с М. Максимовичем, развернувшейся из-за монографии «Богдан Хмельницкий», ссы­лался на Шевченко как на признанный авторитет в украинской филологии⁶².

Но роль Шевченко в истории Украины намного значительнее. Поскольку русские и украинцы были ближайшими соседями, исповедовали одну веру, то важнейшим этническим маркером, отличающим своих от чужих, становился язык. И хотя некоторые деятели украинского национального движения в детстве украинского не знали (М. Грушев-

ский, М. Коцюбинский), но именно изучение украинского становилось важной вехой в становлении их национального самосознания. А главным хранителем украинского языка, человеком, прославившим «українську мову», подарившим ей новую жизнь, был и остался Тарас Шевченко.

Он превратился в символ Украины и самого «украинства», украинской идентичности. Интересно, что в последние годы жизни даже внешний облик Шевченко стал соответствовать хрестоматийным представлениям об украинце. По словам И.С. Тургенева, «Шевченко глядел истым малороссом, хохлом; оставшиеся после него портреты дают вообще верное о нем понятие».

Именем Тараса Шевченко будет названо украинское научное общество, которое сыграет большую роль в развитии украинского национального самосознания. Уже в начале XX века в хатах украинских крестьян рядом с иконами нередко висели портреты Шевченко, заботливо обернутые красивыми рушниками⁶³.

По словам И. Дзюбы (в советское время — украинского диссидента), шевченковский «Заповіт» «был нашим неофициальным гимном, который объединял всех в национальной боли, национальной надежде, национальном долге»⁶⁴. Но и в наши дни как манифест звучат слова, подготовленные для не состоявшегося в 1847 г. издания «Кобзаря». Привожу цитату без перевода, так как для русского читателя она вполне понятна, а слова Шевченко производят впечатление только в оригинале: «А на москалів не вважайте, нехай вони собі пишуть по-своєму, а ми по-своєму. У їх народ і слово, і у нас народ і слово. А чиє краще, нехай судять люди».

⁶¹ Там же. С. 503.

⁶² Санкт-Петербургские ведомости. 1860. №9.

⁶³ См., например, рассказ Василя Стефаника «Мария», где портрет Шевченко в хате в галицийской деревушке подается как деталь привычная и не вызывающая удивления.

⁶⁴ Дзюба І. Указ. соч. С. 288.

АЛЕКСАНДР КОТОВ

«Призрак, который стал бы Вампиром целых поколений»

«Петербургское украинофильство» в публицистике Михаила Каткова

Украинский вопрос занимал в катковской публицистике далеко не первое место. Происходившее в 1840–1860-х гг. «начало современного украинского национализма»¹ пореформенным обществом воспринималось как причудливое и во многом симпатичное ответвление славянофильского народничества. Вплоть до польского восстания 1863 г. М.Н. Катков также относился к «украинофильству» достаточно спокойно — например, в его изданиях печатались объявления Н.И. Костомарова о сборе средств на издание украинских книжек для простого народа. Позже редактор «Московских ведомостей» напишет: «Как есть везде, так естественно были и у нас любители местных наречий. Делались попытки писать стихи и рассказы с подделкою под малороссийский говор, но делались без всякой цели, ради куриоза и для местного колорита, и вообще в видах чисто литературных, подобно тому, как во Франции сочиняются стихи на местных жаргонах, подобно тому, как немецкий поэт Гебель писал свои идиллии на аллеманском языке... Если же и встречались некоторые позывы сепаратизма, если и зарождалось иногда темная мысль о разъединении единой и нераздельной народности, то эта мысль

оставалась безвредной по своей несостоятельности; она не могла действовать в жизни и была только фальшивым литературным направлением»².

После вызванного польским восстанием «националистического поворота» 1863 г. всё меняется. А.И. Миллер характеризует эту перемену следующим образом: «Из талантливого аналитика Катков постепенно превращает себя в не менее талантливого проповедника русского национализма, пряча, а с течением времени, вероятно, и забывая свои сомнения и критицизм, неуместные для нового жанра»³. Вряд ли в журналистике того времени можно провести четкую грань между «аналитиками» и «проповедниками», однако ценным здесь является указание на осознанный характер этой эволюции. Как многие философы, пошедшие в политику, Катков был уверен в логичности и управляемости исторического процесса. Все неудачи «национальной политики» он объяснял сознательным противодействием враждебных сил: «Есть, в самом деле, какая-то враждебная сила у нас, которая... поддерживает все, что только может послужить матерьялом для каких-нибудь смут в нашей народной жизни... Мы не видим этой враждебной силы в лицо, но везде видна ее подгал-

¹ Миллер А.И. «Украинский вопрос» в политике властей и русском общественном мнении (вторая половина XIX в.). СПб., 2000. С. 227.

² Московские ведомости. 1863. № 136. 21 июня.

³ Миллер А.И. Указ. соч. С. 90–91.

квивающая и пособляющая рука»⁴. Однако в катковском случае «параноидальный» характер мышления вовсе не означал разрыва с реальностью — наоборот, такая «персонификация» любой проблемы позволяла легче разъяснить читателю её суть и делала эту проблему потенциально решаемой.

К полемике с немногочисленным тогда украинофильским кружком Катков обращается в переломные 1860-е (когда его публицистический талант находился в самом расцвете, а сам публицист воспринимался читателями как «лучший представитель русской гласности») и в не менее переломном 1881-м (когда «Русский вестник» просто перепечатывал старые передовицы «Московских ведомостей», добавив к ним, впрочем, ряд довольно обстоятельных исследований — например «К истории украинофильства» М.Ф. Де-Пуле). Уже эти даты говорят нам, что украинский вопрос актуализировался для русского общества во время именно внутренних российских кризисов.

Не случайно идея украинской самостоятельности (пока только культурной, выражавшейся лишь в требовании журналом «Основа» открытия государственных народных школ на украинском языке) представлялась Каткову абсурдной и не слишком опасной сама по себе — она могла стать «положительно вредною... только как примесь к чему-либо другому, как готовое пособие для каких-нибудь более практических доктрин, как готовое оружие для какой-нибудь более серьезной пропаганды»⁵. Свою борьбу против «украинофильства» редактор сравнивал с поведением моряка, «который, заметив на небе черное пятнышко, принимает меры против бури» — в противоположность тому, «который начинает убирать парус, когда уже налет

ел шквал»⁶. В сфере политического это «пятнышко» переводили два фактора — польский и «петербургский»: «Земских корней это призрачное явление не имеет. Занесенное на берега Днепра с берегов Невы и Вислы, оно всем своим значением обязано этой встрече, по-видимому неожиданной, но повторявшейся и при других случаях, а потому заслуживающей самого серьезного внимания»⁷.

«Одна и та же интрига, которая старалась ополячить народ в Белоруссии, старается создать призрак особой народности в Украине». Большинство украинофилов, по мнению Каткова, «не отдают себе отчета в своих стремлениях» и «служат орудием самой враждебной и темной интриги», «покорным орудием заклятых врагов своей Украины», — т.е. польских мятежников: «Самые фанатические из польских агитаторов ожидают рано или поздно особенной пользы своему делу от украинофильства и поддерживают его всеми способами, разумеется, прикрывая себя разными масками»⁸.

Одной из таких «масок» было столь распространенное среди современных вульгарных «конструктивистов» отрицание существования русских — впервые, как видим, высказанное польскими националистами: «Ставя вопрос о существовании русского народа, чего лучшего могут ожидать польские фанатики как не разложения в собственных недрах русского народа»⁹. Предвосхищая современных «критиков примордиализма», «польские публицисты с бесстыдной наглостью доказывали, что русская народность есть призрак», а «народ *российский*» «не имеет и не может иметь никакой национальности,

⁶ Московские ведомости. 1864. № 31. 6 февраля.

⁷ Московские ведомости. 1864. № 193. 2 сентября.

⁸ Московские ведомости. 1863. № 136. 21 июня.

⁹ Там же.

⁴ Московские ведомости. 1863. № 191. 3 сентября.

⁵ Московские ведомости. 1863. № 136. 21 июня.

потому де, что создан не историей, а указом императрицы Екатерины II, переименовавшей монголов в русских»¹⁰. Другой «маской», прикрывающей «заветные и вместе злостные стремления этой язвы», была попытка представить украинофильство как противовес польскому влиянию — на что «Московские ведомости» возражали: «Немцы не развивали в Шлезвиге особого наречия, чтобы противодействовать там датскому влиянию»¹¹.

Связывая «польскую интригу» и русское революционное движение, Катков задавал риторические вопросы: «Разве паньчи в свитах не получали лозунга от панов в чамарках? Разве Мерославский не включал их в свою революционную организацию? Пусть прочтут его программу, найденную в доме Замойского... Правда, что этих паньчей в свитах... немного, но к ним примыкает партия не совсем ничтожная, за которою стоит в резерве страшилище всесветной революции»¹².

Однако и «блудливая рука» «польской интриги», и сами нигилисты не были для Каткова главной угрозой — т.к. польский вопрос «отражает в себе как в верном зеркале все слабые стороны России». Украинское крестьянство представляется ему вполне лояльным, поэтому «надежды поляков» связаны с теми русскими, «которые больше расположены к космополитизму, чем юго-западный русский народ»: «Эти элементы пригодны на всё, что может вредить русскому национальному делу; всякая пригрезившаяся мечта, всякое детское опасение способны увлекать эти элементы сильнее, чем не существующий для них интерес национального дела. Люди, которые очень могли бы действовать с пользой, становятся в политическом отношении совер-

шенно беспомощными, когда не имеют в себе живого чувства своей национальности.... Из этих вечно колеблющихся, беспомощных и безразличных элементов могут возникать самые противоположные явления. Из них, между прочим, возникло и в них нашло сочувствие себе украинофильство», которое «пошло параллельно со всеми другими отрицательными направлениями»¹³.

В некоторых статьях украинский вопрос для Каткова оказывается лишь поводом порассуждать о вреде интеллигентского и бюрократического космополитизма: «Космополитические, лишённые национального чувства элементы нашего общества — легкая добыча для наших врагов. Что такое космополитизм в политике? Космополитических государств на свете быть не может; отвлеченная политика есть отсутствие политики, есть нескончаемая перспектива отступлений, возведенных в систему; мудрено ли, что космополитизм стараются навязать нам те, которые бессильны принудить Россию к отступлению и могут войти в силу только в том случае, если Россия сама пойдет путем отступлений? Тут нет ничего мудреного, но то, что в России возможна невозможная ни в одном государстве на свете речь о политике отвлеченной, в этом заключается действительно очень мудреная сторона русского общества и русского государства»¹⁴. «Нигде в Европе, — утверждал Катков, — ...не могла возникнуть мысль о преподавании в казенных школах на каком-нибудь другом языке, кроме языка общенародного, и нигде нет надобности протестовать против безвредных, ни к чему не ведущих попыток чудачества. Но там, где нужно толковать, и долго толковать, о предметах самых понятных, как будто о каких-то мудреных умозрительных задачах, где можно сюрпризом и исподтишка наделать много вся-

¹⁰ Московские ведомости. 1864. №193. 2 сентября.

¹¹ Московские ведомости. 1866. №98. 7 мая.

¹² Московские ведомости. 1864. №31. 6 февраля.

¹³ Московские ведомости. 1864. №193. 2 сентября.

¹⁴ Там же.

ких дел... где нужно доказывать, что людям не свойственно ходить на голове, а что для этого есть ноги, — там серьезная опасность может произойти от ничтожных причин»¹⁵.

Еще не успевший превратиться в «государственного деятеля без государственной должности», Катков призывал общество к мобилизации: «Только при живом участии всех и каждого в делах общественной важности общество оказывается способным к самостоятельной жизни; только при таком условии наступает для общества та пора зрелости, которая делает излишними и административную опеку, и разные предупредительные меры»¹⁶. Соответственно, и «поляки только тогда сделаются из врагов нашими друзьями, когда убедятся, что не Россия есть сновидение, а русский космополитизм, не позволяющий им верить в действительное существование русского народа»¹⁷.

Перспективы украинского «нацбилдинга» Катков напрямую связывал с тем, что в условиях «страшной анархии, которая овладела нашим обществом, особенно в 1861 и 1862 гг., так называемая украинофильская партия опиралась на поддержку, которая ей оказывалась в сферах влиятельных и без которой она не могла бы возыметь свои надежды»¹⁸. Идею государственного финансирования народных школ на украинском языке и издания за казенный счет украиноязычной литературы поддержали и некоторые министры — позже «Русский вестник» прямо укажет на тогдашнего министра просвещения А.В. Головина. Именно это вызывало серьезное беспокойство «Московских ведомостей»: «Мы ни слова не говорили против свободы мнен-

ний или действий гг. Костомарова и Кулиша, и не видели в них ничего опасного... но мы видели серьезную опасность в поддержке, которую эти мнения и действия находили в административных сферах... Самый журнал, который они издавали, умер за неимением читателей; но мы не могли сомневаться, что если бы состоялось постановление об обязательном преподавании учебных предметов в народных школах на местных наречиях, то мы имели бы теперь дело с совершившимся фактом немаловажного значения. Законодательные меры и правительственные распоряжения сами по себе не создадут нового языка или новой нации, но они могут создать фальшивое подобие того или другого... Ошибочным и ложно направленным вмешательством правительственной власти создаются фальшивые силы, не способные к жизни, но причиняющие великий ущерб и поруху живущему». Так что «пусть эти господа на собственные деньги заводят школы и печатают сочиняемые ими книги... Но претендовать... чтобы правительство на казенные средства помогало распадению России или создавало призрак, который стал бы вампиром целых поколений, — это верх нелепости, это сумасшествие»¹⁹.

При этом личное отношение Каткова к немногочисленным тогдашним украинофилам не было однозначно негативным — редактор скорее сокрушается об их заблуждениях и иронизирует над простоватыми провинциалами. Сожалея, что «г. Костомаров ссудил свое имя на это дело», и отказываясь печатать его объявления, Катков издевательски предлагал: «Взамен того мы охотно вызываемся печатать объявления г. Костомарова, если он будет собирать пожертвования на развитие провансальского жаргона во Франции или нортгомберландского в Англии. Или пусть эти суммы передает он

¹⁵ Московские ведомости. 1863. №191. 3 сентября.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Московские ведомости. 1864. №193. 2 сентября.

¹⁸ Московские ведомости. 1867. №204. 19 сентября.

¹⁹ Московские ведомости. 1864. №31. 6 февраля.

в кассу немецкого национального фрейна на постройку германского флота. Лучше бросить эти деньги... Бог с ними! Они жгутся»²⁰. Однако полемика с историком-украинофилом не помешала Каткову в 1870 г. с похвалой отзываться о его таланте, и в частности о написанной Костомаровым биографии Богдана Хмельницкого²¹.

Неадекватность своих оппонентов Катков связывал с идеологической слабостью движения: «Польские повстанцы знают, чего они хотят, и желания их, при всей своей безнадежности, имеют смысл и с ними можно считаться. Но чего хотят наши украинофилы? Украина никогда не имела особой истории, никогда не была особым государством, украинский народ есть чистый русский народ... Нигде в России, даже теперь, поляки не возбуждают против себя собственно национальной ненависти; а в Украине кипит непримиримая ненависть к полякам. Малороссийского языка никогда не было, и несмотря на все усилия украинофилов, до сих пор не существует. Во множестве особенных говоров юго-западного края есть общие оттенки, из которых искусственным образом можно, конечно, сочинить особый язык, как можно сочинить особый язык, пожалуй, даже из костромского или рязанского говора»²².

Так как украинский национализм того времени находился в стадии «лексикографической революции»²³, центральное место в полемике занимал языковой вопрос. В этом отношении позиция Каткова была стандартной — отрицая теорию «двух русских народов», «малороссийское наречие» он считал диалектом русского: «Русская народность несравненно менее, чем

какая-либо другая великая народность в Европе, заключает в себе резких оттенков. В Германии, в Италии, даже во Франции, несмотря на сильную централизацию этой последней страны, везде есть резкие особенности и местные наречия, до такой степени своеобразные, что если бы не было общего государственного и литературного языка, то люди одной страны и одной народности не могли бы понимать друг друга и должны были бы разойтись на множество особых центров... В Германии что ни местность, то особенное наречие, и до такой степени особенное, что человек, отлично знающий по-немецки, не поймет ни слова в местном говоре. Во Франции то же самое и то же самое в Англии. Во всех этих странах, при могуществе общей всем цивилизации и литературного языка, существуют резкие народные особенности... которые гораздо более разнятся между собою, чем даже языки русский и польский. В России несравненно менее розни в языке, чем где-нибудь... Южное и северное, западное и восточное народонаселения России с самого начала сознавали себя как единый народ; да и нет ни одного признака в истории, чтобы между ними была какая-нибудь народная рознь, какой-либо племенной антагонизм. Но монголы и литва разрознили на некоторое время русские народонаселения, и юго-западная часть нашего народа, подпавшая под польское иго, долго страдала, долго обливалась кровью, и хотя отстояла себя, но тем не менее время разъединения с Россией внесло в южнорусскую речь несколько польских элементов». «Если в настоящее время на юге говорят особым наречием, которое г. Костомарову угодно чистить *языком* новороссийским, то всё, что в этом наречии резко отличается от общерусского языка, выросло не из народной почвы, образовалось не из первоначальных племенных особенностей, а внесено было ненавистным польским игом... Особый малороссийский язык, доразвитый, дополненный, досочинен-

²⁰ Московские ведомости. 1863. №136. 21 июня.

²¹ Московские ведомости. 1870. №99. 8 мая.

²² Московские ведомости. 1863. №136. 21 июня.

²³ Миллер А.И. Указ. соч. С. 81.

ный украинофилами, был бы точно таким же промежуточным явлением между русским и польским языками, какое представляет собою уния между православием и латинством»²⁴.

«Две русские народности и два русских языка» представлялись Каткову столь же невозможными, как «две французские народности и два французских языка». «Идея о “двух народностях русских”, — говорилось в другой передовице “Московских ведомостей”, — пущена в ход отнюдь не нами. Мы никогда не хотели знать никаких великоруссов и южноруссов; их выдумали именно те, против которых мы вооружаемся; для нас же это не более, как географический термин. Мы желали бы знать только русских, дорожащих единством и процветанием России»²⁵.

Русский язык Катков принципиально отказывается именовать «великороссийским», т.к. это «язык не племенной, а исторический... в его образовании столько же участвовала северная Русь, сколько и южная, и последняя даже более»²⁶. Особенно ярко прозвучала эта тема в 1866 г.: «Какой-то учитель и какой-то член черниговского земства апеллируют в “Санкт-Петербургских ведомостях” к общественному мнению во имя привычек и недосуга меньших братий нашим сельчанам, требуя для них обучения в сельских школах на *малороссийском*, а не на *великорусском* наречии. Итак, русский язык, орган нашей цивилизации, залог нашего национального единства, русский государственный и литературный язык, в состав которого главным образом вошла церковно-славянская стихия, равно близкая и северным и южным, и восточным и западным русским населением, язык, созданный веками и трудом

людей как с юга, так и с севера, язык, которого первый памятник есть Несторова летопись, писанная в Киеве, — по мнению этих господ есть только *великорусское* наречие! Что же касается до малороссийского *языка*, как они говорят, то мы просим гг. защитников этой идеологии указать нам этот малороссийский язык, который был бы общий и населению по восточную сторону Днепра, и населению губерний, некогда находившихся под польским владычеством, и населению восточной Галиции, и венгерским карпатороссам, и так называемым гуцулам и лемкам; а равным образом просим указать великорусское народное наречие, общее всей северовосточной России. Если же таких языков нет, то придется в каждой губернии обучать сельский люд на местном говоре, как пыталось например сделать это, в видах германизации, австрийское правительство с небольшим чешским племенем ганаков в Моравии. Тогда придется и в каждой великороссийской губернии употреблять в школах местный говор. Не говорим уже о том, что мысль учить народ на языке его избы и хаты есть нелепость и обыкновенно встречает на самой практике множество неодолимых препятствий, большею частью сознаваемых самими же сельчанами»²⁷.

Идея преподавания в народных школах на «народном наречии» не без оснований виделась Каткову антидемократической, закрывающей для крестьянства еще один социальный лифт: «в Белоруссии... были случаи, когда крестьяне не хотели, чтобы их детей учили по-белорусски, желали, чтобы их учили *царскому языку*: иначе, говорили они, мы будем всегда в черном теле... Итак, держать сельчан в черном теле и сделать для них чуждым язык верховной власти, этого ли желают петербургские украинофилы?»²⁸

Позже эту мысль на страницах катковского «Русского вестника» про-

²⁴ Московские ведомости. 1866. №12. 15 февраля.

²⁵ Московские ведомости. 1864. №168. 30 июля.

²⁶ Московские ведомости. 1863. №136. 21 июня.

²⁷ Московские ведомости. 1866. №98. 7 мая.

²⁸ Там же.

должит М.Ф. Де-Пуле: «В настоящую пору распространение нашего государственного языка (литературного и образованного) идет с поразительной быстротой. Даже такая крепкая племенная индивидуальность как еврейская, в лице своего учащегося молодого поколения начинает забывать свой жаргон, и это не в Одессе одной, а даже в таких городах, как Вильна. Другие народности идут, может быть, с меньшей охотой, но все убеждены в необходимости идти вперед, в этом направлении, а не поворачивать назад. О Малороссии и говорить нечего: здесь каждый крестьянин, каждый казак, пожив в городе *eo ipso* становится уже Москалем и над москалем уже не подтрунивает... И вдруг украинофилы со своими запоздалыми требованиями... Народность сама ассимилируется, сама бежит навстречу слиянию с общею матерью-родиной, а вы говорите о жестокости, о насилии!.. Не с той ли стороны, напротив, идет насилие, которая становится поперек этому историческому движению и старается поставить ему преграды»²⁹.

При всём этом Катков признавал и «то глубокое различие, которое действительно существует между элементами малороссийским и великороссийским... Во многих отношениях эти два элемента представляют собою глубокие контрасты». Однако это его не смущало: то были «контрасты одной и той же великой национальности, и оторвать их друг от друга значило бы разрушить великое целое... Чем противоположности глубже, тем лучше; тем плодотворнее их взаимодействие, тем необходимее они друг для друга, но тем крепче должны они держаться на одной почве и принадлежать к одному составу. Для того чтобы они были действующими силами одного и того же целого, необходимо, чтобы общая национальная основа оставалась нерушима и бесспорна... Национальное единство есть един-

ство языка как общего органа нравственной жизни и цивилизации. Народ по-церковнославянски иначе не зовется, как *языком*... Место русского языка уже занято и не может быть еще нового русского языка, вытянутого какими-либо искусственными ухищрениями из того или другого местного говора»³⁰.

«Язык и литература» виделись Каткову важнейшими предпосылками для создания «политической нации». Другой такой предпосылкой он считал историю: «Только история создает народ, создает язык литературный. А где история Украины?.. Казачьи войны — разве это история? Так же точно как ряд песен, воспевающих эти войны, — разве литература? Когда поляки говорят о своей национальности — мы понимаем их: мы видим долгую самостоятельную историческую жизнь и обширную литературу, обнимавшую и сферу воображения, и сферу мысли... Напротив того, что мы видим в Украине? Хмельницкий замышляет создать ей отдельное существование и убеждается в невозможности своих замыслов. Выговский, Дорошенко и Мазепа пытаются отделиться от России, но с тем, чтобы пристать к Польше или даже к Турции. И вот эта исконная и живая часть русского народа соединяется окончательно с своим корнем, составляет могущественное политическое тело, один великий, исполненный силы народ. Вместе пережили они такие исторические моменты, как эпоха Екатерины, как двенадцатый год, как освобождение крестьян. Каким же образом могло случиться, что после того, как единая, жизненная струя то радостно, то болезненно пробегала столько времен по всему организму русского государства, — вдруг в одной части, в одном члене этого организма оказалась потребность создать самобытную литературу и из особенностей местного наречия развить язык как символ особой национальности?

²⁹ Де-Пуле М.Ф. К истории украинофильства // Русский вестник. 1881. № 4. С. 230–231.

³⁰ Московские ведомости. 1866. № 12. 15 января.

Это не в природе вещей, это фальшь. Литература не есть кабинетная работа нескольких ученых и беллетристов; она дело внутренней жизни народа, живущего самостоятельно и отдельно политической жизнью»³¹. «Нет, не “Черная рада” г. Кулиша, не “Наймичка” Шевченка дали силу русскому народу в юго-западных губерниях бороться против польских домогательств. Церковь и церковный язык, Киевская академия и ее ученики, Киевский университет и его ученые, деятельность просвещенных и проникнутых патриотическим духом правителей, вот опоры русского народа в борьбе с полонизмом»³².

«Говоря откровенно, — позже добавит Катков, — украинофильская идея бесконечно хуже, нежели польская, ибо клонится к тому, чтобы расколоть в самой сердцевине народ русский»³³. Безобидная на первый взгляд идея украинских народных школ не без оснований виделась ему первым этапом большого пути: «если Украина не может иметь особого политического существования, то какой же смысл имеют эти усилия, эти стремления дать ей особый язык... и устроить дело так, чтобы уроженец киевский со временем как можно менее понимал уроженца московского?»³⁴

Редакция «Основы» всегда отрицала свое стремление к политическому сепаратизму — однако современный исследователь отмечает неискренность этих отрицаний³⁵. Но и современникам короткая история деятельности украинофильского кружка в Петербурге давала в этом отношении повод для беспокойства: «Голос украинофильских писателей стал резче и требовательнее; из теоретической области оно стало заметно переходить в практическую и

принимать тон некоторой терроризации. Мы помним, каким тоном гневного авторитета “Основа” устрасала одесских евреев за то, что они не украинофильствовали и не возделывали того нового литературного языка, который долженствовал развиться из малороссийского говора, снабженный особою орфографией (так называемой “Кулишовкой”), которая долженствовала сообщить ему физиономию, сколь можно более чуждую русскому. Мы помним также, как еще прежде того, в той же “Основе”, делалось строгое воззвание к галицким писателям, которые, несмотря на польские и немецкие вынуждения, старались сколько было возможно в их положении держаться одного существующего на свете русского языка, чтобы остаться русскими. Дело дошло в 1863 году наконец до того, что оставалось еще немного, и неустроенный простонародный говор, который никогда не имел самостоятельного существования... мог получить фальшивое значение языка, признанного государством; еще один миг, и на всем пространстве Малой России, вопреки собственному желанию и очевидным интересам ее народонаселения, в народных школах, по обязательной воле правительства, обучение стало бы совершаться на новом языке, который был бы искусственно для этого сделан; еще один миг, и законы империи стали бы оглашаться в южной России на этом же поддельном языке»³⁶. Таким образом, в начале 1860-х «мы были на волос от официального признания новой народности в России, которой еще не было приискано имя»³⁷.

Дело было не только в отделении Малороссии: «Может быть, в скором времени к украинофилам присоединятся еще какие-нибудь *филы*. Нам пишут из Петербурга, что нарождается еще какая-то партия белорусофилов. Петер-

³¹ Московские ведомости. 1864. № 31. 6 февраля.

³² Московские ведомости. 1866. № 98. 7 мая.

³³ Московские ведомости. 1867. № 204. 19 сентября.

³⁴ Московские ведомости. 1863 № 136. 21 июня.

³⁵ Миллер А.И. Указ. соч. С. 85.

³⁶ Московские ведомости. 1866. № 12. 15 января.

³⁷ Московские ведомости. 1867. № 204. 19 сентября.

бург до такой степени полон жизненных сил, что во что бы то ни стало хочет оплодотворить все наши *жаргоны* и создать столько русских народностей и языков, сколько окажется у нас годных к отсечению частей. Кто бы думал, что даже и белорусское наречие некоторые любители хотят возвести в литературный язык! Нас уверяют довольно положительно, что предполагается основать в Вильне издание газеты на белорусском наречии. Газета на белорусском наречии!.. Польские «националы» в западном краю могут также порадоваться этой новой попытке отделить нравственно белорусский край от России»³⁸.

Разумеется, полемика с украинофильским кружком и его петербургскими апологетами не означала украинофобии: «Нет, мы любим Украину, — любим как часть нашего отечества, как живую и дорогую часть нашего народа, как часть нас самих, и потому-то нам так ненавистна всякая попытка внести чувство *моего* и *твоего* в отношении Украины и России. Мы любим Украину со всеми ее особенностями, в которых видим залог будущего богатства и разнообразия в общем развитии нашей народной жизни. Мы не понимаем, мы не признаем никакого соперничества между украинским и русским. Мы видим в этом самую фальшивую и вредную мысль. Мы любим Украину, своеобразный характер ее детей, поэзию ее преданий и мелодий; ее напевы так же близки и родственны нам, как и песни, оглашающие Волгу. Мы весьма далеки от того, чтобы осуждать тех украинцев, которые пристрастны к своей родине. Le patriotisme du clocher [местный патриотизм] есть весьма почтенное чувство, но оно не должно исключать патриотизма более широкого; интересы *родины* не следует противопоставлять интересам *отечества*»³⁹.

Сам Катков оценивал эффективность своей пропаганды достаточно высоко: «украинофильская агитация прекратилась; в 1864 году о ней уже не было помину, а в 1865 году начали ее стыдиться даже те, кто ею увлекался... Появилась благоприятная реакция в самой галицкой письменности; сатира начала преследовать там нелепое украинофильство; чем далее, тем лучше стала галицкая интеллигенция понимать связь свою с общерусскою народностью... Шаловливая рука, дергавшая ниточками, спряталась, и агитация, вызванная этою работою, исчезла, как марево, в украинских степях. Все успокоилось и занялось лучшим делом в пользу общую»⁴⁰.

В XX веке стало очевидно, что редактор «Московских ведомостей» ошибался: тот «призрак», с которым он боролся, обрел плоть и кровь. А.И. Миллер связывает «неудачу проекта большой русской нации» «с объективной ограниченностью русского ассимиляторского потенциала, с неспособностью государства и сторонников общерусского проекта в обществе скоординировать свои усилия»⁴¹. Однако подобный ответ порождает новые вопросы — в частности, о причинах подобной слабости. На это, впрочем, исследователь дает ответ, цитируя Драгоманова, отмечавшего, что Катков был уникален только для России, тогда как в Германии, например, «чуть ли не каждый профессор и публицист есть такой же Катков по всем национально-политическим вопросам»⁴². Очевидно, однако, что современникам было в принципе не понятно, зачем нужно ассимилировать «малороссов» — и так уже бывших в их представлении русскими. С задачей противодействия сепаратизму русское государство в целом справлялось. После его гибели украинский национализм просто заполнил образовавшиеся пустоты.

³⁸ Московские ведомости. 1863. №191. 3 сентября.

³⁹ Московские ведомости. 1864. №31. 6 февраля.

⁴⁰ Московские ведомости. 1866. №12. 15 января.

⁴¹ Миллер А.И. Указ. соч. С. 236.

⁴² Там же. С. 91.

Джон Филипп Раштон

ЭТНИЧЕСКИЙ НАЦИОНАЛИЗМ, ЭВОЛЮЦИОННАЯ ПСИХОЛОГИЯ И ТЕОРИЯ ГЕНЕТИЧЕСКОГО СХОДСТВА

От редакции

Джон Филипп Раштон (John Philippe Rushton) (1943–2012) — канадский психолог британского происхождения; специалист в области эволюционной психологии. Родился в Борнмуте в Англии, в детстве жил в Южной Африке, позднее переселился в Канаду. Образование и все ученые степени получил в Великобритании: степень бакалавра психологии в Лондонском университете (1970), PhD в Лондонской школе экономики (1973) за исследование феномена альтруизма в поведении детей, докторскую степень — вновь в Лондонском университете (1992). В 1974 г. вернулся в Канаду, где преподавал в университетах Йорка (1974–1976) и Торонто (1977). С 1977 г. и до своей смерти являлся преподавателем (с 1985 — профессором) университета Западного Онтарио. Автор пяти монографий и более чем 200 научных статей. Президент Фонда первопроходцев (Pioneer Fund) (2002–2012), некоммерческой организации, финансирующей исследования в области наследственности, этнических и расовых различий. Основные работы: *Rushton J.P. Altruism and helping behavior: social, personality, and developmental perspectives. Hillsdale, 1981*; *Rushton J.P. Race, Evolution, and Behavior. New Brunswick, 1995* (на рус. яз.: *Раштон*

Дж. Филипп. Раса, эволюция и поведение. Взгляд с позиции жизненного цикла. М., 2011); *Rushton J.P. Reflections on the concept of intelligence. Greenwich, 1997*.

Введение

Большинство теорий национализма и этнополитических конфликтов сосредоточено на культурных, когнитивных и экономических факторах. В этих теориях часто допускается, что модернизация будет постепенно снижать взаимную неприязнь на местном уровне и способствовать развитию более универсалистских обществ¹. Однако чисто социально-экономические модели неадекватны при рассмотрении стремительного роста национализма в бывшем советском блоке и не способны объяснить высокую смертность в конфликтах между тутси и хуту в Руанде, между индуистами, мусульманами и сикхами на Индийском субконтиненте, а также между хорватами, сербами, боснийцами и албанцами в бывшей Югославии. Не объясняют они даже, откуда взялся такой уровень ненависти между черными, белыми и латиноамериканцами в США. Также характерно, что аналитикам не удалось продумать этнополитические последствия происходящего сегодня в мире

¹ *Smith A.D. Nationalism and Modernism: a Critical Survey of Recent Theories of Nations and Nationalism. London, 1998.*

беспрецедентного передвижения народов².

Одним из принципов подлинной науки является, по определению Эдварда Уилсона³, единство знания, основанное на принципе непротиворечия. Это значит, что объяснения явлений на одном уровне должны основываться на объяснениях того же явления уровнем ниже. Два известных примера: осмысление генетики с точки зрения биохимии (с тех пор как была открыта структура молекулы ДНК) и осмысление химии с точки зрения атомной физики. Теория этносимволизма Энтони Смита делает определенную отрасль знания непротиворечивой за счет объединения в одно целое истории и психологии. Эта теория решает проблему, которую ставит национализм перед социоэкономическими теориями, — как объяснить феномен энтузиазма масс и веру в то, что своя этническая группа положительно уникальна, даже «избрана»⁴. В теории Смита подчеркивается, что в этнической группе, еще до появления чувства общей идентичности и культуры, присутствует кровное родство и система убеждений и верований, изложенных на языке мифа. Эта теория объясняет то, что чистые социально-экономические теории объяснить не могут, а именно: почему «неизвестные солдаты» сражались и умерли за свою страну. Теория Смита надежнее других теорий, так

как она показывает, что мифы, воспоминания, и особенно — символы, подогревают и поддерживают чувство общей идентичности у людей, объединенных в нацию.

Кроме того, этносимволическая перспектива непротиворечиво подчеркивает взаимное влияние между этничностью и нацией. Так, Хатчисон⁵ описал несколько эпизодов из истории разных стран, когда усилению национальной гордости способствовали такие события, как, например, неожиданные археологические открытия. Изучая процесс становления этнического характера современных наций в большом времени, мы получаем возможность понять причины повторяющихся периодов подъема национального самосознания, роль культурных различий внутри одних и тех же наций, а также особое значение идеи национальной идентичности на фоне любых других приверженностей.

В данной статье излагается «теория генетического сходства»⁶. Она поможет объяснить и такие явления, как этнический nepotизм, и потребность людей отождествлять себя и быть вместе со «своим родом». Националисты часто заявляют, что их нация обладает

² *Van den Berghe P.* Multicultural democracy: can it work? // *Nations and Nationalism*. 2002. №8(4). P. 433–449.

³ *Wilson E.O.* Consilience: the Unity of Knowledge. N. Y., 1998.

⁴ *Smith A.D.* The Nation in History: Historical Debates about Ethnicity and Nationalism. Hanover, 2000; *Smith A.D.* Chosen Peoples: Sacred Sources of National Identity. Oxford, 2004; *History and National Destiny: Ethnosymbolism and its Critics* [*M. Guibernau and J. Hutchinson (eds.)*]. London, 2004; *Hutchinson J.* Ethnicity and modern nations // *Ethnic and Racial Studies*. 2000. №23(4).

⁵ *Hutchinson J.* Ethnicity and modern nations // *Ethnic and Racial Studies*. 2000. №23(4). P. 651–669.

⁶ *Rushton J.P.* Gene — culture coevolution and genetic similarity theory: Implications for ideology, ethnic nepotism, and geopolitics // *Politics and the Life Sciences*. 1986. №4(2). P. 144–148; *Rushton J.P.* Genetic similarity, human altruism, and group selection // *Behavioral Brain Sciences*. 1989. №12(3). P. 503–559; *Rushton J.P.* Race, Evolution, and Behavior. New Brunswick, 1995; *Rushton J.P.* Genetic and environmental contributions to prosocial attitudes: a twin study of social responsibility // *Proceedings of the Royal Society of London*. 2004. B. 271. P. 2583–2585; *Rushton J.P. & Bons Trudy A.* Mate choice and friendship in twins: evidence for genetic similarity // *Psychological Science*. 2005. №16(7). P. 555–559.

органической целостностью и «кровными узами», и это делает их «особенными» и отличными от чужаков. Такой взгляд не вполне объясняется теорией этносимволизма. Термин «этничность» (ethnicity) был введен недавно, но чувство родства, групповой солидарности и общей культуры, к которым этот термин относится, начинает фиксироваться уже в древнейших записях об исторических событиях⁷. Теория генетического сходства добавляет следующее необходимое звено в теорию Смита и в «единство знания» — биологические связи.

Патриотизм почти всегда рассматривают как добродетель, которая является расширенной версией верности своей семье. Обычно его проповедуют, оперируя терминами родства. Страны называют «родиной» или «отечеством». Этническая идентичность базируется как на реальном, так и на мнимом сходстве. По самой сути человеческой природы люди генетически мотивированы предпочитать тех, кто генетически схож с ними самими. Я намерен обосновать эту точку зрения последними открытиями в эволюционной психологии и популяционной генетике.

Предыстория вопроса

Начиная с «Происхождения видов» (1859) и «Происхождения человека» (1871) Чарльза Дарвина, ученые предлагают эволюционные трактовки нравственных чувств у людей и других животных. Эволюционисты XIX в., например Герберт Спенсер и Вильям Самнер, предложили концепции дружбы-сосвоими и вражды-с-чужаками, концепции групповой конкуренции и группового замещения. Племена, этнические группы, даже нации рассматривались как расширенные семьи. Тем не менее эволюционные трактовки вышли из моды в 1920–1930 гг., с ростом фа-

шизма в Европе, во многом потому, что они, как считалось, оправдывали расистскую политику⁸. В 1970–1980 гг., большинство биологов избегало теорий групповой конкуренции, предпочитая математически более «ясные» теории индивидуальной адаптации, т.к. генетический механизм, необходимый для развития этноцентризма, оставался количественно трудно выразим. После нескольких десятилетий отвержения эволюционная психология сегодня вновь приобретает научный вес⁹.

В «Происхождении человека» Дарвин предложил радикальную и далеко идущую гипотезу о том, что человеческая нравственность покоится на том же эволюционном базисе, что и поведение других животных, — на стремлении к репродуктивному успеху, описанному как «общее благо»: «Под словом “общее благо” можно понимать средства, благодаря которым возможно большее число особей может вырасти в полном здоровье и силе и развить все свои способности при данных условиях. Так как социальные инстинкты у человека и у низших животных, без сомнения, развивались по одним и тем же ступеням, то было бы желательно, если это будет найдено практичным, внести одно определение для обоих случаев и скорее принять, например, за мерило нравственности общее благо и общественное благосостояние, чем общее счастье; но, может быть, со стороны политической морали потребуются несколько ограничить это определение»¹⁰.

⁸ *Degler Carl N.* In Search of Human Nature. N. Y., 1991.

⁹ *Badcock C.* Evolutionary Psychology: a Critical Introduction. Cambridge, 2000; *Buss D.M.* Evolutionary Psychology: the New Science of the Mind. Needham Heights, 2003; *Pinker S.* The Blank Slate: the Modern Denial of Human Nature. N. Y., 2002; *Wilson E.O.* Consilience: the Unity of Knowledge. N. Y., 1998.

¹⁰ *Дарвин Ч.* Происхождение человека и половой подбор. СПб., 1896. С. 84.

Историк Карл Деглер¹¹ заметил, что приравнение Дарвином человеческой и животной нравственности к репродуктивному успеху в конкретной общине имело следствием биологизацию этики. Внезапно обширные представления об экономике, демографии, политике и философии, некоторые из которых разрабатывались веками, стали вращаться вокруг теории Дарвина, захватывая воображение людей XIX в. и вдохновляя новые исследования того, как функционирует общество. «Социал-дарвинизм», философия, делающая акцент на репродуктивном успехе групп и индивидов, была взята на вооружение всем спектром политических течений, от капитализма, проповедующего *laissez-faire*¹², до коммунистического коллективизма и национал-социализма.

Для Дарвина принципиальным было подчеркнуть нравственную преемственность человека от других животных, поскольку противники человеческой эволюции выдвигали аргумент об отсутствии преемственности как в моральной, так и в интеллектуальной сфере. Дарвин отошел от философов-утилитаристов — Джона Стюарта Милля и Иеремии Бентама, которые считали, что человеческая мораль имеет основание в осознанном выборе, ведущем к наибольшему счастью для наибольшего количества людей. Как точно заметил Дарвин, это основание скорее рациональное, нежели инстинктивное. В то время, когда считалось, что только человеческие существа могут делать подобный выбор, Дарвин с этим не согласился.

В «Происхождении человека» Дарвин привел множество примеров того, как мораль животных ведет к репродуктивному успеху. Все животные,

следуя своей природе, дерутся в одних обстоятельствах, но проявляют альтруизм в других. Проявления альтруизма включают в себя родительскую заботу, взаимную защиту и готовность спасать, кооперативную охоту, дележ еды и альтруизм самопожертвования. Дарвин описал, как вожаки обезьяньих стай выступают в роли часовых и криком предупреждают товарищей об опасности или дают отбой; как даже самец шимпанзе может броситься на помощь детенышам, кричащим при падении, даже если эти детеныши не его.

Альтруизм у животных, вплоть до самопожертвования, был многократно подтвержден с тех пор, как Дарвин написал «Происхождение человека»¹³. Альтруизм включает в себя самопожертвование. Иногда альтруист погибает. Например, когда пчелы защищают свое гнездо и жалят незваных гостей, жало целиком вырывается из тела пчелы. Ужалить нападающего — это акт жертвенного альтруизма. Если стены муравейника проломлены, из него выбегают муравьи-солдаты, чтобы сражаться с фуражирами из других муравейников; в то же время муравьи-рабочие чинят проломленную стену, оставляя солдат снаружи умирать.

Видимо, человеческие приемы ведения войны имеют корни в эволюционировавшем поведении наших ближайших родственников-приматов. Самцы шимпанзе группами патрулируют свои территории, чтобы охранять спокойствие и препятствовать вторжениям. Такие патрули, до двадцати самцов, совершают набеги на конкурирующие группировки, похищают самок и аннексируют территорию, иногда затевая ожесточенные схватки¹⁴.

¹¹ Degler C.N. In Search of Human Nature. N. Y., 1991.

¹² Политика невмешательства государства в экономическую сферу деятельности (*прим. пер.*).

¹³ Wilson E.O. Sociobiology: the New Synthesis. Cambridge, 1975.

¹⁴ Wrangham R., Peterson D. Demonic Males: Apes and the Origins of Human Violence. Boston, 1996.

Решение парадокса альтруизма

В «Происхождении видов»¹⁵ Дарвин заметил, что альтруизм представляет основное затруднение для его теории эволюции. Как мог альтруизм развиться из «выживания наиболее приспособленного», если альтруизм означает самопожертвование? Если большинство альтруистических членов группы пожертвует собой ради остальных, у них будет меньше потомства, в котором передадутся гены, сделавшие их альтруистами. Альтруизм не должен эволюционировать, эволюционировать должен эгоизм. Дарвину было не под силу дать удовлетворительное решение парадоксу альтруизма, поскольку для решения требовалось больше сведений о механизмах наследственности, чем ему было доступно (слово «генетика» не использовалось до 1905 г.). Однако в «Происхождении человека» Дарвин интуитивно почувствовал решение, когда написал: «симпатия направлена исключительно на членов своего сообщества и, следовательно, на знакомых и более-менее любимых членов, но не на всех особей того же вида»¹⁶.

Наконец, в 1964 г. биолог-эволюционист Уильям Гамильтон предложил принятое большинством ученых решение проблемы альтруизма. Оно основано на понятии *совокупной приспособленности*, которая отличается от приспособленности индивидуальной. Именно гены выживают и передаются дальше. Некоторые наиболее характерные гены особи можно найти у сибсов¹⁷, племянников, двоюродных братьев, внуков и последующих потомков. Сибсы имеют 50% общих характерных генов, племянники и племянницы — 25%, двоюродные братья/сестры —

около 12,5%. Таким образом, когда альтруист жертвует жизнью ради своих родственников, это обеспечивает выживание этих общих генов. Носитель генов приносится в жертву, чтобы спасти копии своего драгоценного груза. С точки зрения эволюции, индивидуальный организм — это только носитель, часть продуманного устройства, которое обеспечивает выживание и воспроизведение генов с наименьшими возможными биохимическими изменениями.

«Правило Гамильтона» гласит, что у всех биологических видов альтруизм (или, иначе, сниженная агрессия) предпочтителен, когда $rb - c > 0$, где r — это степень генетического родства двух особей; b — репродуктивное преимущество, полученное адресатом альтруистического акта; c — репродуктивный ущерб, нанесённый альтруистом самому себе. Используя Гамильтонов метод смотреть на все «с точки зрения генетики», биологи-эволюционисты исследовали широкий спектр социальных взаимодействий, включающий альтруизм, агрессию, эгоизм и недоброжелательность. Джон Мейнард Смит¹⁸ назвал формулировку Гамильтона «теорией родственного отбора»¹⁹, и она стала широко известна благодаря нашумевшим книгам «Эгоистичный ген» Ричарда Докинса²⁰ и «Социобиология: новый синтез» Эдварда Уилсона²¹.

В 1971 г. Гамильтон расширил формулировку и выдвинул гипотезу о том, что альтруизм является результатом *любой* степени генетического родства, не только ближайшего. Гамильтон приравнял свою переменную гене-

¹⁸ Smith J.M. Group selection and kin selection // Nature. № 201. 1964. P. 1145–1147.

¹⁹ Родственный отбор (kin-selection) — отбор, направленный на сохранение признаков, благоприятствующих выживанию близких родичей данной особи (*прим. пер.*).

²⁰ Dawkins R. The Selfish Gene. Oxford, 1976.

²¹ Wilson E.O. Sociobiology: the New Synthesis. Cambridge, 1975.

¹⁵ Darwin Ch. The Origin of Species. London, 1859.

¹⁶ Darwin Ch. The Descent of Man. London, 1871. P. 163.

¹⁷ Потомство одних родителей, родные братья и сестры (*прим. пер.*).

тического родства r к F_{ST} — введенной Сьюэлом Райтом единице измерения внутригрупповой дисперсии²² (обычно $r \sim 2F_{ST}$). Он ссылался на эксперимент с не полностью изолированными группами мышей, в которых даже случайное спаривание давало F_{ST} равный 0.18. Из этого Гамильтон сделал вывод, что мыши внутри группы больше предпочитают друг друга, чем мышей вне группы, и относятся «к встреченной особи в среднем как к более близкому родичу, чем внук (полусибс), но более дальнему, чем собственный детеныш (полный сибс)».

Чтобы предпочесть близкого родича дальнему, а дальнего родича — неродичу, организм должен быть способен определять степень генетического сходства в других особях. Гамильтон²³ выявил несколько механизмов, посредством которых могло происходить такое выявление: (1) общее место жительства или близкое соседство, по принципу «если нечто находится в твоём гнезде, оно твоё»; (2) знакомство, т.е. узнавание через социальное взаимодействие; (3) сходство-с-собой через запечатление на себе образа родителей или товарищей по гнезду, по принципу «ищи физические черты, схожие с твоими» — Докинс окрестил это «эффектом подмышки»; и (4) «аллели узнавания» или врожденные детекторы черт, которые позволяют выявлять генетическое сходство у чужаков в отсутствие каких-либо механизмов узнавания — Докинс²⁴ окрестил это «эффектом зеленой бороды». В данном

случае некий ген производит два эффекта: (а) создание некой уникальной особенности, например зеленой бороды, и (б) предпочтение тех, кто также имеет эту особенность. И Гамильтон и Докинс особо выделяли механизм импринтинга. Гамильтон предположил, что он наиболее эффективен, *если запечатлелись наиболее наследуемые черты, потому, что они лучше всего отражают лежащий в основе генотип (underlying genotype)*.

Совершенно очевидно, что многие виды животных сначала выявляют генетическое сходство, а потом действуют в соответствии с ним²⁵. В классическом исследовании про пчел Гринберг²⁶ стремился вывести линию пчел, приближенных в четырнадцатой степени к сторожевой пчеле, которая препятствует вторжению в улей чужаков. Пропускаются только гости с высоким генетическим сходством. Классическое исследование головастика лягушек, разделенных перед выходом из икринки и выращенных в изоляции, показало, что головастики направлялись в тот угол резервуара, где находились их сибсы (хотя они никогда не встречали их раньше), а не в тот, где сибсов не было. Белки производят приплод, который включает как полных сибсов, так и полусибсов. Даже несмотря на то, что у детенышей одна мать, они пребывали в одной утробе и живут в одном гнезде, полные сибсы дерутся реже, чем полусибсы. Также полные сибсы чаще приходят друг другу на помощь²⁷.

Выявление сходства также требуется для избирательного скрещива-

²² Дисперсия — разнообразие признаков в популяции (*прим. пер.*).

²³ *Hamilton W.D.* The genetical evolution of social behavior. I and II // *Journal of Theoretical Biology*. №7. 1964. P. 1–52; *Hamilton W.D.* Selection of selfish and altruistic behavior in some extreme models // In: *Man and Beast: Comparative Social Behavior* [*J.F. Eisenberg and W.S. Dillon* (eds.)]. Washington, 1971. P. 57–91.

²⁴ *Dawkins R.* *The Selfish Gene*. Oxford, 1976.

²⁵ *Fletcher D.J.C., Michener C.D.* Kin Recognition in Animals. N. Y., 1987; *Hauber M.E., Sherman P. W.* Self-referent phenotype matching: theoretical considerations and empirical evidence // *Trends in Neuroscience*. №24(10). №2001. P. 609–616.

²⁶ *Greenberg L.* Genetic component of bee odor in kin recognition // *Science*. №206. 1979. P. 1095–1097.

²⁷ *Ibid.*

ния, которое происходит у насекомых, птиц, млекопитающих и даже растений. Оптимальному неродственному скрещиванию у некоторых растений способствует получение от растений-источников пыльцы, которая на молекулярном уровне ни слишком схожа с пыльцой воспринимающего растения²⁸, ни слишком от нее отличается. Даже у тех видов животных, которые расселяются по большой территории, потомство обычно выказывает сильную неприязнь к спариванию с близкими родственниками. Одно исследование диких бабуинов показало, что опознавание родственников по отцу происходит так же часто, как опознавание родственников по матери, несмотря даже на то, что определить родственников по отцу гораздо сложнее у тех видов, в которых мать спаривается более чем с одним самцом²⁹.

Хотя в 1975 г. Гамильтон экстраполировал свои идеи на военную сферу у людей, его формулировки лишь в редких случаях считались применимыми за пределами рамок непосредственной родственной близости. В «Эгоистичном гене» Докинс утверждал, что математические выкладки, описывающие родственный отбор, быстро сводят коэффициенты родства, даже между близкими родственниками, к пренебрежимо малым значениям. Он привел пример: у королевы Елизаветы II, которая является прямым потомком Вильгельма Завоевателя (1066 г.), вряд ли есть хоть один общий ген со своим предком. В передовице журнала «Nature»³⁰ Докинс использовал похожие аргументы, чтобы опровергнуть

заявления британского крайне правого Национального фронта о том, что теория родственного отбора дает генетическое обоснование этноцентризму. Возможно, чувствуя себя морально обязанными осуждать расизм, некоторые эволюционисты минимизировали теоретическую возможность подведения биологического фундамента под этнический или национальный фаворитизм. Сам Гамильтон веско заметил: «в цивилизованных культурах nepotism стал источником неприятностей»³¹.

Как оказалось, эти оценки преувеличены. Посредством избирательного скрещивания и других культурных практик способность гена эгоизма воспроизводить себя в комбинации с теми кластерами других генов, с которыми он положительно взаимодействует, может распространиться на сотни поколений, не то что на три. Елизавета II имеет значительно большее генетическое сходство с Вильгельмом Завоевателем, чем с любым среднестатистическим человеком, живущим сейчас.

Теория генетического сходства

В 1984 г. автор данной статьи, вместе с Робином Расселом и Памелой Уэллс, начал применять подход Гамильтона к человеческим парам, небольшим группам и даже большим национальным и межнациональным образованиям³². Мы окрестили наш подход «тео-

²⁸ *Hauber M.E., Sherman P.W.* Self-referent phenotype matching: theoretical considerations and empirical evidence // *Trends in Neurosciences*. № 24(10). 2001. P. 609–616.

²⁹ *Alberts S.C.* Paternal kin discrimination in wild baboons // *Proceedings of the Royal Society of London*. B. 266. 1999. P. 1501–1506.

³⁰ *Dawkins R.* Selfish genes in race or politics // *Nature*. № 289. 1981. P. 528.

³¹ *Hamilton W.D.* Discriminating nepotism: expectable, common, overlooked // In: *Kin Recognition in Animals* [*D.J.C. Fletcher and C.D. Michener* (eds.)]. N. Y., 1987. P. 426.

³² *Rushton J.P., Russell R. and Wells P.* Genetic similarity theory: beyond kin selection // *Behavior Genetics*. № 14. 1984. P. 179–193; *Rushton J.P. and Bons T.* Mate choice and friendship in twins: evidence for genetic similarity // *Psychological Science*. № 16(7). 2005. P. 555–559; *Rushton J.P.* Genetic similarity, human altruism, and group selection // *Behavioral and Brain Sciences*. № 12(3). 1989. P. 503–559; *Rushton J.P.* Gene — culture coevolution and genetic similarity theory: Implications for ideo-

рией генетического сходства». Мы доказали, что если гены производят эффекты, которые позволяют их носителям распознавать и предпочитать друг друга, то альтруистическое поведение может развиваться далеко за пределами «родственного отбора». Путем предпочтения позитивной сочетаемости по всему спектру генома люди могут максимально увеличить свою совокупную приспособленность, вступая в брак с генетически схожими людьми, а также любя, заводя дружбу и помогая наиболее генетически схожим из числа своих соседей. Для совокупной приспособленности полезен и этнический nepotism. Как ясно свидетельствует английский язык, 'likeness (сходство) идет рука об руку с liking' (симпатией).

Исследования социальной избирательности

Выбор друзей и супруга является одним из важнейших решений в жизни человека. Теория генетического сходства была сначала применена к избирательному скрещиванию, которое теорией родственного отбора *sensu stricto*³³ объяснялось с трудом, поскольку особи редко спариваются с «родственниками». Тем не менее реальные случаи избирательного скрещивания имеют всеобщее распространение в животном мире, равно как и среди человеческих особей. У людей как супруги, так и близкие друзья имеют наибольшее сходство по социально-демографическим параметрам: возрасту, этнической принадлежности и уровню образования ($r = 0.60$), затем по общности взглядов и установок ($r = 0.50$), затем по умственным способностям ($r = 0.40$), и, наконец (но все еще весьма значительно), по характеру ($r = 0.20$) и внешности ($r = 0.20$).

Даже брак между представителями

разных этносов «подтверждает правило». На Гавайях мужчина и женщина, принадлежащие к разным этническим группам и вступившие в брак, были более похожи по характеру, чем вступившие в брак с представителем своей группы. Из этого можно сделать вывод, что этническое различие в браке «компенсируется» за счет большей схожести супругов в других сферах³⁴. Кроме того, эволюция поставила предел для правила «сходный женится на сходной»: исключается инцест³⁵. Слишком близкое генетическое сходство у половых партнеров увеличивает возможность «двойной дозы» вредных рецессивных генов. Идеальным является партнер с генетическим сходством, но не близкий родственник.

Несколько исследований показали, что в социальных партнерах люди предпочитают генетическую схожесть; кроме того, они направляют свою избирательность скорее на более наследуемые черты, чем на самые интуитивно очевидные. Еще Гамильтон предсказывал, что так и должно быть, если задействованы генетические механизмы³⁶. Так происходит потому, что более наследуемые компоненты лучше отражают лежащий в основе генотип. В этих исследованиях проводились измерения однородных наборов антропометрических, когнитивных, личностных и установочных черт в одной и той же этнической группе. Приведем примеры вариаций наследуемых черт.

³⁴ *Ahern F.M., Cole R.E., Johnson R.C. and Wong B.* Personality attributes of males and females marrying within vs. across racial/ethnic groups // *Behavior Genetics*. №11. 1981. P. 181–194.

³⁵ *Van den Berghe P.* Human inbreeding avoidance // *Behavioral and Brain Sciences*. №6. 1983. P. 1–123.

³⁶ *Hamilton W.D.* Selection of selfish and altruistic behaviour in some extreme models // In: *Man and Beast: Comparative Social Behavior* [J.F. Eisenberg and W.S. Dillon (eds.)]. Washington, 1971. P. 57–91.

logy, ethnic nepotism, and geopolitics // *Politics and the Life Sciences*. №4(2). 1986. P. 144–148.

³³ В «узком» смысле (*лат.*) (*нрм. нр.*).

Физические свойства: 80% для длины среднего пальца (сравните: 50% для обхвата плечей). Интеллектуальные свойства: 80% для общего фактора (ср. < 50% для специфического фактора³⁷). Для личностных установок: 76% для установки «предпочитаю встречаться с людьми» (ср. 20% для установки «предпочитаю оставаться холостым»). И для социальных установок: 51% для установки «поддерживаю смертную казнь» (ср. 25% для установки «поддерживаю истинность Библии»).

Проведя исследование супружеских пар, Рассел с коллегами³⁸ обнаружили, что из тридцати шести физических характеристик схожесть супругов больше проявлялась в признаках с высокой наследуемостью, например, в обхвате запястья (на 71% передается по наследству), чем в признаках с низкой наследуемостью, например, в обхвате шеи (на 48% передается по наследству). Раштон и Рассел³⁹ обнаружили, что из пятидесяти четырех признаков, касающихся индивидуальных предпочтений и занятий в свободное время, сходство супругов было выше в таких пунктах как «любовь к чтению» (на 41% передается по наследству), чем в таких пунктах как «наличие многих хобби» (на 21% передается по наследству). Проведя двадцать шесть тестов на умственные способно-

сти, Раштон и Николсон⁴⁰ обнаружили, что сходство супругов было выше по более наследуемым частным критериям из «Гавайского семейного исследования» когнитивной способности и шкалы Векслера для измерения интеллекта взрослых (WAIS). Сообщалось о том, что совпадающие по более наследуемым показателям семейные пары испытывают большее удовлетворение от супружеской жизни⁴¹.

В исследовании феномена лучших друзей Раштон⁴² обнаружил, что из широкого спектра антропометрических параметров и социальных установок, таких как приятие «военной муштры» (на 40% передается по наследству) и «авторитета Церкви» (на 25% передается по наследству), сходство друзей было выше в более наследуемых параметрах. Похожие результаты были получены в исследовании симпатий между знакомыми людьми, проведенном Тессером⁴³. В своем эксперименте он производил манипуляции с представлениями людей о том, насколько они схожи по своим жизненным установкам с другими людьми (предварительно Тессер определил, какой степенью наследуемости обладает ряд установок). Обнаружилось, что люди больше симпатизируют тем, с кем они схожи по более наследуемым установкам.

Результаты, изложенные выше, не могут быть объяснены культуралист-

³⁷ Термины двуфакторной теории интеллекта Чарльза Спирмена. Согласно этой теории, всякая интеллектуальная деятельность содержит общее начало («общего фактора интеллекта»). Оно является основанием любых успешных умственных действий. «Специфический фактор» свойственен только одному какому-либо виду деятельности и действует только в одной ситуации, он нужен для решения задач в отдельных областях (прим. пер.).

³⁸ Russell R.J.H., Wells P.A. and Rushton J.P. Evidence for genetic similarity detection in human marriage // *Ethology and Sociobiology*. № 6(3). 1985. P. 183–187.

³⁹ Ibid.

⁴⁰ Rushton J.P., Nicholson I.R. Genetic similarity theory, intelligence, and human mate choice // *Ethology and Sociobiology*. № 9(1). 1988. P. 45–57.

⁴¹ Russell R.J.H., Wells P.A. Personality similarity and quality of marriage // *Personality and Individual Differences*. № 12. 1991. P. 406–412.

⁴² Rushton J.P. Genetic similarity in male friendships // *Ethology and Sociobiology*. № 10(5). 1989. P. 361–373.

⁴³ Tesser A. The importance of heritability in psychological research: the case of attitudes // *Psychological Review* 93(1). 1993. P. 129–142.

скими теориями⁴⁴. Теория генетического сходства и культуралистская теория дают противоположные прогнозы о социальной значимости факторов гармоничного семейного сосуществования супругов. Культуралистская теория прогнозирует, что фенотипическое соответствие у супругов будет более выраженным в тех характеристиках, в которых супруги стали схожи благодаря общему жизненному опыту, формирующему взгляды, хобби, а также размер талии и бицепса (например, благодаря диете и упражнениям). С другой стороны, теория генетического сходства предсказывает большее соответствие в чертах, имеющих высокую наследуемость (например, в размере запястья и длине среднего пальца, которые не так-то просто изменить).

Исследования близнецов и усыновленных детей

Исследования близнецов и усыновленных детей показывают, что предпочтение генетическому сходству передается по наследству, то есть люди генетически предрасположены предпочитать генетически схожих партнеров. В одном из таких исследований Роу и Осгуд⁴⁵ анализируют данные о правонарушениях у нескольких сот пар молодых однояйцевых близнецов, имеющих 100% общих генов, и двояйцевых близнецов, имеющих 50% общих генов. Ученые обнаружили, что молодые люди, генетически предрасположенные к преступлениям, также были предрасположены выбирать в качестве друзей схожих с собой людей. Эти результаты подтверждают Дэниелс и Пломин⁴⁶, изучавшие дружбу у не-

скольких сот пар сибсов (как из приемных семей, так и не из приемных). Они обнаружили, что, тогда как биологические сибсы (имеющие и общие гены, и общую среду обитания) дружат с теми, кто похож друг на друга, приемные сибсы (имеющие только общую среду обитания), дружат с теми, кто вовсе не схож друг с другом. Эти результаты показывают, что общие гены склоняют человека заводить друзей, имеющих с ним сходство.

Раштон и Бонс⁴⁷ проанализировали анкеты со ста тридцатью вопросами, касающимися личных и социальных установок, заполненные несколькими сотнями пар однояйцевых близнецов, разнаяйцевых близнецов, их супругами и их лучшими друзьями. Оказалось, что (а) супруги и лучшие друзья имеют степень сходства почти такую же, как у сибсов, что раньше посчитали бы невозможным; и (б) однояйцевые близнецы выбирают в супруги и лучшие друзья людей с более высокой степенью сходства, чем требуется разнаяйцевым близнецам. Предпочтение людей с высокой степенью сходства передается по наследству примерно на 30%. И снова подбор партнера по принципу схожести был более очевидным в более наследуемых признаках. Это показывает, что причина социальной избирательности кроется в генотипе, лежащем в основе. Сходство было выше в пунктах вроде «предпочитаю бизнес науке» (наследуемость = 0.60), чем в пунктах вроде «люблю путешествовать по миру один» (наследуемость 25%).

Исследования группы крови

Еще одним способом проверки гипотезы о том, что люди обычно выбирают супругов и друзей, обладающих

⁴⁴ Теории детерминированности поведения человека социальной средой (*Прим. неп.*).

⁴⁵ Rowe D.C., Osgood D.W. Heredity and sociological theories of delinquency: a reconsideration // American Sociological Review. № 49. 1984. P. 526–540.

⁴⁶ Daniels D., Plomin R. Differential experi-

ence of siblings in the same family // Developmental Psychology. № 21. 1985. P. 747–760.

⁴⁷ Rushton J.P., Bons T.A. Mate choice and friendship in twins: evidence for genetic similarity // Psychological Science. № 16(7). 2005. P. 555–559.

генетическим сходством с ними, является изучение антигенов, содержащихся в крови. В одном из исследований, изучив тысячу случаев спорного отцовства, Раштон⁴⁸ проанализировал семь полиморфных маркерных систем в десяти локусах крови по шести хромосомам (ABO, Rhesus [Rh], MNSs, Kell, Duffy [Fy], Kidd [Jk] и HLA). Исследование ограничивалось людьми североευропейской внешности (судя по фотографиям). Пары, где ребенок родился от обоих родителей, были на 50% схожи, а пары, где ребенок родился не от обоих, — схожи только на 43%. Позже Раштон⁴⁹ исследовал анализы крови у пар лучших друзей мужского пола со схожим социальным бэкграундом и установил, что эти друзья были значительно более генетически схожи друг с другом, чем с любой произвольно взятой парой из той же базы данных.

Исследования реакции на утрату близких

Исследования реакций членов семьи на утрату близких показывают, насколько тонкие механизмы могут управлять человеческим предпочтением генетической схожести. В одно из таких исследований изучались 263 семьи, в которых умирали дети, и было установлено, что (а) супруги на 74% сходились во мнении, от которого из родителей ребенок унаследовал больше черт; и (б) интенсивность переживания, отмеченная у матерей, отцов, бабушек и дедушек, была больше в отношении тех детей, которые несли черты их линии родства, чем о детях, которые несли черты другой линии⁵⁰. Ис-

следование переживания утрат среди близнецов показало, что однойцевые близнецы, имеющие 100% общих генов, в сравнении с двуяйцевыми близнецами, имеющими 50% общих генов: (а) тратят больше своих усилий в пользу брата/сестры; (б) более физически похожи на своего брата/сестру; (с) выражают большую привязанность к своему брату/сестре; и (д) испытывают более глубокое горе, когда их брат/сестра умирает⁵¹.

Другие направления исследования

Одно исследование показало, что женщины предпочитают запах тела тех мужчин, чьи гены схожи с их собственными, больше, чем запах мужчин, чьи гены имеют небольшое сходство или совсем не схожи с их собственными⁵². В этом пункте выбор каждой женщины основан на генетической последовательности человеческого лейкоцитарного антигена (HLA) — основного для персональных обонятельных предпочтений — унаследованного от отца, но не от матери. Другое исследование показало, что и мужчины, и женщины находили свое собственное лицо наиболее привлекательным после того, как их лицо с помощью компьютера морфировали в лица другого пола, хотя люди и не осознавали, что на фото — они сами⁵³. Подобным же образом люди, чьи лица морфировались с чертами чужого лица, испытывали больше доверия к другим, когда

nal of Personality and Social Psychology. № 51. 1986. P. 797–802.

⁵¹ Segal N.L. *Entwined Lives: Twins and What They Tell Us About Human Behavior*. N. Y., 2000.

⁵² Jacob S., McLintock M.K., Zelano B. and Ober C. Paternally inherited HLA alleles are associated with women's choice of male odor // *Nature Genetics*. № 30(2). 2002. P. 175–179.

⁵³ Penton-Voak I.S., Perret D.I. and Pierce J.W. Computer graphic studies of the role of facial similarity in judgements of attractiveness // *Current Psychology*. № 18. 1999. P. 104–117.

⁴⁸ Rushton J.P. Genetic similarity, mate choice, and fecundity in humans // *Ethology and Sociobiology*. № 9(6). 1988. P. 329–333.

⁴⁹ Rushton J.P. Genetic similarity in male friendships // *Ethology and Sociobiology*. № 10(5). 1989. P. 361–373.

⁵⁰ Littlefield C.H., Rushton J.P. When a child dies: the sociobiology of bereavement // *Jour-*

те выглядели похожими на них самих⁵⁴. Фактор знакомства исключался благодаря использованию морфов знаменитостей; единственное, что имело значение — это похожесть на самого себя.

Сила взаимного притяжения в группах

Взаимное тяготение на уровне генетической схожести не перестает действовать за пределами семьи и круга друзей. Члены группы вступают в ближнюю этнически заданную среду и сходятся вместе в клубах и сообществах. Поскольку люди из одной этнической группы генетически более схожи друг с другом, чем с представителями других групп, они отдают предпочтение представителям своей группы перед людьми посторонними.

В своей революционной книге «Этнический феномен» ван ден Берге⁵⁵ применил теорию родственного отбора, чтобы объяснить, почему люди везде склонны развивать этноцентричные отношения к тем, кто отличается по одежде, диалекту и внешности, и как даже относительно открытые и ассимилирующие этнические группы «охраняют» свои границы против вторжения чужаков, используя некие «знаки отличия» (маркеры принадлежности к группе). Ван ден Берге выдвинул гипотезу о том, что эти «знаки отличия» обычно являются культурными (например, шрамирование, языковой акцент и стиль одежды), а не природными явлениями. Он согласился с тем, что общие черты с высокой наследуемостью могут считаться более надежными индикаторами, чем легко изменяемые культурные черты. Однако он полагал, что коэффициенты наследуемости относятся только к современности, где их можно ис-

пользовать для распознавания глубоко различающихся групп, например таких народов, как буры и коса.

Исследования по распознаванию родичей у животных и социальной избирательности у людей, которые я рассмотрел выше, показывают, как хорошо отлажено предпочтение генетически сходных особей. Это предпочтение имеет место и в этнических группах, и в семьях; оно реализуется через более наследуемые элементы из наборов однородных признаков, имеющих наибольшую наследуемость. По существу, этот процесс гораздо более сложный, мощный и незаметно протекающий, чем предполагал ван ден Берге. Отметим, что в своей программной статье 1989 г.⁵⁶ ван ден Берге признал, что в этот процесс вовлечены более «примордиальные» элементы. Данные, приведенные в нашей статье, подтверждают предположение Гамильтона⁵⁷ о том, что системы распознавания родичей использовали бы более наследуемые атрибуты других особей, если бы они основывались на таких механизмах, как запечатление-в-себе («эффект подмышки» Докинса) и опознавательные аллели («эффект зеленой бороды» Докинса). Определение степени генетического сходства — гораздо более точный механизм, чем просто определение того, кто есть бур, а кто коса. Вопрос стоит так: насколько генетически схож с данным человеком конкретный бур (или коса)?

В своей книге «О генетических интересах» Фрэнк Сальтер⁵⁸, исследова-

⁵⁴ DeBruine L.M. Facial resemblance enhances trust // Proceedings of the Royal Society of London. В 269. 2002. P. 1307–1312.

⁵⁵ Van den Berghe P. Ethnic Phenomenon. N. Y., 1981.

⁵⁶ Van den Berghe P. Heritable phenotypes and ethnicity // Behavioral and Brain Sciences. № 12. 1989. P. 544–555.

⁵⁷ Hamilton W.D. Selection of selfish and altruistic behaviour in some extreme models // In: Man and Beast: Comparative Social Behavior [J.F. Eisenberg and W.S. Dillon (eds.)]. Washington, 1971.

⁵⁸ Salter F. On Genetic Interests: Family, Ethnicity and Humanity in an Age of Mass Migration. Frankfurt, 2003.

тель политической этологии в Институте Макса Планка (Мюнхен), экстраполировал выводы теории генетического сходства и предложил учитывать общие гены для объяснения феномена этнического непотизма. Он показал, как Гамильтонов коэффициент родства r соотносится в уравнении с расчетами генетической изменчивости FST (в среднем $r \sim 2 FST$), которые были к тому времени включены в научный оборот⁵⁹. FST обуславливает и степень генетического расстояния между популяциями, и родство v в них. Из этого следует, что, в сравнении с общей наследственной изменчивостью в мировом масштабе, произвольно взятые члены любой популяции относятся друг к другу с приблизительным коэффициентом $r \sim 0.25$ (т.е. на 1/4) или примерно как полусибсы. Кстати, можно вывести общее правило: если представитель твоего этноса выглядит как ты, то в среднем он генетически эквивалентен твоему двоюродному брату.

Когда Сальтер проанализировал данные о FST , полученные Кавалли-Сфорца, он обнаружил, что если бы весь мир был населен только англичанами, то коэффициент родства между любой случайной парой англичан был бы нулевым. Но если бы мир был населен, например, англичанами и немцами, то два случайно взятых англичанина (или немца) имели бы коэффициент родства 0.0044, т.е. 1/32 коэффициента двоюродного брата. По мере того как генетическая дистанция между популяциями увеличивается, коэффициент родства между случайно взятыми представителями одного этноса внутри популяции тоже увеличивается. Два любых англичанина по сравнению с жителями Ближнего Востока имеют коэффициент родства, равный 3/8 коэффициента полусибсов; по

сравнению с жителями Индии их коэффициент равен 1/2 коэффициента полусибсов; по сравнению с жителями Китая или Восточной Африки их коэффициент равен коэффициенту полусибсов и по сравнению с жителями Южной Африки их коэффициент равен коэффициенту сибсов. Поскольку у людей гораздо больше соплеменников, чем родственников, то на фоне совокупности их генов, общих с соплеменниками, совокупность генов, общих для их расширенной семьи, выглядит незначительной. Этнический непотизм не только не является «бедным родственником» непотизма семейного — он фактически выступает от его имени.

В двух других книгах Сальтер⁶⁰ и его коллеги показывают, что этнические связи являются главным фактором для понимания таких разноплановых явлений, как этнические мафии, сетевые посреднические организации нацменьшинств, героизм освободительной борьбы, государство всеобщего благосостояния, проявления чрезвычайной щедрости в помощи из-за рубежа и благотворительности.

Одно исследование было посвящено уличным попрошайкам в Москве. Некоторые из попрошаек, как и огромное большинство прохожих в этом исследовании, были этническими русскими. На других попрошайках был костюм, характерный для Молдавии, маленькой республики бывшего СССР, этнически и лингвистически родственной Румынии. Наконец, некоторые попрошайки были смуглыми цыганами. Русские прохожие предпочитали подавать русским и, во вторую очередь, восточноевропейцам — молдаванам. К цыганам чувствовалась такая неприязнь, что им требовалось придумывать разные тактики, от пения и плясок до на-

⁵⁹ Cavalli-Sforza L., Menozzi P. and Piazza A. The History and Geography of Human Genes. Princeton, 1994.

⁶⁰ Salter F. Risky Transactions: Trust, Kinship and Ethnicity. London, 2002; Welfare, Ethnicity, and Altruism: New Findings and Evolutionary Theory [F. Salter (ed.)]. N. Y., 2004.

зойливого приставания и использования для попрошайничества групп маленьких детей.

В более раннем исследовании антрополог Колин Ирвин⁶¹ пытался применить математическое описание внутригруппового сотрудничества в инбредных⁶² популяциях, рассчитав коэффициенты кровного родства у проживающих на западе Канады (на берегу Гудзонова залива) племен эскимосов и между племенами. Он обнаружил, что просоциальное поведение (например, обмен женами), и антисоциальное поведение (например, геноцид женщин и детей во время войн) зависят от генетической дистанции, хотя и опосредованной этническими «знаками различия», такими как диалект и внешность.

Даже очень маленькие дети обычно оказывают очевидное предпочтение детям с тем же этническим наследием⁶³. Фактически, как было показано, процесс распределения рас по группам явился результатом естественного стремления к упорядочению представлений о человеческом роде на основе отличительных особенностей его представителей. Дети быстро начинают сортировать людей по «основным видам», по признакам пола, возраста, размера и занятий. Эксперименты показывают, что в раннем возрасте дети определенно ожидают влияния расовых признаков на функционирование семей⁶⁴. Ребенок очень рано осознает,

к какой расе он принадлежит, а к какой — нет.

Шепот генов

История еврейского народа дает убедительно подтверждаемый документальными свидетельствами пример того, как теория генетического сходства пересекается с этносимволическим подходом Энтони Смита⁶⁵. Как показала Бонн-Тамир⁶⁶ из Университета Тель-Авива, группы евреев генетически схожи друг с другом несмотря на то, что они были рассеяны по миру в течение двух тысяч лет. Евреи из Ирака и Ливии имеют больше общих генов с евреями из Германии, Польши и России, чем любая другая группа имеет с нееврейскими популяциями, среди которых они жили веками. Хотя выяснилось, что эфиопские евреи не являются «генетически евреями», многие другие очень отдаленные друг от друга еврейские общины имеют общие генетические характеристики, несмотря на большое географическое расстояние между общинами и прошедшие сотни лет.

Теория генетического сходства предполагает, что многие другие, казалось бы, чисто культурные водоразделы на самом деле укоренены в глубокой генетике популяций.

⁶⁵ *Smith A.D.* The Nation in History: Historical Debates about Ethnicity and Nationalism. Hanover, 2000; *Smith A.D.* Chosen Peoples: Sacred Sources of National Identity. Oxford, 2004.

⁶⁶ New Perspectives on Genetic Markers and Diseases among Jewish People [*Bonne-Tamir B. and Adam A.* (eds.)]. Oxford, 1992; *Thomas M.G., Weale M.E., Jones A.L., Richards M., Smith Alice, Redhead N., Torroni A., Scozzari R., Gratix F., Tarakegn A., Wilson J.F., Capelli C., Bradman N. and Goldstein D.B.* Founding mothers of Jewish communities: geographically separated Jewish groups were independently founded by very few female ancestors // *American Journal of Human Genetics*. № 70(6). 2002. P. 1411–1420.

⁶¹ *Irwin C.J.* A study in the evolution of ethnocentrism // In: *The Sociobiology of Ethnocentrism: Evolutionary Dimensions of Xenophobia, Discrimination, Racism, and Nationalism* [V.Reynolds, V.S.E. Falger and I.Vine (eds.)]. London, 1987. P. 131–156.

⁶² Т.е. члены которой состоят в кровном родстве (*нрпм. нрп.*).

⁶³ *Aboud F.* Children and Prejudice. London, 1988.

⁶⁴ *Hirschfield L.A.* Race in the Making: Cognition, Culture, and the Child's Construction of Human Kinds. Cambridge, 1996.

Недавно при изучении древней индийской кастовой системы, с помощью секвенирования ДНК, было доказано, что высшие касты более генетически близки европейцам, а низшие касты более близки южноазиатам⁶⁷. Хотя кастовую систему законодательно запретили в 1960 г., она продолжает быть главной характерной чертой индийского общества и оказывать мощное влияние на политику.

Итак, генетические исследования могут подтвердить (или опровергнуть) представления людей об их происхождении. В случае евреев или индийской кастовой системы подтверждаются традиционные представления. Израиль — это новое государство, однако оно построено на древней традиции этнической принадлежности (ethnicity) и национальной идентичности (nationhood). Однако многие недавние исследования израильского общества склонны преуменьшать связь между современным Израилем и древней еврейской идентичностью; Израиль в них рассматривается как однозначно современное явление⁶⁸. Часть евреев приветствует такую генетическую «легализацию», поскольку с ее помощью утверждается органичность происхождения еврейского народа. Но некоторые считают ее обоюдоострым мечом, который может быть использован определенным кругом лиц, заявляющим, что «еврейская раса стремится править миром».

Индийские националисты также ис-

пытывают по схожему поводу смешанные чувства. Хотя им и льстит признание их «арийских» корней, они боятся мощной отрицательной реакции людей на аристократическое высокомерие и политику эксклюзивизма. Иногда генетика опровергает мифы о происхождении, например миф о том, что китайский генофонд восходит к синантропам, жившим четверть миллиона лет назад, или о том, что американские индейцы жили на американском континенте всегда, а не просто были наиболее ранними «иммигрантами»⁶⁹. Вероятно, исследования о генетической дистанции будут играть все большую роль в дискуссиях о правах потомков на спорную территорию.

Можно предположить, что люди берут на вооружение те идеологии, которые работают на их генетические интересы. Теоретически обоснованными примерами идеологий, способствующих генетической приспособляемости, являются религиозные верования, которые регулируют привычки питания, сексуальные практики, брачные обычаи, уход за детьми и их воспитание⁷⁰. Племена индейцев, варящих кукурузу с золой, имели большую плотность населения и более сложное устройство общества, чем племена, которые этого не делали, отчасти потому, что зола выделяет наиболее питательные вещества из зерновых, что позволяет большому количеству людей дожить до возраста воспроизводства. Индейцы не знали о биохимических основаниях преимущества готовки с золой, но их верования дали им для этого достаточное основание, что позволило им более успешно воспроизводить гены.

Политические интересы обычно завуалированы высоконравственной риторикой, неважно, что для противни-

⁶⁷ Bamsbad M., Kivisild T., Watkins W.S., Dixon M.E., Ricker C.E., Rao B.B., Mastan Naidu J., Ravi Prasad B.V., Govinda Reddy P., Rasanayagam Arani, Papiba Surinder S., Villems R., Redd A.J., Hammer M.F., Nguyen Son V., Carroll M.L., Batzer M.A. and Jorde L.B. Genetic evidence on the origins of Indian caste populations // *Genome Research*. № 11(6). 2001. P. 994–1004.

⁶⁸ Smith A.D. *The Nation in History: Historical Debates about Ethnicity and Nationalism*. Hanover, 2000.

⁶⁹ Rushton J.P. *Race, Evolution, and Behavior*. New Brunswick, 1995.

⁷⁰ Lumsden Ch.J. and Wilson E.O. *Genes, Mind, and Culture: the Coevolutionary Process*. Cambridge, 1981.

ка она вполне прозрачна. Посмотрите на конкурирующие претензии палестинцев и израильтян или буров и банту. Объяснить эти явления с точки зрения психологии крайне трудно, т.к. каждая из соперничающих групп излагает свою версию истории конфликта, и каждая сторона обычно видит себя жертвой, чья история замалчивается. Поскольку этнические стремления редко открыто обосновываются чисто эгоистическими интересами, исследовать нужно пласты более глубокие, чем лежащая на поверхности идеология.

Политические проблемы особенно взрывоопасны, когда на кону стоят выживание и воспроизводство. Посмотрите на рост числа террористов-смертников на Ближнем Востоке. Опросы, проведенные среди взрослых палестинцев из сектора Газы и с Западного Берега [реки Иордан] показали, что около 75% поддерживают атаки смертников, и лишь около 12% высказываются против них⁷¹. Многие семьи заявляют, что гордятся своими родными, ставшими мучениками. Большинство исследователей, анализирующих мотивы атак смертников, подчеркивают некие уникальные факторы, например политическую ситуацию у палестинцев или иракцев, учения радикального ислама или народную культуру, насыщенную прославлением мучеников. Политические факторы играют важную роль, но с эволюционной точки зрения, претендующей на универсальность, эти люди выработали некий «когнитивный модуль» для альтруистического самопожертвования, приносящего пользу их генофонду. В предельном смысле осуществляемые смертниками взрывы можно рассматривать как стратегию увеличения совокупной приспособленности.

Какие соображения двигают сами-

ми террористами-смертниками? Одни привлекают риторику ислама, другие апеллируют к политическому и экономическому недовольству. Махмуд Ахмед Мармаш, двадцатидесятилетний холостяк из Тулкарма, взорвавший себя близ Тель-Авива в мае 2001 г., сказал в видеозаписи, записанной перед началом его миссии: «Я хочу отомстить за кровь палестинцев, особенно за кровь женщин, стариков и детей, и особенно за кровь маленькой девочки Иман Хейо, чья смерть потрясла меня до глубины души»⁷². В других национальных группах также были свои войны-смертники. Термин «зилот» обязан существованием еврейской секте, действовавшей в течение семидесяти лет в I веке н.э. Согласно античному историку Иосифу Флавию, состоящая из зилотов крайняя революционная группировка убивала римских и еврейских коллаборационистов кинжалами: вероятно, это снижало шансы убийц остаться в живых. Группа примерно в тысячу зилотов, включая женщин и детей, предпочли совершить самоубийство в крепости Масада, чем сдаться римлянам. Сегодня Масада — один из величайших символов еврейского народа. Израильские солдаты приносят там клятву: «Масада больше не падет».

Солдаты воюющих армий — японские камикадзе или иранские басаи — предпринимали самоубийственные атаки на врагов. Уинстон Черчилль намеревался использовать смертников против немцев в случае, если они оккупируют Британию⁷³. Некоторые из шри-ланкийских «Тамильских тигров», из числа индусов, провели самоубийственные атаки на политиков и военные базы (при этом им были совершенно безразличны жизни гражданских лиц, находившихся поблизости).

Конечно, гены, как правило, скорее

⁷¹ *Margalit Avishai*. The suicide bombers // The New York Review of Books. № 50(1). 16 January 2003.

⁷² *Ibid.*

⁷³ *Cornwell J.* Hitler's Scientists: Science, War, and the Devil's Pact. N. Y., 2003.

«шепотом» заявляют о своих желаниях, нежели «кричат» о них. Если воспользоваться метафорой Льюиса и Уилсона, гены держат культуры скорее на длинном, чем на коротком поводке. Это делает возможным прагматизм и гибкость в стратегиях, которые используют различные группы для реализации своих стремлений. Например, Сами Зубайда⁷⁴ отметила, что видами идеологического оружия, которое применяли арабы для сопротивления политическому господству Османской Турции (которая, как и они, была мусульманской), западных Великих держав, США, а теперь и Израиля, являются попеременно то ислам, то национализм, со всеми их совпадениями и противоречиями. Зубайда также отметила, что турецкий, египетский и иранский исламизм (а иногда анти-исламизм) часто национально ориентирован, даже националистичен. В мусульманском мире арабы часто видели себя оплотом ислама, а ислам — национальной культурой арабов. Национализм потерял популярность, когда ему не удалось удовлетворить чаяния арабов. Теперь часто считают, что его импортировал Запад, чтобы «разделять и властвовать». Хотя арабские режимы обычно считают фундаментализм подрывным явлением, этнические националисты часто восхваляют его как проявление революционной энергии. Например, шиитская революция в не арабской, но исламской республике Иран послужила примером не только для исламистов, но и для многих националистов и левых в арабском мире.

Политическая привлекательность этнической идентичности и генетического сходства также объясняет поведение на выборах. Повторное избрание Джорджа Буша на президентских выборах в 2004 г. по большей ча-

сти объясняли голосами белого населения и тем, что для этих голосующих важнее были «ценности», чем экономика. Если внимательно присмотреться к демографической статистике, мы увидим что эти «ценности», по крайней мере отчасти, являются «эвфемизмом» для этнической идентичности и генетического сходства. Большинство белых американцев голосовали за того кандидата, который — как и его семья — по внешности, речи и действиям был, как они считали, схож с ними⁷⁵.

Другой актуальный пример — рост христианского фундаментализма в США. Исследования показывают, что он является реакцией на то, что воспринимается людьми как нравственный упадок общества⁷⁶. Благодаря тенденциям в массмедиа и системе образования, многие религиозные люди считают, что теперь они живут во враждебной культуре, где их принципиальные ценности находятся в осаде. Наибольшую политическую активность они проявляют в вопросе об абортах. Одна из гипотез, достойная отдельного исследования, заключается в том, что если можно было бы произвести оценку генетического сходства, то фундаменталисты оказались бы близки, в этом плане, друг к другу и к основному англосаксонскому генофонду. В таком случае было бы полезно узнать, сколько процентов из пятидесяти миллионов женщин, сделавших легальный аборт в США с 1973 г., имели преимущественно данное этническое происхождение.

Заключение

Конечно, генетическое сходство является только одним из многих воз-

⁷⁵ *Brownstein R. and Rainey R.* Bush's huge victory in the fast-growing areas beyond the suburbs alters the political map // *Los Angeles Times*. 22 November 2004. A1, A14–A15.

⁷⁶ *Marty M. and Appleby R.S.* *Fundamentalism Observed: the Fundamentalism Project*. Chicago, 1994.

⁷⁴ *Zubaida Sami.* Islam and nationalism: continuities and contradictions // *Nations and Nationalism*. № 10(4). 2004. P. 407–420.

можных факторов, влияющих на формирование политических альянсов. Причинно-следственные связи многообразны, и нельзя сводить взаимоотношения между этническими группами к единственному фактору. Члены какой-либо этнической группы не обязательно держатся вместе; и не обязательно имеет место конфликт между генетически различающимися группами или индивидами. Помимо репродуктивного успеха люди стремятся и к другим вещам, например к успеху экономическому. Однако, как показал ван ден Берге⁷⁷, с эволюционистской точки зрения главной мерой человеческого успеха является не экономическое производство, но воспроизведение себе подобных. Генетическое сходство играет очевидную роль в социальном поведении малых и больших групп, как национальных, так и международных. Гипотеза, представленная в данной работе, заключается в том, что поскольку представители одного этноса являются носителями копий одних и тех же генов, то этническое самосознание коренится в биологии альтруизма и взаимной полезности. Более того, этнический национализм, ксенофобия и геноцид могут стать «темной стороной» альтруизма. Помимо этого, общие гены могут определять степень восприимчивости к той или иной идеологии⁷⁸. Некоторые гены лучше воспроизводятся в одних культурах, чем в других. Религиозные, политические и классовые конфликты обостряются, когда они касаются генетической приспособленности. Карл Маркс не пошел в своем анализе достаточно глубоко

ко: идеология может быть слугой экономического интереса, но гены влияют и на то, и на другое. Поскольку индивиды имеют большую концентрацию генетического интереса (совокупной приспособленности) в своей этнической группе, нежели в других этнических группах, то эти индивиды, скорее всего, воспримут идеи о превосходстве их группы над другими. Исследователь политической этологии Франк Сальтер⁷⁹ называет идеологии «портфелями установок, способствующих приспособлению» («fitness portfolios»), а психолог Кевин МакДональд пишет, что представители одного этноса вовлечены в «групповые эволюционные стратегии»⁸⁰. Именно потому, что генетические интересы являются влиятельным фактором в человеческих делах, оскорбления по национальному признаку так легко заканчиваются насилием.

Социологи и историки всегда готовы осудить то, с каким размахом политические лидеры (или претендующие на эту роль люди) способны манипулировать этнической идентичностью. Однако ученые никогда не задают, не говоря уж о том, чтобы на них ответить, два вопроса: «Почему это всегда настолько легко?» и «Почему какой-нибудь малообразованный политический аутсайдер способен спровоцировать беспорядки, просто произнеся пару метких оскорблений по национальному признаку?».

К описанному в этой статье теоретическому подходу нужно сделать много оговорок. Так, Сальтер⁸¹ приходит к следующему выводу: с одной стороны,

⁷⁷ Van den Berghe P. The Ethnic Phenomenon. N. Y., 1981.

⁷⁸ Rushton J.P. Genetic similarity, human altruism, and group selection // Behavioral and Brain Sciences. № 12(3). 1989. P. 503–559; Rushton J.P. Gene — culture coevolution and genetic similarity theory: Implications for ideology, ethnic nepotism, and geopolitics // Politics and the Life Sciences. № 4(2). 1986. P. 144–148.

⁷⁹ Salter F. On Genetic Interests: Family, Ethnity and Humanity in an Age of Mass Migration. Frankfurt, 2003.

⁸⁰ MacDonald Kevin. An integrative evolutionary perspective on ethnicity // Politics and the Life Sciences. № 20(1). 2001. P. 67–80.

⁸¹ Salter F. On Genetic Interests: Family, Ethnity and Humanity in an Age of Mass Migration. Frankfurt, 2003.

(а) этнические связи могут быть адаптивными, поскольку они объединяют людей для защиты общих интересов; и (b) политика мультикультурализма может снизить конкурентное преимущество отдельных групп в борьбе за доминирование (вследствие уменьшения значения фактора этнической принадлежности), хотя вряд ли сможет истребить в нас (как социальных существах) этническую идентичность. С другой стороны, (с) есть много примеров того, как плохо приспособлены современные люди к защите своих этнических интересов, вследствие того, что на первый план выходят теперь запросы семьи и ближайших родственников, да и просто вследствие исключительной сложности современных обществ и воздействия культурных факторов (см. 6 главу его работы).

Было бы неправильно чрезмерно обобщать открытия в области генетического сходства, чтобы применить их к теории примордиализма или возрождать идеи органического национализма. Наоборот, теория генетического сходства дает возможности для более тонкого этносимволического подхода к силам, действующим и внутри стран, и между ними, многие из которых из другой перспективы выглядят беспричинными. Несмотря на то что современная идея гражданства заместила понятие этнической связи («люди, ко-

торые выглядят и говорят, как мы») на понятие связи ценностей («люди, которые думают и ведут себя, как мы»), именно в сфере этнополитики можно увидеть сегодня большие опасности для стабильности наций, как раньше можно было видеть в сфере политики классовой.

Патриотическое чувство — нечто намного большее, чем иллюзия, созданная элитами для своих целей. С точки зрения этносимволизма ясно, что психология социальной идентичности тесно связана и с национальной идентичностью, и с предшествующей ей этнической идентичностью, ее «священными» традициями и обычаями⁸². Этнические сообщества существовали во все периоды и играли важную роль во всех обществах на всех континентах. Чувство общей этнической принадлежности на сегодняшний день остается основным средоточием идентификации индивида. Теория генетического сходства помогает объяснить, почему это так.

*Перевод с английского
Андрея Иванова*

⁸² *Smith A.D.* The Nation in History: Historical Debates about Ethnicity and Nationalism. Hanover, 2000; *Smith A.D.* Chosen Peoples: Sacred Sources of National Identity. Oxford, 2004.

ДЖАРЕД ТЕЙЛОР

СКОНЧАЛСЯ ФИЛ РАШТОН

Еще до того как я познакомился с Джоном Филиппом Раштоном, мне довелось увидеть его в телевизионной программе Херальдо Ривера¹. Произошло это в 1989 году, вскоре после того, как его новаторские исследования расовых различий впервые привлекли внимание всего мира. Одним из гостей той передачи был известный проныра Барри Мелер² из Ферриского университета, пытавшийся сделать карьеру с помощью доносов на ученых, исследования которых ему не нравились. Профессор Мелер с трудом владел собой. «У меня немалый опыт в разоблачении научного расизма, — кричал он, — и я заявляю, что вы расист!». Фил улыбнулся и спокойно ответил: «Я — ученый».

Другим гостем передачи был черный по имени Чарльз Кинг, чье представление о науке было еще более обрывочным, чем у Мелера. «Вы говорите, что я ниже вас по интеллекту?» — грохотал

он. «Нет, — ответил Фил. — Я говорю, что мы разные». Программа являла собой блестящую демонстрацию рациональной аргументации и безукоризненных манер, с одной стороны, и поток гневного осуждения — с другой.

Мы познакомились с Филом вскоре после этого впечатляющего представления. И на протяжении многих лет нашей дружбы, вплоть до самой его смерти два дня назад, меня неизменно впечатляли его личные качества, с которыми мне впервые довелось познакомиться при просмотре той передачи. Филу было присуще напряженное стремление к истине, желание познать особенности человеческих рас во всей их сложности. Он также был всегда неизменно любезен, даже сталкиваясь с самой гнусной провокацией. Но в первую очередь мы будем помнить о нем как об ученом, как о глубоком мыслителе, продолжателе дела таких выдающихся умов как Фрэнсис Гальтон³, Чарльз Спирмен⁴ и Артур Дженсен⁵.

Тейлор Джаред (р. 1951) — американский журналист и общественный деятель; главный редактор журнала «Американское возрождение». Один из самых ярких интеллектуалов в современном движении белых националистов.

Опубликовано: American Renaissance, October 4, 2012 (<http://www.amren.com/news/2012/10/phil-rushton-has-died/>).

¹ Ривера Херальдо (Geraldo Rivera) (р. 1943) — американский журналист, репортер и телеведущий. В 1987–1998 ведущий собственного ток-шоу на канале CBS.

² Мелер Барри Алан (р. 1947) — израильский и американский преподаватель гуманитарных дисциплин, профессор Университета Ферриса; основатель Института по исследованию академического расизма (1993).

³ Гальтон Фрэнсис (1822–1911) — английский географ, антрополог и психолог; основатель дифференциальной психологии и психометрики.

⁴ Спирмен Чарльз (1863–1945) — английский психолог. Разработал цикл статистических методов с целью измерения структуры интеллекта. Изучая корреляции между результатами выполнения различных заданий и используя факторный анализ, предложил двухфакторную теорию интеллекта.

⁵ Дженсен Артур Роберт (1923–2012) — американский психолог; специалист в области психометрии и дифференциальной психологии. Выдвинул и отстаивал предположение о том, что индивидуальные и расовые различия в способностях являются продук-

В нормальном мире Канада бы гордилась им как национальным достоянием (а он, несомненно, им был).

Джон Филипп Раштон родился в 1943 году в Борнмуте в Англии. В 1973 году он получил PhD в Лондонской школе экономики за работу по исследованию альтруистического поведения у детей. В 1974 году перебрался в Канаду и в 1977-м занял место преподавателя в университете Западного Онтарио, где стал профессором в 1985 году.

Источником первых значительных работ Фила были его исследования феномена альтруизма у детей. Во время академического отпуска в 1981 году, который он провел в Беркли в Калифорнии, Раштон не мог не заметить, что в мультирасовом обществе люди больше всего заботятся о той группе, к которой принадлежат. Испаноязычные поддерживали идею придания испанскому языку статуса второго государственного, евреи интересовались событиями в Израиле, черные общались и поддерживали только себе подобных. Эти наблюдения подтолкнули Фила к разработке теории генетического сходства, которая гласит, что люди демонстрируют наиболее альтруистическое поведение в отношении биологически близких им людей. В отношении же тех, кто биологически от них удален, люди поступают с меньшим альтруизмом, а часто и просто враждебно. Он исследовал, как именно люди ощущают генетическое сходство и к каким последствиям эта способность приводит в жизни социума.

В этот период своей жизни Раштон начал изучать расовые различия — в особенности разницу в интеллекте и размерах мозга, — но затем расширил свое исследование, включив в него все психологические и поведенческие различия между расами. Итогом стало но-

ваторское применение им теории r-K отбора⁶ к человеческим расам, что привело, конечно же, к демонизации Раштона.

Главное открытие Фила заключалось в понимании того факта, что расы демонстрируют последовательные поведенческие паттерны, которые отражают различные репродуктивные стратегии. На одном экстремуме r-K диаграммы уроженцы Восточной Азии, наиболее интеллектуально развитые, обладающие наибольшим мозгом, сдержанные в сексуальной сфере, развивающиеся медленно, живущие дольше других и самые законопослушные. Этому сопутствует небольшое количество детей в семьях, о которых хорошо заботятся. На другом — черные африканцы, для которых характерны меньшие вложения в семью при большем числе детей. Практически на каждой диаграмме, отражающей r-K соотношение в репродуктивной стратегии (например, диаграмме, отражающей соотношение высоких и низких вложений в воспитание детей), белые находятся примерно посередине меж-

⁶ Теория r-K отбора описывает две различные природные стратегии размножения живых организмов, при определенных обстоятельствах обеспечивающие оптимальную численность для данного вида. Согласно теории, естественный отбор в процессе эволюции происходит по одному из двух возможных сценариев, или стратегий. Организмы, придерживающиеся r-стратегии (так называемые «оппортунистические»), стремятся к максимально возможной скорости роста численности (параметр r). Потомство таких видов с большой долей вероятности не доживает до зрелого возраста. Организмы, придерживающиеся K-стратегии («равновесные»), наоборот, находятся в состоянии равновесия со своими ресурсами и производят относительно мало потомства, однако стремятся вложить в него как можно больше. Теория была разработана в 1967 г. американскими экологами — Р. МакАртуром и Э. Уилсоном.

ду азиатами и черными. Фил скрупулезно зафиксировал и доказал данную теорию в своей блистательной книге «Раса, эволюция и поведение» (1995)⁷.

До того момента Фил не имел проблем с научными публикациями, но в 1989 году газета «Торонто стар» начала кампанию с требованием его увольнения из университета Западного Онтарио. Издание обвиняло его в «расизме», причем журналисты писали, что для подобных случаев «существует хорошо отработанная процедура увольнения академического персонала». Остальные СМИ присоединились к травле, требуя «крови» Филадельфии. В феврале того же года премьер-министр провинции Онтарио позвонил президенту университета и потребовал, чтобы Фил был уволен.

Подонки срывали занятия Филадельфии и выкрикивали оскорбления, когда он проходил мимо. Однажды на двери его кабинета кто-то накорябал: «Здесь живет расистская свинья». В марте 1989 года генеральный прокурор провинции Онтарио начал расследование с целью установить, не нарушил ли Фил Раштон законы, запрещающие распространение «ненависти по отношению к какой-либо определенной группе». В случае признания Филадельфии виновным ему грозило до двух лет тюрьмы, но восемь месяцев спустя генеральный прокурор заявил, что теоретические разработки Филадельфии «безумны, но не преступны».

Университет Западного Онтарио не нашел законного основания, чтобы уволить Филадельфию, поэтому ему было запрещено читать лекции в аудиториях и предписано записывать свои лекции на видеокассетах, чтобы студенты смотрели их частным образом. Филадельфия удалось убедить комиссию по трудовым спорам, что подобное указание абсурдно. Когда он возобновил чтение

лекций — несмотря на вопли журналистов и студенческие протесты, — подонки продолжили систематически срывать занятия и даже нападали на него. За все это время Фил ни разу не потерял самообладания, ни разу не сорвался, — и самое главное, ни в чем не отступил от своих убеждений. С годами его противники отступили, заняв позицию озадаченного молчания, в то время как Фил продолжал публиковать высококлассные работы о расовых различиях.

С того момента как Фил вступил на запретное поле расовых исследований, финансирование его работ было прекращено, и он обратился за помощью к Фонду первопроходцев (Pioneer Fund)⁸. Гарри Вейер⁹, президент Фонда с 1958 года, оказал ему финансовую поддержку, что позволило осуществить самые лучшие исследования Филадельфии. Вполне естественно, что после тесного и плодотворного сотрудничества с Фондом Фил стал его президентом после смерти Вейера в 2002 году. На протяжении 10 лет он продолжал малозаметную, но бесценную работу

⁸ Фонд первопроходцев (Pioneer Fund) — американская некоммерческая организация, основанная в 1937 году американским миллионером Уиклиффом Дрейпером для «продвижения научных исследований в области наследственности и различий в человеческой природе». На протяжении десятилетий, несмотря на регулярные обвинения в расизме и пропаганде «превосходства белых», Фонд финансирует экспериментальные исследования в области эволюционной генетики, социальной психологии, антропологии. Среди получателей грантов Фонда ведущие американские, канадские и британские ученые, такие как Ганс Айзенк, Артур Дженсен, Томас Бушар, Линда Готтфредсон и др.

⁹ Гарри Вейер (1921–2002) — американский юрист, адвокат, партнер крупной юридической фирмы «Olwine, Connelly, Chase, O'Donnell & Weyher»; доцент факультета права Нью-Йоркского университета. Президент Фонда первопроходцев (1958–2002).

⁷ Раштон Дж. Филипп. Раса, эволюция и поведение. Взгляд с позиции жизненного цикла. М., 2011.

по предоставлению грантов на исследования в области расовых различий.

Фил также был тесно связан с «Американским возрождением»¹⁰. Не менее шести раз он выступал на ежегодных конференциях журнала, и неизменно его выступления были «гвоздем» программы. Во время его первого выступления в 1996 году восторженная аудитория не отпускала его еще в течение часа, после того как закончилось отведенное ему время. Фил отвечал на следовавшие один за другим вопросы в

своей фирменной манере, сочетавшей терпение, эрудицию и шарм. Позднее он сказал мне, что, несмотря на боль в ногах, он получил огромное удовольствие от доклада перед столь хорошо информированной аудиторией.

Фил дал согласие выступить на конференции, которую мы организовали в феврале этого [2012] года, но позднее отказался, сообщив, что опасается, что состояние здоровья не позволит ему путешествовать. Я знал, что он регулярно ложился в больницу в связи с болезнью Аддисона, которая подрывала его иммунную систему, но совсем не ожидал, что он уйдет от нас так быстро. Фил всегда был полон новых научных идей, и мне горько думать, что он уже не сможет воплотить их в жизнь.

Что бы ни говорили противники Фила (а мы хорошо знаем, что они скажут), те из нас, кто удостоился чести быть его другом, знают, что в первую очередь Фил был искателем истины. Он всегда заботился о качественной стороне своих исследований, а не о том, соответствуют ли они его или чьим-либо еще теориям.

Несомненно, что его ненавидели именно из-за приверженности научной истине. Тот, кто не подвергался клевете со стороны прессы, кого не «разоблачали» «ученые», кто не испытывал нападений «антирасистов» или не видел, как его избегают коллеги, — тот не знает, какого мужества стоило выдерживать этот пресс год за годом. Фил Раштон правил свой путь прямо сквозь бурю и делал это с несравненным достоинством. Как человек он был личностью с твердыми убеждениями, как ученый — блестящим исследователем. Его уход — огромная потеря для всего нашего мира.

*Перевод с английского
и комментарии Кирилла Титова*

¹⁰ «Американское возрождение» (American Renaissance) — ежемесячный журнал, выходящий с октября 1990 по январь 2012 г.; ныне бумажное издание полностью заменено одноименным интернет-сайтом. Идеология издания описывается его создателями (Джаред Тейлор и Генри Вулф) как «расовый реализм» и «интеллектуальный национализм»; последние годы политическим идеалом издателей является создание в перспективе на Североамериканском континенте самостоятельного «этногосударства» для американцев европейского происхождения. Под эгидой «Американского возрождения» проводятся ежегодные конференции, посвященные проблемам демографии, иммиграции, этнических и расовых конфликтов в США и в Западном мире в целом. Среди докладчиков на прошедших за последние годы мероприятиях были политики-националисты (Бруно Гольниш, Ник Гриффин, Эшли Моут и др.), ученые (Ричард Линн, Франк Эллис, Майкл Харт, Дж. Ф. Раштон и др.), публицисты и общественные деятели (Лоренс Остер, Франк Борзильери, Роберт Вайсберг и др.). Высокий интеллектуальный уровень дискуссии и добросовестность полемики постоянно привлекают внимание ко всем мероприятиям «Американского возрождения». Неизменным остается серьезный уровень докладчиков ежегодных конференций, при том, что для многих ученых, преподавателей и журналистов участие в конференции «Американского возрождения» оканчивалось увольнением и травлей в печати (Франк Эллис, Роберт Вайсберг и др.).

Василий Молодяков

Мэйдзи исин. ЯПОНСКАЯ КОНСЕРВАТИВНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

ДУХОВНЫЕ И ИДЕЙНЫЕ ОСНОВЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ

1.

Ни одно исследование полусторолетнего процесса модернизации Японии не обходится без рассуждений о «наследии Мэйдзи» или «мэйдзийской модели развития» как основе данного процесса. Речь идет не только о богатом событиями 45-летнем периоде правления императора Мэйдзи (Муцухито; 1867–1912), но прежде всего о поворотном пункте новой истории Японии — *Мэйдзи исин* (1868 г.), что в отечественной историографии принято переводить как «реставрация Мэйдзи». Изучение ее причин, сущности и характера дает нам ключ к ответу на большинство спорных вопросов, относящихся к позднему периоду японской истории, вплоть до наших дней. Однако вопрос о ее сущности в полной мере не получил ответа до сих пор, хотя о *Мэйдзи исин* написаны тысячи книг и десятки тысяч статей в разных странах мира, на разных языках и с разных точек зрения.

Казалось бы, все уже сказано и трудно прибавить что-то принципиально новое. События изучены с изрядной, если не исчерпывающей полнотой в своих материальных аспектах: политическом, экономическом, социальном и собственно историографическом. Однако *духовные* аспекты *Мэйдзи исин* в российской, да во многом и в зарубежной науке или игнорировались вовсе, или рассматривались с сугубо материалистической точки зрения. Автор глу-

боко убежден, что такой подход чреват серьезными ошибками даже применительно к индустриальным странам, не говоря о традиционных обществах (каковым во многом оставалась Япония к моменту *Мэйдзи исин*), где сакральные ценности имеют первостепенное, определяющее значение как для элиты, так и для всего общества в целом, т.е. и для лидеров, и для рядовых участников событий.

Проблемы с интерпретацией *Мэйдзи исин* начинаются с перевода термина *исин*. Если следовать значению иероглифов, составляющих слово *исин*, то *и* — «связывать» (в сочетаниях), как определяет его лучший отечественный иероглифический словарь Н.И. Фельдман-Конрад; иероглиф *син* (*атарасий*) имеет значение «новый» и трудностей в переводе и трактовке не вызывает. Тот же словарь переводит *исин* как «обновление» (!) с пометой «ист[орический термин]» в словосочетаниях к иероглифу *и*¹. Так что расхожий перевод слова *исин* как «реставрация» в данном случае принадлежит историкам, а не филологам, и лишь отражает взгляды конкретных интерпретаторов событий. Примечательно, что в стандартном японско-русском словаре, рассчитанном на массового читателя и выдержавшем много изданий, в ка-

¹ Фельдман-Конрад Н.И. Японско-русский учебный словарь иероглифов. М., 1977. С. 466.

честве перевода слова *исин* уравниваются без каких-либо оговорок и пояснительных помет значения «реставрация» и «обновление», которые в русском языке едва ли возможно признать синонимами².

Понятие «обновление» как устойчивый перевод слова *исин* в российской историографии не присутствует, будь то в силу идеологических или филологических соображений. Парадоксальным образом *исин* переводится как «реставрация» и одновременно трактуется как «революция», что с точки зрения здравого смысла звучит странно. Наибольшие возражения применительно к *Мэйдзи исин* вызывает историографический термин «реставрация», поскольку он традиционно и вполне корректно применяется к событиям принципиально иного характера, ассоциирующимся с понятием «реакция». Классический пример — реставрация власти династии Бурбонов во Франции в 1814 г., когда на смену динамичной, экспансионистской, в некоторых отношениях революционной, хотя и недолговечной наполеоновской империи пришел практически в неизменном виде прежний «ancien régime», сокрушенный революцией 1789 г. Искусственно «реставрированный» при военно-политической поддержке извне, новый режим Бурбонов оказался недолговечным, причем жизнеспособности ему не смог придать даже «режим наибольшего благоприятствования» со стороны держав Священного союза.

Проводя четкую границу между «реакционером» и «консерватором», идеолог германской консервативной революции А. Мёллер ван ден Брук так охарактеризовал «реакцию» в книге «Третья Империя» (1922): «Реакционер воображает, что единственное, в чем мы нуждаемся, — это вернуться к старому, сделать все в точности “как это было раньше”. У него нет ни малейшего же-

лания примириться с новым. Он верит, что если только получит в свои руки политическую власть, то без труда переустроит мир в соответствии со старыми добрыми схемами»³. Ни малейшего сходства с *Мэйдзи исин*, творцы которой как раз «примирились с новым» и провели ускоренную модернизацию страны, здесь нет.

Значит, «революция»? Проанализировав способы и темпы мэйдзийских преобразований, мы можем с уверенностью заключить: да, революция — в противоположность «эволюции» как процессу постепенных перемен, не сопряженному с радикальным насильственным изменением status quo. Но какая революция? Именно здесь содержится наиболее важный момент рассматриваемой проблемы. Неверной представляется распространенная до недавнего времени в отечественной (и частично в зарубежной) историографии трактовка *Мэйдзи исин* как «незавершенной буржуазной революции». Ее авторы некритически приложили к Японии «стандартную» европейскую модель буржуазной революции, вроде Великой французской революции или революций 1848 г., и увидели, что, при кажущемся сходстве, *Мэйдзи исин* не сделала многого из того, что ей «положено» было сделать по схеме, и в то же время совершила немало «реакционного», например, провозгласив возвращение полноты власти императору и опору на традиционную национальную религию Синто. Трудно представить себе более несхожие по своей духовной сути процессы, чем традиционалистская *Мэйдзи исин* и подчеркнутая антитрадиционалистская и атеистическая Великая французская революция (то же относится к петровским преобразованиям в России, с которыми нередко сравнивали *Мэйдзи исин*), пусть даже между ними найдется формальное сходство, в том числе применитель-

² Лаврентьев Б.П. Карманный японско-русский словарь. М., 1989. С. 37.

³ Moeller van den Bruck. Germany's Third Empire. London, 1933. P. 179.

но к последующей модернизации. Главное в том, что революции никогда и нигде не происходят по схемам.

«Революция совершается только в “дряхло” обществе, закосневшем и потерявшем свою политическую и социальную энергию, свою жизнь, — писал более двадцати лет назад А.Г. Дугин. — Революция в этимологическом смысле означает “воз-вращение”, “обращение”»⁴. К *Мэйдзи исин* данная характеристика вполне применима. Здесь как раз присутствует сочетание «связи» и «новизны», на которое указывают значения иероглифов, составляющих слово *исин*.

В японском языке существует еще и слово *какумэй*, используемое для передачи европейского понятия «revolution» — антитрадиционалистских буржуазных революций. Оно было заимствовано из Китая, где, в конфуцианской традиции, обозначало насильственный переход «Мандата Неба» от одного императора к другому, что отвергалось японской традицией, основанной на «непрерывности в веках» (*бансэй иккэй*) единой императорской династии. Таким образом, к «воз-вращению» или «обновлению», тем более к «обновлению через возвращение» («революция»—*исин*) понятие *какумэй* отношения не имеет. Более того, в массовом сознании современных японцев оно ассоциируется с идеологией и практикой леваков-экстремистов, поэтому возникает тенденция замены этого «жесткого» термина более нейтральным и «космополитическим» словом *риборюсён*, которое, как и все заимствованные иностранные слова, записывается слоговой азбукой *катакана*.

В японской историографии термин *какумэй* крайне редко применялся к событиям *Мэйдзи исин* и «прав гражданства» в этом качестве не получил. Точно так же термин *исин* не использовался для характеристики револю-

ций или иных событий, происходивших за пределами Японии. Определяя в 1933 г. разницу между этими понятиями, философ-традиционалист Фудзисава Тикао⁵ указывал на «строгое разграничение между внешней революцией (*какумэй*) и внутренним обновлением (*исин*)». Первая сводится к «радикальному изменению существующего политического режима и экономической структуры, практически не затрагивая материалистическую ментальность современного человека», а вторая «духовно ведет нас к древнему моральному идеалу». «Восстановление императорского правления на заре эры Мэйдзи было не столько политической революцией, как полагали многие на Западе, но *сугубо духовным обновлением* (выделено мною. — В.М.); на первое место было поставлено возвращение к самому началу нашей империи, созданной первым императором Дзимму»⁶. Мёллер ван ден Брук тоже выделял духовный аспект в отношении к революции консерватора — в противоположность сугубо политической, материалистической позиции как реакционера, стремящегося механически «подморозить» существующую систему, так и революционера, ориентированного на ее разрушение «до основания»⁷.

Далекий от какого бы то ни было радикализма и бывший скорее реакционером, нежели консерватором, Фудзисава сознательно преуменьшал революционный характер *Мэйдзи исин*, чтобы противопоставить ее иностранным революциям, как буржуазным, так и коммунистическим. Следует также помнить, что он обращался к ан-

⁵ Все японские имена собственные приводятся в соответствии с принятым в Японии порядком — сначала фамилия, потом имя — и не склоняются.

⁶ Some Fundamental Traits of Japanese Culture (1933) // *Fujisawa C.* The Essentials of the Japanese and Oriental Political Philosophy. То-кью. [1934]. P. 301–302.

⁷ *Moeller van den Bruck.* Op. cit. P. 180.

⁴ Дугин А. Консервативная революция. М., 1993. С. 337–338.

гоязычному, иностранному читателю, стремясь, с одной стороны, дать событиям «аутентичную» оценку в качестве авторитетного японского мыслителя, а с другой — перевести и интерпретировать понятия *исин* и *какумэй* в терминах, доступных не-японцам. В этом Фудзисава следовал ведущим национальным интерпретаторам модернизированной мэйдзийской Японии для «цивилизованного мира» Окакура Какудзо («Пробуждение Японии», «Идеалы Востока») и Нитобэ Инадзо («Бусидо», «Япония и ее народ»). Однако было бы несправедливо объяснять трактовку Фудзисава исключительно соображениями пропаганды. В ней есть несомненное рациональное зерно, потому что для японцев понятие *какумэй* подчеркивает не только сугубо материальную, политическую сторону происходящих перемен, но их изначально насильственный и не вполне естественный характер, в то время как понятие *исин* должно обозначать логичный и естественный результат хода истории, хотя определяемые им переменны имеют радикальный характер и по необходимости сопряжены с насилием.

Трактовка *Мэйдзи исин* как революции — в противоположность «реставрации» или «эволюции» — нуждается в уточнениях, потому что тоже может привести к ошибкам. Революционный и модернизаторский характер имели преобразования и стоявшие за ними идеи Петра I («Великий Петр был первый большевик», — парадоксально, но прозорливо заметил М. Волошин) и Робеспьера, Маркса и Ленина. Однако все эти деятели исходили не только из разрушения прежнего порядка «до основания», но — за исключением Петра, склонного к некритическому копированию европейских образцов, — и из идеи создания нового, доселе небывалого порядка (общества, государственного строя и т.д.), не имевшего аналогов в истории человечества. В противоположность им *Мэйдзи исин* не просто разрушила находившийся в си-

стемном кризисе токугавский «ancien régime», но заменила его жизнеспособной «мэйдзийской моделью развития», основанной на органическом сочетании национальных традиционных духовных основ с новейшими иностранными методами и технологиями. Автор настоящей работы еще в 1993 г. предложил и обосновал трактовку *Мэйдзи исин* как *консервативной* революции⁸. Добавлю, что ведущий идеолог японского национального социализма первой половины XX в. Окава Сюмэй (1886–1957), считавший главной задачей «построение революционной Японии», в 1919 г. еще употреблял в этом словосочетании термин *какумэй*, а в 1925 г. и позднее — исключительно *исин*.

2.

Сущность консервативной революции заключается в разрушении имеющегося деградировавшего порядка революционным путем и в создании нового с опорой на Традицию, понимаемую как духовная и историческая константа, но существующую в разнообразных конкретно-исторических и национальных формах. В той или иной степени все теоретики консервативной революции исходили из представлений о деградации человеческого общества и цивилизации — от гармоничного сакрального «золотого века» прошлого к дисгармоничному, профанному «железному веку» современности. Возвращение к «золотому веку» они считали не только возможным, но необходимым, хотя он вернется в новом внешнем обличье, с учетом всех произошедших перемен. Поэтому консервативная революция не только не противоположна модернизации, но предполагает ее в материальной сфере — от технологий до политических институтов.

⁸ Молодяков В.Э. «Мэйдзи исин» — консервативная революция // Проблемы Дальнего Востока. 1993. №6; подробнее: Молодяков В.Э. Консервативная революция в Японии: идеология и политика. М., 1999.

В первой половине XVIII в., когда режим сёгуната Токугава, казалось, не нуждался ни в каких реформах, о себе заявила «школа национальных наук» (*кокугакуха*), учение которой стало одной из главных духовных и идейных основ *Мэйдзи исин*. Ее основоположник Када-но Адзумамаро (1669–1736) ввел в обиход термин «Древний Путь» (*кодо*), понимая под ним «путь государя и подданных и почитание законных, имеющих единую родословную императоров»⁹. Однако он, как и второй из «четырех столпов» школы Камо Мабути (1697–1769), больше занимался филологией и лингвистикой, нежели философией и идеологией. Лишь в последней четверти XVIII в. третий «столп» и виднейший теоретик *кокугакуха* Мотоори Норинага (1730–1801) оформил весьма неконкретное учение о «Древнем Пути» в полноценную традиционалистскую концепцию «Истинного Пути», «Пути Божества», приравняв эти понятия друг к другу и обозначая ими Синто в его «исконной», «первоначальной» форме, свободной от иностранных влияний и «наслоений». Как теоретик национальной идеи он подчеркивал исключительность положения и миссии Японии в мире: «Только в божественной стране, где правит император, суть этого Пути передается должным образом из поколения в поколение»¹⁰.

Мотивируя «избранность» Японии божественным происхождением страны и «непрерывностью в веках» ее императорской династии — непрерывность престолонаследия в традиционном обществе подчеркивает сакральный характер царской власти, — Мотоори настаивал, что все другие страны «должны почитать божественную стра-

ну и подчиняться ей, все в мире должны следовать ее истинному Пути». В то же время он признавал, что «Истинный Путь... един для всех стран», т.е. не является принадлежностью одной только Японии; просто другие страны утратили понимание «Истинного Пути», проповедуя вместо него «ложные». Одним из ключевых понятий философии Мотоори является «истинное сердце» (*магокоро*), понимаемое как воплощение «Истинного Пути» и Традиции. Разумеется, он говорил о *магокоро* прежде всего как о «японском сердце» в противоположность «китайскому сердцу» (*карагокоро*), но трактовал их больше в духовном, философском и этическом, нежели в сугубо этническом плане, видя подлинное величие японского *магокоро* в его универсальности. Несколькими десятилетиями позже его ученик Хирата Ацутанэ (1776–1843), последний из «столпов» школы, решительно утверждал, что *магокоро*, а следовательно, пониманием «Истинного Пути» обладают только этнические японцы, причем не в силу особых добродетелей, а по праву рождения и крови. Концепция «Истинного Пути» в трактовке Хирата сыграла ключевую роль в оформлении духовной стороны *Мэйдзи исин* и оставалась одной из основ национальной идеологии на протяжении всего периода Мэйдзи.

Достоинно внимания, что между 1793 и 1796 гг. русский современник Мотоори и Хирата, поэт и мыслитель П.А. Словцов, получивший православное духовное образование, но испытавший влияние европейского рационализма, написал оду «Древность», которая стоит особняком в истории как поэзии, так и философской мысли России¹¹. Выдвигая в качестве идеала «древность» («первоначальное время» в термино-

⁹ Цит. по: Михайлова Ю.Д. Мотоори Норинага. Жизнь и творчество. М., 1988. С. 39.

¹⁰ Трактат Мотоори Норинага «Драгоценная шкатулка для гребней» (Тама кусигэ) в переводе Ю.Д. Михайловой цит. по: Синто: путь японских богов. Т. II. Тексты Синто. СПб., 2002.

¹¹ Текст оды с историко-литературным комментарием, не затрагивающим ее философское содержание: Поэты 1790–1810-х годов. Л., 1971. («Библиотека поэта», большая серия).

логии М. Элиаде), он противопоставлял его одновременно уже отжившему «старому» и еще несовершенному «новому». В привычной оппозиции «старое — новое» религиозные и спиритуалистские традиции того времени (например, масонство) отдавали предпочтение «старому», а рационалистские учения — «новому». Слозцов отказался от этой оппозиции, становясь как бы над ней: в его трактовке «древнее» не просто старше, чем профанное «старое», но принципиально отличается от него, потому что оно исконно, вечно и имеет сакральное значение; по той же самой причине сакральное «древнее» принципиально отличается и от профанного «нового», которое по прошествии времени неизбежно превратится в профанное «старое». Иными словами, «древность» — «сакральное время», в противоположность профанному времени как «старого», так и «нового». До Слозцова (да и долгое время после него) никто в России не формулировал так четко традиционалистское видение мира. Полагаю, мы можем воспользоваться его формулой при описании духовного идеала *Мэйдзи исин*.

Следует вспомнить и статью Н.С. Трубецкого «У дверей. Реакция? Революция?» (1923): «Новаторство не в отказе от прошлого, а в отталкивании от непосредственного, недавнего прошлого, в перескакивании через него и в идеологическом примыкании к эпохам более отдаленным. Эти *очень древние* элементы (выделено автором. — В.М.), почерпнутые из глубин исторической памяти, оказываются новыми и революционными именно благодаря пересадке в новый контекст. <...> Элементы отдаленного прошлого, вырванные из исторической перспективы и пересаженные в новый для них контекст современности, начинают жить совершенно новой жизнью и становятся способны вдохновлять к подлинно новому творчеству. Следует отличать старое от древнего. <...> “Революция” (в смысле переворота в мирозерцании) отталки-

вается от непосредственного прошлого, она не может быть “реставрацией”, но не только может, а зачастую и стремится быть “возрождением” глубокой древности»¹². Как будто он читал Слозцова и думал о Японии... О событиях *Мэйдзи исин* Трубецкой действительно размышлял и писал, но оду «Древность» читать не мог. Она была впервые опубликована только в 1933 г., а подлинное имя ее автора (ранее она приписывалась А.Н. Радищеву) ученые установили лишь в 1968 г.

Важной новацией Хирата была окончательная политизация учения *кокугакуха*: подчеркивая свою лояльность режиму сёгуната, он сначала пытался заинтересовать власти своими теориями, а после неудачи подобных попыток начал осторожно проводить идеи «восстановления» императорской власти, за что подвергался преследованиям. Он же придавал большое значение количественному росту и консолидации рядов своих учеников, стремясь превратить школу в идейный и духовный авангард растущей контрэлиты. Эту работу завершил его приемный сын Канэтанэ, переживший *Мэйдзи исин* и сыгравший определенную роль в ее подготовке. Хирата же придал доктринам школы этнократический характер, хотя национальная ограниченность уживалась в его учении с прагматизмом. Это позволило ему не только сделать свои идеи популярными, но и превратить их в мощный фактор духовного, а затем и политического воздействия. Выдающийся историк японской мысли Мураока Цунэцугу писал о сходстве и различии двух «столпов» *кокугакуха*: «В случае Хирата ситуация была несколько иной. Уже приближался конец эры Токугава, заря новой Японии была неизбежной, и все находилось в много большем напряжении. Да и личность Хирата отличалась от личности Мотоори — Хи-

¹² Трубецкой Н.С. История. Культура. Язык. М., 1995. С. 324–325.

рата был более ориентирован на политику, амбициозен и страстен»¹³.

Чьи интересы выражала *кокугакуха*? Какова была ее социальная база, кто ее поддерживал? При всей ориентации на философские и метафизические проблемы, «школа национальных наук» стала мощным фактором не только духовной, но социальной и политической жизни поздне-токугавской Японии. Движущей силой исторического действия являются классы, но массовому действию неизбежно предшествует интеллектуальная и организационная работа одиночек, потому что большие группы на это не способны. Наряду с элитой существует «контр-элита», типологически идентичная ей, но находящаяся в оппозиции. В критические периоды истории происходит смена элит и, соответственно, смена идеологий, но само фундаментальное соотношение «элита–массы» остается неизменным. Контр-элита противопоставляет себя правящей элите как организационно, так и идеологически, причем идеологическая, духовная оппозиция — с виду более безобидная — обычно формируется раньше. Можно заключить, что *кокугакуха* была типичной идейной (а в некоторых отношениях уже и организационной) оппозицией режиму сёгуната с его опорой на неоконфуцианство и стремлением к автаркии, к «подмораживанию» структур и порядков, отживших свой век. Разумеется, нельзя выводить *Мэйдзи исин* только из учения «школы национальных наук», но оно вкупе с возрождавшимся Синто стало ее духовной, идеологической и пропагандистской основой.

Другой идейной основой *Мэйдзи исин* стала философия «почитания императора» (*сонно*), сформировавшаяся в XVII в. в трудах Кумадзава Бандзан и Ямадзаки Ансай. В противоположность конфуцианским и неоконфуцианским теориям «Мандата Неба»

(Хаяси Радзан, Муро Кюсо и др.), призванным оправдать лишение императора политической и административной власти и легитимность государственной системы сёгуната, эти мыслители принципиально отделяли императора от всех живых людей, идентифицируя его с Небом. Философ Вацудзи Тэцуро писал: «Император не является Сыном Неба, который получает Мандат Неба; он — само Небо, которое дает этот мандат»¹⁴. К 1760-м годам эти идеи не только широко распространились среди образованного сословия, но и приобрели конкретную политическую окраску как выражение — порой весьма откровенное — оппозиции сёгунату. Наиболее «горячие головы», вроде казенного в 1767 г. Ямагата Дайни, даже заговорили о возможности насильственного «возвращения» императору должной полноты власти. Эти события пришлось на годы молодости Мотоори, но сам он дистанцировался от оппозиционной политики и считал нужным декларировать приверженность существующему режиму. Был ли он искренен или опасался за свою школу и свободу пропаганды своих идей? Во всяком случае, основания для подобных опасений у него имелись.

В вопросе о социальной базе «школы национальных наук» важен и другой момент. Будучи учением элитарным (хотя эта элита и находилась в оппозиции), идеи школы, тем не менее, нашли распространение в неаристократических кругах, хотя сам Мотоори стремился внедрить их именно в среду киотоской аристократии, окружавшей императора и враждебной эдоскому сёгунату. Разумеется, в ряды школы активно вливались представители аристократических и самурайских родов, потерпевших поражение от клана Токугава в борьбе за объединение Японии и стремившихся к реваншу. Вопрос о роли императора

¹³ Muraoka T. Studies in Shinto Thought. Токио, 1964. P. 243

¹⁴ Вацудзи Тэцуро. Сонно сисо то соно дэнто (Философия «почитания императора» и ее традиции). Токио, 1943. С. 217–218.

имел для *кокугакуха* прежде всего сакральное и духовное значение, хотя его использование в политической борьбе было вполне закономерным. Однако лишь 14% ее учеников принадлежали к высшему сословию¹⁵. Что касается остальных — абсолютного большинства — то это горожане, священнослужители, зажиточные крестьяне и, наконец, купцы, стоявшие на самой нижней ступени тогдашней социальной иерархии *си-но-ко-сё* (самураи — крестьяне — ремесленники — торговцы). Реальная роль, реальное (в том числе финансовое) могущество этих слоев не соответствовало их официальному статусу, в то время как возглавлявшие сословную лестницу самураи постепенно теряли свое привилегированное положение. Оппозиционное по сути и по духу, учение *кокугакуха* не могло найти широкой поддержки в самурайской среде, тем более что оно выступало с достаточно резкой критикой конфуцианской этики, считая ее застывшей и уже не соответствующей времени и ситуации.

В пропагандистской и просветительской работе «школа национальных наук» как подлинная элита стремилась дать массам свое учение в виде окончательно отработанного и понятного каждому императива, поскольку именно в такой форме идеи наилучшим образом усваиваются массами. Путь идей *кокугакуха* был весьма долог и труден, но завершился самым значительным в новой истории Японии национальным духовным подъемом. Что касается вопроса об «антифеодальном» характере учения *кокугакуха* (на чем историки ранее обязательно акцентировали внимание), то он в данном контексте представляется второстепенным. Выступая в качестве контр-элиты, «школа национальных наук» объективно была про-

тивником феодального режима *бакуфу*, но ставила целью тотальное возрождение Традиции, а не борьбу с феодализмом. На определенном этапе интересы сил, преследовавших эти цели, совпали.

3.

Обратимся к еще одной духовной и идейной основе *Мэйдзи исин* — концепции *кокутай* (дословно «тело государства»). Это труднопереводимое понятие наиболее точно можно передать по-русски как «государственный организм». В первой половине XIX в. данная концепция стала основой философии «школы Мито» (*Мито гакуха*), позднее — официальной идеологической и правовой доктриной мэйдзийской Японии. «Школа Мито», получившая название по месту своего формирования (провинция Мито в нынешней префектуре Ибараки), была менее оригинальной в философском отношении, нежели *кокугакуха*, но столь же контрэлитарной и более политически активной. Формально конфуцианская, но впитавшая многое из традиции Синто и философии *кокугакуха*, «школа Мито» является примером синтеза двух основных идейных тенденций позднетокугавской эпохи.

«В Японии веками складывалось представление о государстве как сложном *организме* (выделено мною. — В.М.), континууме, жизнь которого обусловлена определенным типом связи всего со всем. Все связывалось воедино не законоположениями и не конституцией, а Небом, т.е. законами самой природы, реализованными в конкретных этических принципах»¹⁶. Имеющиеся в русской литературе переводы термина *кокутай* «национальная сущность» или «сущность государства» описательны и обедняют его значение: *кокутай* действительно является сущностью традиционного японского государ-

¹⁵ Михайлова Ю.Д. Мотоори Норинага и «школа национальных наук» // Из истории общественной мысли Японии XVII–XIX вв. М., 1990. С. 107.

¹⁶ Григорьева Т.П. Японская художественная традиция. М., 1979. С. 71

ства, но в чем состоит эта сущность, непонятно.

Согласно учению «школы Мито» во главе с Аидзава Сэйсисай (1782–1863), *кокутай* — специфически японская государственная общность, объединяющая императора (первосвященника Синто и сакрального вождя), японский народ (потомков Аматаэрасу-омиками) и собственно Японские острова (творение божеств Идзанаги и Идзанами), мир живой природы вне богов и людей, поскольку принципиально не-живой природы в Синто нет, как и в большинстве восточных традиций. Это совпадает не только с присущими традиционалистским эзотерическим учениям «триадами» «дух — душа — тело», но и с «тремя сферами» в «Чертеже Неба и Земли», составленном учеником Мотоори Хаттори Накацунэ и включенном в комментарии учителя к мифоисторической хронике «Кодзики» («Записи о делах древности», 712 г.) — «священному писанию» Синто.

Формированию такого миропонимания способствовали гомогенность японцев, почти два столетия самоизоляции и фактор островного положения — географическая замкнутость и геополитическая завершенность Пространства, имеющего как политико-географическое, так и сакрально-географическое значение. Важность последнего для традиционного сознания японцев очевидна уже из поэтической антологии VII в. «Манъёсю» и других древних текстов. Тогда Японии было легче, чем, пожалуй, любой другой стране, осознать себя именно единым «организмом». Поэтому я считаю «государственный организм» наиболее адекватным переводом *кокутай*.

Напомню, что учение о государстве как едином целом, как организме высшего порядка, рождающемся, живущем и умирающем по своим законам, — «органическая теория государства» — доминировало в германской политической мысли с конца XVIII в. В Японии концепция *кокутай* сформировалась

независимо от европейских теорий, но их внутреннее сходство несомненно. Принципиальная разница заключалась в следующем: европейская «органическая теория государства» претендовала на универсальность, на пригодность для всех государств и эпох всемирной истории, в то время как теория *кокутай* говорила о специфически японском феномене, уникальном и неповторимом, почему данный термин иногда переводят описательно «уникальная японская государственная сущность». Иными словами, эта теория как бы отказывала другим государствам в праве на «органичность», видя в них лишь «механизмы».

Как отмечали многие интерпретаторы и исследователи концепции *кокутай*, она была вызвана к жизни необходимостью идейного обоснования возвращения императору всей полноты не только духовной, но и реальной, политической власти в стране. В период сёгуната император утратил не только политическую власть, но уже не мог претендовать и на роль сакрального, харизматического лидера нации и государства, что являлось существенным отступлением от Традиции. Позднейшая фаза развития идеологии «школы национальных наук» в творчестве Хирата и его учеников и возникновение учения о *кокутай* в «школе Мито» в первой половине XIX в. поставили во главу угла вопрос о восстановлении полноты императорской власти, имея в виду не только сугубо политическое, но и сакральное измерение, связанное с Синто¹⁷. Практическим воплощением

¹⁷ См. подробнее книги Хага Нобору: 1) Бакумацу кокугаку-но тэнкай (Эволюция «школы национальных наук» в период бакумацу). Токио, 1963; 2) Хэнкакуки-ни окэру кокугакуха («Школа национальных наук» в эпоху перемен). Токио, 1975; 3) Исин-о мотоэмэтэ (В поисках «обновления»). Токио, 1976; 4) Бакумацу кокугаку-но кэнкю (Исследование «школы национальных наук» периода бакумацу). Токио, 1980.

этого стала *Мэйдзи исин*, в идеологическом каноне которой «столпы» обеих школ заняли важное место и были удостоены «персональных» синтоистских храмов, в которых им поклонялись как божествам *ками*.

Ведущим официальным теоретиком и интерпретатором *кокутай* в эпоху Мэйдзи стал юрист и философ Ходзуми Яцука (1860–1913), наследник японской традиционалистской идеологии и консервативной германской школы права. На протяжении всей научной, педагогической и административной деятельности он, по существу, решал один вопрос: как перевести метафизические категории вроде *кокутай* на язык строгих юридических понятий, совместимых с «духом времени» и применимых не только в Японии, но и в «цивилизованном мире» за ее пределами. Подобно представителям «школы национальных наук» и «школы Мито», Ходзуми никогда не сомневался в божественном происхождении японского императорского дома от *Аматэрасу-омиками* или в «непрерывности в веках» императорской династии. Испытав влияние «органической теории государства», он признавал, что «жизнь и смерть государств есть общественный факт»¹⁸, но не относил этого к Японии.

В отличие от теоретиков *Мито гакуха*, Ходзуми применял термин *кокутай* ко всем странам, но говорил о разности характера *кокутай* в зависимости от конкретного государства (как раз в данном случае это понятие можно переводить как «сущность государства»). Согласно его теориям, *кокутай* Японии был не только наиболее совершенным, но уникальным и вечным — в силу божественного происхождения. Основной *кокутай* Японии он считал Синто и выделял в нем «почитание предков», ощущение постоянной мистической связи с ними, которое обеспечивает национальное и расовое единство япон-

цев. Его старший брат Ходзуми Нобусигэ (1855–1926), также известный юрист, посвятил отдельную книгу теме «Почитание предков и японское законодательство», причем написал ее по-английски, для иностранного читателя. В ней он проводил мысль, что Синто, представляющий собой не столько религиозное, сколько духовное, этическое и социальное почитание предков, испокон веков является основой японской цивилизации, как и многих других¹⁹.

Братья Ходзуми были едины в том, что *кокутай* и почитание предков не только совместимы с современным правом как наукой и практикой, но в случае Японии являются их важнейшей, если не единственной, основой: «Предок моих предков — *Аматэрасу-омиками*. Она — основательница нашей расы, а (императорский. — В.М.) трон — ее священный дом. Если мы почитаем отца и мать, то насколько больше мы должны почитать наших предков; если мы почитаем предков, насколько больше мы должны почитать основателя нашей страны! <...> Отец и мать — наши предки, живущие сегодня; император — *Аматэрасу-омиками*, живущая сегодня»²⁰. Оба соединяли традиционные (еще конфуцианские!) идеалы сыновней почтительности и повиновения внутри семьи с представлением о народе и государстве как единой национальной семье с императором-«отцом» во главе; божественные предки императора становились общими предками всей нации²¹. Постулируя божественное происхождение императорского дома, братья Ходзуми фактически выводили его за рамки права: следуя традицион-

¹⁹ Hozumi Nobushige. Ancestor-Worship and Japanese Law. Tokyo, 1912 (особенно Part I. Ch. II).

²⁰ Ходзуми Яцука. Кокумин кёйку. Айкокусин (Национальное воспитание. Патриотизм). Токио, 1897. С. 4–5.

²¹ Ходзуми Я. Кэмпо тейё. Т. 1. С. 186; Hozumi N. Op. cit. Part II; Part III. Ch. III–IV.

ным концепциям «почитания императора», видели в нем не «Сына Неба», но «Само Небо», т.е. источник права, а не его объект. Это стало предметом серьезных философских и юридических дискуссий, а затем ожесточенной идеологической и политической борьбы в 1920–1930-е годы, что уже выходит за рамки нашего исследования.

4.

К началу периода *бакумацу* («конец бакуфу»), исчисляемому в японской историографии с 1854 по 1867 г., режим Токугава переживал тотальный системный кризис, который уже не мог быть преодолен путем реформ сверху (пример — неудача политики регента Ии Наосукэ, убитого представителем радикальной оппозиции в 1859 г.), т.е. без радикальной смены элит. Не могло более продолжаться и насильственное «самозакрытие страны» (*сакоку*), хотя и не имевшее абсолютный характер. Экономическое положение не было настолько безнадежным, чтобы стать непереносимой причиной революции, но и оно сыграло свою роль, поскольку экономика тоже находилась в кризисе.

«Верхи» (правящая элита) уже «не могли»: не могли противостоять иностранной экспансии военной силой; не могли полностью подчинить себе местных феодалов (*даймё*) и добиться подлинной, а не только формальной централизации; не могли изолировать японцев (прежде всего аристократию и торговцев) от внешнего мира; не могли добиться единомыслия и повиновения в духовной и религиозной сфере. Что касается «низов», они были выведены из игры и самостоятельного участия в политических событиях почти не принимали. Назревала смертельная схватка, но не между «верхами» и «низами», а между одряхлевшей бюрократической элитой и молодой, интеллектуальной, традиционалистской контр-элитой, то есть между «верхами» и «верхами».

К этому времени в Японии сформировалась, прежде всего на базе «шко-

лы национальных наук» и «школы Мито», дееспособная духовная и политическая контр-элита, национально-ориентированная и имевшая модернизаторскую программу действий в кризисных условиях. Понимание главных целей и задач было единым, хотя по частным вопросам имелись существенные разногласия, усугубляемые борьбой за власть внутри самой контр-элиты. Творцы *Мэйдзи исин* осознавали неизбежность как взаимодействия с «цивилизованным миром», от которого Япония в материальном и технологическом отношении заметно отстала, так и проведения революционных, модернизаторских преобразований в качестве единственной возможности выстоять под давлением извне. Духовной основой этих преобразований они сделали возвращение к интегральной Традиции.

История и содержание мэйдзийских преобразований хорошо известны и описаны в литературе, что избавляет от необходимости пересказывать их. 3 января 1868 г. 15-летний император, годом раньше занявший престол после смерти отца (церемонии интронизации еще не было) под девизом «Мэйдзи» — «просвещенное правление», объявил о восстановлении прямого императорского правления и ликвидации системы сёгуната, что и явилось актом *исин*. За этим последовало учреждение новой системы высшего государственного управления, разработанной реформаторами. На очереди было программное заявление, каковым стала принесенная 14 марта 1868 г. «Высочайшая клятва в пяти статьях». Окончательный вариант составил идеолог реформ Кидо Такаёси — сторонник «восстановления» власти монарха и проведения модернизации:

«Будут созданы общественные собрания, и решение всех государственных дел будет определяться общественным обсуждением.

Все сословия, высшие и низшие, должны объединиться в старательном выполнении планов правительства.

Всем сословиям будет позволено

удовлетворить свои справедливые чаяния, дабы не было недовольства.

Дурные обычаи прошлого будут уничтожены, новые обычаи будут основаны на справедливых законах Неба и Земли.

Познания будут заимствоваться у всего мира ради достижения благополучия Империи»²².

Клятва была принесена перед лицом «божеств Неба и Земли», в присутствии князей и их вассалов, поставивших под ней свои подписи, и полностью вошла в новый указ о государственном устройстве. В переводе на практический язык она означала создание представительных органов власти, ликвидацию сословий и сословных ограничений, модернизацию общества и «открытие» страны. Техническая модернизация началась немедленно, причем с использованием иностранных специалистов: в 1868 г. из Европы привезен первый современный печатный станок; в 1869 г. проведена первая телеграфная линия; в 1870 г. начато консервное производство; в 1871 г. спущено на воду первое металлическое судно и создана национальная почтовая система; в 1872 г. введена в эксплуатацию первая железная дорога; наконец, в 1873 г. принят григорианский календарь²³. Политических реформ пришлось ждать более двадцати лет: конституция была «дарована» в 1889 г., парламент созван в 1890 г., всеобщее избирательное право для мужчин введено в 1925 г. и впервые использовано на выборах 1928 г.

Не менее важные события произошли за день до принесения клятвы юным императором. 13 марта 1868 г. его указ

оформил восстановление «единства ритуала и управления» (*сайсэй итти*), причем со ссылкой на первого, легендарного императора Дзимму. Это было не только политическим актом, но и возвращением к древнейшему сакральному принципу единства светской и духовной власти, царских и жреческих функций — основе любого традиционного общества. Понимание единства ритуала и управления было присуще Синто на протяжении всего исторического периода его существования. Так, от глагола *мацуру* происходит не только ключевое для обрядности Синто понятие *мацури* (исполнение ритуала; почитание божеств *ками*; отправление культа), но и *мацуригото* (исполнение надлежащих действий; управление; служба)²⁴. Следует вспомнить слова Р. Генона: «Социальный уровень ни в коем случае не может стать той областью, с которой должно начаться исправление актуального положения дел в современном мире. Если бы все же это исправление началось именно с социальной сферы, с исправления следствий, а не причин, оно не имело бы никакого серьезного основания и, в конце концов, оказалось бы очередной иллюзией. Чисто социальные трансформации никогда не могут привести к установлению истинной стабильности»²⁵.

Лидеры *Мэйдзи исин* понимали это и позаботились о сакрализации своих преобразований — включая те, которые имели светский, «земной» характер, — потому что «истинная власть приходит всегда сверху, и именно поэтому она может быть легализована только с санкции того, что стоит выше социальной сферы, то есть только с санкции власти духовной»²⁶. Не случайно первым практическим воплощением восстанов-

²² Перевод автора статьи. Существует несколько русских переводов клятвы (например: История Японии. Т. 2. М., 1998. С. 31), порой значительно отличающихся друг от друга.

²³ Подробный список за весь период Мэйдзи: Попов К. М. Япония. Очерки развития национальной культуры и географической мысли. М., 1964. С. 306–310.

²⁴ 'Matsuri' and 'Matsuri-goto': Religion and State in Early Japan // Kitagawa J. M. On Understanding Japanese Religion. Princeton, 1987.

²⁵ Генон Р. Кризис современного мира. М., 1991. С. 70

²⁶ Там же. С. 74

ленного принципа *сайсэй итти* стала церемония принесения «модернизаторской» «Высочайшей клятвы в пяти статьях» «в присутствии» божеств. Она «была проведена по предложению приверженцев “школы Мито”, сославшихся на то, что Япония является “страной богов”, а поэтому их следует держать в курсе всех важных политических событий в жизни страны»²⁷.

С этого времени император Мэйдзи регулярно «отчитывался» перед божественными предками о своих «земных» делах. В годы Второй мировой войны американский журналист Х. Байес (этот японофоб и антитрадиционалист прозорливо назвал *Мэйдзи исин* «restoration-revolution») писал о его внуке, императоре Сёва: «Хирохито никогда не является императором японцев в более подлинном смысле, нежели тогда, когда он перед алтарем в облачении священника молится их богам. Пожалуй, то, что он может отправлять эти обряды, интересует японцев больше, чем то, что он может назначать и отстранять премьер-министров. Сочетание жреца и короля в одном лице — пережиток древнейших эпох человечества. У примитивных племен и в древних обществах король приносил жертвы богам. Двойная функция, бывшая всеобщей на заре общества, сохраняется ныне в одной лишь Японии»²⁸. Ему вторил исследователь Синто Дж. Холтом: «Старинная общинная форма религии, нормальная для Запада две тысячи лет назад, сегодня существует в Японии как мощная социальная и религиозная сила. <...> В этой стране общинная жизнь и религия до сих пор составляют одно целое»²⁹.

²⁷ Комафровский Г.Е. Государственный Синто // Синто. Путь японских богов. Т. 1. Очерки по истории Синто. СПб., 2002. С. 264.

²⁸ Byas H. Government by Assassination. N. Y., 1942. P. 316.

²⁹ Holtom D.C. Modern Japan and Shinto Nationalism. A Study of Present-Day Trends in Japanese Religions. N. Y., 1947. P. 1–3.

Байнес и Холтом видели в этом признак «отсталости» и «примитивности». Напротив, Ю. Эвола считал следование принципу единства ритуала и управления залогом верховной Гармонии: «Это понимали люди древности, когда чтили во главе иерархии существ, королевская природа которых была сплавлена с *сакральной* (выделено автором. — В.М.) и временная власть которых была пронизана духовным авторитетом “более нечеловеческой” природы»; «традиционный сакральный король сам был существом божественной природы и относился к “богам” как к себе подобным; он был “небесного” рода, как и они, имел ту же кровь, как и они, и вследствие этого он был центром — утверждающим, свободным, космическим принципом»³⁰. В книге «Языческий империализм» (1927), откуда взяты эти слова, Эвола не упоминает о Японии, но многие его замечания подходят к ней.

Часть новой элиты попыталась превратить Синто — точнее, его философскую «версию», разработанную в первой половине XIX в. Хирата Ацутанэ и известную как *Хирата Синто*, — в полноценную государственную религию, преследуя при этом не только духовные, но также идеологические и политические цели. Другим императорским указом от 13 марта 1868 г. был возрожден Дзингикан — Управление по делам небесных и земных божеств, созданное в начале VIII в., но давно утратившее влияние и существовавшее лишь номинально. За этим актом стоял не кто иной как Хирата Канэтанэ, приемный сын и духовный преемник Ацутанэ. В результате проведенной в 1869 г. реформы государственного аппарата Дзингикан стал одним из важнейших органов власти наряду с Государственным советом и шестью министерствами, а в 1871 г. получил ранг министерства.

Развитием этой политики стали про-

³⁰ Эвола Ю. Языческий империализм. [М.], 1992. С. 7, 106.

ведение в августе 1869 г. заново разработанной синтоистской церемонии интронизации императора, официальное введение летосчисления «от основания Японской империи» (т.е. с 660 г. до н.э.), объявление всех синтоистских храмов местами проведения государственного ритуала, а также опубликованный еще 28 марта 1868 г. указ о разделении Синто и буддизма, положивший конец многовековому существованию синто-буддийского синкретизма. То, что это было сделано в самом начале преобразований, в соседстве с первыми шагами к «открытию» (в 1873 г. отменен запрет христианства), интернационализации и модернизации, говорит о консервативно-революционном характере *Мэйдзи исин*, а не о ее «недоделанности» с точки зрения европейских канонов. Украинский теолог А.А. Накорчевский вообще определил *Мэйдзи исин* как «мистическую революцию»³¹.

Выполнить задуманное в полной мере не удалось: «теократия или идеократия не получилась». Сделавший этот вывод Мураока указал следующие причины неудачи, которой увенчались попытки сделать из *Хирата Синто* государственный культ: отсутствие в Синто цельной, единой, приемлемой для всех доктрины (*Хирата Синто* был только одним из многих учений, которое адепты других школ Синто подвергали резкой и убедительной для многих критике); разногласия в синтоистской среде (храмовое духовенство, теоретики «школы национальных наук», чиновники) по догматическим и административным вопросам, которые усугублялись столкновением личных амбиций; сопротивление буддистов и христиан (для японских «западников» христианство ассоциировалось с прогрессом, поэтому они решительно выступали против любого усиления Синто); несовместимость неизбежной вестернизации с утверждением «языческой» религии

в качестве государственного культа. Особого внимания заслуживает его вывод, сделанный в 1938 г., в расцвет «государственного Синто»: «Для *Хирата Синто* было безусловным несчастьем то, что он получил такое официальное признание и поддерживался политически. Из-за этой поддержки то философское и религиозное развитие, которое несомненно наличествовало, не смогло развернуться в полной мере и было прервано»³².

Уже в марте 1872 г. Дзингикан из «министерства Синто» был преобразован в министерство по делам религий, включавшее департамент по делам Синто. Через несколько лет последнее было упразднено, а его функции перешли к министерству внутренних дел, чиновники которого контролировали деятельность религиозных организаций; с 1913 г. по 1945 г. этим занималось министерство просвещения. Конституция Мэйдзи 1889 г. закрепила принцип свободы вероисповедания, а императорский Рескрипт об образовании 1890 г. провозгласил отделение религии от школы.

«При этом главная цель политики правящих кругов в области религии, а именно всемерное укрепление религиозного престижа императора с целью превращения его в непререкаемый политический авторитет, оставалась неизменной. В процессе решения этой кардинальной задачи что-то отпадало как анахронизм, что-то подвергалось модификациям под влиянием как либерального движения в стране, так и активизации контактов с внешним миром, в глазах которого Япония должна была предстать вполне современным государством. В итоге решение вопроса было найдено в форме выделения Синто из числа других религий в качестве государственного обряда. <...> Отсутствие у него разработанной догматики

³² Подробнее: Hirata Shinto and the Ideological Control of the Meiji Restoration // *Muraoka T. Studies in Shinto Thought*. Tokyo, 1964.

стало эффективно использоваться правящими кругами страны, которые наполняли обрядовую оболочку Синто содержанием по своему усмотрению и в зависимости от обстановки. Так Синто превратился в своеобразную государственную религию»³³.

«Государственный Синто» оказался действенным средством идеологической обработки и мобилизации масс, но был вполне профанным творением чиновников, священников и профессоров. Его судьба лишней раз доказывает губительность подчинения религии сиюминутным политическим интересам государства и, тем более, конкретной правящей элиты.

5.

Сочетание традиционного и революционного начал в *Мэйдзи исин* особенно заметно при обращении к модернизации и интернационализации Японии, к ее вхождению в «цивилизованный мир», что оказалось важнейшей задачей новой власти, в прямом смысле слова, на следующий день. Модернизация и интернационализация страны стали условием ее выживания во взаимодействии с «великими державами», в отношениях с которыми были возможны две опасные крайности.

Первая — отказ от всего иностранного (в период *бакумацу* традиционалистская оппозиция сёгунату выдвинула лозунг *дзёи*, «изгнание варваров») и современного, с неизбежной в тех условиях стагнацией и, в перспективе, потерей государственной независимости, как это случилось с Кореей в начале XX в.

Вторая — полное, некритическое копирование иностранных образцов, особенно в условиях жесткого давления извне, что могло серьезно деформировать национальную самоидентификацию и, соответственно, затруднить самостоятельное развитие, как это про-

изошло с социалистическими странами Восточной Европы после Второй мировой войны. Правящим кругам мэйдзийской Японии хватило ума отказаться от первого и хватило сил избежать второго варианта. Придя к власти и превратившись в элиту, вчерашняя контрэлита отказалась от лозунга *дзёи*, для начала переадресовав его... Китаю как мотивацию отказа от «китайщины» в духе идей *кокугакуха*.

«Золотая середина» была обретаема в формуле *вакон — ёсай*, «японский дух — европейская наука». В период *бакумацу* философ Сакума Сёдзан (1811–1864) предлагал и другой вариант: *тоё дотокю — сэйё гидзюцу*, «восточная мораль — западная технология».

«Европейская наука» включала полный набор компонентов модернизации: не только промышленное использование пара и электричества, но и европейские идеи (гражданские права, разделение властей), институты (парламент, политические партии) и обычаи, вплоть до ношения фраков и курения табака. Однако благодаря традиционалистской ориентации большей части мэйдзийской элиты «европейская наука» одухотворялась «японским духом» и принималась не сама по себе и не полностью, но лишь по мере необходимости или пригодности для новой Японии. Какой контраст с петровскими преобразованиями, которые можно было бы определить формулой *ёкон — ёсай*, «европейский дух — европейская наука»!

Еще в IX в. поэт и государственный деятель Сугавара Митидзанэ настаивал на следовании принципу *вакон — кансай*, «японский дух — китайская наука» с примечательной оговоркой: «эти учения хороши, пока не искажают исконные чувства японцев»³⁴. Более тысячи лет спустя, в 1934 г. Сиратори Тосио, дипломат и политический аналитик, близкий к консерва-

³³ Комаровский Г.Е. Государственный Синто. С. 275.

³⁴ Подробнее: Григорьева Т.П. Тридцать лет спустя // С.Г. Елисеев и мировое японоведение. М., 2000. С. 68.

тивным революционером, говорил о том же самом: «для Японии хорошо то, что она может впитать, не теряя своей индивидуальности»³⁵. Технологическое отставание Японии от Европы и США к моменту *Мэйдзи исин* было значительным и бесспорным, поэтому новая элита стремилась наверстать его как можно скорее, путем интенсивной модернизации по «догоняющей модели», с минимальными потерями и издержками. Япония оказалась способным, но вполне самостоятельным учеником, несмотря на известную тягу к копированию иностранных внешних форм.

Мэйдзи исин преподавала впечатляющий урок как «цивилизованному миру», так и еще не «пробудившейся» Азии. Пораженные успехами материального прогресса стремительно модернизовавшаяся Япония, европейские и американские наблюдатели поначалу видели их причину в восприятии и использовании «прогрессивных» учений вроде утилитаризма и позитивизма. Действительно, японцы, включая многих мыслителей и представителей правящей элиты, увлекались ими: в это время огромной популярностью пользовались Г. Спенсер, С. Смайльс, И. Бентам, Дж. Локк, Дж. Ст. Милль, А. Смит. Однако неудовлетворительность такого «ответа» вскоре стала очевидной — сначала для самих японцев, затем для наиболее прозорливых иностранцев.

Осознание духовной значимости Традиции и связанных с ней философских и идеологических учений для успехов периода *Мэйдзи* пришло не сразу, но, придя, оказало значительное влияние на японскую мысль первой половины XX в.: от последователя немецкой классической философии Нисида Китаро и теоретика этики Вацудзи Тэцу-

ро до национального социалиста Окава Сюмэй и радикального националиста Ясуока Масахико, ставшего после войны консерватором.

Разумеется, за 77 лет «активного» существования (1868–1945 гг.) «мэйдзийская модель развития» пережила немало перемен, изменивших и даже извративших ее первоначальную суть. Искусственная консервация, «подмораживание» правящей элитой национально-ориентированной идеологии *Мэйдзи исин* без должного учета меняющихся реалий привели в первые полтора-два десятилетия XX в. к определенной духовной стагнации, к упадку влияния традиционных ценностей и к новой волне не критического восприятия всего иностранного как «передового» в эпоху «демократии Тайсё», как принято называть период правления партийных кабинетов в 1918–1932 гг.

Мёллер ван ден Брук был прав, повторяя, что «революция не может вечно оставаться революционной». Новое качание маятника в сторону консерватизма, национализма (в том числе радикального) и традиционализма в первые 10–15 лет эпохи Сёва, начавшейся в 1926 г., вызвало к жизни «неотрадиционалистский ренессанс» японской мысли — и одновременно подъем милитаризма и шовинизма. Однако в материальной сфере процесс модернизации не только не прекращался, но и набирал обороты, выведя Японию в число ведущих промышленных держав мира, хотя для ее экономики и хозяйства тех лет была характерна известная несбалансированность.

В это же время и западные философы начали понимать, что европейская цивилизация переживает духовный кризис и что на Востоке (понимаемом очень широко!) есть чему поучиться. Восторженный прием, оказанный японскими интеллектуалами «Закату Европы» О. Шпенглера (символично, что этот трактат перевел традиционалист Ясуока), объясняется их

³⁵ Shiratori T. The Reawakening of Japan // Contemporary Japan. Vol. III. №1 (March 1934). P. 12; Сиратори Т. Новое пробуждение Японии. Политические комментарии. 1933–1945. М., 2008. С. 43.

своеобразным восприятием прогнозов «брюзги заката»: в признании старости и упадка Запада они видели признание молодости и жизненности Востока. Генон прямо ставил традиционные восточные цивилизации в пример деградировавшему «современному миру» как Запада, так и жестко критикуемому им вестернизированного Востока; осуждая «западнические» тенденции мэйдзийской Японии в общем контексте интернационализации Востока, он, однако, воздерживался от принципиальной критики *Мэйдзи исин*.

Американский философ Дж. Мэйсон, развивая учение А. Бергсона о «творческой интуиции» и «жизненном порыве», указывал на Японию как на их историческое, физическое воплощение и на Синто как воплощение метафизического. «Сам факт того, что мощное возрождение Синто в Японии совпало с переходом ее культуры от средневековья к современному прогрессу (т.е. с процессом модернизации. — В.М.), показывает, сколь много творческого потенциала в его мифологии. <...> Синто лишь усилен материальным прогрессом, поскольку в его мифах сама жизнь обнаруживает субъективное знание себя и всего»³⁶.

Призывая к духовному согласию, к диалогу, а в перспективе и к синтезу цивилизаций и культур Востока и Запада, Мэйсон писал: «Запад не может заимствовать все, что предлагает Восток, целиком и полностью, равно как и полное принятие западной материалистической активности не принесет Востоку никаких выгод. Однако заимствование утилитарных черт Запада не нарушит духовности и эстетизма Востока, равно как и Запад не лишится своей способности к материальному прогрессу, поучившись у духовного и эстетического развития Востока. <...> Ни Восток, ни Запад нельзя идеализировать за счет другого. Восток и Запад — партнеры

друг для друга, потому что они в равной степени недостаточны»³⁷.

Иными словами, интернационализация — не всегда слепое заимствование европейских или американских моделей, а модернизация не есть неременный синоним вестернизации.

Мэйдзи исин выполнила все основные стоявшие перед ней духовные, политические, социальные и экономические задачи и осуществила все реформы, необходимые для динамичного развития в условиях стремительного вхождения в «цивилизованный мир», опираясь при этом на интегральную Традицию в ее самобытных национальных формах. Реализованный в ее ходе и результате вариант модернизации не только оказал определяющее влияние на последующее развитие Японии, но и показал пример многим странам Азии и мира. При этом необходимо учитывать, что консервативная революция *Мэйдзи исин*, произошедшая в традиционном обществе, имела прежде всего национальный, а не классовый характер; классовый фактор в ней нельзя игнорировать, но в данном случае он не являлся определяющим.

6.

Оставаясь традиционным обществом до начала активных контактов с «цивилизованным миром» в середине XIX в., Япония сохранила многие его черты — прежде всего в идейной и духовной сфере — вплоть до поражения во Второй мировой войне. Поэтому политические, социальные, идеологические и духовные процессы указанного периода следует оценивать исходя из данного факта. Именно в таких условиях сложились философские и политико-правовые доктрины «школы национальных наук» и «школы Мито», на базе которых в первой половине XIX в. сформировалась духовная, а затем и политическая контр-элита, оппо-

³⁶ Mason J.W.T. The Meaning of Shinto. N. Y., 1935. P. 42, 107.

³⁷ Mason J.W.T. The Creative East. N. Y., 1928. P. 12.

зиционная режиму Токугава и успешно осуществившая консервативную революцию *Мэйдзи исин*.

Комплекс мэйдзийских революционных (т.е. неэволюционных) по своему характеру преобразований во всех сферах жизни страны, включая как восстановление принципа единства царской и жреческой власти, так и интенсивную модернизацию с использованием иностранных образцов, был осуществлен правящей элитой с опорой на национальные духовные и религиозные традиции. Япония оказалась не только способным, но и самостоятельным учеником. В отличие от вошедших в поговорку французских эмигрантов-роялистов, она «всему научилась», хотя, как и они, «ничего не забыла». Однако вестернизация Японии во многих сферах оказалась достаточно глубокой, чтобы вызвать ответную негативную реакцию — с традиционалистских (впрочем, и псевдотрадиционалистских) позиций. Этому содействовали многие факторы: от развития капитализма западного типа и все более интенсивного проникновения и укоренения в Японии идей либерализма, социализма и анархизма до качественных изменений в составе правящей элиты.

Иностранное влияние в сочетании с усилением антитрадиционалистских сил способствовали появлению «демократии Тайсё». Ее нельзя оценивать однозначно, но в духовном отношении она не может считаться прямым продолжением *Мэйдзи исин*. Начало эпохи Сёва было ознаменовано новым подъемом радикально-националистической и консервативно-революционной идеологии. Перемены в стране и мире, вызовы враждебных сил и идеологий требовали ответной реакции от консервативных революционеров, находившихся в сложных отношениях с такими компонентами политического и духовного мира Японии, как император и император-

ская система, принцип *сайсэй итти* и доктрина *кокутай*, националисты-радикалы и националисты-status quo, либералы-западники и интернационал-социалисты разных направлений и школ, которые постоянно спорили и враждовали друг с другом.

Разрубить этот гордиев узел смогла только Вторая мировая война, поражение Японии в которой нанесло тяжелейший, можно сказать, смертельный удар и радикальным националистам, и консервативным революционерам. Послевоенное восстановление и новая модернизация страны осуществлялись на иных духовных основах, формально заимствованных у «свободного мира». Однако и в послевоенной идеологии Японии присутствовал «мэйдзийский» компонент, что было засвидетельствовано празднованием 100-летия *Мэйдзи исин* в 1968 г. на государственном уровне.

«Наследие Мэйдзи» долгое время понималось в мировой историографии исключительно внешне — как совокупность материальных преобразований, позволивших Японии в последней трети XIX в. сохранить национальную независимость и органично встроиться в «цивилизованный мир», а затем войти в «клуб великих держав» в качестве полноправного члена. Однако это лишь одна сторона проблемы, поскольку исключительно материальная модернизация — как показывает исторический опыт других стран — не гарантирует успеха, особенно в острой конкурентной борьбе. Япония смогла совершить исторический прорыв благодаря консервативно-революционному характеру ее модернизации, в которой «японский дух» пропитывал «европейскую науку», а последнее слово оставалось за национально-ориентированной и национально мыслящей элитой. В этом, пожалуй, главный исторический урок *Мэйдзи исин*, сохраняющий значение и в новом тысячелетии.

Сергей Петров

КТО НА САМОМ ДЕЛЕ СДЕЛАЛ ЕВРАЗИЙСКИЙ ВЫБОР?

Существует мнение о том, что после нашествия Батыя князья наиболее могущественных в то время русских земель — Галицко-Волынской и Владимиро-Суздальской, столкнувшись с необходимостью определить свое отношение к Орде, сделали противоположный выбор — условно говоря, «европейский» и «азиатский», или «евразийский». Галицкие князья якобы предпочли борьбу с татарами в союзе со своими западными соседями, в то время как суздальские решили татарам подчиниться. Наиболее последовательно эта точка зрения проводится в сочинениях Льва Гумилева и других евразийцев: «Политический курс Даниила состоял в том, чтобы выделить Галицко-Волынское княжество в самостоятельное феодальное государство, ориентированное на Запад»; «Александру предстоял тяжелый выбор союзника. Ведь выбирать приходилось между Ордой, в которой погиб его отец, и Западом, с представителями которого новгородский князь был хорошо знаком еще со времен Ледового побоища... В 1252 г. Александр приехал в Орду Батыя, подружился, а потом побратался с его сыном Сартаком, вследствие чего стал приемным сыном хана. Союз Орды и Руси осуществился благодаря патриотизму и самоотверженности князя Александра»¹.

Последующее развитие Галицко-Волынского и Владимиро-Суздаль-

ского княжеств выводится затем из этого выбора. Так, евразийцы объясняют исчезновение русской государственности и культуры в галицко-волынской земле пагубностью для Руси европейского пути развития, а успехи государственного и культурного строительства во владимиросуздальской земле — благотворностью татарского влияния: «Те русские княжества, которые отказались от союза с татарами, были захвачены частично Литвой, частично Польшей, и судьба их была очень печальной. В рамках западноевропейского суперэтнуса русичей ждала участь людей второго сорта»²; «Союз с Западом привел Галицию и ее народ к катастрофе. Через 80 лет, т.е. в 1339 г., польский король Казимир Великий “без единого выстрела” присоединил Галицию к Польше»³.

Однако отвлечемся от априорных утверждений и выясним на основании свидетельств исторических источников, каково было на самом деле отношение галицких князей к Орде и отличалось ли оно от отношения к ней суздальских князей, а если отличалось, то как.

* * *

Начнем с того, что верховный правитель Суздальской земли великий князь Юрий Всеволодович Владимирский героически погиб в сражении с

² Там же.¹ Гумилев Л.Н. От Руси к России // <http://www.kulichki.com/~gumilev/R2R/r2r02a.htm#r2r02chapter2>³ Гумилев Л.Н. Древняя Русь и Великая степь // <http://www.kulichki.com/~gumilev/ARGS/args624.htm>

татарами на реке Сить 4 марта 1238 г.: «И поидоша безбожнии татарове на Сить противу великому князю Гюргю. Бяхуть бо преже прислали послы свое злии ти кровопийци, рекуще: “Мирися с нами”. Он же того не хотяше, яко же пророкъ глаголет: “Брань славна лучесть мира студна”... Слышав же князь Юрги с братом своимъ Святославом, и с сыновци своими Василком, и Всеволодом, и Володимером, и с мужи своими, поидоша противу поганым. И сступишася обои, и бысть сеча зла, и побегоша наши пред иноплеменники... И ту убьень бысть князь великий Юрь на Сити на реце, и дружины его много убиша... Георгие, мужество тезоимените, кровью омывься страданья ти!»⁴.

В отличие от него Даниил Романович Галицкий малодушно бежал от татар осенью 1240 г. сначала в Венгрию, а потом дальше в Польшу, где оставался до 1242 г., пока татары не ушли из его земли: «...Приеха въ Синеволодьско во манастирь святыя Богородица. Наутрея же воставъ виде множество бежащих от безбожных татаръ и воротися назадъ Угры... Данилови же рекшу, яко: “Не добро намъ стояти сде близъ воюющих нас иноплеменьникомъ!” Иде в землю во Омазовьскую ко Болеславу Кондратову сынови. И вдасть ему князь Болеславъ град Вышегородъ. И бысть ту, дондеже вестъ прия, яко сошли суть и земле Руское безбожнии»⁵. Еще раз Даниил Галицкий бегал от татар в Польшу и Венгрию в 1259 г.: «И приде вестъ тогда Данилови князю и к Василкови, оже Буронда идетъ оканный проклятый, и печална бысть брата о томъ велми. Прислалъ бо бяше, тако река: “Оже есте мои мирници, сретья мя. А кто не сретить мене, тый ратный мне”. Василко же князь поеха противу Бурандаеви со Лвомъ, сыновцемъ сво-

имъ, а Данило князь не еха с братомъ, послалъ бо бяше себе место владыку своего Холмовьского Ивана... Владычи же приехавшу к Данилови князю, и нача ему поведати о бывшем, и опалу Бурандаеву сказа ему. Данилови же убоявшуся, побеже в Ляхы, а из Ляховъ побеже во Угры»⁶.

В 1245 г. Даниил отправился в Орду к Батыю, чтобы получить от него ярлык на галицко-волынские земли. В шатре Батия он стоял на коленях перед татарским ханом, называл себя его холопом и пил по его приказу кумыс: «Во ть час позванъ Батыемъ... И поклонися по объчаю ихъ, и вниде во вежю его. Рекшу ему: “Данило, чему еси давно не пришелъ? А ныне оже еси пришел — а то добро же. Пьеши ли черное молоко, наше питье, кобылий кумузъ?” Оному же рекшу: “Доселе есмь не пилъ. Ныне же ты велишь — пью”. Он же рче: “Ты уже нашъ же тотаринъ. Пий наше питье”. Он же испивъ поклонися по обычаю ихъ... О злее зла честь татарьская! Данилови Романовичю, князю бывшу велику, обладавшу Рускою землею, Киевомъ и Володимеромъ и Галичемъ со братомъ си, инеми странами, ныне седить на колenu и холопомъ называется! И дани хотять, живота не чаеть. И грозы приходять. О злая честь татарьская! Бывшу же князю у них дний 20 и 5, отпушень бысть, и поручена бысть земля его ему, иже беаху с нимъ»⁷.

Все последующие галицко-волынские князья утверждались татарскими ханами, чье слово было решающим при занятии ими своих столов, как явствует из сообщений Ипатьевской летописи за 1287 и 1289 гг. о споре между Мстиславом Даниловичем и Юрием Львовичем Галицкими о наследии Владимира Васильковича Волинского: «Володимеръ же князь, сотьснувъси немощью тела своего, и нача слати ко брату своему Мьстисла-

⁴ Лаврентьевская летопись. ПСРА. Т. 1. Стб. 465, 468.

⁵ Ипатьевская летопись. ПСРА. Т. 2. Стб. 787–788.

⁶ Там же. Стб. 849–850.

⁷ Там же. Стб. 807–808.

ву, тако река: “Брате, видишь мою немощь, оже не могу, а ни у мене детей. А даю тебе, брату своему, землю свою всю и города по своему животе. А се ти даю при царихъ и при его рядьцахъ”... И посла [Мстислав] послы ко сыновцю своему, тако река: “Сыновче, оже бы ми ты не былъ на томъ пути и не слышалъ ты, но ты самъ слышалъ гораздо и отецъ твой, и вся рать слышала, оже братъ мой Володимиръ дал ми землю свою всю и города по своему животе, при царехъ и при его рядьцахъ”⁸. Спор был решен Мстиславом в свою пользу после угрозы «возвести татар», которой отец Юрия Лев «убояся велми».

Преемники Даниила Галицкого, как и он, ездили в Орду. Так, под 1280 г. Ипатьевская летопись сообщает, что князь Лев Данилович «еха к Ногаеви оканьному проклятому помочи себе прося у него на ляхы»⁹. В волинской Кормчей книге по Арадскому списку сохранилась запись о поездке в Орду в 1286 г. князя Владимира Васильковича Волинского: «Пишущим же нам сии книги, поеха господин наш к Ногаеви, а госпожа наша остала у Володимири»¹⁰.

Со времен Даниила Романовича галицко-волинские князья платили дань татарам, о чем говорят многочисленные свидетельства — как местные, так и иностранные. Судя по замечанию в завещании Владимира Васильковича Волинского 1287 г. «а поборомъ и тотарьщиною ко князю»¹¹, дань собиралась князьями, а потом уже отправлялась в Орду.

«Описание Восточной Европы» анонимного автора, совершившего в 1308 г. путешествие из Константинополя в Польшу, сообщает: «Рядом с этим царством [Болгарским] находят-

ся и другая огромная страна, которая называется Русью... В ней правит князь множества людей, которого зовут князь Лев... Некогда эта страна управлялась Империей, потом Венгрией, а теперь она является данницей татар, как и Болгария»¹². Польский король Владислав Локетек писал в письме папе Иоанну XXII от 21 мая 1323 г.: «С прискорбием сообщаем Вашему Святейшеству, что два последних русских князя из рода схизматиков... покинули этот мир. В связи с их кончиной мы опасаемся несказанных бед для нас и наших земель по причине соседства с татарами, которые, мы уверены, захватят смежную с нами русскую землю, с которой они по обычаю собирают ежегодную дань, если только нас не спасут всемогущество Божие и Ваша милость»¹³. Согласно свидетельствам немецких источников, татарский хан признавал Галицко-Волинскую землю «данницей своей и своих прародителей» (*tanquam sibi et suis progenitoribus censuale*) (*Font. Rer. german. I, 433*), а галицко-волинские князья были для него «данниками» (*tributarii*) (*Cod. dipl. Prussiae III, 21*)¹⁴.

Причем даже после перехода галицко-волинских земель под власть Польши в 1349 г. выплата с них дани в Орду не прекратилась, о чем свидетельствует, в частности, письмо римского папы Иннокентия VI польскому королю Казимиру III от 1357 г.: «Магистр и братья дома святой Марии Немецкой в Иерусалиме жалуются нам на то, что ты... заключил договор и союз с врагами веры татарами, которые некогда в огромном множестве вторглись в Венгерское королевство и разорили

⁸ Там же. Стб. 898, 929.

⁹ Там же. Стб. 881.

¹⁰ Цит. по: *Срезневский И.И.* Обзорение древних русских списков кормчей книги. СПб., 1897. С. 167.

¹¹ Ипатьевская летопись. ПСРА. Т. 2. Стб. 904.

¹² *Anonymi descriptio Europae Orientalis «Imperium Constantinopolitanum, Albania, Serbia, Bulgaria, Ruthenia, Ungaria, Polonia. Bohemia».* Cracoviae, 1916. P. 40–41.

¹³ Цит. по: Болеслав-Юрий II, князь всей Малой Руси: Сборник материалов и исследований. СПб., 1907. С. 152.

¹⁴ Там же. С. 111.

его значительную часть, обязавшись платить хану татар ежегодную дань за определенную часть земли русских схизматиков, которую ты завоевал ценой крови множества христиан»¹⁵. Годом раньше в письме гофмейстеру Тевтонского ордена Книпроде Казимир III сообщал, что для участия в его походе на литовцев к нему прибывают «семь татарских князей со множеством людей» и он им «как раз теперь послал особую дань за набег»¹⁶.

Галицко-волынские князья неоднократно участвовали в зарубежных военных походах татар. Для сравнения напомним, что владимиро-суздальские князья единственный раз приняли участие в татарском военном походе — зимой 1277/78 г. на Кавказ: «Князь же Ростовский Глебъ Василковичъ съ братаничемъ своимъ съ княземъ Костянтиномъ, князь Феодоръ Ростиславичъ, князь Андреи Александровичъ и инии князи мнози съ бояры и слугами поехаша на воину съ царемъ Менгутемеромъ, и поможе Богъ княземъ Русскимъ, взяша славный градъ Ясьский Дедаковъ, зиме месяца Февраля въ 8, на память святого пророка Захарии, и полонъ и корысть велику взяша, а супротивныхъ безъ числа оружиемъ избиша, а градъ ихъ огнемъ пожгоша. Царь же почтивъ добре князеи Русскихъ и похваливъ велми и одаривъ, отпусти въ свояси съ многою честью, кождо въ свою отчину»¹⁷. В этом походе не участвовали ни верховный правитель Суздальской земли — великий князь владимирский Дмитрий Александрович Переяславский, ни его союзник князь Даниил Александрович Московский, которые входили в антитатарскую коалицию, находившуюся в состоянии вой-

ны с князьями, участвовавшими в походе 1277–1278 г. Напротив, в зарубежных татарских походах принимали участие сами верховные правители Галицко-Волыннской земли.

В 1258 г. татарский полководец Бурундай приказал Даниилу Галицкому идти с ним в поход на Литву. Испугавшись наказания со стороны татар, Даниил послал вместо себя к Бурундаю своего брата Василька, а сам пошел на Литву отдельно и взял Волковыйск. О размахе этого татарско-галицкого похода сообщает Воскресенская летопись: «Того же лета взяша Татарове всю землю Литовскую»¹⁸. В 1259 г. последовал совместный татарско-галицкий поход на Польшу, во время которого был взят город Сандомир. Ипатьевская летопись стыдливо умалчивает об обстоятельствах его взятия, однако Великопольская хроника сообщает, что горожане сдали город, поддавшись на обман галицко-волынских князей: «В упомянутом выше году... в Сандомирскую землю вторглись татары с пруссами, русскими, куманами и другими народами и безобразно ее разорили грабежами, поджогами и убийствами. И зная, что большое множество людей со своим имуществом прибыло в сандомирскую крепость, окружили ее, непрерывно штурмуя. Русские же князья — Василько, брат русского короля Даниила, а также упомянутые сыновья — Лев и Роман, видя, что осада затягивается, задумали окружить жителей крепости обманным путем. Обеспечив безопасность, [они] сошлись с жителями крепости, убеждая их просить у татар заверений безопасности, и сдать им крепость и имущество, находившееся в ней, чтобы татары даровали им жизнь. Жители крепости, предпочитая [свою] жизнь [спасению] самой крепости и имущества и надеясь сохранить жизнь так,

¹⁵ *Vetera Monumenta Poloniae et Lithuaniae. Romae*, 1860. № 776. P. 581.

¹⁶ *Codex diplomaticus Prussicus*. Ed. J. Voight. Т. 3. № 83. S. 107.

¹⁷ Симеоновская летопись. ПСРА. Т. 18. С. 75.

¹⁸ Воскресенская летопись. ПСРА. Т. 7. С. 162.

как было сказано выше, обманутые советом указанных князей, будто бы они смогут уйти свободными, не беспокоясь о жизни и о своих женах, получили от татар и указанных князей твердое обещание [и] открыли ворота. Они оставили в крепости все имущество и безоружные вышли из нее. Увидев их, татары набросились на них, как волки на овец, проливая огромное количество крови невинных людей, так что разливавшиеся потоки крови, стекая в Вислу, вызвали ее наводнение. И когда они устали в своей ярости, они остальных мужей, как стадо свиней, столкнув в реку Вислу, потопили. Молодых же женщин, красивых девушек и юношей увели с собой пленными. И погибло тогда много тысяч человек как в продолжительном плену, так и пораженные мечом»¹⁹.

Преемник Даниила Лев Данилович Галицкий участвовал по меньшей мере в семи татарских походах. В 1275 г. состоялся поход на Литву, в ходе которого было разорено Полесье и взят посад Новгородка: «Левъ... нача промышляти, и посла в татары ко великому цареву Меньгутимереву, прося себе помочи у него на литву. Менгутимерь же да ему рать и Ягурчина с ними воеводу, и заднепрескый князи все да ему в помочь, Романа Дьбряньского и сыномъ Олгомъ, и Глеба князя смоленского, иныхъ князий много. Тогда бо бяху вси князи в воли в тотарьской»²⁰. В 1277–1278 гг. галицко-волынские князья вновь ходили с татарами на Литву и воевали в окрестностях Гродно: «Присла оканьный незаконный Ногай послы своя с грамотами Тегичага, Кутлубугу и Ешимута ко Лвови, и Мьстиславу, и Володимерю, тако река: “Всегда мь жалуете на литву. Осе же вы даль есмь рать, и воеводу с ними Мамъшея, поидете же с ним на вороги

свое”. Зиме же приспевше, и тако поидоша князи русции на литву: Мьстиславъ, Володимеръ, а Левъ не иде, но посла сына своего Юрья»²¹.

В 1280–1281 гг. Лев Данилович ходил с татарами на Польшу и воевал в окрестностях Сандомира: «Левъ восхоте себе части в земле Лядьской, города на въкраини. Еха к Ногаеву оканьному проклятому помочи себе прося у него на ляхы. Онъ же да ему помочь оканьнаго Кончака, и Козея, и Кубатана. Зиме же приспевши, и тако поидоша: Левъ радъ поиде с татары и со сыномъ своимъ Юрьемъ, а Мьстиславъ и Володимеръ, сынъ Мьстиславъ Данило и поидоша неволею татарьскою»²². В 1285 г. состоялся поход на Венгрию: «Пришедшу оканьному и незаконному Ногаеву и Телебузе с нимъ на угры в силе тяжьце во бещисленомъ множестве. Велеша же с собою поити рускимъ княземъ Лвови, Мьстиславу, Володимеру, Юрью Львовичъ. Володимеръ же бяше тогда хромъ ногою и темь не идяше, зане бысть рана зла на немь, но посла рать свою съ Юрьемъ, сыновцем своимъ. Тогда бо бяхуть князи русции в воли татарьской, и тако поидоша вси».

Кроме того, галицко-волынские войска ходили с татарами на Польшу в 1286 г. («Идущу же Телебузе в ляхы, и с нимъ идоша вси князи неволею татарьскою: Левъ князь со сыномъ своим Юрьемъ, а Мьстиславъ со своею ратью, а Володимеръ со своею ратью»²³), 1287 г. («Идущу же Телебузе и Алгюви с нимъ в силе тяжьце, и с ними русцеи князи Левъ и Мьстиславъ, и Володимеръ, и Юрью Лвовичъ, инии князи мнозии»²⁴) и 1300 г. («В тож лето Русь собрася со вожем своим Петром Галкою, и с Татарами и Литвою, в Судомирскую страну вшедше, въшир и въдолж огнем и мечем поплениша, и в Корчи-

¹⁹ «Великая хроника» о Польше, Руси и их соседях XI–XIII вв. М., 1987. С. 184–185.

²⁰ Ипатьевская летопись. ПСРА. Т. 2. Стб. 871–872.

²¹ Там же. Стб. 876.

²² Там же. Стб. 881.

²³ Там же. Стб. 893.

²⁴ Там же. Стб. 897.

не замок зажгоша, и со великою користию возвратишася»²⁵).

Еще в 1277 г. галицко-волынские князья признали над собой верховную власть Ногая, правившего западными улусами Орды. В 1299–1300 гг. между Ногаем и ханом Тохтой разгорелась война за власть, в ходе которой войсками Тохты был убит сторонник Ногая киевский князь Владимир Иванович, а Киев разгромлен. Галицко-волынский князь Юрий Львович выступил на стороне хана Тохты, за что получил от него ярлык на Киев. Вслед за этим Юрий Львович принял титул «короля Руси», в 1303 г. создал собственную Галицкую митрополию (просуществовавшую до 1347 г.), а в 1305 г. добился утверждения киевским митрополитом своего ставленника Петра. В 1302 г. Юрий Львович Галицкий с татарским войском совершил поход на Польшу в поддержку Владислава Локетка против польского короля Вацлава II, о чем сообщает Рочник Малопольский: «Князь Владислав с русскими и татарами опустошил Сандомир... Краковские и сандомирские воины отправились... к новому Люблину, который уже несколько лет как был захвачен русскими, и начали войну, после чего малыми силами вступили в битву со множеством русских, литовцев и татар и с Божьей помощью всех их победили»²⁶.

В 1323 г. погибли сыновья Юрия Львовича Андрей и Лев II (согласно белорусско-литовским летописям, это произошло в ходе войны с литовцами), после чего галицко-волынские земли на некоторое время перешли под непосредственное управление двух татарских баскаков, сообщение о чем сохранилось в хронике Иоанна Витодурана: «...Незадолго до того времени татарский хан поставил русским в качестве князей двух довольно достой-

ных язычников.... Они один за другим были отравлены ядом»²⁷. Специалисты склонны признавать историческим фактом «временное управление южной Руси, по смерти последних князей ее, татарскими баскаками, вероятно при посредстве боярской думы»²⁸; «Татары... стараются окончательно захватить в свои руки осиротелую землю и навязывают ей своих правителей в лице двух наместников из татар. Но русские, не желая сносить такого ига, расправились жестоко с наместниками — отравили их»²⁹.

Одновременно за галицко-волыньское наследство развернулась война между Польшей и Литвой. В 1324 г. противоборствующие стороны пришли к соглашению, по которому правителем Галицко-Волынского княжества стал сын мазовецкого князя Тройдена и дочери Юрия Львовича Болеслав (Юрий II). По сообщению Иоанна Витодурана, он был ставленником хана Узбека: «Татарский хан... поставил над ними христианина-латиняна, чтобы посмотреть, пощадят ли они его»³⁰. «Немаловажную роль, при решении вопроса, сыграли как соседние земли Польша и Литва, так и татары, которые смотрели на Галицко-Владимирское княжество, как на свой улус. К последним-то, вероятно, и обратились борющиеся стороны за окончательным разрешением интересовавшего их вопроса»³¹. «...Мы думаем, что решающее дело в замещении галицко-волыньского стола имели не разные партии внутри государства, а власть, стоявшая вне его, — воля татарского хана (об этом прямо говорит

²⁷ Цит. по: Болеслав-Юрий II. С. 192.

²⁸ *Линниченко И.А.* Замечания на статью проф. И. Режабка и дополнения к ним // Болеслав-Юрий II. С. 90.

²⁹ *Иванов П.А.* Исторические судьбы Во-лынской земли с древнейших времен до конца XIV века. Одесса, 1895. С. 222.

³⁰ Цит. по: Болеслав-Юрий II. С. 192.

³¹ *Иванов П.А.* Указ. соч. С. 223.

²⁵ Густынская летопись. ПСРА. Т. 40. С. 128.

²⁶ *Monumenta Poloniae Historica.* Т. III. Lwow, 1878. P. 188.

Joh. Vitoduranus (Eccardi, Corp. hist.): Imperator Tartarorum procuravit eis Christianum latinum). Принятие этого предположения объясняет факт, необъяснимый при гипотезе боярских влияний на избрание Юрия, факт самостоятельной власти Юрия в начале княжения и ограниченной боярской думой в последние его годы. Если бы он явился в Галицко-Владимирское княжество в качестве боярского кандидата, то следовало бы ожидать обратного явления. Между тем, как ханский избранник, опирающийся на татарскую орду, он мог действительно явиться самостоятельным правителем... Юрий, как мы думаем, сел на княжеском столе южной Руси с согласия хана и находился по отношению к нему в тех же вассальных отношениях, что и его предшественники»³².

В правление Болеслава-Юрия (1324–1340) отмечается неоднократное участие галицко-волынских войск в татарских походах: «О нападениях татар вместе с русскими в 20-х годах XIV в. на Польшу мы знаем из папских булл (Theiner, № 316, 324, 338 — первая от 1324, остальные от 1325). В 30-х годах XIV ст. по некоторым известиям (см. Pray, Annales regum Hungariae ad a. 1332, 1334, 1335) татары вместе с русскими делали неоднократные набеги на Венгрию»³³. В 1337 г. галицко-волынские войска вместе с татарами совершили поход на Люблин: «Лета Господня 1337 татары с русскими окружили крепость Люблина, в течение двенадцати дней и ночей штурмовали его и опустошили всю его окрестность. Но после того, как предводитель татар был убит стрелой из крепости, они немедленно с плачем удалились»³⁴.

Однако к концу своего правления Болеслав-Юрий стал проводить все более прокатолическую политику,

из-за которой в 1340 г. был отравлен протатарски настроенными галицко-волынскими боярами, о чем сообщает, в частности, Иоанн Витодуран: «Он правил княжеством долгие годы и совершил многое, но при этом увеличил там число латинян и латинских обрядов, чем вызвал недовольство русских, которые отравили его настолько сильным ядом, что он распался на много частей»³⁵. В ответ на это польский король Казимир III, состоявший с покойным Болеславом-Юрием в родстве, вторгся в Галицко-Волынское княжество и подчинил его своей власти: «Польский король Казимир с великим множеством своих людей вторгся в Русское княжество, желая отомстить за убийство своего родственника. Князя, бароны, комиты и прочие знатные люди русских не могли противостоять такой силе и по воле государя Казимира подчинились сами и подчинили своих людей, приняв его своим государем и принеся ему присягу верности» (Хроника Яна из Чарнкова)³⁶.

Но как только Казимир, оставив в Львове свой гарнизон, вернулся в Польшу, в княжестве вспыхнуло антипольское восстание. Вожди местной протатарской партии перемышльский боярин Дмитрий Дядько и волинский князь Даниил Острожский (первый известный представитель впоследствии знаменитого рода) обратились за помощью к хану Узбеку, пожаловавшись ему, что Казимир лишил Орду ее традиционной дани с Галицко-Волинского княжества: «Совершив это, король Казимир счастливо вернулся к себе и пребывал в Польском королевстве, когда некий злочестивый барон по имени Дядько, правивший крепостью Перемышль, вместе с неким Даниилом Острожским, тайно от других знатных людей Руси снеслись с ханом татарским, поведав ему, что польский

³² Линниченко И. А. Ук. соч. С. 90, 95.

³³ Там же. С. 94.

³⁴ Monumenta Poloniae Historica. Т. III. Lwow, 1878. P. 78.

³⁵ Цит. по: Болеслав-Юрий II. С. 192.

³⁶ Monumenta Poloniae Historica. Т. II. Lwow, 1872. P. 620.

король Казимир вторгся и захватил (Русь), запретив русским выплачивать татарам обычную дань»³⁷.

Узбек предоставил своим галицко-волынским подданным татарское войско для вторжения в Польшу. Булла 1341 г. римского папы Бенедикта XII краковскому епископу сообщает: «Правитель этого народа обратился за помощью к хану татар Узбеку, данником которого был этот народ, и привел против короля множество татар, а также добился от хана того, что он направил большое войско татар, чтобы оно вторглось в Польское королевство и разрушило его»³⁸. Это вынудило папу Бенедикта XII призвать епископов Польши, Чехии и Венгрии проповедовать крестовый поход против татар и галичан, а Казимира III — просить военной помощи у князей Мазовии, Карла-Роберта Венгерского и германского императора Людовика.

В конце июля 1340 г. татары вместе с галицко-волынскими отрядами вторглись в Польшу, но объединенное европейское рыцарское войско во главе с Казимиром III заняло оборону на правом берегу Вислы и не позволило им через нее переправиться. Татары с галичанами почти месяц разоряли Привисленский край, но после неудачной осады Люблина вынуждены были уйти: «После этого татарский хан направил на Русь огромное войско, приказав ему вместе с русскими вторгнуться в Польшу и жестоко ее разорить. Когда это войско подошло к реке Висле, подоспевший туда со своими полками король Казимир оказал ему мужественное сопротивление, не позволив ему перейти названную реку... Уйдя оттуда, татары попытались захватить крепость Люблин, которая тогда была построена из одного лишь дерева. Но поскольку эта крепость сопротивлялась изо всех своих сил, им пришлось

снять с нее осаду и уйти» (Хроника Яна из Чарнкова)³⁹; «И хотя собралось около 40 тысяч татар и столько же или еще больше русских, многие из них были поражены страхом и ужасом и убиты отважнейшими мазовецкими простолюдинами. С Божьей помощью они были мощным ударом обращены в бегство и принуждены уйти» (Рочник Малопольский)⁴⁰.

Вслед за этим правителем Волыни стал литовский князь Любарт-Дмитрий, а в Галицкой земле утвердилась боярская олигархия во главе с его наместником Дмитрием Дядько («управитель или староста Русской земли» до 1344/47 г.). В 1349 г. Казимир III вновь перешел в наступление, захватив почти все галицко-волынские земли кроме Луцка, но в 1350 г. литовцам удалось отвоевать Волынь. В 1352 г. татары открыто встали на сторону Литвы (согласно сообщению польского историка Яна Длугоша, приглашенная Ольгердом орда напала на «подчиненное Польскому королевству Подолье»⁴¹), после чего Казимир вынужден был заключить договор с Ольгердом, по которому Польша получила Галицкую землю и часть Подолья, а Литва — Волынь и Берестье.

По всей видимости, этот договор был заключен при непосредственном участии ордынской дипломатии и с санкции хана Джанибека: «Открытый переход Орды на сторону Ольгерда существенным образом изменил соотношение борющихся сил. Осознав бесперспективность продолжения борьбы при таком обороте дел, Казимир в 1352 г. пошел на компромисс с Ольгердом. В силу достигнутого соглашения Галицко-Волынская Русь была разделена между польским королем и литов-

³⁹ Monumenta Poloniae Historica. Т. II. Lwow, 1872. P. 620.

⁴⁰ Ibid. Т. III. Lwow, 1878. P. 200.

⁴¹ Цит. по: *Шабульдо Ф.М.* Земли Юго-Западной Руси в составе Великого княжества Литовского // http://www.krotov.info/lib_sec/25_sh/sha/buldo_02.htm

³⁷ Там же.

³⁸ Vetera Monumenta Poloniae et Lithuaniae. Romae, 1860. № 566. P. 434.

ским князем... Нетрудно видеть, что в подготовке этого соглашения активную роль сыграла ордынская дипломатия, что условия компромисса были не только во многом подготовлены ордынской державой, но, возможно, и дипломатически санкционированы самим ханом Джанибеком в 1352 г.»⁴².

Примечательно, что среди прочих польско-литовский договор включал условие: «Аже поидуть та[та]рове на ляхы, тогда руси неволя поити ис татары»⁴³, свидетельствующее, что и после раздела между поляками и литовцами галицко-волынских земель их верховными правителями по-прежнему признавались татары. Как указывалось выше, поляки продолжали платить в Орду дань с захваченных ими галицких земель. Точно так же продолжали ее платить литовцы с захваченных ими волынских земель: «Включение большинства земель Юго-Западной Руси в состав Великого княжества Литовского не повлекло за собой ликвидации их зависимости от Орды и прекращения выплаты ордынской дани»⁴⁴. Украинский историк Феликс Шабульдо определяет режим, установившийся к середине XIV в. на территории бывшего Галицко-Волынского княжества, как «кондоминиум», т.е. совладение, при

котором поляки и литовцы продолжали признавать над этими землями верховную власть Орды и выплачивать ей дань⁴⁵.

* * *

Таким образом, в течение всего столетия существования Галицко-Волынского княжества после нашествия Батые оно находилось в теснейших отношениях зависимости от Орды. Эти отношения зависимости сохранились и после исчезновения в галицко-волынских землях в середине XIV в. собственной государственности. Ни о каком «европейском» выборе галицких князей, противоположном «азиатскому» или «евразийскому» выбору князей суздальских, говорить не приходится. Галицко-Волынское княжество находилось не в более слабой, а в более сильной зависимости от Орды, чем Владимиро-Суздальское княжество. Поэтому если какие-то из русских князей и сделали ордынский выбор, то это были галицкие князья.

⁴⁵ «Сутністю кондомініуму, що постав внаслідок компромісу між правлячими династіями конкуруючих на теренах України держав, була згода польських П'ястів і литовських Гедиміновичів на сплату Джучидам щорічної данини з українських земель, інкорпорованих до складу Польщі і Великого князівства Литовського» (Шабульдо Ф.М. Чи існував ярлик Мамаєва на українські землі? (до постановки проблеми) // <http://histans.com/LiberUA/Book/Sha/7.pdf>).

⁴² Греков И.Б. Восточная Европа и упадок Золотой Орды. М., 1975. С. 53.

⁴³ http://www.haidamaka.org.ua/hramoty_14/14.jpg

⁴⁴ Шабульдо Ф.М. Указ. соч.

Анатолий Уралов

Будут ли русские торговать на базарах Баку?

Отношение москвичей к кавказским гостям (а гостями на Руси испокон века называли приезжих торговцев) отличается скрытой, а чаще откровенной неприязнью. Такое отношение далеко не всегда оправдано, но психологически вполне объяснимо. В нем резко сфокусировалось наше отношение к рыночным торговцам вообще. Рынки нынче дороги, а согласитесь, трудно испытывать симпатию к тому, кто заставляет тебя расставаться с немалыми деньгами. Всегда думается: «Не заламывай он так цены, я бы смог сэкономить, купить всего побольше и жить не так стесненно. Значит, торговец — один из тех, кто виноват в моих тяготах». Конечно, сознательно мы отдаем себе отчет, что главные разорители наших карманов вовсе не стоят на рынке, а сидят в весьма мягких и высоких креслах. Но до них далеко, и продемонстрировать им наш гнев и негодование невозможно. А торговца мы видим лицом к лицу, и ему приходится отдаваться за всю торговую цепочку махинаторов и перекупщиков.

К тому же не секрет, что сегодня на рынке практически не встретишь продавца собственной продукции. Торгуют главным образом перекупщики, то есть, если называть вещи своими именами, спекулянты. И хотя их «деятельность» отвечает естественным сегодняшним рыночным законам и не противоречит нормам современного права, на наше отношение это не влияет. Всем известно, что российский бизнес на 90% построен на спекуляции. Мы понимаем, что 9 из 10 «мерседесов», на

которых мимо нас проезжают дорогие Пети, Феди и Вани, куплены не на заработанные деньги. Этих Петь, Федь и Вань мы тоже недолюбиваем, но по принципу «в семье не без урода». Ведь мы знаем, что на одного русского, разжиревшего на махинациях, приходится полсотни других русских, которые селятся свести концы с концами честным трудом. А вот трудящихся кавказцев мы практически не видим. Большинство из них, с которыми мы сталкиваемся, — торговцы. Еще мы знаем, что множество их соплеменников промышляют в наших областях наркоторговлей, подделкой дензнаков, вымогательством, подкупом, воровством и грабежами. И в связи с таким положением вещей в сознании выстраивается непривлекательный образ кавказца, который живет по не совсем ясным для нас, славян, законам и непонятным образом жизни.

В результате в обыденном сознании формируется образ кавказца как довольно неприятной личности. Тому способствует и характерная внешность гостей, явно отличающая их от нас (белорусу, украинцу или молдаванину затеряться в толпе москвичей легко, кавказцу невозможно). Срабатывает известный психологам «эффект ореола»: явные внешние черты заставляют мгновенно достраивать в сознании обобщенный психологический портрет по принципу «все они одинаковы». При этом индивидуальные особенности конкретного человека не играют никакой роли: мы уже отнесли его к определенной катего-

рии и вынесли свой приговор. Такой однажды сформированный стереотип легко подкрепляется и очень трудно развеивается. Честного, вежливого, доброжелательного кавказца мы склонны считать исключением из правила, тогда как примеры недостойного поведения гостей всякий раз усиливают нашу неприязнь.

Социологические опросы, проводимые на территории Москвы, постоянно выявляют весьма тревожную картину национальной нетерпимости. 87% опрошенных высказали неприязнь к представителям южных регионов России и Закавказья. Такие настроения присущи жителям и других российских регионов. Почему торговыми гостями, в частности — азербайджанцами, да, впрочем, и некоторыми другими членами некогда «дружной семьи народов Советского Союза», мы все больше начинаем тяготиться, видя их у себя России, рядом с собой? Какова подоплека такого крена в общественном сознании? Что касается азербайджанцев, то главная причина, как свидетельствуют ответы респондентов, — экономическая.

По данным специалистов, после украинской азербайджанская диаспора самая многочисленная в России — более 2 млн. человек. Азербайджанцы — восьмая по численности национальность в Москве. По сведениям посольства Азербайджана в России, в столице находится от 800 тысяч до одного миллиона азербайджанцев. По данным ГУВД Москвы азербайджанцев в столице России — до двух миллионов, и поток пришельцев не иссякает. В сознании большинства россиян слово «азербайджанец» прочно связывается со словом «рынок». Молодые, пышущие здоровьем парни, торгующие фруктами, овощами и цветами на рынках по довольно высоким ценам, обвешивающие и обсчитывающие покупателей, большой симпатии, бесспорно, не вызывают.

Почему летом за пучок зелени надо

платить столько же, сколько зимой? Потому что одно место на рынке стоит достаточно дорого плюс еще надо отстегивать за охрану. В месяц набегает примерно до двух тысяч долларов. Такую сумму обязан отдать каждый продавец, допущенный к торговле в палатке. Получается, что, нанимая рабсилу, азербайджанские хозяева с нее же и деньги берут. Но и рабсиле самой надо заработать, и потому она не только цены задирает, но и обвешивает покупателей, и обсчитывает. В свою очередь, чтобы выжить, хозяевам рынков, как можно догадаться, приходится «совершать сделки» с властями, с милицией, санэпидстанциями и т.д.

Многие торговцы — нелегалы. Ими легко управлять. В случае неповиновения у них отберут бизнес и передадут сговорчивым собратьям. Перед мигрантами поставили задачу — *отдавать как можно больше денег*. Это значит торговать импортными товарами (до 80% овощей и фруктов на прилавках привозные) по максимально высокой цене. Контракты с иностранцами заключаются на годы вперед. Подобная монополия позволяет диктовать условия торговли и с наименьшими затратами получать наибольшие прибыли. Отсюда и неприятие тех, кто «живет на русских».

Российский обыватель давно воспринимает азербайджанца только через свой кошелек — он ежедневно или еженедельно сталкивается с ним на фруктово-овощных рынках, во многих минимаркетах, находящихся под преимущественным патронажем уроженцев Азербайджана. Поэтому-то в принимающем обществе возникает, естественно, вполне закономерный вопрос: почему же граждане иностранного государства — а Азербайджан является сейчас таковым — монополизировали в России всю торговлю на городских рынках, диктуют высокие цены, создали жесткую структуру, которая исключает проникновение на этот ры-

нок российских производителей сельхозпродукции, а следовательно, конкуренцию и игру цен?

Торговые гости заняли нишу между крупными оптовиками и мелкорозничной торговлей. Умение организовать торговлю — заслуга азербайджанцев. Это умение у них в крови. Зачастую на московских рынках можно увидеть азербайджанцев — учителей средней школы, которые приехали на заработки во время школьных каникул. Они покупают фрукты на оптовых базах, а потом продают. Торговля эта могла бы быть прибыльной, если бы не дикие поборы администраций рынков, не рыночная мафия, обдирающая торговцев, — в конце концов домой удастся привезти немного, едва хватает на скромную жизнь в течение нескольких месяцев.

«Базарная торговля — очень тяжелый и не слишком уж прибыльный вид бизнеса», — объясняет подполковник торговли цепочки председатель общества азербайджанской культуры «Оджаг» Тофик Меликов в беседе с советником по связям с общественностью ГРК «Радио России» Маргаритой Лянге. «При этом азербайджанцев еще укоряют, что не произвели товар, которым торгуют, — возмущается он. — Неправильное, обывательское представление! Рыночная торговля — это организация. Какое покупателю дело, откуда продукты? Да хоть из Австралии! Будьте благодарны за то, что эти бананы дешевле, чем во Франции!» Но уважаемый господин Меликов немного хитрит в своей излишне эмоциональной речи.

Давно освоив столичные рынки, азербайджанцы стали укрепляться на московских холмах всерьез и надолго. По информации сотрудников Федеральной миграционной службы, значительное число московских рынков отданы перекупщикам с Кавказа. Под различные диаспоры, в основном азербайджанскую, ушли продовольственные базы. Сегодня граждане Азербайджана контролируют при-

мерно 60% рыночной торговли овощами и фруктами, остальное делят грузины, армяне, таджики и т.д. Азербайджанцев, занятых в сфере этого бизнеса, в столице примерно 300 тыс.

Все оптовые овощные базы принадлежат азербайджанской диаспоре. Теневой перекуп машин с фруктами морально устарел, ему на смену приходят новые методы работы. Под контролем сообщества находятся все столичные базы, куда поступают овощи и фрукты из регионов России и зарубежья. Это позволяет получать огромные прибыли. С этих баз продукция попадает на рынки и в магазины, чем объясняется примерно одинаковая их цена.

Стабильную прибыль здесь получают только контролеры рынка, которые собирают с торговцев деньги за место и охрану. Средняя такса с приезжающей машины с товаром — до 100 тысяч рублей. Рынок неформально разделен на несколько частей, но кто стоит за каждой из групп, торговцы узнают, только когда начинается передел рынка. По рассказам старожилов, настоящая война разгорелась еще десять лет назад между людьми, контролировавшими «Покровку», и азербайджанцами, которые владели конкурирующим оптовым базаром зелени в здании Басманного рынка. Летом 2005 г. произошла серия убийств людей, связанных с Покровским рынком: после этого азербайджанцы якобы начали демпинговать и переманивать к себе продавцов и клиентов с Покровской базы. Противостояние закончилось февральской ночью 2006 г., когда рухнула крыша Басманного рынка и под ее обломками погибло 66 человек, большинство из которых были родом из азербайджанского города Гянджи, бывшего Кировабада. Тогда следствие пришло к выводу, что причиной обрушения стал ненадлежащий контроль за техническим состоянием здания и коррозия одной из колонн, державших крышу.

Сейчас в Москве три крупнейшие плодоовощные базы — Покровская

база, Дмитровский оптовый рынок и Хлебниковская овощная база. Через них, по оценкам экспертов, проходит до 95% овощей и фруктов, продающихся в Москве. Хлебниковская база находится около аэропорта Шереметьево и принадлежит структурам группы БИН, которую контролируют выходцы из Ингушетии братья Саит и Михаил Гучериевы (последний более известен как владелец нефтяной компании «Русснефть»). Дмитровским овощным рынком — пустырем на пересечении МКАД и Дмитровского шоссе, куда перебрались выжившие оптовики с Басманного, по официальным данным, владеет родственник президента Кабардино-Балкарии Арсена Канокова Тимур Каноков и его партнер Артур Карданов. Сейчас в холдинг «Синдика» входят несколько бывших колхозных рынков — Тушинский, Усачевский и Братиславский.

Помимо рыночной монополии, весьма большой доход азербайджанской общине приносят наркотики. По данным спецслужб, сегодня она контролирует до 35 процентов всего наркобизнеса столицы. Практически на каждом рынке Москвы действуют группы, занимающиеся исключительно им. Особо выделяются в этом отношении Северный и Черёмушкинский продовольственные рынки.

И плохо приходится тем торговцам, которые самостоятельно устанавливают цены на свой товар. С рынков столицы практически вытеснены подмосковные фермеры и крестьяне, они вынуждены сдавать свою продукцию по грошовым ценам, диктуемым истинными и полновластными хозяевами торговли. Чтобы ограничить влияние азербайджанцев на формирование рыночных цен, отдел по борьбе с этническими группировками в ГУБОП МВД периодически проводит оперативные мероприятия. Например, сотрудник милиции переодевается селянином, привозит на рынок картофель на грузовичке и начинает его продавать по

цене ниже «азербайджанской». Сразу возникает очередь. Но тут на «крестьянина» наезжают кавказцы и начинают запугивать и гнать либо предлагают скупить товар по дешевке. Хорошо, если не поколотят. На помощь подбегают бойцы ОМОНа, в итоге несколько человек оштрафованы и задержаны на целых пятнадцать суток. Правда, настоящих хозяев рынков подобными рейдами не очень запугаешь. Ведь администрация, торговцы, контролеры образуют единый организм, где каждый «орган» нормально себя чувствует, получая свою долю. Например, лишь от одной Покровской овощебазы конгресс и те, кто за ним стоит, имеют более 4 млн долларов в год.

Прибыль не только вывозится из России, но и инвестируется в светлое московское будущее легальных мигрантов. Недвижимость скупается целыми районами. Пример — район «Отрадное». Вот уже несколько лет как там установлен негласный порядок: «продаешь квартиру — продавай мусульманам». В районе построена новая мечеть, в местном ОВД сплошь кавказские лица. Средневековый клановый принцип трансформировался и отлично прижился в современных реалиях. Появляются земляки-милиционеры, земляки-торговцы, земляки-предприниматели и т.д. и т.п. Сообщества появились не сегодня, а еще в те годы, когда предпринимательство считалось спекуляцией, уголовно наказуемым деянием. Тогда и сформировались традиции, навыки конспиративной работы.

Сейчас в Москве, по данным правоохранительных органов, насчитывается несколько десятков экономических группировок из Азербайджана, сформированных по территориально-родовому принципу. Места убывших торговцев (в том числе и торговцев наркотиками, задержанных и посаженных) тут же занимают другие. Название группировок происходит от названия района, откуда родом участники группировок. Основные места кон-

центрации — крупные рынки города, гостиницы при них, а также рынки, созданные почти у всех станций метро. При этом к каждому из них «приписаны» выходцы из одного определенного района Азербайджана или из других республик, где есть значительные общины азербайджанцев.

* * *

Формирование азербайджанской диаспоры в России — процесс совсем не стихийный. Исторически сложилось так, что массированное проникновение азербайджанцев на рынки российских городов в советское время было связано с торговлей ранней капустой и картофелем, виноградом, персиками, зеленью цветами и т.д. «Колхозников» из Азербайджана в те годы можно было встретить аж за Полярным кругом. Но тогда эти факты, равно как и поставки в Россию фруктов и овощей из Молдавии, Крыма, Украины и республик Средней Азии, воспринимались как разумное разделение труда в едином государстве.

Как была куплена Москва, после распада СССР, о том, как Азербайджан взял Москву, впору писать увлекательную книгу. Уверен, это будет не хуже романов Юлии Латыниной. Мой давний знакомый и земляк Рустам Арифджанов, автор 10 публицистических книг, изданных в России и Азербайджане, связывает торговую экспансию торговых гостей также с ранней капустой: «Все началось с ранней капусты. Субтропический юг Азербайджана выращивал самую раннюю в стране капусту и поставлял ее в столицу. Одновременно на закате брежневского социализма в СССР потекли нефтедоллары. Это позволяло значительной части москвичей покупать не только капусту, но и персики, а то и виноград, которые государственная советская система к тому времени почти разучилась производить. Фрукты, овощи, цветы тут же попали в разряд общедоходных. Предприимчивые азербайджанцы

паковали коробки с персиками, рассовывали по проводникам поезда №5 Баку–Москва, а затем и сами устремлялись в Москву на постоянное жилье. Позже стали летать и возить самолетами. Технологическая цепочка от фруктового дерева в Масаллах (небольшой райцентр в Азербайджане) до кухонного стола в Черемушках порой насчитывала по несколько сотен человек. Каждая овоще-фруктовая операция приносила 600–800 (!) процентов прибыли. Не то что в Москве — в России не было в ту пору рынка, который не контролировали бы мои предприимчивые соплеменники. Но главным бизнесом доперестроечного рынка стали для азербайджанцев цветы. Цветочный рынок был полностью монополизирован дешевыми поставками из Азербайджана. В предместьях Баку создавались все новые и новые парники. В 1989 г. цветочный бум достиг пика. Из Азербайджана экспортировалось более двух миллиардов цветов на общую сумму около четырех миллиардов рублей. Для сравнения: валовой внутренний продукт всей Азербайджанской ССР в тот год составлял около 7 миллиардов рублей. Тогда и поделили страну между азербайджанскими деревнями (читай — торговцами). Ленинград и Прибалтика достались выходцам из центральных районов Азербайджана, Урал — западным азербайджанцам. Москву завоевали цветочники бакинских предместий и земляки Гейдара Алиева из Нахичевани. Так и случилось, что к началу перестройки самые крупные доходы в наличной денежной массе были в Москве в основном у представителей азербайджанской диаспоры. Началась третья волна миграции: в Москву стали перебираться боссы бакинской теневой экономики — профессиональные коммерсанты, торговцы и “цеховики”. Цветочная “капуста” стала движущей силой кооперативов, разрешенных при Горбачеве. И если турецких рабочих в Германии принято называть “гастарбайтерами”, то азербайджанцев

жанских торговцев в Москве с тем же правом «гастгешефтерами».

Незнакомое широким азербайджанским массам слово «гешефт» стало делом их жизни. «Гастгешефтеры» выполняют черную предпринимательскую работу. Значительно больше зарабатывает элита диаспоры. У азербайджанцев солидные пакеты акций «ЛУКойла», «Газпрома», «Славнефти», «Роснефти», «Транснефти», «Никойла». Широко представлен азербайджанский капитал в российских банках. Деньги азербайджанцев работали и во Внешторгбанке. Аналитики из азербайджанского журнала «Монитор» опубликовали любопытную диаграмму сфер деятельности азербайджанцев в России. 12% приходится на промышленность, 20% — на торговлю, 23% — на банковские структуры и 38% занимает сектор, названный ими «криминальные дела». Если сложить все деньги, зарабатываемые азербайджанцами в России, то получится общий суммарный оборот в 25–26 миллиардов долларов. Около 12–15 миллиардов из них приходится на Москву. Это, кажется, опять больше, чем валовой национальный продукт теперь уже независимого Азербайджана».

Сегодняшняя Россия давно уже не «оплот дружбы народов». Создавать пришлым большой бизнес и при этом не иметь политико-финансовой «крыши» — невозможно, и диаспора это отлично понимает. Считается, что при аппарате президента Азербайджана создан специальный фонд, средства которого используются для проведения в Москве «специфической работы» — «общения» с государственными и политическими деятелями РФ, блокирования нежелательной информации, которая может появляться в российских СМИ об Азербайджане, проведения PR-кампаний и т.п. В тесном контакте с этим фондом работает в Москве Всероссийский азербайджанский конгресс. У Конгресса есть

своя собственная информационно-аналитическая организация, где собираются и систематизируются сведения, поступающие от азербайджанцев, проживающих в России. Ведь легальные мигранты азербайджанской диаспоры зарабатывают до 2,5 млрд долларов, что больше всего государственного бюджета Азербайджана. От азербайджанцев, находящихся в России, в Азербайджан поступает свыше миллиарда долларов. Диаспора поддерживает этот фонд пожертвованиями. И у Баку есть рычаги для того, чтобы поток взносов в фонд не иссякал.

Политика Правительства Москвы в сфере наведения порядка настроена на то, чтобы рынки столицы стали более цивилизованными, но через ответственность администрации рынков (тех же азербайджанских господ), без участия правоохранительных органов. Московский корреспондент Агентства Азери-Пресс Фарид Акберов провел в июле 2013 г. наблюдения на нескольких рынках Москвы и Подмоскovie. Дело в том, что работающих на рынках Москвы и Подмоскovie азербайджанцев обеспокоило заявление министра в правительстве Московской области по вопросам потребительских рынков и служб Екатерины Семеновой о приостановке деятельности в Москве и окрестностях более 100 рынков.

Вот что удалось выяснить Акберову: «Расположенный на юге столицы Пражский базар принадлежит азербайджанцам. Большинство тех, кто стоит за прилавком, — уроженцы Грузии. Работающий здесь Мухтар Сафаров трудится на этом рынке уже несколько лет. Он очень обеспокоен слухами о закрытии рынков: «Весьма вероятно, что принадлежащие азербайджанцам рынки закроют». Он считает, что «эти шаги предпринимаются для вытеснения с рынков нерусских. Представители городской префектуры неоднократно предупреждали нас, чтобы мы убрались из Москвы. Они это делают под предлогом незаконности и несоответ-

ствия стандартам нашей деятельности. На новых же рынках лицам с неславянской внешностью места нет”.

Второй по счету рынок, куда мы направились, — это самый большой в России оптовый фруктово-овощной Покровский рынок. Снабжение Москвы и Подмосковья фруктами и овощами производится отсюда. Большинство работающих здесь — азербайджанцы. Владелец объекта по происхождению — дагестанец, а исполнительный директор — азербайджанец.

Работающий на рынке Тофиг Мамедов заявляет, что слухи о закрытии этого рынка он слышит уже годами: “Если Покровский рынок закроется, положение работающих здесь будет очень тяжелым. Многие годами зарабатывают здесь хлеб насущный”. Экономист по специальности, Тофиг Мамедов считает, что целью закрытия рынков является вытеснение с них нерусских.

Другим рынком, столкнувшимся лицом к лицу с угрозой закрытия, является “Теплый стан”. Здесь также большинство работников составляют азербайджанцы. Они также живут со страхом потерять работу. Работающий на этом рынке азербайджанец Мурад заявляет, что закрытие рынков приведет к потере азербайджанцами рабочих мест: “По слухам, на месте этих рынков будут построены новые современные. В разных частях города такие рынки строятся, но в них работу азербайджанцам не дают. Для вида между предпринимателями проводятся конкурсы. Рынки реконструируются, когда же работа завершается — нам заявляют конкретно: «Уезжайте к себе домой!» Русским же создаются всяческие условия”.

Заместитель посла Азербайджана в России Гудси Османов вспоминает, что ситуацию с рынками, в которой оказалась Москва сейчас, Санкт-Петербург пережил 5–6 лет назад: “Рынки старого типа, не соответствующие нормам санитарии и современным стандартам,

в этом городе были закрыты. На их месте были построены торговые центры. В этих торговых центрах стали действовать современные рынки. Но, оказывается, на этих рынках стали продаваться не натуральные продукты из стран СНГ, а выращенные химическим путем и завезенные из европейских стран. И это стало причиной недовольства местного населения. Сейчас городская администрация ломает голову над тем, как вернуть старые рынки”. В Москве, по словам Гудси Османова, произойдет то же самое. Закрытие в столице рынков в настоящее время не должно вызывать беспокойства у проживающих здесь азербайджанцев, потому что они уже давно переросли статус торговцев на рынке.

Тем более что большинство азербайджанцев, которые приехали в столичный регион 15–20 лет назад, являются представителями малого и среднего бизнеса. Также невозможно окончательное закрытие рынков, так как местное население будет против этого. Просто рынки модернизируются. С проблемами же сталкиваются те азербайджанцы, у которых документы не в порядке».

Как заверил корреспондента агентства исполнительный секретарь Всероссийского Конгресса азербайджанцев Ильгар Гаджиев: «Азербайджанцы, проживающие в Москве и Подмосковье, не должны беспокоиться по поводу закрытия рынков». По его словам, «закрытие рынков и строительство на их месте новых рынков и торговых центров современного типа — давнишний план российского правительства». Гаджиев отметил, что «многие азербайджанцы приобрели акции рынков современного типа. Поэтому я не согласен с мыслью, что на рынках не разрешают работать не русским».

* * *

Как видно, время решения «базарных» проблем, особенно после последних событий в Бирюлеве, перешло в

новую фазу. Выступления различных молодежных групп не в первый раз показало, что в Москве имеются очаги, как говорят «социальной напряженности», а попросту «межэтнических конфликтов». Пока от агрессивных вспышек ненависти и больших погромов торговых гостей спасает то, что поколения москвичей, выросшие при советском строе, привыкли к интернационализму. Однако напряжение всё же возрастает. Созрело новое поколение русской молодёжи, силы которого бурлят, а места под солнцем в Москве уже заняты другими. И эта молодёжь, как показывают последние события, готова громить. И этот горячий материал когда-нибудь вспыхнет.

Социологические зондажи показали, что москвичей волнуют не столько проблемы заработков или получения бесплатного жилья (в последнее уже никто не верит), а именно засилье азербайджанцев на рынках. Причём неприязнь к ним объединяет и бедных, и богатых, и молодых, и старых.

Но Россия для осевшей в ее городах «овощной мафии» — золотое дно. Всплески кавказофобии и внешней ретивости милиции при проверках регистрации — это мелочи по сравнению с возможностями для разного рода бизнеса. Азербайджанская диаспора в России — это вам не все уменьшающаяся русская община Азербайджана, которой никогда не позволят стать диаспорой. Поэтому практически каждая азербайджанская семья отправляет своих отходников на российские рынки. В России ведь не было пришедших к власти народных фронтов и национальных движений под лозунгами вроде «Грузия для грузин», «Чемодан, вокзал, Баку» и тому подобное.

О том, что они думают про свою жизнь в Москве, видно по высказываниям их представителей в Интернете.

«Не думаю, что надо объяснять азербайджанцам на рынках правила и азы поведения в обществе. Тот, что на рынке, скажет тебе: ты что, пришёл

меня жизни учить? А как мне заработать денег на еду своим детям? Разве я думаю об этике и культуре? Разве мне так нравится жить в Москве (ведь все прекрасно знают, где живут наши соотечественники, не в Барвихе же!)?» (Shamkhal — Шамхал).

«Далеко не все русские люди воспринимают азербайджанский народ как “торгашей”. Сейчас создаются все условия для провокации, натравливают людей друг на друга, чтобы окончательно развалить и без того разваленную страну. В таком положении каждый представитель какой-либо нации должен всё-таки осознавать, что он — лицо своего народа» (Ayshet — Ашхет).

«Я считаю, что стереотип азербайджанца как рыночного торгаша неустойчив и в будущем непродолжителен. Большинство детей нынешних “торгашей” — азербайджанцев не будут торговать на рынке, а будут интегрироваться в социум той страны, в которой они проживают» (Seymur — Сеймур).

«Нет ничего постыдного, что подавляющее большинство азербайджанцев занимаются бизнесом, пусть даже самым мелким, на базаре. Это надо воспринимать как особенности определённого слоя азербайджанцев в определённый исторический период новейшей истории, после развала СССР. Кстати, русские тоже не блещут прежними великими достижениями почти во всех сферах деятельности. А в Европе и Америке больше говорят о русской мафии. Это переходный период. Пройдёт» (Mamed — Мамед).

Маргарита Лянге, изучая проблемы адаптации этногрупп к жизни в мегаполисе, определила, что азербайджанские «общины очень закрыты, все имеют свои особенности. Московская азербайджанская община состоит как бы из двух частей. Первая — так называемые коренные москвичи, среди которых элита делового мира и интеллигенция. Вторая — “новые азербайджанцы”. Они живут достаточно спло-

ченной семьей, далекой от реального благополучия. Связи между московскими азербайджанцами и недавно приехавшими соплеменниками почти нет. Это два разных мира, друг с другом почти не пересекающихся.

Мир номер два — это те, кто приехал из Баку и окрестностей, где средняя зарплата не превышает нескольких десятков долларов, а вода в домах бывает пару часов в день, на заработки. Их стихия — мелкая и челночная торговля, в основном овощами-фруктами. В ней азербайджанцы чувствуют себя как рыба в воде. Как не были помехой им запреты в СССР. В советское время, когда преследовали за каждый проданный килограмм винограда, азербайджанцы торговали, давали взятки и чиновникам, и милиции. И сейчас торгуют, только тогда это стоило 5 рублей, а теперь 5 тысяч долларов. На московских рынках 80-х их называли спекулянтами. Сами себя они называли иначе — таджирами, то есть купцами. Таджир — человек в Азербайджане уважаемый, выдать дочь замуж за таджира считается почетным».

Одним из наиболее «простых» путей проникновения в азербайджанскую среду можно считать брак с представителями данной этнической группы. Однако даже в значительной мере ассимилировавшиеся «московские» мусульмане по возможности, не допускают смешанных браков. Как крайний случай (любовь, экстренная необходимость прописки, возможность с наименьшими затратами получить жилплощадь и прописку) допускается вступление в брак с русскими женщинами мужчин-кавказцев, категорически отказывая при этом своим женщинам в браке с местными мужчинами. Азербайджанцев подозревают еще и в том, что ради московской прописки они чуть ли не поголовно готовы жениться на русских. Однако подавляющее большинство опрошенных предпочло бы, если бы их дети женились или вышли замуж за сородичей.

Гастарбайтеры и торговцы считают, что смешанных браков с русскими следует избегать. В то же время не возбраняется и даже поощряется сожительство мужчин с женщинами славянской национальности по принципу гостевого брака. При этом совместные дети не приветствуются (хотя, в сравнении с другими братьями по бывшему Союзу, русская родня для них — не самый худший вариант). Интересно, что при этом многих азербайджанцев не устраивает образ жизни, с которым они расстались, — патриархальность, большая семья. Они тяготятся этим шлейфом, ориентированы на «стандартную» московскую семью. А родственников можно и не видеть, общаться по телефону.

Ну а насчет того, что наши торговцы появятся на рынках, вернее, базарах в городах Азербайджана, это уже из области фантастики. Хотя на городских базарах Баку, даже на «Центральном», полно свободных мест. Сам видел. Но уж очень много сил и проблем надо приложить, чтобы попасть на не особенно многолюдные нынче бакинские базары. Там тоже придется за все платить, да и пребывать придется в абсолютно чуждой среде. Хотя не исключено, что встретят приветливо, но и выведут с облегчением.

И все же проблему неравноценного и практически безраздельного господства азербайджанского капитала на рынках России надо решать в первую очередь экономическими мерами. Что мешает отечественному капиталу создать альтернативу — закупочно-сбытовую структуру торговли фруктами, овощами и цветами, завозить на городские рынки отечественные овощи и заморские фрукты? Конечно, вытеснение прочно укрепившегося азербайджанского капитала, который к тому же уже обзавелся нужными связями, а также, надо полагать, влиятельными покровителями, будет делом нелегким. Но надо же когда-то начинать.

НИКОЛАЙ КЛЁНОВ

ЕДИНАЯ, НО ДЕЛИМАЯ?

АВТОНОМИИ В СОСТАВЕ СРЕДНЕВЕКОВОГО РУССКОГО ГОСУДАРСТВА В ЭПОХУ ЕГО ВОЗРОЖДЕНИЯ И ПОДЪЕМА

Выбор исторической концепции при осмыслении событий прошлого подобен выбору угла зрения при попытке сложить осмысленную картину из переливающихся цветных пятен древней мозаики. Приняв решение рассмотреть в порядке эксперимента «зону стратегических интересов» великих князей Владимирских из рода Всеволода Большое Гнездо (образовавшуюся в середине XIII в. в процессе оформления «русских владений» Улуса Джучи) как условно единую крупную политику средневековой Европы, мы получили с неизбежностью ряд любопытных следствий. И один из самых неожиданных здесь результатов — новый взгляд на историю федерализма в России, новый взгляд на влияние и значение федералистских практик в истории Отечества.

Безусловно, вопрос о преломлении отечественной истории в массовом сознании практически необъятен и крайне слабо изучен. Однако все же рискну заявить: средневековое русское государство воспринимается этим сознанием как нечто весьма централизованное (ну или пытающееся стать таковым). Достаточно вспомнить такой известный штамп, как «собрание Москвой русских земель». И вот, взглянув на ситуацию под новым углом, мы видим Русию как стабильно «рыхлое» государственное образование, включаю-

щие в свой состав несколько конкурирующих центров (та же Москва, как было показано, являлась лишь одним из таких центров)¹, а также крупных самобытных автономий. И стоит попробовать уйти от соблазна: не «обзывать» привычно эти автономии «проявлением феодальной раздробленности», а постараться понять, как именно были оформлены отношения с «Центром» (если таковой вообще существовал), и как менялось это оформление с течением времени.

И начать рассмотрение стоит с наиболее крупной и самобытной из всех автономий, которой была, безусловно, Новгородская земля, именуемая иногда в историографии независимой Новгородской боярской республикой.

Новгород и Рюриковичи в XI–XII веках

«Новгород Великий старейшинство иметь княженью во всей Русьской земли»... во всяком случае, так полагали многие идеологи Руси, в том числе и за пределами собственно владений Святой Софии². Конечно, со вре-

¹ Клёнов Н.В. Выход из тупика: история успеха Русского средневекового государства // Вопросы национализма. 2013. № 14. С. 22–51; Горский А.А. Восточная Европа в XIII–XV вв.: тенденции политического развития // Труды Отделения историко-филологических наук. 2006. М., 2007. С. 356–363.

² Лаврентьевская летопись. Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). Т. 1. М., 1997. Стб. 422.

Автор выражает признательность Алексею Конрадову за существенную помощь в осмыслении исторического материала для этой работы.

мен Олега Вещего «ставка» старейшего князя располагалась несколько южнее. Новгородский же стол весьма часто занимал сын старейшего князя: именно в Новгород/«Немогард» Константин Порфирогенит поместил «Свендослава [Святослава], сын Ингоря, архонта Росии»³; княжил в Новгороде при жизни отца и Владимир Святославич⁴; в северной столице на момент смерти Владимира готовился противостоять отцовской воле Ярослав Владимирович⁵, а завоевав старшинство — посадил здесь своего старшего сына Владимира⁶. Изяслав Ярославич, наследовавший отцу, отправлял в Новгород собственных сыновей.

Увы, красивая концепция быстро терпит крах при столкновении с непростыми и вопиюще неформальными отношениями в семье Рюриковичей. Но вот что важно подчеркнуть: особенно часто менялись князья на новгородском престоле, особенно часто нарушалось правило «на новгородском столе — сын князя киевского» как раз во времена серьезных политических противостояний на далеком Юге Руси. Так, после смерти Ярослава Мудрого и формирования специфической

формы правления, которую так и подмывает назвать «триумвиратом Изяслава–Святослава–Всеволода Ярославичей», великий князь уже не являлся де-факто отцом-патриархом для всего стремительно разрастающегося «рода святого Владимира», и новгородский стол в рамках формирующейся системы сдержек и противовесов временно попал (через Мстислава Изяславича) в руки линияжа Святослава, второго из триумвиров⁷. Ярким примером неустойчивости положения новгородского князя в годину междоусобиц стала печальная судьба Глеба, сына Святослава Ярославича, княжившего в Новгороде с 1069 г. Казалось бы, этот князь уверенно, при помощи топора и умного слова держал в своих руках Новгород, успешно выступая иногда даже против воли всех новгородцев. Но в 1078 г., после смерти его отца и вокняжения в Киеве его противника Изяслава Ярославича, Глеба «выгнаша из города и бежа за Волок и убиша [его] чюдь»⁸.

Анализ ранней истории новгородского княжения позволяет нам с уверенностью констатировать: **частые, иногда неожиданные перемены на местном столе не являются сами по себе свидетельством независимости Новгорода от власти Семьи, от власти клана Рюриковичей, не являются доказательством существования самостоятельной «Новгородской боярской республики»**. Более того, с осторожностью следует подходить к противоречивым сюжетам, традиционно понимаемым как примеры изгнания/по-

³ Константин Багрянородный. Об управлении империей. М., 1989. С. 46–49.

⁴ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. ПСРА. Т. 3. М., 2000. С. 121.

⁵ Там же. С. 174–175; Ипатьевская летопись. ПСРА. Т. 2. М., 1998. Стб. 140–141. Стоит обратить внимание на то, что в начальном «распределении по градам» сыновей Владимира Старого Новгород предназначен старшему, Вышеславу: Ипатьевская летопись. ПСРА. Т. 2. М., 1998. Стб. 105–106. В данном случае интересно сравнить сообщения летописей с показаниями зарубежных источников: Сага об Эймунде / [Перевод Е.А. Рыдзевской] // *Рыдзевская Е.А. Древняя Русь и Скандинавия в IX–XIV вв. (Материалы и исследования.)* М., 1978. С. 89–104.

⁶ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов... С. 16, 161.

⁷ Там же. С. 17, 161.

⁸ Там же. С. 18, 161. Характерный момент: в Новгородской первой летописи старшего извода сообщение о бегстве и гибели Глеба Святославича соединено с сообщением о кровопролитных походах на Юге его брата Олега, сражавшегося с Владимиром Мономахом, могучим и коварным лидером линияжа Всеволода, третьего из триумвирата Ярославичей.

сажения князя новгородцами. И первый среди таких примеров — это история 1095 г. с изгнанием из Новгорода Давыда Святославича и вокняжением там будущего Мстислава Великого, сына Владимира Мономаха. Согласно статье «Повести временных лет» от 6603 года, имела место классическая акция гражданского неповиновения: «иде Давыдъ Святославичъ из Новгорода Смолинъску. Новгородци же идоша Ростову по Мстислава Владимировича, и поемше ведоша и Новугороду, Давыдови рекоша “Не ходи к нам”...»⁹.

Но, соотнося сообщения киевского летописца с сообщениями Новгородской первой летописи¹⁰, воспоминаниями активного участника событий в «Поучении Владимира Мономаха» и содержанием дипломатической переписки 1095–1097 гг.¹¹, можно увидеть, что за сценой с «народным изгнанием» Давыда скрывается яростная подковерная княжеская борьба. Именно в это время сошлись в междоусобной войне представители второго поколения потомков Ярослава Мудрого. С одной стороны встали Святополк и Владимир Мономах, сыновья Изяслава и Всеволода Ярославичей, контролировавшие, видимо, Киев, Переяславль Южный, Смоленск и Ростов с Суздаем. С другой стороны встали братья Олег и Давыд Святославичи, удерживающие за собой отцовский Чернигов, Новгород, Муромо-Рязанскую землю и, возможно, далекую Тмутаракань. И вот с высоты птичьего полета, когда можно разглядеть не только новгородские, но и общерусские страсти, вся история с «народным» изгнанием Давыда из Новгорода вызывает серьезные вопросы.

Почему Давыд, по мнению автора

«Повести временных лет», который и сообщил нам об отказе новгородцев принять князя, отправился из Новгорода в Смоленск, в волость Мономаха, противника Святославичей? Почему Новгородская первая летопись под 1095 годом сообщает о походе Святополка Изяславича и Владимира Мономаха под Смоленск против Давыда и почему, по мнению новгородских летописцев, Давыд Святославич по итогам этого похода не потерял, но получил Новгород? Почему Владимир Мономах в своем знаменитом «Послании» к Олегу, старшему из двух братьев Святославичей, обращаясь к адресату, заведомо знакомому с реальной историей княжеской распри 1095–1097 гг., фактически подтверждает сообщение новгородского летописания о пропущенном в Повести временных лет походе на Давыда Святославича? Предложить непротиворечивый и убедительный ответ на все эти вопросы пока никому не удалось, но при этом бесспорным выглядит вывод о том, что на первый взгляд «самостийное» решение новгородцев по замене представителя Святославичей на князя из потомков Всеволода являлось частью сложного лавирования «северной столицы» в масштабной общерусской «княжеской игре»¹².

В этом свете особенно любопытно выглядит сообщение «опального» ныне Татищева о новгородском посольстве в Переяславль Южный и ответной поездке Владимира Мономаха в Новгород, завершившейся «новгородской клятвой» «инога князя не призывать, но содержать [Мстислава Владимировича] в чести до самой кончины»¹³.

⁹ Ипатьевская летопись. ПСРА. Т. 2. М., 1998. Стб. 219.

¹⁰ Ср.: «Иде Святопѣлкъ и Володимиръ на Давыда Смольнъску, и *вдаша* Давыду *Новгородъ*» (Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов... С. 19).

¹¹ Ипатьевская летопись... Стб. 251.

¹² Вилкул Т.А. Люди и князь в древнерусских летописях середины XI–XIII вв. М., 2009. С. 157–160. См. также: Лукин П.В. Деконструкция деконструкции. О книге Т.А. Вилкул по истории древнерусского веча // *Scrinium IV* (2008). *Patrologia Pacifica*. P. 403–434.

¹³ Коринный Н.Н. Переяславская земля

Видимо, именно в таком духе и придется историкам будущего строить «компромиссную» картину одного из первых проявлений знаменитой новгородской «вольности в князях». А мы для себя отметим, что уже с этого времени внешне самостоятельная новгородская «княжеская политика» проходила по тонкой красной линии поиска баланса между конкурирующими княжескими группировками, претендующими на «северную столицу».

Причем критически важно будет постоянно следить за часто неявными нитями, связывающими «местные» новгородские события с общерусским контекстом. Так, например, по-новому можно взглянуть на столкновение новгородцев в 1102 г. уже со Святополком Изяславичем, великим князем киевским. Новгородские послы заявили тогда в Киеве об отказе принять сына Мстислава Владимировича в следующих примечательных выражениях: «с нами слово от новгородец таково: не хотим Святополка, ни сына его; аще ли две головы иметь сын твой, то пошли его; а сего [Мстислава Владимировича] дал нам Всеволод, и вскормили есмя себе князя, а ты шел еси от нас»¹⁴.

Эта угроза, содержащая не только ссылки на старые новгородские обиды и новые новгородские права, но и апелляцию к авторитету Всеволода Ярославича (и таким образом — еще и его сына Владимира), играет новыми красками, если рассматривать её не только как проявление новгородской вольности, но и как важный шаг на пути Владимира Мономаха к усилению власти его рода над всей Русью. И показательно, что во времена безоговорочного триумфа этого дома, во времена «самовластного» киевского княжения

самого Мономаха и его сына Мстислава неоднократные столкновения новгородцев с княжеской властью так и не закончились ни одним изгнанием. В условиях отсутствия у новгородцев вариантов для политического лавирования сын Мстислава Владимировича Всеволод успешно переживал многочисленные политические бури в суровом северном климате вплоть до 1136 г.

До сегодняшних дней дожило представление о событиях 1136 года как о «республиканской революции», после которой Рюриковичи утратили в Новгороде свои главные прерогативы: Новгород завоевал право приглашения и изгнания князей, лишил князя права владеть и распоряжаться землей в пределах Новгородского государства, выселил его на Городище, запретив жить рядом со Святой Софией¹⁵. Но новгородцы и ранее неоднократно пытались ограничивать власть своих князей, а при удачном стечении обстоятельств и изгонять их. В конце X в. они настояли на княжении у них Владимира Ярославича, в 1052–1054 гг. оставили у себя Ростислава Владимировича и снова пригласили его в начале 60-х гг., в войне 1095–1096 гг. участвовали в изгнании Давыда Святославича и, по сути, выручили Мстислава Владимировича, в 1102 г. решительно воспротивились замене Мстислава сыном киевского князя. При этом В.А. Янинным было показано, что и до 1136 г. князя в определенных случаях распоряжались в Новгороде землей лишь с согласия веча, а переселение князя на Городище произошло по крайней мере за сорок лет до событий 1136 г.¹⁶ Соб-

X — первая половина XIII века. Киев, 2002. С. 83

¹⁴ Ипатьевская летопись... Стб. 94–95. Ср. с сообщением: Лаврентьевская летопись. ПСРА. Т. 1. М., 1997. Стб. 93.

¹⁵ Греков Б.Д. Революция в Новгороде Великом в XII в. // Уч. зап. Института истории РАНИОН. Т. IV. М., 1929. Современное изложение этой классической историографической концепции можно найти, например, в популярном изложении в работе: Карацуба И.В., Куфукин И.В., Соколов Н.П. Выбирая свою историю. М., 2006. С. 87–103.

¹⁶ Янин В.А. Проблемы социальной орга-

ственно же изгнание Всеволода Мстиславича, сына Мстислава Великого, видного представителя ветви Мономашичей, вполне укладывается в концепцию «новгородского лавирования» и следования в кильватере силы, наиболее влиятельной на данный момент на далеком Юге¹⁷.

Новгородцам инициативу в деле изгнания/приглашения князей отдает (создавая основу для историографической концепции о «новгородской вольности в князях») только киевский летописец. Новгородский летописец упорно говорит о самовольном бегстве князей. Но оба взгляда сходятся в одном: *Великий Новгород принимает своего князя из руки великого князя киевского*. Например, Всеволод Ольгович никого не пустил в Новгород на княжение, более того, «епископъ, и купце, и слы новгородьския не пушаху из Руси». Однако положение самого киевского князя было не слишком прочным, оппозиция его власти в лице сыновей и внуков Владимира Мономаха была слишком сильна. В результате новгородцы, «не стерпяче безо князя сидети», отправили посольство в Суздаль к Юрию Долгорукому и получили в князя уже бывавшего у них Ростислава Юрьевича.

Но стоило Мстиславичам договориться с хозяином Киева, как вся эта история с очередными «свободными княжескими выборами» завершилась появлением в Новгороде Святополка Мстиславича, брата изгнанного в 1136 г. Всеволода. Так за неполные шесть лет история «новгородской антикняжеской революции» сделала два

замкнутых круга, продемонстрировав во всей красе условность рассуждений о «свободном выборе князей в Новгородской республике». Свобода выбора сплошь и рядом оказывалась осознанной необходимостью.

А еще оказалось, что и после 1136 г. князья отнюдь не теряют права распоряжаться новгородским земельным фондом¹⁸. Более того, после «антикняжеской» революции положение князя упрочилось, а роль его возросла — В.А. Янин показал, что с 1136 г. и до конца первой четверти XIII в. в Новгороде на «официальных документах» 40 утверждающим вислым печатям «княжеского круга» противостоят всего 14 епископских булл и около десятка проблематичных посадничьих печатей. «Антикняжеская» революция вместо того, чтобы отменить княжескую печать и максимально распространить буллы «республиканской власти», привела к тому, что после 1136 г. посадничья печать становится почти неупотребительной, а княжеская — получает широчайшее развитие, «оттесняя на задний план другие категории печатей»¹⁹.

Новгородская земля в новой Руси: XIII–XIV вв.

Однако все же отдельные новые реалии в новгородской политической жизни во второй половине XII в. все же возникли: после Всеволода Ольговича ситуация, когда в Новгороде правит поставленный великим киевским князем сын или брат, стали скорее исключением, чем правилом. Новгород после падения в 1136 г. династии «вскормленных» здесь Мстиславичей превратился в общерусский стол, в арену борьбы между тремя вли-

низации Новгородской республики // История СССР. 1970. № 1. С. 44–54.

¹⁷ Впервые изгнание новгородского князя было связано с появлением альтернативы Мономашичам в лице усилившихся черниговских Ольговичей, потомков упоминавшегося выше Олега Святославича; см.: Пресняков А.Е. Княжое право в Древней Руси. СПб., 1909. С. 83.

¹⁸ Янин В.А. Из истории землевладения в Новгороде XII в. Культура Древней Руси. М., 1966. С. 322

¹⁹ Янин В.А. Очерки комплексного источниковедения. Средневековый Новгород. М., 1977. С. 33–34.

ятельными родами разросшегося Рюрикова племени: «черниговскими» Ольговичами, «ростово-суздальско-владимирскими» Юрьевичами, среди которых особо выделяли могучие фигуры Андрея Боголюбского и Всеволода Большое Гнездо, и «смоленскими» Ростиславичами/Мстиславичами.

Новгород теперь уже действительно не зависел, как правило, от киевского правителя. Но вот о том, чтобы вырваться из цепких рук Рюриковичей — об этом не было и речи. Тем более в XIII в. Новгород начал отчаянно нуждаться в военной доблести представителей этой семьи (вроде знаменитого Мстислава Ростиславича Храброго, похороненного в столь значимом для «Северной Флоренции» храме Святой Софии): из кипящего чрева Европы, беременной великим и кровавым чудом Возрождения, на берега Восточной Прибалтики, прямо в сферу стратегических новгородских интересов²⁰, дви-

²⁰ Новгородцы под предводительством Рюриковичей ходили в походы на земли современной Эстонии и Южной Финляндии и собирали там дани еще со времен Ярослава Мудрого. Мстиславу Владимировичу Великому удалось даже взять Медвежью Голову (Оденпе), один из ключевых укрепленных пунктов Восточной Эстонии. Его сыну Всеволоду, с которым так невежливо обошлись новгородцы в 1136-м, приходилось вести с эстами тяжелые колониальные войны, отбивать и восстанавливать Юрьев (Дерпт/Тарту). Наконец, в 1190-х Ярослав Владимирович после серии трудных походов, после очередного взятия Юрьева и Медвежьей Головы, после сожжения шведского замка Або в современной южной Финляндии установил относительно прочно новгородскую власть хотя бы в окрестностях Финского залива: Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов... С. 183; 20, 204; 23, 207; 40, 231; Софийская первая летопись старшего извода. ПСРА. Т. 6. М., 2000. С. 183–184, 248; *Генрих Латвийский*. Хроники Ливонии / Перевод С.А. Аннинского. М.–Л., 1938. XI, 7. Походы на емь: Новгородская первая ле-

нулись на кораблях с крестоносными парусами немецкие предвестники Писарро и Кортеса.

И Рюриковичи в меру сил старались соответствовать вызовам времени (неизбежно оставаясь при этом заложниками сложившихся традиций). Так, удалой Мстислав Мстиславич, сын упомянутого выше Мстислава Храброго, в 1209 г. занявший новгородский стол, организовал несколько масштабных походов в земли эстов. Попытка остановить наступление ливонцев на новгородскую зону влияния и даже выбить клин католической проповеди в землях прибалтийских язычников проповедью православной вышла заметной²¹. Увы, успех не был долгим: линия Ростиславичей, к которой и относился Мстислав Удалой, слишком сильно завязла в бесконечной кровавой войне на юге Руси²²: вот и Мстислав уже в 1215 г. от-

топись старшего и младшего изводов. ПСРА. Т. 3. М., 2000. С. 39, 230; M. Pauli Juusten *Chronicon episcoporum Finlandensium. Opera selecta. Pars I.* Helsingfors, 1859. S. 119–120; *Хрусталева Д.Г.* Северные крестоносцы. Русь в борьбе за сферы влияния в Восточной Прибалтике XII–XIII вв. СПб., 2012. С. 158–163.

²¹ Как минимум два крупных похода Мстислава Мстиславича вглубь земель эстов в поисках грозных «тевтонов», осады недавно построенных рыцарских замков и, главное, крещение обитателей Уганды стало настоящим откровением на фоне нерешительной, пассивной русской тактики на первом этапе противостояния в Восточной Прибалтике: Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов... С. 52, 250; 52, 251; *Генрих Латвийский*. Хроники Ливонии... XIV, 2.

²² «Борьба за “общерусские” столы сопровождает почти всю историю Руси первых четырех десятилетий XIII века, но последнее десятилетие перед монголо-татарским нашествием характеризуется тем, что она приняла характер почти перманентных боевых действий, локализованных главным образом в южнорусских землях» (*Горский А.А.* Русские земли в XII–XV веках: Пути политического развития. М., 1996. С. 24).

правился навстречу славе освободителя Галицкой земли от венгерского владычества. А Север остался Юрьевичам, знаменуя рост влияния этой княжеской линии, твердо осевшей в Ростово-Суздальско-Владимирской земле, «застроившей» своими крепостями торговые и военные пути, имевшие стратегическое значение для Новгорода, и со времен Всеволода Юрьевича получившей возможность, не прилагая особых усилий, и перекрыть подвоз хлеба в Новгород, и перенять новгородские «дани», собираемые по Двине, Печере, Югре и ставшие кровью новгородской экономики²³.

С 20–30-х гг. XIII в. «трусами» Ярослава Всеволодовича, одного из младших сыновей Всеволода Большое Гнездо, Новгород признал верховный суверенитет великого князя Владимирского. Ярослав Всеволодович, печально знаменитый тем, что именно ему пришлось править на руинах Руси после Батыева погрома и договариваться с завоевателями, во время своей долгой новгородской эпопеи проявил себя жестким, решительным правителем, неплохим воином и достаточно толковым организатором (в частности, успешно возглавлял важные походы в земли эстов и еми). Особо стоит отметить участие Ярослава в крещении Корелы: такая прозелетистская деятельность в Восточной Прибалтике была совершенно не характерна для

русских, что создавало и повод, и мощное оружие для крестоносной европейской экспансии.

Однако не в этой рутинной княжеской работе крылась причина, по которой столь прочно утвердилось над Новгородом Великим Ярослава Всеволодовича и его потомства. Огненный вал Батыева нашествия сжег и связи между землями старой Руси. Ростиславичи и Ольговичи, слишком много сил вложившие в долгую междоусобную войну на Юге, выбыли из борьбы за Новгород. А «северная столица» постепенно формирующейся Руси, ограниченной теперь, как мы уже показали, пределами Новгородской, Ростово-Суздальско-Владимирской и (частично) Смоленской и Черниговской земель, лишилась части даже тех ограниченных автономных прав и свобод, что прежде ей давало соперничество между примерно равными по силам линиями Рюриковичей. Если ранее, в условиях шаткого равновесия в противостоянии княжеских коалиций, новгородцы имели шанс поспособствовать победе симпатичного им линияжа, бросив на его чашу весов свою поддержку, то теперь этого выбора они были лишены.

И в 1255 г. Александр Ярославич, прозванный Невским, сын Ярослава Всеволодовича, окончательно привязал «северную столицу» к Владимиру и великому князю владимирскому (а «заодно» — к государству Джучидов) и наглядно показал, кто имеет право давать князя Новгороду: «Выведоша новгородьци изъ Пльскова Ярослава Ярославича и посадиша его на столъ, а Василья выгнаша вонъ. И то слышавъ Олександръ, отецъ Васильевъ, поиде ратью к Новугороду. Идущую Олександрю съ многими полкы и с новоторжьци... И присла князь Бориса на вѣче: “выдаите ми Онанью посадника; или не выдадите, язъ вамъ не князь, иду на городъ ратью”. И послаша новгородци къ князю владыку и Клима тысяць-

²³ Именно в правление Всеволода Юрьевича появился Великий Устюг у слияния Юга и Сухона, перекрывший новгородцам путь в Северную Двину: недаром в XIV–XV вв. новгородцы не менее шести раз пытались уничтожить или захватить эту «родину Деда Мороза» и владимирско-московского контроля над Севером. Именно в правление Всеволода Юрьевича после взятия и разрушения Торжка на еще более важном для новгородцев «южном хлебном пути» по Тверце появилась новая владимирская крепость Тверь, отрезавшая от «северной столицы» еще и важный для неё Волок на Ламе.

ского: “поѣди, княже, на свои столъ, а злодѣвъ не слушаи, а Онаньи гнѣва отдаи и всѣм мужемъ новгородскимъ”. И не послуша князь молбы владычни и Климовы. И рекоша новгородци: “аже, братье, князь нашъ тако сдумалъ с нашими крестопереступники, оно имъ богъ и святая Софья, а князь безъ грѣха”... И лишился посадничества Онанья... И съде князь Олександръ на своемъ столѣ. Влѣто то же даша посадничества Михалку Степановичю»²⁴.

Справедливости ради стоит отметить: Александр Невский и его потомки взяли в свои руки не только власть над Новгородом Великим, но и ответственность за его судьбу: Псков, отбитый Александром Ярославичем в 1242 г.; балтийское побережье до Наровы, тогда же возвращенное Новгороду; героическая атака под Раковором полков князя Дмитрия Александровича; шведская Ландскрона на Неве, разрушенная новгородцами в 1300-м под предводительством Андрея Александровича²⁵, свидетельствуют об этом.

При этом **возможности новгородцев влиять при случае на судьбу самого великого княжения оказались весьма значительными**. В новой, сжавшейся Руси их деньги, их людские ресурсы могли оказаться решающим фактором победы. И в тот момент, когда Юрий Московский и Михаил Тверской (внук и племянник Александра Невского) сошлись в непримиримой схватке за первенство, битва за Новгород стала ключевым эпизодом: «бысть бои на Руськой земли, Михаил с Юрьем о княжене Новгородское»²⁶. Окончательно утвердиться в Новгороде Великом и сесть на этот древний стол Михаил, названный в Орде великим князем владимирским еще в 1305-м, сумел лишь

14 июля 1308 г. Однако в 1314–1315 гг. все тот же Юрий Московский, пользуясь серьезными антитверскими настроениями в Новгороде и долгим пребыванием Михаила в Орде, занял город на Волхове вместе со своим младшим братом Афанасием. Это новое покушение Юрия на права великого князя привело к тому, что он был вызван ханом в Орду и 15 марта 1315 г. выехал из Новгорода²⁷.

С Юрием отправились и его сторонники из числа местных бояр, вероятно, рассчитывавшие добыть в Орде для московского князя ярлык на новгородское княжение, а при удачном стечении обстоятельств — и на владимирский стол. Между Михаилом и Юрием в Орде «бывши пре велице». Хан Узбек, сменивший в 1312 г. Тохту, относительно лояльного к Михаилу, все же принял решение в пользу Твери: осенью 1315 г. великий князь после двухлетнего пребывания в Орде пришел на Русь в сопровождении посла Таитемера, возглавлявшего сильный татарский отряд. Как обычно, ордын-

²⁷ Интересно обратить внимание на то, как новгородский летописец, по сути, оправдывает решение поддержать московского князя: «Поиде князь великий Юрьи из Новгорода, позванъ въ Орду от цесаря, марта 15, в субботу Лазореву, оставивъ в Новѣгородѣ брата своего Афанася» (Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов... С. 94). Забегая вперед, стоит отметить, что признаваемые «северной столицей» «великими» князья сплошь и рядом имеют серьезные проблемы с ханской властью. Это касается и Дмитрия Александровича в 1280 г., и Андрея Александровича в 1283, и того же Юрия Даниловича Московского в 1322–1324 гг. (Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. ПСРА. Т. 3. М., 2000. С. 94–97, 323–325; Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.–Л., 1949. С. 67–68). Особенно же в этом ряду впечатляет княжение в новгородском пригороде Пскове Александра Михайловича Тверского, «ведомого» врага хана Узбека.

²⁴ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов... С. 80–81.

²⁵ Там же. С. 91.

²⁶ Псковский апостол. Государственный исторический музей. Синодальное собрание. № 722. Л. 180.

ский посол «много зла учини в Руской земле»²⁸. Однако простого явления посла народу для смирения врагов было уже недостаточно — навстречу Михаилу к Торжку, южному новгородскому пригороду, выступил Афанасий Данилович «с новгородскими бояры без черных людей»²⁹. И 10 февраля 1316 г. Михаил с Таитемером продемонстрировали всю силу тверской власти: «бысть сеча зла и створися немало зла избиша много добрых муж и бояр новгородских... а иных новгородцев и новоторжцев Бог весть; а инии останок вбегоша в город и затворися в городе с князем Афанасием»³⁰.

Начались переговоры с осажденным Торжком, и в ходе этих переговоров, получив в виде контрибуции «пять тысящ гривенок серебра», Михаил призвал к себе «по миру» Афанасия и новгородских бояр, захватил их и отправил в Тверь в качестве заложников. Новгородцы были вынуждены принять к себе посадников Михаила и обязались выплачивать за заложников уже 12 тысяч гривен, множество ремесленников из Торжка были выведены в Тверь без возврата³¹. Взаимопониманию такие методы не способствовали — и уже в 1316 г. новгородцы вновь выступили против Михаила Ярославича, доброхоты князя тверского и владимирского полетели в Волхов. В ответ Михаил попытался повторить «со всеи землею Низовскою» поход Александра Ярославича (и, быть может, предвосхитить новгородские походы великих князей московских). Но «логистические» проблемы заставили Михаила остановиться под селом

Устыни на Ловати, в 50 верстах от Новгорода, а обратный путь обошелся великокняжескому войску дороже, чем иное поражение: «Князь же Михайло не дошед города ста в Устьянех; и тако мира не возмя поиде прочь не успев ничтоже... и заблудиша во озерех в болотех; и начаша измирати гладом и ядяху конину а инии с щитов кожу сдирающее ядяху...»³².

Эта катастрофа стала для Михаила Тверского ключевым поворотным пунктом на его политическом пути: великий князь потерял лицо, и уже на следующий год ситуация коренным образом изменилась. Юрий Московский, с 1315 г. находившийся в Орде на положении то ли просителя, то ли вызванного на ковер в центр строптивца, удивительным образом получил ярлык на великое княжение и новую жену — сестру хана Узбека Кончаку (принявшую православие под именем Агафьи). Однако при попытке не просто занять Владимир, но и сокрушить врага в его же родовом гнезде Юрия подстерегла неудача. 22 декабря 1317 г. у села Бортенево в 40 верстах от Твери он потерпел полное поражение в битве с Михаилом: его жена и брат Борис Нижегородский попали в плен, а сам новый великий князь бежал, естественно, на свой любимый Север.

Всего через несколько дней после Бортневской битвы московский князь «прибежа в Новгород и позва всех новгородцев с собою и идоша с ним весь Новгород и Плесков... и пришедше на Волгу...»³³. Это появление на театре боевых действий новой сильной армии стало серьезной угрозой для Твери и заставило Михаила согласиться на прекращение боевых действий и передачу почти выигранного спора о великом княжении на суд Узбека. Другими словами — отправило тверского князя на смерть.

²⁸ Симеоновская летопись. ПСРА. Т. 18. М., 2007. С. 88.

²⁹ Никоновская летопись. ПСРА. Т. 10. М., 2000. С. 179.

³⁰ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов... С. 94; Псковские летописи. ПСРА. Т. 5. Вып. 2. С. 187.

³¹ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов... С. 94–95; Рогожский летописец, ПСРА. Т. 15. М., 2000. Стб. 36.

³² Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов... С. 95.

³³ Там же. С. 96.

Подводя же промежуточный итог обсуждению того положения, что занял Новгород Великий в составе новой Руси, стоит в целом согласиться с концепцией О.В. Севастьяновой, рассматривающей город на Волхове как «вольный великокняжеский город», обретение контроля над которым (заключение союза с которым) являлось для соперничающих князей необходимой ступенью к обретению великого княжения³⁴. Конечно, проводить аналогии здесь с вольными имперскими городами, признающими над собой лишь власть Императора Священной Римской Империи, было бы делом слишком рискованным: в Новгороде этой эпохи не получается разглядеть:

— четко очерченного круга граждан, связанных друг с другом клятвой;

— писаного городского права, действовавшего опять же на твердо определенной территории;

— принимающего решения органа, формируемого/избираемого по четко определенным правилам (пусть и из ограниченного круга аристократических родов)³⁵.

Наиболее разумным в данной ситуации кажется следующее решение: не забывая о важных аналогиях с воль-

ными городами Северной Европы, но и не преувеличивая значение таких аналогий, все же принять собственно новгородское определение сложившейся ситуации: в совершенно неподвластной московской цензуре приписке 1296 г. на новгородской рукописи из комплекта Софийских служебных миней «северная столица» называется «отчиной» Даниила Александровича Московского. Этот князь, конечно же, не имел преимущественных отчинных прав на Новгород Великий, но тем ярче эта приписка характеризует взгляд новгородцев на их отношения с лидерами Рюриковичей Руси³⁶.

Крушение и возрождение Руси: отделение и возвращение Новгорода, Твери, Рязани в XIV–XV вв.

Картина резко изменилась в 1382 г. Тогда изменилась вся Русия. В 1370-е эта конфедерация русских земель, находящаяся в вассальной зависимости от ханов Золотой Орды, вышла на локальный пик своего могущества: научилась достаточно регулярно собирать серьезные военные силы, начала активную экспансию на южном и северо-восточном направлениях и в итоге вышла из непосредственной зависимости от своего степного сюзерена³⁷.

Рискну предположить: одним из необходимых условий подъема стало наличие у этой конфедерации харизмати-

³⁴ *Севастьянова О.В.* Новгородское вече: отход от республиканской теории // Споры о новгородском вече. СПб., 2012. С. 208. См. также: *Она же.* Древний Новгород: Новгородско-княжеские отношения в XII — первой половине XV в. М.—СПб., 2011.

³⁵ Увы, рассуждения о регулярных советах «трехсот золотых поясов», которым отдал дань и ваш покорный слуга, базировались, как наглядно показали последние исследования, на неверном понимании сведений одного ганзейского документа. *Granberg J.* The Soviet Gospod of Novgorod in Russian and German Sources // *Jahrbucher fur Geschichte Osreuropas.* Bd. 47. 1999. S. 398–399; *Лукин П.В.* Новгородское вече в XIII–XV вв. Историографические построения и данные ганзейских документов // Споры о новгородском вече. СПб., 2012. С. 10–60.

³⁶ «В лето 6804 индикта 10 при владыце Клименте, при посаднице Андрѣе съгониша новгородци намѣстниковъ Андреевыхъ съ Городища, не хотяще князя Андрея. И послаша новгородци по князя Данильа на Мъсквою, зовуще его на столъ в Новъгородѣ на свою отчиноу. И присла князь переже себе сына своего въ свое место именемъ Ивана» (Новгородская миней // Археографический ежегодник за 1964 год. М., 1965. С. 146. Государственный исторический музей. Синодальное собрание. № 161).

³⁷ *Клёнов Н.В.* Выход из тупика... С. 22–51.

ческого, сильного лидера — Дмитрия Московского; вторым же важным, необходимым условием успеха стала готовность этого лидера, жестко пресекая все попытки оспорить его первенство, принимать и признавать право на очень высокий уровень самостоятельности его вассалов, среди которых хватало его личных противников в долгой и упорной политической борьбе.

Дмитрий Константинович Суздальский после ряда непростых военных и дипломатических столкновений признал первенство своего московского зятя³⁸ — и сохранил власть в своем уделе и возможность вести самостоятельную политику в русле «генеральной линии», определяемой великим князем, используя эту возможность с пользой для всей Руси³⁹. Михаил Тверской, злейший враг Дмитрия Московского, признал себя вассалом после масштабного похода на его столичный город всех сил Руси — и сохранил власть в своем уделе на тех же, видимо, условиях, что и Дмитрий Суздальский⁴⁰. Олег Рязанский, также много лет то враждовавший, то мирившийся с великим князем, после Куликовской битвы признал себя вассалом Дмитрия — и тоже сохранил особое, самобытное положение своей пограничной земли⁴¹.

³⁸ Рогожский летописец. ПСРА. Т. 15, вып. 1. Стб. 74; Симеоновская летопись. ПСРА. Т. 18. М., 2007. С. 102.

³⁹ Клёнов Н.В. Указ. соч. С. 22–51.

⁴⁰ Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. М.–Л., 1950. №9. С. 25. Вмешательство в собственно внутритверские дела здесь ограничилось запретом на установление новых мытов и пошлин.

⁴¹ Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. М.–Л., 1950. №10. С. 29. Это соглашение с Олегом Рязанским было подписано в момент высшей силы Руси, накануне её падения. Характерной особенностью этого соглашения является концентрация на установлении но-

Сохранял свое особое положение и Новгород, несмотря даже и на эпизодические появления здесь великокняжеских наместников⁴². Собственно, традиция, в рамках которой Рюриковичи, не подвергая сомнению свое исключительное право на верховную власть в городе, признавали широкие (пусть и плохо определенные, весьма «непостоянные») права за местной «самоуправляющейся общиной», насчитывала немало столетий. Более того, Рюриковичи временами весьма умело использовали местную специфику, вроде тех же вечевых собраний⁴³, для укрепления собственной власти.

Так, до 1200 г. сам термин «вече» не встречается в новгородском летописании, а все шесть случаев, когда новгородское вече выходит на страницы «южной» Ипатьевской летописи, прямо связаны с деятельностью Рюриковичей: Ярослава Владимировича, собирающего силы против Святополка Окаянного; Изяслава Мстиславича, занятого аналогичной почтенной дея-

вых границ между Москвой и Рязанью (естественно, выгодных для первой) и определении взаимных обязательств Дмитрия и Олега при столкновениях с *внешними силами*: Ордой и Литвой. Попыток ограничить власть Олега Рязанского внутри его владений документ не содержит.

⁴² «...наместники своя тогда [летом 1367 г.] послалъ [Дмитрий Иванович Московский]... в Новгородъ въ Великыи». ПСРА. Т. 15. Рогожский летописец. Тверской сборник. М., 2000. Стб. 271.

⁴³ Отметим, что встречающийся в низкопробной популярной литературе тезис о пресловутом «владими́ро-суздальском самовластии», об отсутствии на землях Ростово-Суздальско-Владимирской земли вечевого уклада был опровергнут еще А.Н. Насоновым, мнение которого впоследствии было неоднократно повторено (Ю.А. Лимоновым, И.Я. Фрояновым и другими): *Насонов А.Н. Князь и город в Ростово-Суздальской земле // Века. Исторический сборник. Вып. 1. Пг., 1924.*

тельностью в ходе его борьбы с Юрием Долгоруким и далее в том же духе⁴⁴. Более того, вечевые собрания оказывались в руках Рюриковичей мощным оружием против поползновений к консолидации новгородских аристократических элит, каковое только и могло серьезно угрожать их власти. Так, конкретным политическим итогом (1) влияния противоборствующих кланов Рюриковичей на новгородскую политику и (2) вражды городских концов стал десяток переворотов за какие-то 35 лет между 1136–1171 гг., после подробно описанного выше падения «выкормленной в Новгороде» династии Мстислава Великого/Всеволода Мстиславича. За это время всего двое посадников (Ксентин Микульчич и Якун Второй) умерли на своём посту⁴⁵.

Редкие успехи в деле политической консолидации Новгорода на почве борьбы за «вольности новгородские» (заметные, например, при посаднике Мирошке Несдиниче в конце XII в.) вели к формированию зачатков автократии (которые обнаруживаются, например, при посаднике Дмитре, сыне упомянутого выше Мирошки). А эта неумелая автократия разрушала все зародыши породившей её консолидации новгородских сил. Так, итогом объединительного процесса при посадниках Мирошке и Дмитре Мирошкиниче стал взрыв 1207 г., когда

успешные дипломатические демарши Всеволода Юрьевича Большое Гнездо спровоцировали вечевое собрание, а затем и восстание, направленное против Дмитра⁴⁶.

Но вот в 1382 г. внезапный набег хана Тохтамыша обратил в пепел Москву и продемонстрировал ключевую военную слабость конфедерации Русия: невозможность быстрой мобилизации сил в ответ на неожиданный степной набег. В итоге в 1383 г. вассальная зависимость всех земель Русии была официально подтверждена. Огромный денежный выкуп позволил московским князьям превратить великокняжеский владимирский стол в наследственное достояние своего рода. Но тверской, рязанский, нижегородский князья тоже стали «великими»; Рязань, Тверь, Суздаль с Нижним Новгородом, верховские княжества — все эти земли выпали из сферы влияния великого князя владимирского, Русия раскололась.

После 1383 г. Тверь уважала великое владимирское княжение как достояние Москвы, в то время как Москва со своей стороны уважала независимость Твери, московский великий князь рассматривал теперь Михаила Александровича Тверского как «брата», а не «младшего брата»⁴⁷. Ря-

⁴⁴ Ипатьевская летопись... Стб. 128; 369–370. Последовательное обсуждение упоминаний термина «вече» в летописных текстах в связи с деятельностью князей см. в работе: *Севастьянова О.В.* Новгородское вече: отход от республиканской теории... С. 209–220.

⁴⁵ *Янин В. А.* Новгородские посадники. М., 2003. С. 148. Для сравнения стоит вспомнить, что между 1130 и 1172 гг. в Венеции, заметно менее зависимой от влияния внешних «имперских» сил, сменилось лишь три дожа, причем из них только несчастный Витале Микеле II был свергнут, да и то — по более чем уважительной причине: *John Julius Norwich.* A History of Venice. N. Y., 1982; М., 2009.

⁴⁶ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. ПСРА. Т. 3. М., 2000. С. 50, 247; Лаврентьевская летопись. ПСРА. Т. 1. М., 1997. Стб. 210.

⁴⁷ *Клюг Э.* Княжество Тверское (1247–1485 гг.). Тверь, 1993. С. 217–233. Михаил Тверской, конечно, отказывался признать Юрия Московского своим «старшим братом» задолго до 1383-го, при этом он не мыслил себе Тверь чем-то отдельным от Великого княжения владимирского. И Александр Михайлович Тверской долгое время не мыслил себя отдельно от Русии, он просто не сходил с Дмитрием в вопросе о том, кто должен по праву великим княжением владеть. А вот после 1383-го создается совершенно новая ситуация: теперь Тверь признает московского князя наследственным великим князем

зань «в последние полтора десятилетия XIV и первые годы XV вв. вела более чем активную и вполне независимую от Москвы политику», включавшую и самостоятельные военные походы против Орды и Великого княжества Литовского⁴⁸. Не остался в стороне от взрыва сепаратистских движений и Великий Новгород. Великому князю московскому и владимирскому еще удалось (пожертвовав ради этого, например, борьбой за восстановление своего влияния в Рязанской земле) организовать масштабный поход 28 городов для возвращения отпавшей «северной столицы»⁴⁹, однако назвать этот поход решительным успехом борьбы с распадом не представляется возможным.

В результате именно в конце XIV в. в организации новгородской политической жизни происходят радикальные изменения: вечевые собрания теперь регулярно собираются без всякого участия князей Рюриковичей. В частности, в 1384 г. (то есть через два года после Тохтамышева погрома) «вече» — это общегородское собрание, созданное для оформления договорных отношений с князем Патрикием, наместником **Гедеминовича Ягайло**⁵⁰. На следующий год «вече» — это общегородское собрание с четко определенным составом участников, объединенных клятвой, крестным целованием; это общегородское собрание, целью которого было утверждение **реформы судебной системы**⁵¹. В 1398 г. новгородцы «цѣловаша крест за одинъ брат, како имъ святѣи Софѣи и великаго

владимирским, но при этом себя уже частью ВКВ не считает, полагает себя «независимым государством».

⁴⁸ Лаврентьев А.В. После Куликовской битвы. Очерки истории Окско-Донского региона в последней четверти XIV — первой четверти XVI вв. М., 2011. С. 110–133.

⁴⁹ ПСРА. Т. 6. Вып. 1. Стб. 487–488.

⁵⁰ Новгородская четвертая летопись. ПСРА. Т. 4. Ч. 1. М., 2000. С. 328–329.

⁵¹ Там же. С. 341.

Новгорода пригородов и волости ии поискати»⁵², и с этого момента понятие **Великий Новгород/Господин Великий Новгород** последовательно возникает в летописном тексте как обозначение политики, «власть которой противопоставляется власти князя»⁵³; **новгородская земля из великокняжеской отчины превращается в «отчину Святой Софии»**⁵⁴.

В начале XV в. «Господин Великий Новгород» — главное действующее лицо и повседневной городской общественной жизни. Так, в весьма характерном ганзейском документе, отразившем интересующие нас реалии, сообщается, что тысяцкий, к которому обратились для разрешения очередного конфликта хозяйствующих субъектов немецкие купцы, заявил, что прежде чем дать ответ, «он посоветуется с Великим Новгородом на общем вече» (he wolde syk bespreken myt Groten Naugarden in deme ghemeynen dinge)⁵⁵. Собрание граждан (*ding*), связанных клятвой и образующих в совокупности этот «Великий Новгород», в 1400-х заслушивает официальные послания от иностранных политий, высказывается по вопросам внутренней и внешней политики, не спрашивая мнения князей⁵⁶. А со второй половины 1430-х городское собрание на Ярославовом Дворце начинает попадать в титулатуру международных правовых документов в качестве института, имеющего пра-

⁵² Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов... С. 391.

⁵³ Севастьянова О.В. Новгородское вече... С. 225.

⁵⁴ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов... С. 392.

⁵⁵ Hansisches Urkundenbuch. Bd. V. 1392 bis 1414 / bearb. von K. Kunze. Leipzig, 1899. S. 364. Документ этот разбирали в свое время такие яркие исследователи, как Юнас Гранберг и Павел Лукин.

⁵⁶ Hansisches Urkundenbuch. Bd. V. 1392 bis 1414 / bearb. von K. Kunze. Leipzig, 1899. S. 413.

во подобные соглашения заключать⁵⁷. Формирующийся институт обрастает структурными единицами: появляется *вечной дьяк*, упоминаются *приставы с веча*⁵⁸.

И именно в начале XV в. возрождается позабытая было традиция соперничества разных княжеских *родов* за власть над «казною купецкою» Севера и всея Руси. Выше мы уже упоминали о появлении в Новгородчине в годину крушения Патрикия из рода Гедеминичей, наместника великого князя литовского Ягайлы. Нет, в одночасье полностью вытеснить московских Рюриковичей из их «отчины» представители нового рода, претендующего на власть над наследием старой Руси, не сумели. Так, Константин Дмитриевич, сын Дмитрия Донского, начиная с 1407 г. регулярно появляется на русском Северо-Западе, на псковском и новгородском столах (причем в 1408 г. новгородцы признали его своим князем *одновременно* с представителем Гедеминичей Лугвением-Семеном Ольгердовичем: «А новгородци обою князеи прияша») ⁵⁹.

Стремительно росло при великом князе Витовте влияние Литвы и на территориях других осколков Руси. Это влияние росло настолько сильно, что

к концу 1420-х великие рязанские и тверские князья признали себя, пусть на разных условиях, вассалами Витовта: «господину, осподарю моему, великому князю Витовтоу, се язъ [князь великий Иван Федорович рязанский]... добиль есми челом, далься есми ему на слоужбоу...»; «...господину моему, деду, великому князю Витовту, мене, князя великого Бориса Александровича тферьскова боронити ото всякого, думою и помочью... Быти ми с нимъ задинъ, при его стороне, и пособляти ми емоу на всякого, никого не вымая»⁶⁰. Влиятельный в верховских землях — на северо-востоке бывшей Черниговщины — клан князей Новосильских после 1425 г. переходит к Витовту на службу⁶¹. В том же 1425 г. великий князь литовский решил воспользоваться обстоятельствами — на московский и владимирский стол взошел его малолетний внук — и превратить земли русского Северо-Запада в «отчину» теперь уже Гедеминичей.

Литовский властитель обратился к Ордену с предложением о совместном военном походе против Псковского княжества, еще остававшегося, как сообщал Гильбер де Ланноа, владением «Московского короля»⁶². Верховный

⁵⁷ Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.—Л., 1949. № 66. № 68. № 69. № 75.

⁵⁸ Устюжский летописный свод. М.—Л., 1950. С. 91–92; Памятники русского права. Вып. 2. М., 1953. С. 217.

⁵⁹ Но вот характерный момент: летом 1420 г. Константин Дмитриевич, конфликтовавший тогда с великим князем московским и владимирским Василием, посылает Ордену проект мирного договора. В нем Константин по сложившейся уже новгородской традиции уверенно именуется «великим князем»: «Von dem grosszin koninge Constantiin Demytirsson». О великом князе Василии Дмитриевиче в проекте не сказано ни слова, великий же князь Константин Дмитриевич выступает как правитель Новгорода и Пскова — «vor uns und vor Pleskov».

⁶⁰ Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. М.—Л., 1950. № 23. С. 60 и далее. О датировке грамот см: Зимин А.А. О хронологии духовных и договорных грамот. С. 294 и след.

⁶¹ Codex epistolaris Vitoldi, magni ducis Lithuaniae, 1376–1430. Cracoviae, 1882. 1298. S. 779. Подробно непростые судьбы бывшей Черниговской земли, входившей в сферу влияния как Руси, так и Литвы, разобраны в работах: Кром М.М. Меж Русью и Литвой. М., 2010. С. 43–82; Русина О.В. Сиверська земля у складі Великого князівства Литовського. К., 1998.

⁶² «Item, est Plesco... et est seigneurie a har loy dessoubz le roy de Moesco, et avoient, ou temps que je fusla, exille et enchassie leur roy que je vey en la grant Noegarde». Œuvres de Ghillebert de Lannoy voyageur, diplomate et moraliste, re-

магистр Ордена предложения не принял, но на следующий год Витовт повторяет свое предложение, вновь получает отказ, но на сей раз, собрав за год большие силы, начинает самостоятельное наступление (кроме литовских и русских полков, в псковский поход шли польские, чешские и молдово-валашские воинские соединения, усиленные ордой потерявшего власть татарского хана Улуг-Мухаммеда, который перешел на службу Литве). И лишь небывалые погодные аномалии спасли псковичей: от грозного Витовта удалось откупиться деньгами.

А в 1428 г. великий князь литовский с большими силами вторгся в Новгородские земли, причем в этом походе участвовали и тверские полки⁶³. Предлог для вторжения был смехотворен даже по тем временам — Витовт обвинил Господин Великий Новгород в том, что какие-то новгородцы «лаяли его изменником и пьяницею» (под «изменником» имеются в виду его многочисленные переходы из католичества в православие и обратно). Откупиться удалось, но цена сохранения новгородской самостоятельности (11 тысяч рублей или примерно 55 пудов серебра) оказалась огромной.

К моменту смерти Витовта (1430 г.) ситуация на просторах бывшей Руси застыла в странной межуточной неопределенности: Русия великих князей владимирских распалась, формирование новой «Великой Литвы» было далеко от завершения. При этом новые политические реалии так и не нашли торную дорогу в общественное сознание и даже в сознание многих влиятельных правящих политических групп Новгорода или той же Твери.

Действительно, для новгородско-

го летописания XII–XIII вв. еще характерно противопоставление Города Руси, под которой часто понимались лишь Киев с окрестностями или «Низовская», «Суздальская» земля: «Въ то же лето выиде князь Святославъ из Новагорода на Луку, и присла въ Новъгородъ, яко “не хоцю у васъ княжити”. Новгородъци же... *послаша въ Русь къ Мьстиславу по сынъ*»; «И поклонишася Немьци князю, Ярослав же взя с ними миръ на въсеи правде своеи; и възвратишася новгородци сдрави вси, а низовьчъ неколико паде»⁶⁴. Однако где-то с XIII в. здесь все сильнее отражается тенденция считать свою землю вместе с Владимирской частью одной Руси: в новгородском некрологе Александру Невскому указано, что этот князь «иже потрудися за Новгород и за всю Русьскую землю»; под 1322 г. в летописи было записано, что «приходи в Русь посол силен именем Ахмыл и много створи пакости по Низовской земле»⁶⁵.

Особенно показательным в этом смысле новгородское описание разгрома Твери в 1327 г.: «Татары просто реши всю землю Русскую положиша пусту, толко Новгород ублуде Бог»⁶⁶. В этом отрывке мы по сути видим новое понимание «Русской земли», мало известное более ранним текстам: она отождествляется... с той Русией, о которой я так долго говорил в этой статье. Эпитет «вся» по отношению к территории, разоренной войсками Узбека и обозначенной как «Русская земля», наглядно говорит об этом. Где-то с XIV в. термин «Суздальская земля» и производные от него для обозначения Руси перестают употребляться и во владимирском летописании, а в качестве общего названия для этой территории начинает использоваться термин «Русь» (от которого

cueilles et publiées par Ch. Potvin avec des notes géographiques et une carte par J.-C. Houzeau. Louvain, 1878. P. 31. URL: <http://www.vostlit.info/Texts/rus13/Lannoa/text.phtml?id=778>

⁶³ Рогожский летописец. ПСРА. Т. 15. М., 2000. Стб. 489.

⁶⁴ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов... С. 32, 73.

⁶⁵ Там же. С. 84, 96.

⁶⁶ Там же. С. 98.

мы были вынуждены отказаться во избежание смысловой интерференции с Русью Рюриковичей, существовавшей до пришествия Орды). Последнее известие такого рода содержится под 1309 г., когда «...приеха ис Киева пресвященныи Петр митрополит на Суждалскую землю»; уже в 1313-м митрополит Петр из Орды «прииде на Русь»⁶⁷. Хронологическое совпадение смены терминологии в Синодальном списке Новгородской первой и Симеоновской летописи позволяет полагать, что мы нашли отражение перемен в общественном сознании населения русского Северо-Востока в первые десятилетия XIV в., в годы наивысшего напряжения московско-тверской борьбы.

Естественно, не остались в стороне от этих масштабных трансформаций общественного сознания и собственно тверичи. Михаил Ярославич, князь тверской и владимирский, был одной из «белых ворон» среди Рюриковичей: для него усиление «своего» удела, «своей» земли занимало достаточно высокое место в списке приоритетов даже относительно борьбы за более «почетные» столы. Причем тверской князь, разрушая на деле старые порядки, был вынужден (как, временами, и его московские противники) регулярно апеллировать к избранным положениям «княжого права» хотя бы на достаточно многочисленных в ту эпоху княжеских съездах. Но если добавить к этим апелляциям анализ источников, где могли хоть в каком-то виде остаться подлинные мысли и слова Михаила и его окружения, то мы увидим, что для этой среды были характерны новаторские по тому времени, но отлично нам знакомые взгляды на саму суть княжеской власти и русского государства.

Так, пропаганда пресловутого княжеского единения, особенно перед лицом внешней опасности, была ха-

рактерной чертой русской общественно-политической мысли XI–XIII вв. Единение понималось прежде всего как военный союз равноправных князей. Но окружение Михаила Тверского предлагало другой путь ликвидации феодальных распрей. Резко осуждая борьбу младших князей против старших, вассалов против сюзерена, сторонники тверского князя ратовали за подчинение русских князей и бояр великому князю Владимирскому, каковым признавался только сам Михаил. Более того, в Повести о Михаиле Тверском, написанной в начале XIV в. духовником (?) тверского князя, идея единовластия оказалась заложена в такой безумно дерзкий для того времени (и хорошо знакомый для нашего) контекст, как рассуждения о законнопреступном царе, поставленном над Русской землей за ее «согрешения».

По мысли автора Повести, если Русь избавится от «согрешений», то она будет иметь достойного царя, каковым и должен стать Михаил Ярославич: «а инии царство свое и венець, и порьфиру, и весь санъ своего суньклитьства временнаго ни во что же вменияще, оставляяху... яко же сии крепкыи умом и терпеливыи душею блаженныи и христоролюбивыи великыи князь Михайло Ярославичъ, свое царство у мesty вменивъ, остави... сей крѣпкий умомъ и терпеливый душею блаженный и христоролюбивый великий князь Михайло Ярославичъ свое царство, уметы вмѣнивъ, остави, приять страсть нужную, положи душу свою за люди своя». Причем «царство» Михаила виделось ему и его людям как царство «всей Русьской земли»: «владеющею землею Рускою, Володимером и Великим Новым городом и всею странюю до моря Варяжского и паки Новым городом Нижним и до предел Измаилтеских»⁶⁸.

⁶⁷ Тверской сборник. ПСРА. Т. 15. М., 2000. Стб. 465. См. также: Кучкин В.А. Повести о Михаиле Тверском. Ист.-текстол. исследование. М., 1974. С. 87.

Подобный взгляд не ушел без следа и после того, как тверская линия потомков Ярослава Всеволодовича перестала претендовать на великое княжение владимирское, хотя акценты, конечно, сместились. В «Слове похвальном», прославляющем Бориса Александровича, одного из последних самостоятельных князей этого дома, тверской правитель семь раз назван царем, образцом и примером *для князей Руси (самостоятельных, но при этом еще и представляющих единую общность)*: «...слышаша велиции рустии князи и вельможии премудрость и крепость великаго князя Бориса Александровича, въ богомъ обетованной той земли царствующа, и приидоша от конецъ земли не токмо премудрости слышати, но и видети славного того государя»⁶⁹.

Увы, мы не можем уверенно доказать существование подобных взглядов в кругу великих рязанских князей — рязанское летописание до нас не дошло. Однако мне лично кажется, что политика правителей этой линии нагляднее высоких книжных слов: именно Олег Рязанский принял ближе всех к сердцу завоевание Витовтом Смоленска, древнего стола Рюриковичей; именно в «смоленской» войне в 1402 г. надорвалась после недолгого взлета самостоятельная рязанская сила: «Родославъ Олговичъ Рязански [сын того самого Олега Ивановича Рязанского] иде ратью на Дебрянескъ и сретоша его князи литовстїи, князь Семень Лугвени Олгердовичъ, князь Александръ Патрекеевичъ Стародубскїи и бысть имъ бои у Любутьска, и побила Литва Рязанцевъ, а князя

Родослава изнимаша и приведша его съ нужею къ Витовту»⁷⁰.

В XV в. в Новгородской первой летописи младшего извода и ряде других текстов представление о единой Русской земле, в которую входят и Москва, и Новгород, прослеживается очень четко: Дмитрий Донской, по мнению новгородского летописца, ходил на Тверь «со всеми князьми и со всею силою рускою»; Витовт, отметившийся в том числе и своими походами на Новгород, перед битвой на Ворскле «хотел пленити Рускую землю»; в 1432 г. Василию Васильевичу «дате княжение великое... на всей Руской земли»⁷¹. Аналогичная картина, кстати, прослеживается в псковском летописании. Причем здесь (как, временами, и в новгородских текстах) «Русская земля» в составе Новгородской и Владимирской земель не только объединяется, но и решительно противопоставляется, например, земле «Литовской»: «князь великий Василий, подъем всю Рускую землю... а князь Витовт, подъем всю Литовскую землю, и поиде противу»⁷².

В новгородской четвертой летописи, создание основной редакции которой связывают с деятельностью архиепископа Евфимия II, в последние десятилетия перед возвращением в состав восстанавливающийся Руси, антилитовские настроения, резко противопоставляющие литовские земли православному миру, равно как и прославление князей Рюриковичей (включая и знаковых отцов-основателей московского княжеского дома), достигли сво-

⁷⁰ На огромный выкуп, что пришлось заплатить за наследника рязанского престола, дала деньги Москва, восстановив тем самым потерянное влияние в рязанских землях. *Лаврентьев А.В.* После Куликовской битвы... С. 110–185.

⁷¹ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов... С. 372, 395, 416.

⁷² Псковские летописи. М.—Л., 1941. Вып. 1. С. 32.

⁶⁹ *Лихачев Н.П.* Инока Фомы слово похвальное о благоверном великом князе Борисе Александровиче. СПб., 1908. С. 11; *Лурье Я.С.* Роль Твери в создании русского национального государства // Ученые записки ЛГУ. Л., 1939. Вып. 3. № 36. Серия исторических наук. С. 85–109.

его апогея⁷³. И даже иноземцы, побывавшие в Новгородской земле в пору её наивысшей самостоятельности, упорно воспринимали её как часть Русской земли, а жителей её — как русских, а не только как граждан Господина Великого Новгорода⁷⁴.

Не удивительно, что после того, как на землях Северо-Восточной Европы выдохлась серия войн, эпидемий и голода, заморозившая после смерти Витовта все неразрешенные конфликты, вопрос о восстановлении Руси в её «исторических границах» встал во весь рост. Большим просчетом новгородской верхушки стало вмешательство в конфликт между московскими Даниловичами: город дал убежище Дмитрию Шемяке, кузену и злейшему врагу великого князя московского. Когда же Дмитрий Юрьевич был в 1453 г. отравлен московскими агентами, новгородцы устроили ему торжественные похороны, — и этот шаг был

расценен Василием Темным как явное оскорбление. Дополнительно подлило масла в огонь принятие городом в качестве «служилого князя» Василия Гребенки-Шуйского, недавно ушедшего с московской службы. Не получив удовлетворения, Василий II (а вернее, правившая от имени слепца московская боярская олигархия во главе с молодым, но уже грозным наследником) объявил войну, которая в 1456 г. закончилась миром на достаточно тяжелых для города на Волхове условиях. Кроме обычной для проигравшей стороны контрибуции и установления права великого князя на сбор налогов в отдельных новгородских волостях, город был лишен права давать убежище любым врагам московского правителя. Любой союз с противниками Москвы теперь мог трактоваться как измена.

Такое не очень выгодное, но все еще приемлемое для Новгорода положение, позволяющее сохранять как минимум практически полную автономию в делах внутреннего самоуправления, могло длиться, как показывал опыт предыдущих столетий, достаточно долго, если бы не вмешательство внешних сил⁷⁵. Этой силой, как не трудно догадаться, стала Литва: в феврале 1471 г. Господин Великий Новгород официально признал Казимира Ягеллончика своим покровителем и великим князем. Опустим же занавес милосердия над печальной картиной последующих кампаний против сепаратистов Севера, благо тактическая и стратегическая компоненты этих кампаний были уже подробно разобраны⁷⁶.

Отметим лишь, что и конец тверской самостоятельности связан с вмешательством тверичей в московские междоусобицы и неудачным поиском союза с Литвой. Первой ласточкой буду-

⁷³ *Севастьянова О.В.* Новгородская четвертая летопись как источник по изучению политических взглядов новгородского архиепископа Евфимия II // *Древняя Русь. Вопросы медиевистики.* 2010. № 2(40). С. 56–73. В 1439 г. новгородский архиепископ Евфимий позолотил, подписал и покрывал покровом гроб князя Владимира и его матери и повелел творить им память каждый год 4 октября (ПСРА. Т. IV. Ч. I. С. 436). Именно в последние годы новгородской самостоятельности Александр Ярославич Невский, ритуально почитаемый родоначальник московский князей, с подачи новгородского архиепископа Евфимия стал покровителем и Великого Новгорода.

⁷⁴ Де Ланноа в 1413 году, рассуждая о новгородских порядках, отмечает: «у русских Великой Руси нет других господ, кроме тех, [которые меняются] по очереди так, как хочет община» (...et n'ont les Russes de la grant Russie autres seigneurs que iceulx par tour, ainsy que le commun veult). *Cœuvres de Ghillebert de Lannoy voyageur, diplomate et moraliste, recueillies et publiées par Ch. Potvin avec des notes géographiques et une carte par J.-C. Houzeau.* Louvain, 1878. P. 33.

⁷⁵ *Вернадский Г.В.* Россия в средние века. Пер. Е.П. Беренштейна и др. Тверь–М., 1997. С. 50–51.

⁷⁶ *Клёнов Н.В.* Указ. соч. С. 22–51.

щего возрождения Руси стало появление в 1447 г. в Твери слепого вологодского князя Василия, по совместительству — изгнанного двоюродными братьями великого князя московского и всея Руси. И Борис Александрович, долгое время балансировавший в безумной московской замятне на грани заинтересованного нейтралитета, решил рискнуть и поддержать безусловно слабейшую на тот момент сторону этого конфликта. Расчет был, казалось, беспроигрышный: Тверь в любом случае продлевала период слабости своего наиболее опасного на тот момент «геостратегического» противника. На всякий случай тверской князь добился заключения очередного московско-тверского династического союза: «Князь же Борис Александрович рече великому князю: жени у меня сына своего Ивана; а не женишь, и яз тебя выдам опять князю Дмитрию [Шемяке, противнику Василия II Васильевича Тёмного]»⁷⁷. Счастливому жениху было тогда семь лет.

Кто же знал, что так быстро соберется «все войско московское к Твери к великому князю», что это войско, используя поддержку специально отмеченной летописцем тверской артиллерии, сумеет за достаточно короткий срок разгромить основные силы Шемяки — и уже к 1451 г. длившаяся два десятилетия внутримосковская междоусобица завершится. Кто же знал, что вокруг пацана-наследника сформируется команда людей, которая не только достаточно быстро доберется до великокняжеской власти, но и сумеет вложить новое содержание в оформленные еще Михаилом Ярославичем и Юрием Даниловичем принципы обустройства великого княжения, взорвав Русскую землю первой великой модернизацией!

А когда масштабы последствий сделанного Борисом Александровичем

выбора стали ясны, Тверь уже и не могла противостоять тем изменениям, что, начиная с 1460-х, разворачивались в стране под видом старательного сохранения традиции. Тверь даже поучаствовала в этих изменениях, предоставив в 1471 г. территорию и воинский контингент для стремительного наступления Москвы на Новгород Великий.

«Добрые дела» тверичей, естественно, не остались безнаказанными. И где-то в конце 1470-х Михаил Борисович Тверской, сменивший своего отца Бориса на тверском престоле в 1461 г., начал ощущать себя крайне неуютно между московскими и новгородскими владениями великого князя Всея Руси (при том, что московский государь долгое время никак не высказывал намерения уничтожить автономию владений своего тестя, тщательно соблюдая дипломатический этикет)⁷⁸. Не слишком благоприятно складывалась для Твери и международная обстановка — православные князья Великого княжества Литовского, на союз с которыми зачастую ориентировались потомки Михаила Ярославича, переживали не лучшие свои времена, да еще и жена Бориса княгиня София, обеспечивавшая Твери связи с влиятельным в Литве семейством киевских Олельковичей, умерла 7 февраля 1483 г.

Пытаясь исправить эту опасную ситуацию, Михаил Борисович обратился к великому князю литовскому и королю польскому Казимиру с предложением династического брака с одной из его внучек и военного союза. Эти переговоры Михаил Борисович зачем-то сопроводил странным дипломатиче-

⁷⁸ «Прииздиль Григориевъ сынъ Заболотскаго Петръ отъ великого князя Ивана Васильевича, съ радостію его, къ великому князю Михаилу Борисовичу мехъ вина, великой княгини Настасии Борисови мехъ вина, а великой княгини великому князю Михаилу Борисовичу два убруска жемчугомъ сажены» (Рогожский летописец. ПСРА. Т. 15. М., 2000. Стб. 498 и след.).

⁷⁷ Львовская летопись. ПСРА. Т. 20. М., 2004. С. 260

ским демаршем в отношении Москвы, выставив очередного московского посланника, прибывшего с изъявлениями вежливости, «из избы» и из города и отказавшись принять поклон великого князя⁷⁹. В результате уже в 1484 г. Твери пришлось иметь дело с московскими войсками, причем Казимир литовский помощи (что характерно) своим новым союзникам не оказал: «разверже мир князь великий с тверским великим князем Михаилом Борисовичем про то, что женитесь емоу оу короля и целова ему. И посла князь великий... рать порубежную. И князь великий Михаило Борисовичь Тверский присла владыкоу и доби ему челом на всеи воле его: не зватись ему братом, но младший брат... а куда поидет князь великий ратно и емоу же с ним идти за один»⁸⁰.

Поражение в этом столкновении спровоцировало новый раунд литовско-тверских переговоров — и часть этой дипломатической переписки в 1485 г. попадает в руки крайне опасной в то время московской разведки: «Того же лета выняли оу гонца оу тверского грамоты, что посылал в Литву к королю. Князь же великий велми поношая ему... рать нача сбирати на тверского»⁸¹. Нарушение только что подписанного мирного договора стало достаточным поводом к новому, теперь уже куда более масштабному походу московской армии на Тверь. Эта армия к 1485 г. была, наверное, сильнейшей в окрестностях, а возможности тверской обороны были катастрофически подорваны многочисленными переездами тверской элиты в Москву. Чего стоит один только князь Данило из холмской ветви тверских князей, заслуживший к тому моменту на московской службе славу одного из лучших полководцев в русской истории. Серьезной силой были и князья Мику-

линский и Дорогобужский, выехавшие в Москву аккурат перед последним актом тверской драмы.

Приведенные примеры, кстати, позволяют заключить, что к моменту падения Твери московская и тверская знать не слишком различались по своим взглядам на мир и своё место в нём, и их представители готовы были вместе служить одному великому князю, что не повышало обороноспособность Твери. Иван III отлично это понимал — и потому его армии развертывались неторопливо (скорость их продвижения была примерно в два-три раза ниже скорости марша в новгородских походах), давая время на работу дипломатам и разведчикам. И такая неторопливость принесла результат: 10 сентября 1485 г. войска Ивана обложили Тверь, а уже 12 сентября официальная делегация тверичей во главе с Михаилом Холмским (активно агитировавшим в своё время Ивана III за войну против Михаила Борисовича Тверского) и епископом Вассианом (до пострига — князь Оболенский, один из видных полководцев на службе как раз у московского князя) «город отвориша».

Михаил Борисович бежал в Литву, а Ивану III оставалось отправить своих людей в Тверь, чтобы «горожан всех к целованию привести... и граждан... от своей силы беречи, чтоб не грабили»⁸². Возрожденная Русия подходила к высшей точке своего подъема, ну а мы вплотную подошли к тому, чтобы сформулировать основные выводы.

Заключение

1. К началу формирования Руси во второй половине XIII в. на территории Новгородской, Ростово-Суздальской, Черниговской, Смоленской земель не было ни одного по-настоящему независимого от власти семейства Рюрико-

⁷⁹ ПСРА. Т. 15. М., 2000. Стб. 499.

⁸⁰ Свод 1518 года. ПСРА. Т. 28. М.—Л., 1963. С. 317.

⁸¹ Там же. С. 318.

⁸² Симеоновская летопись. ПСРА. Т. 18. М., 2007. С. 271.

вичей государственного образования. Даже «независимая Новгородская боярская республика» — это лишь историографический конструкт, возникающий при определенном взгляде на историю русских земель. В частности, многочисленные смены новгородских князей после 1136 г., часто выставляемые как свидетельство реальной новгородской независимости, являлись в первую очередь следствием столкновений в разросшейся семье потомков Владимира Святого, а не «новгородской вольности в князях».

2. *Русия изначально формировалась как «федеральная» полития*, включающая как минимум две самобытные земли со своими укладами: Новгородскую и Владимирскую. Причем последняя⁸³ знала времена упорной борьбы за первенство между Ростовом, Суздалем и Владимиром, между Тверью, Москвой и Суздалем, что, очевидно, подразумевает *отсутствие жесткой централизации и высокую степень автономии* всех перечисленных центров на определенных исторических этапах.

3. В составе Руси Новгород Великий в XIII–XIV вв. можно рассматривать как «вольный великокняжеский город», обретение контроля над которым (заключение союза с которым) являлось для соперничающих князей необходимой ступенью к обретению великого княжения.

4. Тохтамышево нашествие 1382 г., формирование новой, «набеговой» формы воздействия со стороны Орды на русские земли вкупе с усилением Великого княжества Литовского во времена Витовта привели к краху Руси и формированию в конце XIV — начале XV в. новых независимых государств (Тверского, Рязанского, Ниже-

городского великих княжеств, Господина Великого Новгорода).

5. При этом наметившийся политический распад Руси окончательно оформлен не был; более того, в летописных источниках XIV–XV вв., в констатациях иноземных документов отмечается сохраняющееся представление о единстве «Русской земли». Это живучее чувство помогло удивительному успеху московского ирредентизма в 1460–1480-х гг., в переломный момент русской истории. Это же чувство помогло сгладить тяжелые последствия падения Твери и Великого Новгорода; способствовало тому, что силы русских земель слились в синтезе новой Руси. Не просто так ведь несчастные новгородские «выведенцы»⁸⁴ породили «по всей Руси великой» многочисленные дворянские семейства: Аяцких, Арбузовых, Бабукиных, Базиных, Бреховых, Брюхатого, Волкоморовых, Глазоемцевых, Гузнищевых, Доможировых, Емецких, Есиных, Жабиных, Завришиных, Казимеровых, Каликиных, Катерининых, Кобылкиных, Коринных, Луневых, Нагаткиных, Ноугородцевых, Онцифоровых, Овиновых, Сушницыных, Твердиловых, Удосольских, Унковских, Утинских, Шенкурских и многие иные⁸⁵. А ведь были еще в

⁸³ Даже в источниках эта земля именовалась то «Ростовской», то «Суздальской», то «Владимирской»: Лаврентьевская летопись... Стб. 366; 355; 408. Подробнее см.: Горский А.А. Русь. От славянского расселения до Московского царства. М., 2004. С. 133–134.

⁸⁴ «Князь велики Иван Васильевич переведе из Новгорода многих бояр и житых людей и гостей, всех голов больше 1000 [всего вместе с членами семей было в сумме переведено из Новгорода порядка 10 000 человек] и жаловал их, на Москве давал поместья, и в Владимери, и в Муроме, и в Новгороде Нижнем, и в Переяславле, и в Юрьеве, и в Ростове, и на Костроме, и по иным городам. А в Новгороде в Велики на их поместья послал Москвичь лучших людей, гостей и детей боярских, и из иных городов» (Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью. ПСРА. Т. 12. М., 2000. С. 220).

⁸⁵ Кобрин В.Б. Власть и собственность в средневековой России. М., 1985. С. 109–112; Веселовский С.Б. Ономастикон: Древнерусские имена, прозвища и фамилии. М., 1974.

составе русской средневековой элиты и «новгородцы старых призывов» (те же выходцы «из Прусс», с Прусской улицы Софийской стороны): Шереметевы, Кошкины-Захарьины (будущие Романовы), Морозовы, Салтыковы, Шеины, Пушкины, Кутузовы, Бутурлины и прочие. Прижились и московские «сведенцы» в Новгороде Великом, включая и богатых гостей-«сурожан»: Корюковы, Саларевы, Таракановы... И вот в 1489 г. новгородские купцы везут через Минск жемчуг, шелк, пряности и другие черноморские товары, Таракановы ставят новые необычные церкви на новгородских улицах⁸⁶. Владимирские, московские и прочие дети боярские так прикипели к своей новой северной родине, что количество новгородской родни у ведущих дворянских семей заставило со временем вводить специальные принципы размежевания в местнических спорах «новгородской» и «центральной» ветвей⁸⁷. А что уж говорить о тверичах: здесь большая часть местной элиты сохранила свои земли и положение. Известен один случай опалы на видного тверского деятеля непосредственно после завоевания. И по традиционной мрачной иронии Ивана Великого этим опальным оказался Михаил Холмский, наиболее старательно и душевно готовивший массовый переход тверской элиты на стороны Москвы, причем обвинен был князь Михайло как раз в измене своему сюзерену Михаилу Борисовичу Тверскому и клевете на него. Остальные знатные тверичи — Холмские, Ми-

кулинские, Дорогобужские, Бороздины и прочие — влились в элиту Русского государства, с ходу заняв там видные места. Так, в триумфальном походе на Казань 1487 г. участвовали четыре «тверских» воеводы, а через два года в походе на Вятку из восьми полковых воевод конной служилой рати шесть — бывшие «тверские» служилые люди⁸⁸. Можно сказать, что складывающаяся усилиями великих князей и царей новая «общность» — рискнем уже назвать ее русскими — с этого времени вместе переживала все взлеты и провалы последующих времен.

6. В конце XV в. до провалов было еще далеко: Русия стремительно поднималась. И при этом, успешно подчиняя земли Новгорода, Твери, Вятки, что повели свою *внешнеполитическую* игру (Новгород и Тверь — с Литвой; Вятка — с Казанью), московские власти не ставили (пока) во главу угла своей политики централизацию ради централизации. Да, в том же Новгороде были уничтожены все символы формировавшейся было республиканской власти; новые власти решительно вмешивались в сложившуюся систему новгородской торговли, в сложившиеся отношения города с его округой и пригородами⁸⁹. При этом Новгород

⁸⁸ Разрядная книга 1475–1598 гг. / Под ред. В.И. Буганова. М., 1966. С. 21. И вот печальный парадокс: зимой 1570 г. внук выведенного куда-нибудь в Юрьев или Кострому новгородца в составе опричного войска Ивана IV пройдет с боями по тверской земле и зарежет внука поселенного в Новгороде москвича. Страницы составленного Иваном IV поминального синодика убитых в разделе, посвященном жертвам новгородского похода, пестрят московскими фамилиями: *Скфынников Р.Г.* Царство террора. СПб., 1992. С. 369–371.

⁸⁹ «Повелѣша град ставити всѣмъ градомъ, опрично волостей... и роскинуша примѣтъ городовои дѣнежно[и], что город ставили, на весь град: на гости на московские и на новгородские, на старосты и на черные люди, и

С. 18, 20, 23, 37, 44, 47, 49, 63, 92, 110, 118, 131, 142, 144, 217, 309, 313–314, 331, 334; *Савелов А.М.* Родословные записи. Вып. I. М., 1906. Вып. III. М., 1909. С. 66–67, 102–103, 113–115.

⁸⁶ Сборник Русского Исторического общества. СПб., 1884. Т. 41. С. 230, 408. По масштабному строительству в Новгороде после присоединения к Руси см.: ПСРА. Т. 4. Ч. 1. Вып. 2. С. 459, 527–528.

⁸⁷ *Эскин Ю.М.* Очерки истории местничества в России XVI–XVII вв. М., 2009. С. 155.

(новгородский наместник) как минимум формально сохранил право вести переговоры со своими традиционными западными контрагентами⁹⁰. Более того, центральные власти признавали традиционное «великокняжеское» значение города на Волхове и буквально при первом же подходящем случае воссоздали здесь гигантский удел как необходимую промежуточную ступень в продвижении Василия Иоанновича (будущего Василия III) к высшей власти в Руси⁹¹. Тверь же непосредственно после присоединения к Руси была выделена в аналогичный «удел младшего великого князя», предназначенный в долю Ивану Ивановичу Молодому, наследнику великих князей московских, литовских (по прабабке Софье Витовтовне), тверских (по матери Марии Борисовне) и суздальских (по прапрапрабабке, дочери князя суздальского и великого князя владимир-

ского Дмитрия)⁹². Великое княжество рязанское, находившееся в пору малолетства своего князя Ивана под управлением вдовствующей княгини-матери Анны, любимой сестры Ивана Великого, не участвовало в политических играх против великого князя — и сохранило свою автономию⁹³. *Сильная центральная власть не боялась предоставлять самостоятельность своим агентам в удаленных от центра областях*, неосознанно пользуясь заветом Филиппа Августа, одного из отцов-основателей централизованного европейского государства нового типа⁹⁴.

В надвигающемся XVI веке потому-ки морейской деспины, оказавшиеся на троне великих князей владимирских, безусловно, попытаются прекратить эту возмутительную «анархическую вольницу». Но это время уже никак нельзя будет назвать эпохой возрождения и подъема Русского государства, это будет уже другая, совсем другая история.

на архиепископа, и на священники, и на весь причетъ церковный, а доселе того не бывало при старых великих князех: ставили город доселе всѣми новгородцкими волостями, а городовые люди нарядчики были» (Новгородская летопись по списку П.П. Дубровского. ПСРА. Т. 43. М., 2004. С. 234).

⁹⁰ Казакова Н.А. Русско-ганзейский договор 1487 г. // Новгородский исторический сборник. Вып. 10. Новгород, 1962. С. 217–226; Она же. Русско-ливонские и русско-ганзейские отношения. Л., 1975. С. 182–198.

⁹¹ «Марта 21, в четверг, пожаловал князь великий Иван Василевич всея Руси сына своего, князя Василия Ивановича, *нарекл его государем великим князем, дал ему Великий Новгород и Псков, великое княжение*» (ПСРА. Т. 28. С. 331–332; Т. 8. С. 236, 237; Т. 6. С. 243).

⁹² Типографская летопись. ПСРА. Т. 24. С. 204.

⁹³ Докончание с Иваном Васильевичем Рязанским аналогично старому dokonчанию 1447 г.: Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. М.–Л., 1950. № 76. С. 283–290

⁹⁴ Филипп прямо указывал графу д'Э, своему распорядителю в удаленных от собственно «Франции» областях Пуату: «Действительно, земля Пуату столь сильно удалена, что он [король] не сможет своевременно отправиться туда сам или послать кого-нибудь вместо себя, когда это будет полезно для этой земли» (цит. по: Сивери Ж. Филипп Август. М., 2013. С. 137).

Владимир Василевский

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВОПРОС В ЗАБАЙКАЛЬСКОЙ БЕЛОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

В годы революции и Гражданской войны на территории Забайкальской области в августе 1918 г. образовалась Забайкальская Белая государственность, которую возглавил атаман Г.М. Семенов. Основной целью атамана была ликвидация большевистской власти и восстановление Единой и Неделимой России. Этому Семенов остался верен до последних дней своей жизни.

Одним из направлений государственной деятельности белых властей стало установление нормальных межнациональных отношений в Забайкалье, где, кроме русских, проживали буряты, тунгусы, поляки, украинцы, евреи, татары и другие народы.

Будучи непримиримым противником ленинского лозунга о праве наций на самоопределение вплоть до отделения, Семенов придерживался принципа предоставления национальным меньшинствам культурно-национальной автономии. Это давало им возможность создания органов местного самоуправления для решения политических, экономических и культурных вопросов, право на родной язык, обучение на родном языке и создание национальных политических и общественных организаций. Все народности получили свободу вероисповеданий.

Наиболее многочисленную коренную национальную группу в области составляли буряты, в основном про-

живавшие в Верхнеудинском и Читинском уездах Забайкальской области. После Октябрьской революции большинство бурят уклонилось от признания власти Советского правительства. Они поддержали образование Белой государственности и приветствовали союзническую помощь японских войск. Многие буряты приняли активное участие в вооруженной борьбе против противников белого режима. В рядах Белой армии оказалось немало бурят-добровольцев.

Атаман Семенов делал все, чтобы поддержать патриотический порыв бурятского населения в борьбе против руководимого большевиками партизанского движения. В составе своей армии Семенов сформировал три бурятских полка, два из которых вошли в Туземный конный корпус. Для подготовки национальных командных кадров при корпусе в Даурии были созданы военные курсы, слушателями которых стали буряты и монголы. Немало бурят вступило в станичные дружины.

Особенностью бурятского национального движения было то, что оно не смогло создать самостоятельной национальной политической партии, и большинство бурятских лидеров, оказавшихся под идейным влиянием эсеров, группировалось вокруг Бурятского Национального комитета, созданного в апреле 1917 г. Позднее, в ноябре 1918 г., комитет был преобразо-

ван в Бурятскую Национальную думу. Хотя официально дума не была признана белыми властями, последние ее деятельности не препятствовали.

Белые власти даже согласились на создание областного бурятского суда. Ему передавались все основные дела общей подсудности и те из уголовных дел, которые рассматривались без присяжных заседателей. Из компетенции суда изъяли дела о преступлениях против государственной власти и дела о нарушениях интересов и доходов казны. Одновременно создавался бурятский окружной суд, рассматривавший поступавшие в порядке апелляции дела из областного суда. Кроме них, суду передавались дела, изъятые из ведения областного суда. Они должны были рассматриваться с участием присяжных заседателей-бурят.

Последовательное проведение в жизнь принципов национально-культурной автономии гарантировало рост общественно-политической активности бурятского населения. Бурятский Национальный комитет получил право представительства в совещательном Краевом Народном совещании, преобразованном позднее в законодательное Краевое Народное собрание. В октябре 1920 г. буряты Агинского, Хаоцайского, Цугольского и Хамниганского хошунов приняли участие в выборах Временного Восточно-Забайкальского Народного собрания. Их представители входили в областное и уездные земства, а известный бурятский деятель М.Н. Богданов был избран председателем Областной земской управы.

Не обошлось и без конфликтов. Один из них был вызван тем, что некоторые бурятские деятели, в том числе Богданов, выступили за введение в аймаках земств. Третий Войсковой Круг высказался против. Однако М.Н. Богданов продолжал настаивать. Более того, протестуя против решения, он подал в отставку. Считается, что это стало основной причиной ареста и

предания его военно-полевому суду, по приговору которого он был казнен.

Однако имеются серьезные основания усомниться в истинности такого утверждения. В связи с этим большой интерес вызывает информация, опубликованная 18 января 1920 г. газетой «Забайкальская новь». В ней говорилось: «Главный начальник Забайкальского военного округа утвердил приговор прифронтового военно-полевого суда по делу об есауле Воскресенском, коим названный есаул признан виновным в преступном превышении власти, выразившемся в том, что, конвоируя высылаемых под надзор на Восток из пределов Забайкалья Богданова и двух других лиц, он во время инцидента с чешскими солдатами на станции Бырка самовольно и при обстоятельствах, не вызывавших необходимости, расстрелял вверенных его надзору указанных выше лиц. За означенное деяние есаул Воскресенский присужден к смертной казни через расстреляние и приговор приведен в исполнение».

Думается, что одним из расстрелянных был М.Н. Богданов. Известно, что его гибель вызвала широкий общественный резонанс, и не реагировать на это было невозможно. Гибель малоизвестного лица такого резонанса не вызвала бы. А если это так, то Богданов, возможно, военно-полевому суду не предавался и к смертной казни не приговаривался, а в отношении него было принято решение об административной высылке за пределы области.

Нашлись среди бурят и экстремистски настроенные элементы, пытавшиеся использовать победу белогвардейцев, чтобы вытеснить русских из аймака. С этой целью они прибегли к провокации, направив донос о том, что все русские якобы являются большевиками. По доносу 28 января 1919 г. в аймак прибыл выделенный Туземным корпусом экспедиционный отряд под командованием хорунжего Несытова. Отряд арестовал многих русских, некоторые из них подверглись порке. Одноре-

менно с арестованных взяли подписки о том, что они в течение четырех месяцев выселятся из аймака.

Как только об этом стало известно в Чите, Управляющий областью С.А. Таскин немедленно отменил, как незаконное, решение о выселении русских. Но и после этого имелись случаи проявления в аймаке беззакония по отношению к русским. Так, Агинский зайсан запретил сдавать русским земли в аренду, что угрожало оставить их почти без посевов. Из Агинского Высшего начального училища изгонялись русские учителя, и в 1917 г. в училище не был принят ни один русский ученик. В нем остались только те, что уже учились в нем, да и то с них была взята подписка, что они будут подчиняться всем требованиям бурят. Во всех этих случаях вмешивались областные власти, приводившие в чувство распаявшихся националистов.

Была решительно пресечена сепаратистская вылазка ширетуя Кудунского дацана С. Цыденова. 18 апреля 1919 г. ширетуй созвал тайное собрание своих сторонников, объявивших его царем бурятского теократического государства. Началась работа по вовлечению новых подданных, и власть самозванного царя признало население Кудунского сомона. Одновременно приближенные Цыденова разработали проекты законов новоявленного государства. 7 мая 1919 г. созванное ими Учредительное собрание отказалось признавать областную администрацию, создало кабинет министров, избрало президента и вице-президента. Белые власти отреагировали быстро, причем привлекать войска для ликвидации опереточного царства не потребовалось. 11 мая Цыденов и его министры были арестованы милицией.

Определенные сложности в отношениях между властью и частью бурятского населения возникли после того, как начался выход бурят-казаков из казачьего сословия. Он был вызван тем, что буряты-неказаки не призыва-

лись на военную службу. При этом выходившие хотели сохранить за собой земли, полученные от Забайкальского казачьего войска. Атаман не мог не отреагировать на возникшую для режима опасность и, не желая обострять обстановку, нашел политическое решение, передав решение вопроса работавшему в марте 1920 г. 4-му Войсковому Кругу. Более того, к обсуждению этого вопроса были допущены представители хошунников, то есть вышедших из Войска. Круг разрешил желающим выйти из Войска после уплаты всех станичных и других платежей и возвращения станицам полученных от Войска земельных наделов. Конфликт был урегулирован, поскольку желающих выйти из казачества почти не осталось.

* * *

Другой крупной национальной диаспорой в Забайкалье была украинская, насчитывавшая до 10 тыс. человек. Украинцы проживали компактными группами в Чите, Верхнеудинске, Хилке, Оловянной и ряде других населенных пунктов.

После Февральской революции украинцы создали в Чите Украинскую громаду за Байкалом, поставившую своей целью знакомство с родной культурой и обучение на родном языке. Позднее громада расширила свои задачи, приняв активное участие в политической жизни общества. Большинство членов громады разделяли политические взгляды эсеров. С образованием Центральной Рады на Украине громада высказалась в ее поддержку и предложила создать национальные украинские роты. Однако Читинский совет высказался против сепаратистских поползновений громады, а ее руководитель Степан Шведин был призван в армию.

Руководство Украинской громады за Байкалом враждебно отнеслось к установлению в области Советской власти. Состоявшийся в марте 1918 г.

съезд украинцев за Байкалом избрал Окружную раду, заменившую прежнюю громаду. Очень скоро рада постановила считать украинское население в Забайкалье иностранными гражданами и указала, что украинцы не имеют права принимать участие в гражданской войне. Это еще больше осложнило отношения с советскими органами. Последние предоставили раде полную возможность для осуществления своих культурно-национальных задач, но решительно пресекли ее сепаратизм. Советы отказались признать живших в Забайкалье украинцев иностранцами и запретили раде выдавать украинские паспорта военнообязанным украинцам.

Более сложно складывались отношения между Семеновым и Окружной радой, причинами чего стали сепаратистские поползновения руководства рады. Накануне падения Советской власти, 25 августа 1918 г. состоялось чрезвычайное заседание Окружной рады, постановившее создать в Чите Украинскую национальную дружину. Однако желающих вступить в ее ряды оказалось немного — всего десять человек.

Окружная рада приветствовала установление в области белого режима и 27 августа, то есть в день вступления в Читу чехов и войск Временного Сибирского правительства, рада созвала собрание офицеров украинской национальности, объявившее о мобилизации украинцев, чтобы поддержать Учредительное собрание и Временное Сибирское правительство. Получив одобрение со стороны командовавшего чехами генерала Р. Гайдды, рада 29 августа созвала новое собрание офицеров-украинцев, которое сформировало штаб по организации украинских отрядов во главе с полковником Л.А. Слищенко.

В условиях, когда чехи находились в Чите, Г. Семенов был вынужден согласиться на формирование Украинского национального полка. Но как толь-

ко чехи покинули Забайкалье, атаман приказал прекратить его формирование и предупредил С. Шведина, что «подобного рода ходатайства в дальнейшем буду считать государственной изменой, а лиц, возбуждающих таковые, буду предавать военно-полевому суду». Штаб был ликвидирован, и украинцев начали мобилизовывать в Белую армию на общих основаниях.

Однако неудачи в борьбе с партизанами заставили атамана смягчить свое отношение к Окружной раде. В начале 1920 г. он удовлетворил просьбу рады, официально объявил о предоставлении украинцам культурно-национальной автономии и дал согласие на формирование украинских воинских частей. А 25 июня 1920 г. генерал Б.Р. Хрещатицкий, с согласия Семенова, принял звание Атамана Дальневосточного Украинского войска, которым он был избран еще 14 декабря 1918 г. В то же время Семенов не допустил представительства рады в Краевом Народном совещании.

Несколько позднее, 11 июля 1920 г., он предоставил украинцам право на самоуправление и согласился на создание Временной Краевой рады, которая объединила бы украинцев Российской Восточной окраины. Для осуществления этой цели Семенов не только выделил раде 30 тыс. рублей золотом, но и издал 25 июля приказ, в котором говорилось, что «работающие по сформированию украинского самоуправления в пределах Российской Восточной окраины, имеющие на руках удостоверение за подписью и печатью Уполномоченного рады за Байкалом по украинским делам Шведина С.И., подлежат личному задержанию только с моего разрешения»¹.

В свою очередь, руководители Окружной рады не могли не видеть ослабления политических и военных позиций Семенова и начали постепенную смену вех. Если раньше они под-

¹ ГАЗК. Ф. 583. Оп. 1. Д. 7. Л. 176.

черкивали, что украинцы Забайкалья являются иностранными гражданами, то теперь стали предлагать передать решение украинского вопроса будущему Учредительному собранию.

* * *

Активное участие в общественно-политической жизни области принимали национальные меньшинства, исповедовавшие ислам, — татары и башкиры. Не имея своих национальных партий, но занимая довольно прочные позиции в хозяйственной жизни области, мусульмане оказывали существенное влияние на многие политические процессы.

Читинское мусульманское общество образовалось еще при царском режиме и преследовало чисто национальные интересы. Общество возглавлялось старостой, который утверждался военным губернатором. После Февральской революции оно было переименовано в Милли-Шура. Исполнительным органом становится мусульманское Бюро. Позднее в Чите появился Башкиро-Татарский мусульманский комитет, руководство которого осудило установление Советской власти.

И хотя советские органы создали Татаро-Башкирский комиссариат, значительная часть мусульман продолжала поддерживать прежний комитет. Это вызвало недовольство Забайкальского облисполкома: 14 июня 1918 г. мусульманский комитет был распущен.

Мусульманское духовенство и торгово-промышленные круги приветствовали победу белогвардейцев. 4 ноября 1919 г. национальное управление Милли Идара обратилось к атаману Семенову с приветственным адресом, в котором говорилось: «Много лет прошло с тех пор, как мы, татары, присоединились к Великой Руси, но до сих пор не встречали такого русского вождя, который бы пошел навстречу культурно-просветительным начинаниям народностей, населяющих Великую Россию. Слава Аллаху,

мы теперь видим такого долгожданного нами вождя в лице Вашем, господин Атаман»².

Многие мусульмане добровольно вступили в Белую армию, а другие не сопротивлялись мобилизации. Из их числа сформировали два конных татарских полка. Вместе с этим немало мусульман оказалось в рядах партизан, а некоторые вступили в нелегальные группы, выступавшие против белого режима.

В 1920 г. в потоке беженцев в Читу прибыло значительное количество мусульман. Особенно много среди них оказалось башкир. 14–15 июня в Чите состоялось совещание башкир-каппелевцев, которые заявили, что будут «с оружием в руках продвигаться на запад с целью очищения Великой России от большевистского произвола и восстановления в дорогой нам Родине, в частности в Башкирии, права законности и оскорбленной чести народа, с обеспечением на государственных началах народного самоуправления». Участники совещания поддержали краевую власть и предложили объявить башкир, находящихся в Дальневосточной армии и РВО, на казачьем положении. Одновременно они выразили «единодушное желание, чтобы Походный атаман Семенов взял под свое покровительство и башкирское войско, объявленное на казачьем положении, дабы оно получило право считать его своим избранным походным атаманом»³.

15 июня Совещание избрало атамана Семенова Почетным стариком Башкирского войска. В этот же день Почетными казаками Башкирского казачьего войска были зачислены генералы М.К. Дитерихс, Н.А. Лохвицкий, С.А. Зубковский, Е.Д. Жуковский, Р.Ф. Унгерн, В.М. Молчанов, Р.К. Бангерский и военнослужащие Японской императорской армии генерал Судзу-

² Забайкальская новь. 19 окт. 1919 г.

³ Восточная окраина. 27 июня 1920 г.

ки, полковник Куросава и капитан Хирози.

22 июня 1920 г. атаман Семенов дал Грамоту башкирам, оказавшимся на территории Российской Восточной окраины, предоставив им права и обязанности применительно к такому Оренбургского казачьего войска. Войсковым органом башкир на правах Войскового правления и войсковых штабов было определено Военно-национальное правление башкир.

* * *

Заметную роль в политической, экономической и культурной жизни Забайкалья играла еврейская община, многие члены которой занимались торговлей и предпринимательством. Это были золотопромышленники братья Ефим и Семен Новомейские, А. Розенфарб, М. Риф, торговцы А. Вамбург, М. Самсонович, Ф. Лангоцкий, С. Зазовский, владельцы промышленных предприятий В. Вольф, Г. Равве, И. Эдельштейн.

Сразу же после Февральской революции в Чите была создана сионистская организация. Ее члены представляли все политические партии — от кадетов до социал-демократов.

Различные группы еврейского населения области по-разному отнеслись к установлению белой государственности. Евреи — большевики, левые эсеры и максималисты — встретили ее враждебно. Некоторые из них — И. Бурд, И. Кабановский, Б. Клейнер, И. Скомский — стали членами антисеменовских нелегальных групп. В состав Читинского подпольного комитета вошли А. Литвина и Б. Тенцер. В армии нелегальную работу вели И. Далис, В. Абрамович, М. Мошанский, М. Миневиц, В. Фортус, М. Якобсон. Рядовой 31-го Сибирского стрелкового полка М. Беренбаум был одним из участников покушения на атамана Семенова в Мариинском театре.

Евреи — сторонники мелкобуржуазных партий встретили белый режим

настороженно и с некоторым опасением. И только члены партий Народной свободы и народных социалистов приветствовали новую власть и нашли свое место в ее структурах. Они получили довольно сильные позиции в Биржевом комитете и созданной по его предложению Читинской торгово-промышленной палате. В состав последней вошли А. Вамбург, А. Гильдерман Д. Левенсон, Д. Ледерман. Членами Биржевого комитета избрали А. Гильдермана, М. Клейман. Они принимали активное участие во всех мероприятиях по укреплению белого режима и его армии, в частности, в сборе средств в пользу армии.

Многие еврейские юноши добровольцами вступили в Белую армию. После покушения на Семенова находившихся в армии евреев объединили в одну еврейскую роту, вошедшую в состав 31-го Читинского стрелкового полка. Рота участвовала в операции по ликвидации мадыарского отряда на реке Тунгир, а затем была направлена на Восточно-Забайкальский фронт. Летом 1919 г. в роте образовалась подпольная организация, в которую вошли М. Литвин, Б. Миневиц, М. Якобсон. 23 апреля 1920 г., изменив воинской присяге, рота приняла участие в восстании Нерчинско-Заводского гарнизона и перешла на сторону партизан.

На политическом и экономическом положении еврейской общины эта измена не отразилась. Режим не ввел никаких ограничений на участие евреев в общественно-политической жизни области. И в армию они продолжали призываться на общих основаниях.

Большое внимание община уделяла сохранению и развитию национальной культуры. В Чите было создано еврейское культурно-просветительное общество «Независимый путь». Общество распространяло литературу на родном языке, создало библиотеку и драматический кружок, ставивший спектакли на еврейском языке. Существовало в Чите и Еврейское училище.

Семенов решительно пресекал попытки крайне правых элементов развязать антисемитскую пропаганду. Особенно такие попытки усилились в 1920 г., что заставило Управляющего внутренними делами РВО издать специальный приказ, в котором он, признавая, что «в последнее время усиленно ведется злонамеренными людьми погромная агитация против еврейского населения», потребовал от всех представителей власти «принять все зависящие от вас меры к недопущению всякого рода эксцессов» и предупредил, что «в случае возникновения каких-либо беспорядков вы, как представители власти, будете преданы военно-полевому суду»⁴.

* * *

Кроме того, в Забайкалье проживали небольшие общины тех народов, которые после революции получили национальную независимость. К ним относились поляки, эстонцы, латыши и литовцы.

Наиболее активной из них была община поляков, от которой после Февральской революции в Забайкальский КОБ вошел А. Печш, а членами Читинского исполкома были избраны И. Багинский и Ф. Горский. С установлением Советской власти в Чите образовался Польский революционно-демократический союз, выделивший из своего состава исполнительный орган — Комиссариат по польским делам. Возглавил его А. Печш, пообещавший работать в контакте с Советской властью.

Состоявшееся 25 марта 1918 г. собрание поляков объявило живших в Забайкалье поляков гражданами независимой Польши и решило «не вмешиваться и не принимать ни на чьей стороне участия во внутренней междоусобной борьбе политических партий Российской республики и быть вполне

нейтральными в сей борьбе»⁵. Такое решение стало основной причиной того, что Забайкальский Совнарком не признал полномочий Комиссариата, а ВЦИК одобрил это решение.

С победой белых в Чите образовались Польский Военный союз и Польское Республиканское общество. В феврале 1919 г. Военный союз провел в Чите собрание поляков, на котором решили создать польскую Гмину. Двухдневное собрание поляков в мае 1919 г. избрало правление Гмины из 24 членов.

Как и другие национальные общины, поляки разделились на красных и белых. В нелегальных группах против белых работали А. Грабовский, Л. Орховский, Б. Грибовский, К. Кальский, П. Чеховский и другие. Иосиф Рыбицкий возглавил Читинский подпольный большевистский комитет. В Белой армии нелегальную работу вели И. Водорацкий, И. Соколовский, Н. Пешковский, Г. Бурдинский, В. Плечковский. В рядах партизан сражались К. Бабицкий, Н. Гусевский, И. Золотовский, К. Очковский.

С другой стороны, среди первых волонтеров ОМО были полковник Г. Мациевский, хорунжий Н. Крыжановский, капитан Валицкий и другие. Немало лиц польского происхождения сражалось в рядах Белой армии: генерал К. Акинтиевский, есаул Е. Борщевский, полковники Б. Полонский, С. Закржевский, С. Торгонский и другие.

С остатками колчаковской армии в ряды семеновцев влились генералы Р. Бангерский, Г. Вержбицкий, С. Войцеховский, полковник Б. Сержутовский. В правительство Семенова входили Л. Корчинский, А. Сыроболярский, Б. Хрещатицкий. Начальником личной Канцелярии атамана стал Л. Власьевский. Председателем Краевого Народного собрания являлся А. Васильевский. Он же вошел во Вре-

⁴ Забайкальская новь, 6 мая 1920 г.

⁵ ГАЗК. Ф. 51. Оп. 1. Д. 2. Л. 65.

менное Восточно-Забайкальское Народное собрание. Кроме него, членами Собрания были Г. Килачицкий, К. Лобачевский, Е. Днепровский.

Представители общины играли большую роль в экономической жизни области. В Читинскую Торгово-промышленную палату входили И. Бутлицкий, Н. Горленский, Н. Старновский, в Биржевой комитет — братья Барановские, И. Бачковский. Управляющим Читинским отделением Госбанка работал Е. Годзянский, а управляющим Казенной палаты — В. Свержевский.

По сравнению с другими национальными меньшинствами поляки в Белой государственности оказались в более привилегированном положении, учитывая, что весной 1920 г. Польша начала военные действия против Советской России. 24 июня Семенов предоставил «всем гражданам Польской республики, проживающим на территории РВО, все права и имущества, коими пользуются иностранные подданные наиболее благоприятствуемой державы»⁶. Позднее Семенов приказал освободить зарегистрировавшихся у польского консула поляков от призыва в Белую армию, а уже служившим в ее рядах и желающим продолжать службу предоставить статус добровольцев.

Хотя общины прибалтов были немногочисленными, они создали в Чите свои организации — Литовский комитет и Эстонский союз. Представители этих групп населения принимали активное участие в общественно-политической жизни области. Одни из них защищали Советскую власть, другие боролись против нее. В Комитет Советских организаций входили Я. Таубе, Ю. Смургис и Ф. Витынь. Членами Забайкальского

СНК были Я. Таубе и Ф. Витынь. А. Рускис являлся начальником штаба Забайкальского фронта, а К. Лукс — командующим Восточно-Забайкальским фронтом. Эстонец Р. Таде входил в Читинский подпольный комитет. В другом лагере находились Г. Клерже — министр просвещения белого правительства, члены Читинской городской думы И. Вурцбахер, Р. Зильгал, А. Лернет, А. Лундстрем, М. Лунис и другие. Временное правительство Латвии в Чите представлял П.К. Фрейберг.

18 мая 1919 г. Литовский комитет обсудил письмо Центрального Литовского бюро в Сибири о том, что состоявшийся в Иркутске съезд предложил литовцам, подлежащим призыву, вступать в латышские полки. Комитет не согласился с этой рекомендацией и предложил литовцам не создавать своих национальных частей, а служить в одних рядах с русскими.

* * *

С падением Белой государственности остатки Белой армии отступили на территорию Китая. Вместе с ними ушло немало гражданских лиц. Однако немало забайкальцев, сотрудничавших с семеновским режимом или лояльно относившихся к нему, остались на Родине. Их судьба складывалась более чем драматично. Начались непрерывные репрессии, жертвами которых становились «бывшие», служившие в Белой армии или в государственных органах Белой государственности, служители религиозных культов, так называемые кулаки и крестьяне, отказывавшиеся добровольно вступать в колхозы. Нарастая с каждым годом, они превратились в 1937–1938 гг. в настоящий этнический геноцид против многих национальных меньшинств, особенно против бурят и поляков, в ходе которого цементировалась «дружба народов».

⁶ ГАЗК. Ф. 334. Оп. 2. Д. 96. Л. 13.

ИВАН РУСАКОВ

НЕ БЫВАЕТ БУНТОВ БЕЗ ГРЕХОПАДЕНИЯ ВЛАСТИ

Пребывая периодически на довольно продолжительное время на другом конце океана, каждый раз начинаешь ощущать некую разницу между мироустройством — бытовым, мировоззренческим, общественным, политическим — России и Запада, между моделями поведения российского и западного (конкретно, в моем случае, американского) правящего класса.

Наблюдение, конечно же, совершенно не оригинальное и даже избитое: мы действительно разные, мы действительно живем в разных миро-системах, несмотря на то что на базовых цивилизационных уровнях (генетических и культурных) мы и они — тождественны и неразличимы (белые христиане). Мы разные в ежедневных общественных институциональных практиках, в социокультурных нормах поведения и ощущениях, в реакциях на те или иные вызовы времени и рефлексиях по поводу последних.

Не является совершенно оригинальным и наблюдение, что бывшие наши соотечественники — русские, украинцы, белорусы — постепенно, пусть сначала с внутренним напряжением и с усилием, особенно при вхождении в новую для себя языковую среду, натурализуются и интегрируются в западное общество, принимают его нормы и правила (особенно их дети, просто и органично), при этом оставаясь самими собой в русском культурном и языковом пространстве. Особо успешные, да и не только, даже с некоторым вызовом, например, поднимают русские флаги совместно с американскими у

своих домов, общаются между собой исключительно и подчеркнуто на русском, с особым удовольствием покупают русские книги, ходят на русские концерты и в религиозные и культурные кружки и общины.

И глядя на них — русских американцев и собственно американцев, наблюдая за теми и другими, общаясь по соседски и на встречах в «русском комьюнити», начинаешь замечать: нормы общественного восприятия и поведения как-то более человеческие и добрые, да и более доверительные, простые и наивные — у них там в Америке, чем у нас в России. И это несмотря на наших Пушкина, Достоевского и Толстого, а их — «всего лишь» Карнеги, Джобса и Била Гейтца, несмотря на нашу соборность, а их индивидуализм. Да и к своему государству они почему-то относятся с уважением и гордостью в своем большинстве, а русские — «государствообразующий народ» России — *ego*, это государство, в немалом количестве, кто тихо, а кто не очень — ненавидят, причем вне зависимости, имперское оно, или советское, или сегодняшнее «чекистское».

В чем причина этого?

Очень часто говорят — разное государственное устройство. Это, конечно же, верно, но если грубо сказать, тюрьмы и тут и там, за нарушения правил дорожного движения наказывают так же и тут и там. «Теплее» будет и даже «горячо», если скажут: «наполнение» этих стандартных форм довольно разное, на разных институциональных уровнях и степенях развития этих уров-

ней находятся наши государства, у них разная культура управления.

Но кто определяет культуру государственного управления, его правила и нормы, сначала формальные, кто формирует и прививает затем неформальные правила, постепенно становящиеся традициями, укорененными в социокультурном пространстве, кто организует механизмы реализаций и механизмы контроля этих норм и правил, кто запускает, а затем «выращивает» механизмы общественного и гражданского контроля за формальными контролерами самого государства... кто, в конце концов, формирует эти пресловутые, общественные и государственные институты?

...Конечно же, правящий класс и культурная элита, даже более правильно — «ядро» правящего класса и его лидер, по-советски говоря, «Политбюро и его Генеральный секретарь». Особенно это важно для современной России, которая является именно *системой личной власти* без всякой идеологии. Как и в других персоналистских системах, у нас огромное значение приобретает личность самого лидера политического класса, ибо именно он является центром всей системы, — не общественные и государственные институты, а именно ОН, как ЛИЧНОСТЬ, наделенная определенной харизмой, типом поведения, составом духовного и мировоззренческого наполнения, создает определенный тип, в основном, правда, архаичных моделей общественного и политического поведения. Такой персоналистский лидер считает свои государственные функции наполненными особыми сакральными смыслами (это не голословное утверждение, а доказанный социологический и исторический факт, во множестве описанный в специальной литературе). Вспомним документальный фильм Никиты Михалкова к 55-летию Путина, где он цитирует размышления своего героя о том, что он (Путин) никогда не стремил-

ся к власти, но какой-то рок или судьба вознесли его на высший пост в стране, и все это для какого-то, наверное... Высшего предназначения...

Безусловно, такой лидер опирается на внутреннее согласие управляемых или подданных, по крайней мере его большинства, ждущих от него сакральных свойств и действий, делающих и их, смертных, ЗАЩИЩЕННЫМИ от любых внешних и внутренних неустroйств в этом круговороте их взаимных архаичных общественных импульсов, посылаемых друг другу.

Общество, по большому счету, просто копирует поведение и нормы морали правящего класса, кстати, вне зависимости от того, общество это открытого типа или авторитарный режим.

Меня просто поразил один случай, произошедший со мною и многое мне объяснивший насчет того, как действуют такие модели. Однажды нам с женой подвернулся круиз из Флориды на «райские острова» на три дня, цена на одну из нижних палуб была настолько мала, что отказаться было просто неприлично, с точки зрения возможности расширить кругозор. Соседями в ближайших каютах оказались объединенные одной компанией шумные «red necks» (красношеие), так в Америке зовут белых «работяг», — они беззаботно галдели, пили пиво, строили «рожи» друг другу на берегу и на палубе, слушали громкую музыку — короче, «отрывались». Одеты были соответственно: какие-то шорты и замызганные майки, кепки, шлепанцы и тому подобное обычное китайско-американское «барахло». Одеваясь на ужин, мы с женой надели брюки и мокасины, только потому, что потом решили до ночи провести время на верхней палубе (а вечером там прохладно). Каков же был наш «культурный шок», когда мы зашли в ресторан... Мы-то шли ужинать, а остальные люди, в том числе и наши соседи, оказывается, пришли... провести вечер на круизном лайнере и одеты были соответственно.

Дамы с уложенными волосами и в вечерних платьях, мужчины, побритые и в костюмах, некоторые даже в смокингах, в том числе и наши «red necks», и они были очень довольны собой: степенная беседа, красное вино, сигары, потом карты. *Все как в кино, про «Титаник»...* и все естественно и натурально. Правда, наверное, и смокинг «арендованный» (чтобы не создавать ложного представления, скажу сразу: лично я смокинг в жизни не разу не носил), и костюм, наверное, единственный, еще со «школьного бала», но модель поведения — подражание «высокому обществу»... просто как в учебнике по поведенческой социологии.

Теперь необходимое отступление, в конце которого логическая цепочка будет восстановлена...

Пребывая регулярно в Америке, невольно фиксируешь один феномен, отличающий эту страну от нашей (да честно говоря, не только мною это зафиксировано) — американское общество, по крайней мере, в своем все еще белом большинстве, высокосолидарно на межличностном уровне, массово религиозно (Америка, однозначно — последняя христианская страна в мире) и проникнуто христианской гражданской этикой и нормами морали. Да, деградация этих моделей происходит, это замечают даже те русские, которые приехали сюда в начале 90-х. Причина? Если одной фразой: политика партии демократов, этих американских «левых», особенно во время правления «цветного» президентства Обамы.

Некоторые «старые русские американцы» из 90-х мне говорили: мы видим итоги правления Клинтона и Обамы, эту крайне неприятную отрицательную общественную динамику, и мы теперь реально понимаем, какой «кошмар и ужас» охватил нашу страну в начале XX века, когда власть в России захватили большевики, эти «крайне левые» кочевники революций, затем «кровавыми» десятилетиями выстраи-

вавшие «Совдепию» — этот государственный морок глобальной «левой» идеи. Только теперь мы понимаем, как глубоко и, наверное, невосполнимо были разрушены человеческие, общественные и моральные нормы на нашей исторической Родине, какое отчуждение царит между простыми людьми и какая существует пропасть между властью и народом, государством и обществом. Мы же просто никогда не видели нормального общества, основанного на христианской морали и практиках, и наши родители не жили в таком обществе. Мы и до сих пор не понимаем, когда наши коллеги, работающие с нами белые американцы, программисты и инженеры-авиационщики, говорят нам: в наших семьях мы не можем делать аборт — ведь это убийство, с христианской точки зрения.

Следующий феномен, откровенно бросающийся в глаза, — это манера подавать общественно важную информацию на самом важном межамериканском канале общественных коммуникаций — Национальном телевидении, касающуюся как международной политики, так и, особенно, внутренних вопросов общенационального уровня: политических, общественных, религиозных, спортивных, криминальных — и их проекций на отдельные штаты, графства и «каунти». Местные новости — это главные новости, затем общеамериканские вопросы, затем международные новости, которые касаются Америки или американцев, принимающих в этом участие, и... только потом всемирные новости, если они, конечно же, не общемировые — «breaking news».

Самое главное отличие от российского телевидения: это бесконечная аналитика, обзоры и мнения экспертов при освещении политических и общественно важных вопросов. Чем больше разных мнений — тем лучше: комментарии простых людей и «звезд», проповедников и бывших госслужащих, маститых журналистов, вездесу-

щих инсайдеров и ньюсмейкеров. Нескончаемые графики и диаграммы, цифры и цитаты, экскурсы в историю и обязательный прогноз трендов на будущее — словом, для человека, знающего английский на уровне межличностного общения, полная катастрофа — сложно уследить, понять, осмыслить. Безусловно, генераторами общественного мнения являются два главных новостных канала: CNN, в интересах демократов, и FOX NEWS — в интересах республиканцев (есть еще пара крупных федеральных каналов, но они уже ниже по рейтингам просмотров).

Главный вопрос, волнующий каждого политизированного русского: есть ли политическая пропаганда в Америке в средствах массовой информации или нет?

В нашей стране за годы господства персоналистского чекистского режима был утрачен тот немногочисленный опыт политического маркетинга, полученный специалистами по пиару к концу 90-х годов, к сожалению, так и не отрефлексированный ни в общественном сознании, ни специалистами и не ставший массовым общественным социальным опытом; поэтому давайте немного теории.

Началом развития современного экономического анализа политики стал вышедший в начале 50-х годов труд будущего нобелевского лауреата по экономике Кеннета Эрроу «Социальный выбор и индивидуальные ценности». В своих базовых утверждениях Эрроу провозглашал, что технология общественного выбора — та же, что и у прикладных экономической практик. Главным поведенческим стандартом общественного выбора, как и у прикладных экономических практик, является то, что современный человек эгоистичен, рационален и стремится к максимизации собственной выгоды, и его основной мотивацией является эгоистический интерес, который удовлетворяется через рациональное поведение.

«Принятие методологии Общественного выбора ведет к формированию “рыночной” концепции политики: избиратели уподобляются потребителям, политические партии и лидеры — предпринимателям, предлагающим широкий набор услуг и меньшие налоги в обмен на голоса; политическая пропаганда трансформируется в коммерческую рекламу; правительственные учреждения рассматриваются как государственные фирмы, существование которых зависит от того, покрывает ли получаемая в результате их деятельности политическая поддержка расходы на содержание. Вся политическая система рассматривается Общественным выбором как гигантский рынок спроса и предложения “общественных товаров и услуг”» (Морозов Е.Г. Политический рынок и политический маркетинг: концепции, модели, технологии).

Кстати, общаясь с некоторыми нашими местными региональными депутатами, где еще более или менее сохранилась конкурентная политическая среда, я получал иногда удивительные просьбы: меня просили порекомендовать список литературы по прикладному маркетингу. Например, один мой знакомый мотивировал свою просьбу тем, что он однажды стал свидетелем деловой игры маркетологов в институте, где учится его сын, и он поразился, как это похоже на принципы организации избирательной кампании, недавно им не очень успешно проведенной.

В обществах открытого типа всегда на каждый общественный и политический тренд существует обратный уравновешивающий триггер: например, гонка за частной выгодой ограничена различными юридическими и, что самое непонятное для современного «россиянина», — действующими моральными рамками и ограничениями, конечно же, христианскими.

«В 1982 г. исследователь из Кембриджа Г. Марголис выдвинул и доказал гипотезу о том, что в политике сосуществуют эгоистические и альтру-

истические тенденции, и что индивиду присуще стремление к поддержанию баланса между ними за счет ослабления той тенденции, которая становится слишком сильной; он как бы говорит себе — «я становлюсь слишком эгоистичным/альтруистичным, надо остановиться»... Американцы, например, считают, что политику нужно делать, исходя не из эгоистического интереса; он полезен и выгоден в рыночном контексте, но вреден в политической жизни и должен быть взят там под контроль. В то же время общественное мнение очень скептически по отношению к действительным мотивациям политиков, бюрократов и ни в коей мере не обольщается на их счет» (Е.Г. Морозов).

Действительно, наблюдая по «русскому» нью-йоркскому телевидению за дебатами любых уровней между демократами и республиканцами, замечаешь следующее. Республиканцы, чей массовый электорат состоит из независимых собственников (фермеры, мелкие и средние предприниматели, люди свободных профессий, домовладельцы с большими участками, да и люди просто с республиканскими взглядами, включая классических американских домохозяек), в большинстве своем религиозны и по расовым признакам являются белыми. И к этим людям республиканские спикеры обращаются, апеллируя прежде всего к их моральным ценностям, и только затем переходят к рациональным аргументам. Вспомним недавно появившуюся «чайную фракцию» в республиканской партии, представляющую в чистом и кристальном виде обращение к этическим идеалам Великой Республиканской партии: религиозные, христианские начала, отмена рабства, свободный доступ самых простых людей к институтам частной собственности (практики знаменитого «Хомстед акта») и политической власти.

Демократы, эти американские «левые», концентрируют вокруг себя ли-

беральных интеллектуалов и студентов, банковских и конторских служащих, крупный финансовый бизнес, получателей разного рода государственных пособий и «велферов», госслужащих (самый «ядерный» электорат), сторонников эгалитаристских идей, атеистов и — что стало просто вопиюще заметно со времен Обамы — все более множасьщееся «цветное» население Америки. Именно в этой среде апелляция идет напрямую к «желудку» и человеческому эгоизму, вокруг которого, по их мнению, должен вращаться окружающий мир, и только потом к альтруистическим категориям. То есть американское партийное деление происходит в том числе и по этическому признаку — на религиозных альтруистов (в основном республиканцев) и рациональных эгоистов (в большинстве своем демократов).

Кстати, некоторые ученые считают, что альтруизм — это генетически закрепленное поведение людей, и в наибольшей мере оно характерно для белой расы, недаром идеи христианства получили максимальное распространение прежде всего среди европейцев. Аргументы, подтверждающие эту точку зрения, вы можете почерпнуть в чудесной книге Ричарда Ферле «Эректус бродит между нами», недавно появившуюся на прилавках российских книжных магазинов.

Как бы то ни было, и республиканцы, и демократы для продвижения своих политических идей используют политический маркетинг, используют по-американски изобретательно и новаторски.

Безусловно, в каких-то политических центрах и институтах эти идеи обдумываются и по каким-то технологиям вводятся в общество, впрочем, конспирологии здесь немного. Все происходит гораздо банальнее, по тем же алгоритмам, как и запуск в продажу нового шампуня.

Безусловно, политический, как и товарный, маркетинг воздействует не на

разум, а *на эмоции*. Безусловно, сильные и видимые стороны проблемы акцентируют, а слабые и неизученные — ретушируют. Безусловно, политическая реклама и маркетинг, как и реклама и маркетинг шампуня — *обольщают* избирателя и покупателя.

Помню, как совпали избирательные циклы Дмитрия Медведева у нас и Обамы с Х. Клинтон на съезде Демократической партии. Я читал репортаж с этого съезда в журнале «Власть», где наш корреспондент, обращаясь к своему американскому коллеге, говорит примерно следующее: «Слушай, да у вас тут какое-то эстрадное шоу, а не предвыборный съезд политической партии, а я-то думал...» На что прозвучал ответ: «Да, это большое шоу, но в отличие от вас мы не то что не знаем, кто будет следующим президентом, мы даже до последнего момента не знаем — кто будет претендентом на этот пост от нас, демократов».

Вот в этом, я думаю, и есть главное отличие политического маркетинга от политической пропаганды — это как отличие рекламы все того же шампуня, призывающего намылить волосы и «окунуться» в прелесть «райских островов», от рекламы вложения денег в «пирамиду МММ», — форма-то похожа, но содержание разное, там хоть волосы будут чистые, а здесь и голова грязная, и денег нет. Там обольстят, но не обманут, в пропаганде и обманут, да еще и «кинут» на деньги... и не только на них...

Ведь пропаганда — это один из оттенков лжи, а ложь эффективна там, где ее *проверить невозможно* или очень трудно. Поэтому, если смотреть достаточно широко, в Америке нет политической пропаганды, обращенной на собственных граждан. Разнообразные средства массовой информации там всепроникающи и выступают за *разновекторные интересы* своих потребителей, защищают совершенно разные интересы различных групп влияния или интересы целых социаль-

ных групп и слоев населения. Поэтому традиционная пропаганда советского типа как сознательного, целенаправленного и централизованного обмана или одностороннего освещения в политических целях, в Америке невозможна, и нет такого опыта, по большому счету.

Есть политический маркетинг, с помощью которого американский правящий класс добивается *солидарного поведения* большинства собственных граждан по крупным вопросам внутренней и особенно внешней политики. Есть *базовые ценности*, которые считаются священными (да, именно так, без кавычек), и они являются основой доминирующего солидарного поведения американского общества. Это ценности соблюдения *естественных и неотъемлемых прав человека*: на собственность, свободу высказывания и перемещения, местного самоуправления, совести, быть избранным, на общественный контроль над государством.

Нам, родившимся и выросшим в Советском Союзе, такая позиция кажется «промыыванием мозгов», как мы уже говорили, у нас просто другого опыта не было, а по сути — это как воспитание ребенка на базе текста из Нагорной проповеди. Но эти принципы и есть «опиум для народа» с точки зрения советской пропаганды.

Теперь заканчиваем наше американское отступление и восстанавливаем прерванную логическую цепочку...

* * *

Западная политическая традиция, идущая от Просвещения, говорит: государственная власть не сакральна, это всего лишь «служебная функция»; кстати, закавыченные слова принадлежат графу С.Ю. Витте и сказаны они были Николаю II в период дискуссий вокруг работы 1-й Государственной думы. Поэтому на власть должны накладываться *ограничения*, и прежде всего временные. Поэтому в Америке

максимальное количество времени нахождения у власти президента — 8 лет. Все прочие избираемые должностные лица имеют возможность быть избранными различное количество раз, но всегда есть ограничения. Поэтому совершенно спокойно представители правящего класса уходят в отставку и переходят в частные компании или различного рода неправительственные фонды, в университеты или возвращаются в свои родные компании, а при возможности или политической необходимости могут опять вернуться на политическое или административное поприще. И самое главное ограничение — это реальная конкурентная политическая система, две партии реально конкурируют с друг другом, мэры, шерифы и прокуроры реально конкурируют за свои должности с себе подобными.

Российские скептики, вослед пропаганде (заметим, раньше советской, сейчас чекистской) утверждают: «Да знаем мы их — плутократов, и партии у них одинаковые, и сплошное шоу с клоунадой на выборах — короче, нет у них настоящего народовластия, демократии истинной» (как будто бы в нашей стране они ее когда-нибудь видели). И невдомек нашим «пикейным жилетам», что каждый раз на выборах соревнуются конкретные люди, их амбиции, их «эго» и желание карьеры, политические программные платформы могут быть (теоретически) одинаковыми — *люди всегда разные*, и за право попасть в «правлящий класс» борьба идет нешуточная, и начинается она в колледжах и университетах. Да, во всякого рода «Лигах плюща» и прочих схожих студенческих организациях масонского типа, являющихся своеобразными клубами, где и формируются идеи и кадры для будущего конкурентного восхождения. Будьте уверены, в этой среде нет священного трепета пред самой «сутью власти» и ее формальной атрибутикой, они знают, если они будут образованны, умны и

сильны, правильно будут использовать политический маркетинг и если им поможет Бог — они будут на вершинах власти.

В нашей стране, так и не прошедшей через Просвещение и Модерн, несмотря даже на показной советский атеизм, все обстояло ровно наоборот....

В сегодняшней России, управляемой персоналистским несоветским режимом личной власти, президент Путин, как психотип, олицетворяет архаичные советские образы и практики, закрепленные в массовом сознании и у него лично как составной части поколения граждан Советского Союза, рожденного после Отечественной войны (как известно, легитимизирующей «советскую власть» в массовом сознании) и вступивших в активную фазу своей жизнедеятельности в самой середине «эпохи застоя развитого социализма» (конечно же, к середине 70-х социализм, как *азиатский* способ производства 30–40-х годов, стал уже с «человеческим лицом», но своей онтологической сути не изменил). Это поколение и является самым «ядерным советским электоратом», именно из этого поколения и состоит «ядро» сегодняшнего правящего класса России, усиленное «кэгэбэшным» коллективным бессознательным, оно и определяет все ментальные смыслы сегодняшней российской политической действительности.

С другой стороны, г-н Путин выступает как новообращенный и, следовательно, очень активный христианин — неофит, не пропускающий ни одного престольного праздника и ни одной более или менее крупной церкви, где с подобающим видом всегда присутствует со свечой и «думой на челе», периодически осеяемом крестным знаменем. Все это усиливается видимо реальным человеческим интересом к русской истории, известна его практика прослушивания аудиозаписи «Истории государства Российского» Карамзина, правда, обращаю внимание —

прослушивания, а это скорее всего довольно поверхностное, формальное «скольжение» по теме, и еще раз обращаю внимание — одного из самых имперских и престололюбивых русских историков.

Да и реальная служебная жизнь президента протекает в реставрированном великолепии кремлевских дворцов и палат, где на каждом шагу — артефакты византийских смыслов и откровений «Москвы — Третьего Рима». Как вы думаете, что происходит с человеком, который реально, по своей должности и по внутреннему убеждению, да с советско-чекистским «багажом» — является частью всего этого исторического наследства?

Как мне кажется, он, как минимум, растворяется в мыслях и ощущениях, что — русская власть «священна и сакральна», а он, как человек, в отличие от своего предшественника-властолюбца, к ней не стремившийся, оказывается выбранным самим Провидением на эту неслыханную высоту, и поэтому он и есть тот «Удерживающий между Высшими силами и Тварным миром», в том старом понимании традиционного русского, еще даже доимперского религиозного общества.

«Нынешний политический режим РФ не только опирается на традицию, но и отражает состояние общества и поэтому “объективен”. Это режим — царский, по сути, по форме и по стилистике. Власть консолидирована, ее разделение представляет собой конституционную фикцию. Президент РФ — современный царь — выступает единственным функционирующим институтом политической системы» (Дм. Тренин, председатель Научного совета Московского центра Карнеги).

Как это выглядит с точки зрения современного модернизированного и рационального человека, видящего с одной стороны буквально «купание» правящего класса и его лидера в советских ментальных образах и символах, а с другой — старомосковский бо-

ярский государственный стиль и словесную риторику с потугами на функции «удерживающего». В буквальном смысле, в одной руке — «скипетр» или «державка», а в другой — настольный бюст Дзержинского; на голове «корона империи», а в пиджаке «корочки» с надписью «КГБ СССР»; в одном углу «герб с орлами», в другом «серп и молот» с красным знаменем.

Такой человек не может не думать о проблемах раздвоения личности формального лидера государства, а таких фактов и комментариев по их поводу в независимых СМИ все больше и больше...

Как это выглядит с точки зрения современного модернизированного, но религиозного соотечественника. Воцерковленный и образованный человек к этому отнесется совершенно спокойно, ибо он точно знает: советские идеологические, общественные смысловые практики и теории, формы и нормы государственного аппарата, и особенно репрессивного, и реальное Православие, его духовное и историческое наследие — это два абсолютно не пересекающихся мира, и поэтому ему совершенно ясно — перед ним классическое в кристальном виде явление *религиозного сектантства*. Сегодня оно называется — «православный чекизм», вчера это были: «адвентисты», «пятидесятники», «дырники», «хлыстовцы», «виссарионовцы», «родовиты», «белое братство» и нет им числа...

Кстати, религиозная секта «православных чекистов» — ну чем не масонская ложа, была же «Полярная звезда», и по составу, кстати, тоже в основном выходцы из Петербурга; а сейчас, например, масонская ложа — «Кооператив “Озеро”». Все же повторяется в истории, но только, как известно... в виде фарса.

Как показывает историческая практика, именно религиозные сектанты являются буквально талмудистами в толковании тех или иных им вновь явленных откровений и с крайней жест-

кой настойчивостью внедряют в мир множество этих формальных норм.

Не отсюда ли давно замеченный журналистами «путинский легизм» и его непрерывные апелляции к писаному закону — обращаю внимание: не к Праву, а именно к написанному закону (отсюда и феномен нашего парламента как «бешеного принтера», но никак не учреждения, в котором создается Закон)? Напомним, учение о писаном законе как идеальной категории борьбы государства с изначально порочной природой обычного человека — это восточное китайское учение, а источником появления «легистских» законов является высшая власть. Настоящим и правильным инструментом государственного управления легисты считали жестокие наказания, закрытость власти, беспрекословное подчинение подданных писаным правилам, запрет критики власти — эти постулаты были признаны уберечь власть от внутренних и внешних врагов. По мнению этих же журналистов, большим поклонником «легизма» был Ю. Андропов, чей вдохновляющий государственный пример является привлекательным для нашего Президента, по его же словам.

Безусловно, такое наслоение образов православного религиозного сектантства и восточного легизма и рождает такие ментальные реакции, которые мы регулярно наблюдаем по ТВ. Видно, что они искренние, идущие от души, — это не рационально выстроенная речь, а именно реализация *внутренних ценностных структур*. Например, знаменитая пресс-конференция по событиям в Крыму 4 марта 1914 г. в Ново-Огарево:

— налицо было совершенно искреннее убеждение главного «героя», что собственные поступки (по Крыму) были правильны и легитимны, с другой стороны, а как еще должен думать «удерживающий легист», он же из своего «сакрального далека» совершенно «не видит», а самое главное — не чувствует формальные рациональные

нормы, в том числе международного уровня. Но то, что пришло ему «оттуда», для нас, для «тварного мира» — это уже будет закон, и будьте уверены, скоро он будет написан и востребован;

— в очередной раз мы услышали монологи о коварных американцах и европейцах, которые «бесцеремонно» бомбят Афганистан, Ирак и Ливию, одновременно поддерживая антиправительственные вооруженные группы тех, кто свергает пусть диктаторские, но совершенно законные режимы;

— самое важное, с точки зрения нашей гипотезы, было сказано в самом начале пресс-конференции:

«Вопрос такой: зачем это сделано?»

Обратите внимание, ведь Президент Янукович при посредничестве трёх министров иностранных дел европейских стран — Польши, Германии и Франции — в присутствии моего представителя... Янукович практически свою власть уже сдал. Он согласился на всё, что требовала оппозиция... Ведь я задаюсь этим вопросом: для чего? Я хочу понять, зачем это сделано? Он и так сдал, по сути, всю власть... Зачем нужно было заниматься незаконными, антиконституционными действиями...»

Монолог достоин шекспировской страсти в «Ричарде III» (без иронии) и произнесен безусловно именно в стилистике тех давних времен. А как же иначе? Для Шекспира и для Путина — *власть священна и сакральна*, потому что она Власть, и покушаться на нее — то же самое, что и покушаться на Бога. Впрочем, для чекистских религиозных сектантов *Государство и есть Бог*.

Многие, наверное, сталкивались с тем, что некоторые чиновники говорят о государстве как о чем-то живом и даже священном, они ему «служат», «жертвуют собой» для него, «верят в него», «истово защищают» (на словах, конечно, где вы видели или слышали про чиновников, «павших при защите государства», звучит даже как-то коряво...). Вера это, конечно, глубоко языческая и архаичная, и самое глав-

ное — для абсолютного числа государственников («людей государевых», так они себя экзотически кличут) сугубо материальная, так как ничего иного делать, кроме как — *служить*, они не умеют и не стремятся к другому. Именно *Служивое Государство* им гарантирует их неконкурентное статусное материальное и общественное положение, именно *служилое состояние* генерирует у чиновников их вечное состояние неопределенности (помните: «... не так сели»), ведь не образование, не ум и порядочность, не продуктивный труд являются главным критерием службы — только преданность. Мы помним, «неопределенность», по Д. Норту, «рождает и слабые проявления рациональности и уменьшает уровень межличностного доверия в обществе». Именно служилое государство позволяет запускать механизм отбора в политический класс, не по *меритократическим признакам*, а по принципу *отрицательного отбора*.

Вспомним, как сегодняшний формальный лидер попал на «трон»: разве благодаря уму, образованию, конкурентным преимуществам или продуктивной деятельности? Да нет — всего лишь благодаря преданности Семье прошлого руководителя служилого государства.

Давайте в очередной раз сделаем некое американское отступление и рассмотрим очередной мировоззренческий феномен западного общества.

Уже многие десятилетия, да, наверное, и без малого два столетия политическая традиция Европы и особенно Америки говорит: *да — легально и легитимно восставать и бунтовать против своего правительства, если оно нарушает неотъемлемые или естественные права человека*. Безусловным новатором в этом императиве являются американцы со своей «Декларацией независимости» 1776 года, цитируем: «...все люди созданы равными, они наделены своим Творцом некими неотъемлемыми Правами, и сре-

ди них — Жизнь, Свобода и стремление к счастью. Что для обеспечения этих прав государства созданы между людьми и власть государства опирается на согласие управляемых, и когда любая форма управления перестает соответствовать этим условиям, люди имеют право изменить или свергнуть это правление и учредить новое».

Обращаю ваше внимание: государства создаются людьми, но никак не «помазанником Божиим», и нет никаких сакральных целей (профессиональные «пикейные жилеты» их называют — геополитические цели государства и примат государственного суверенитета) у государства пред людьми, кроме заботы обеспечения жизненных целей и свободы собственных граждан или собственных наций. А если нет на это согласия граждан (нации), то сменяется или свергается — это принципиально — *не государство, а правление*, всего лишь «ядро» правящего класса, допустившего нестроение, и оно сменяется на новое, достойное правление. Конечно же, достойные люди избираются на конкурентной основе...

Нам, жившим сначала в Советском Союзе, а затем в ельцинской и путинской России, кажется, что все эти сентенции не имеют отношения к реальной жизни, ведь мы привыкли, что в нашей стране есть декларации (правила), написанные в Конституции (а этот высший государственный документ является, кстати, самым главным правилом поведения для «правлящего класса») и есть «*real politic*» внутренней и внешней целесообразности, где эти самые правила грубо и нагло нарушаются — прежде всего политической элитой и ее формальной главой.

В европейской и американской политической традиции и текущей реальности формальные декларируемые правила соблюдаются и даже развиваются через независимую судебную систему. Вот, например, комментарии судьи Верховного суда США Р. Джексона еще от 1943 года: «Право человека

на жизнь, свободу и собственность, на свободу слова и печати, на свободу собраний и совести и другие фундаментальные права *не могут быть предметом голосования: они не зависят от выборов*» (Курсив мой. — И.Р.).

Иными словами, эти фундаментальные права являются естественными правами человека, и они даны нам Богом: и в Америке, и в Европе, и, ровно по этой причине, и в России, — не знаю как в Африке или на мусульманском Востоке (меня это не интересует), — но для белых и христиан всего мира они естественны и неотъемлемы.

Никакие советские и чекистские религиозные сектанты и легисты, никакой их «взбесившийся принтер» и «коллективный Эрнст» не смогут отменить то, что дано нам Богом.

Поэтому достаточно терпимо «правящий класс» Европы и Америки относится к различного рода общественным протестам, начиная от весьма вегетарианских моделей «Окупай Уолл-стрит» до «левых» погромных мистерий в Германии и Греции, т.е. там, где требования касаются коррекции политических и общественных практик, существующих на сегодняшний день. Но «политический класс» достаточно тверд, когда идет речь о покушении на общественные и государственные принципы устройства общества или, как иногда говорят западные «левые либералы», — «Систему». Да, это так, вспомним: «маккартизм», проблемы Ольстера, подавления массовых «цветных» беспорядков в Чикаго и Лос-Анджелесе, беспорядки во время нью-йоркского «блэкаута».

Еще раз обращаю ваше внимание на главное «системное правило» западной цивилизации: когда речь *не идет* о покушении на естественные и неотъемлемые права общества (что это такое — см. еще раз выше), западная политическая традиция терпима к проявлениям общественных страстей, но как только речь идет о покушении на сами эти принципы, включается вся мощь

государства, защищающая неотъемлемые права всего общества, его различных групп, конкретных индивидуумов.

Вот в этом, кстати, и есть «секрет» наличия государственных флагов на домах простых американцев, это не пресловутая пропаганда американского патриотизма, как говорила и говорит советская и чекистская пропаганда (а им всегда не хватает нашего, то советского, то российского патриотизма). *Просто там государство уже очень давно не покушается на естественные и неотъемлемые права своих граждан, и люди это ценят.* Кажалось бы, всего лишь...

Это же «системное правило» распространяется и на весь окружающий мир, и если в каких-то странах нарушаются естественные и неотъемлемые права граждан, гражданских объединений и всего общества как систематизированные политические и экономические практики, то есть местные правительства *осуществляют общественные практики «особого пути»*, то, с точки зрения западной политической традиции, народы таких стран имеют право на замену такого правительства, и это есть *проявление высшей легитимности* — осуществление права народа на достойное управление им достойным правительством.

Именно в этом феномене и кроется несовпадение ментальных образов и вытекающей из него политической целесообразности у советского религиозного сектанта и легиста тов. Путина и лидеров западных государств. Он считает: если диктатор захватил власть и потом написал под это закон — то он законный правитель, а западные лидеры и западное общественное мнение считают, что у этого диктатора нет легитимных прав руководить этим народом, ибо этот диктатор нарушает неотъемлемые и естественные права своего народа, и тогда народ имеет право на восстание.

Весь мир делится на общества открытого и закрытого типа, и изменить

эту реальность невозможно, но эти миры должны существовать и взаимодействовать между собой по каким-то общепризнанным правилам (международное право, торговля, ООН и т.д.), что и происходит до появления точек общественной бифуркации, типа «арабской весны» или «падения коммунизма», когда народы восстают против ущемления их естественных прав. Все эти события, безусловно, дестабилизируют социальный, экономический, военный, геополитический порядок в этих странах и чаще всего и во всем окружающем регионе, что и приводит в дальнейшем, по разным причинам и поводам, к военным вмешательствам разного рода, опирающимся на право или достаточно сомнительным.

Я еще раз обращаю внимание на последовательность событий: сначала диктаторские и авторитарные режимы, руководствуясь общественными практиками «особого пути», нарушают естественные и неотъемлемые права своих граждан, затем происходит общественный бунт против существующего положения вещей и дезорганизация общественного пространства и только затем приходят внутренние или внешние силы, упорядочивающие этот социальный хаос в новый общественный порядок.

И каждый раз насквозь рациональная, но проникнутая религиозной этикой Европа и самым настоящим религиозным духом Америка знают и на уровне религиозного сознания, и на уровне рационального мышления:

НЕ БЫВАЕТ НАРОДНЫХ БУНТОВ И ВОСТАНИЙ БЕЗ ГРЕХОПАДЕНИЯ ВЛАСТИ!

Ибо эта государственная власть так же «тварна», как и окружающий ее социальный мир, и она всего лишь «служебная функция» от окружающего ее общества, а Бог — внутри каждого из нас. Западное общество твердо знает — нет рая на земле, все дается трудами своими, и нет ничего сакрального и метафизического в сборе нало-

гов и распределении бюджета, благоустройстве и районировании территорий, социальной и медицинской помощи, формировании армии и полиции, профессиональной бюрократии, а *политическая борьба — всего лишь способ это все организовать наиболее рациональным способом.*

И для этого не требуется убивать людей, ограничивать их свободы и религиозный выбор, препятствовать их волеизъявлению и стремлению к объединению, ограничивать в получении информации и препятствовать ее распространению, не допускать их к институтам частной собственности... Вы только вдумайтесь в эти простые истины...

И если это все-таки делается, то только в корыстных целях «ядра» правящего класса и их лидера.

И именно под таким «углом» посмотрите на события на Украине...

* * *

Невозможно правильно и взвешенно оценить то, что произошло на Майдане и на Украине в целом, если не обратиться к истории украинского вопроса. Любое массовое общественное событие или социальное потрясение всегда имеет какие-то исторические корни или предшествующий социальный опыт.

В нашей стране почему-то на уровне массового сознания совершенно не закреплен тот факт, что Западная Украина (Галиция) никогда со времен Древней Руси не была в составе российского государства во всех его исторических реинкарнациях, и только фактически с 1944 по 1949 год эта территория с проживавшим на ней населением была насильственно и с большой «кровью» интегрирована в советское государственное пространство. В принципе, с таким же успехом можно было присоединить к Советскому Союзу Польшу, Чехословакию, Венгрию, Монголию или даже Мозамбик, а потом удивляться, почему они такие

странные и своим поведением, мыслями и делами совсем на нас не похожи... А они действительно не похожи.

Начнем с того, что все эти столетия, когда наша историческая Родина пребывала частью Золотой Орды, а затем надрывно воевала со Степью, отвоевывая свою цивилизационную идентичность, эти территории были частью Европы, правда, «захолустной» и окраинной ее частью, но все-таки Европы Речи Посполитой и Австро-Венгерской империи. Все это историческое время на этих территориях в городах существовало городское самоуправление, цеховые объединения, Магдебургское право, в селах успешно функционировала выборная церковная приходская демократия. Уже в 1781 г., после принятия пакетов законов о подданных, было ликвидировано в пределах австрийской империи крепостное право в Чехии, Силезии и Галиции (в России, вспомните, только в 1861 г.), а после потрясений 1848 г. были ликвидированы остатки барщины на галицийских землях, в результате крестьянской реформы на этих рустикальных землях впервые среди восточноевропейских крестьян была утверждена частная земельная собственность. В эти же годы создавалось сельское местное самоуправление, где в борьбе с польскими и австрийскими сельскими делегатами выковывались галицийская интеллигенция, предприниматели и общественные деятели. Ко времени прихода большевиков в 1939 г. был уже сформирован свой, в том числе трагический национальный опыт становления европейского типа нации.

История Центральной Украины была не менее интересной и... автономной, и об этом так же мало кто знает. Полностью в орбиту России эти земли были интегрированы только при Екатерине II, после ее знаменитых черноморских походов и завоевания Крыма (вот же ирония истории) и учреждения Новороссии.

Все помнят Переяславскую Раду

1654 г. и клятву на верность, и присягу русскому царю, но мало кто, а скорее всего — никто не читал сам договор, положенный в основу этого союза (рекомендую в Интернете, в общем доступе). Очень интересный и неожиданный документ. Так вот, согласно п. 3: «Шляхта (в смысле казацкая аристократия. — *И.Р.*)... чтоб при своих шляхетских вольностях пребыли и меж старшин на уряды судовые обирали и добра свои и вольности имели, как при Королях Польских бывало, чтоб и ныне у видя такое пожалование Твоего Царского величества... », а пункт 7 касается простого народа: «Имений козацких чтоб ни на что не отнимали, которые земли имеют и все пожитки с тех земель, чтобы при тех имениях добровольно владели... чтобы дети их такие же вольности имели, как предки их и отцы их». Преинтереснейший документ получается, оказывается, даже и послов иностранных принимать можно было, и чтобы царю русскому это... «в кручину не было». Словом, «берите суверенитета, сколько хотите»... Они и взяли.

Вот так-то... Автономией была историческая Украина в составе России, автономией, более того, Б. Хмельницкий отменил на всей отвоеванной от поляков территории крепостное право, и это на фоне городского Магдебургского права, действие которого, например, в Киеве отменил только Николай I в 1840-х гг., совсем как Путин сейчас выборы в крупнейших городах России. Максимальный расцвет украинское гетманство получило во времена Мазепы, который еще до Петра установил связи с Голландией и остальной Европой. «Прекращение войн и смут позволило восстановиться сельскому хозяйству, которое основывалось на труде свободных крестьян... Европейский опыт “капиталистического производства”, смешанный с традициями казацкого вольного хозяйства, позволял Мазепе успешно вести собственные дела... Новая система нало-

гов, введенная Мазепой, привела к невиданному профициту казны Украинского Гетманства. В городах начался настоящий бум украинского барокко. Строились монастыри и храмы, открывались новые школы, печатались книги, создавались гравюры... Украина жила в своем мире. Ее жителей судили в своих судах по нормам Литовского статуса, на нее не распространялись российские законы...» (журнал «Диалог», 2013, №5). На границе с Россией стояли таможенные и существовали импортно-экспортные пошлины. Еще более поразительными были порядки по части земельной собственности. Задолго до кодекса Наполеона частная собственность была гарантирована любому жителю украинского гетманства вне зависимости от его социального статуса, земля свободно могла переходить от одного собственника к другому по факту сделки...

Напомню, именно в это время в России с конца XVII в., с началом «петровских» преобразований, пришло повторное «поместное землевладение», где земля для дворян была платой за службу царю и обладала статусом условного владения — пользования. Таким образом, на Украине любой свинопас на хуторе Диканька мог быть владельцем частной собственности, т.е. по условиям тех времен — гражданином, защищенным писанным законом, а в «поднимающейся с колен» России любой поручик Голицын мог быть выпоротым по распоряжению любого воеводы (позже их по-европейски назовут губернаторами) и даже лишен личного имущества. Как вы понимаете, такая дихотомия не могла продолжаться долго...

Дальше, вы знаете, нашему Петру на строительство его «государственно-азиатской европы» требовались огромные деньги... и он их «нашел» у автономной Украины (в России, например, для этого снимались колокола с церквей), а Мазепа... конечно, оказался «предателем», который не захо-

тел делиться и даже был предан анафеме царем-безбожником. А в 1775 г. Екатерина II вернула крепостное право на украинские земли и ввела там российские законы...

Теперь понятно, почему галицийские украинцы так стремятся в Европу, просто... они всегда там жили, и только последние 45 лет советской власти вместе с нами шествовали «особым путем» к «зияющим высотам коммунизма». Теперь понятно, почему в Советской армии самыми «правильными» каптерами и прапорщиками были «хохлы», выходцы с центральных районов Украины — прививка частной собственности оказалась таковой для народного сознания, что ее не смогли искоренить даже время и коммунисты. Кстати, и столыпинская реформа наиболее успешно по своей глубине была реализована на территории центральных украинских губерний императорской России.

Главные европейские общественные институты в виде права частной собственности и местного самоуправления оказались настолько живучи и неистребимы, что и привели, в конце концов, украинцев к Майдану, а вовсе не «госдеповские печенки» (они как раз и являются главной *характерной чертой служилого государства*, т.е. России), т.е. именно европейские ментальные модели, закрепленные жизнью и социальным опытом не менее двух предыдущих поколений украинцев. Можно как угодно иронизировать об украинской провинциальности «киевского разлива» или хуторского сознания и типа поведения основной массы галичан, но факт остается фактом: уже два раза за последние десять лет *они утверждают реальными делами*, что естественные и неотъемлемые права человека, а это право человека на жизнь, свободу и собственность, на свободу слова и печати, на свободу собраний и совести и внимание... на лучшее правительство, по большому счету — не могут быть предметом

торга или компромисса. И это, к изумлению русской публики, оказалось частью их национального характера, и поэтому они — европейцы по праву своего *реального выбора*, а не по типу поведения. Финляндия к началу XX в. была еще большей провинцией.

Именно поэтому для большинства западных граждан, а также для их правящих классов, революция на Майдане *легитимна изначально*, и осталось только подобрать наиболее рациональную форму формального признания свершившегося факта торжества восстановления естественного и неотъемлемого права народа на лучшее правительство.

Все последующие за Майданом события в виде ввода войск «зеленых человечков» из России в Крым, в том числе и нарушение международных договоров и обязательств нашей страной, американцы и европейцы однозначно трактуют как *месть за революцию на Майдане*. В нашей стране пока царит восторженная эйфория, но, к сожалению, потом будет похмелье, и все потому, что наши правители бросили вызов не Обаме и Меркель, а западной системе ценностей, основанной на христианском религиозном опыте и христианской этике современного рационального общества — следованию естественным и неотъемлемым правам человека. *Они нам не простят этого и не забудут*. В чем это будет выражаться — я не знаю, но для них опять появляется *вызов*, как минимум для американцев, «конец истории» откладывается — *вызов будет принят*, и, к сожалению, любое противостояние с Западом для нашей страны всегда заканчивается *неприемлемым ущербом* для «сбережения» русского народа и всей русской цивилизации.

Вряд ли у любого здравомыслящего и рационально мыслящего человека есть сомнения, что Путин, как человек *глубоко советский*, сделавший за каких-то полтора десятков лет нашу Родину «большим человеком Европы»,

не может по определению выступать защитником любых национальных интересов русских, мы для него, ментального ордынца, «государствообразующая нация» будущего Евразийского союза, не более. Поэтому весь тот поток слов о воссоединении русских в Крыму не должен никого обманывать, это как тост Сталина за русский народ после Отечественной войны, просто фигура речи для политической пропаганды, не более.

Так распорядилась история: нет для русских ближе народов, чем украинцы и белорусы, по духу, по вере, по языку и культуре, по исконным врагам нашим — степнякам и басурманам, по славным военным победам нашим и великому и надрывному труду. И вот с украинцами мы, русские, поставлены на грань войны?! Политическая пропаганда призывает «защитать и спасать русских от украинцев», на наших глазах оголтелые «совки-государственники» стравливают два самых больших и близких христианских народа в Восточной Европе.

Уже давно балтийские страны для наших чекистов-интернационалистов являются заклятыми врагами за их европейскую интеграцию и западные общественные ценности. Я хотел бы заметить, что, несмотря на все трудности, которые переживают русские балтийцы по их интеграции в местные общества, процент русских в балтийских странах не уменьшается: в Латвии и Эстонии он как был на уровне 20–25 процентов, так и остался, в Литве как был на уровне 12–15 процентов, так и пребывает на данном уровне. В сейме Латвии заседают уже 24 русских депутата, мэром города является русский Н. Ушаков, выбранный, в том числе, и латышами.

А как обстоят дела со странами Центральной Азии, с которыми наши чекисты-интернационалисты выстраивают какие-то бесконечные союзы, блоки и таможенные союзы, насколько комфортно себя там чувствуют

наши соотечественники? «После обретения этими странами независимости дискриминация русских стала, по сути, государственной идеологией... общее число бежавших оттуда русских достигло 4 миллионов, что сделало данный процесс самой радикальной “деколонизацией” в истории (из Алжира во Францию в начале 60-х уехало 760 тыс. человек...)» (газета «Ведомости», 13.05.13).

Вот и получается: чекистский режим выстраивает в реальной жизни наиболее тесные и близкие *государственные отношения* с режимами, реализующими осознанную политику *дерусификации*. Вспомним кстати, какой самый «близкий» регион для наших чекистов внутри России? Правильно, Чечня, как вы знаете, русские там вообще не живут (кроме как на военных базах). Поэтому не будем жить иллюзиями по поводу защиты интересов русских в Крыму, это не более чем политическая пропаганда.

Единственная возможность по собиранию самого крупного разделенного народа в мире — русских — в одно цивилизационное пространство и реализации политики «умножения и сбережения» русского народа такова. Это полная эвакуация русских за государственный счет с территорий Кавказа и Центральной Азии на территорию России, обратное возвращение (включая и отмену российского гражданства) на историческую родину выходцев из этих стран, затем создание на территории трех славянских стран условий для соблюдения естественных и неотъемлемых прав граждан этих стран с максимальными возможностями культурной автономии, использованием всей мощи российской внешней политики для обеспечения права по культурной самоидентификации русских за границей исторической Родины (например, в странах Балтии). Я вас уверяю, по всем реальным и описанным историческим примерам через два поколения (40–50 лет) Россия, Украина и Белоруссия ста-

нут сначала странами с *собственными европейскими институтами* и затем по собственному выбору могут формально стать частью Европы от французского Бреста — до русского Владивостока. Россия полностью интегрируется в европейское и американское общественно-политическое пространство со своим «особым» культурным кодом и станет равноправным и стабильным партнером своих коллег по борьбе с общими угрозами и реализацией общих цивилизационных интересов. И отпадет необходимость в формальной «суверенной демократии», и русские и остальные славяне (великая мечта славянофилов) наконец-то соберутся в одно цивилизационное пространство, и не только в Европе, но и в Америке, Канаде, Австралии и Новой Зеландии. И будет для всех нас — «всемирных» — самым любимым телевизионным каналом «Russia Today», конечно же, на русском языке и без тошнотворной неосоветской политической пропаганды... на английском языке.

Господа, я понимаю, что это, наверное — Мечта, но это единственный способ не вводить танки в сегодняшние и завтрашние «крымы» и всегда прямо смотреть в глаза нашим братьям, белорусам и украинцам, в том числе и галицийским.

Теперь давайте посмотрим, как эти крымские события приближают нас к этому знаменательному дню.

1. Нынешний персоналистский, неосоветский, азиатско-российский режим старался, да и был фактически «старшим братом» Украины. После «Крыма» на Украине будет другой «старший брат»: или Америка, или Европа. Эти «братья», по большому счету, плохому не научат.

2. Украина постепенно, безусловно, с большим трудом, начнет работу по построению институтов по формированию естественных и неотъемлемых прав человека. И прежде всего: институтов частной собственности, мест-

ного самоуправления, защиты Права, свободы слова. В этом процессе будут заняты не только миллионы украинцев, но и миллионы русских, проживающих на Украине.

3. Украина начнет реально и формально, конечно же, очень медленно, интегрироваться с Европой, и в этом процессе будут реально участвовать миллионы русских, так как это сейчас происходит в странах Балтии.

4. Конечно же, все эти процессы будут отражаться и на нашей стране, чего больше всего и боятся чекисты. Мы в России увидим пример удачной интеграции общественных институтов западной цивилизации среди народа, ближе которого у нас нет никого на свете. *Получится у них — получится и у нас.*

5. Как это ни может показаться парадоксальным, Украина станет для России чем-то вроде Америки для Англии славных времен формирования «Декларации о независимости» и «Билля о правах».

6. Крымская кампания явно настрожила страны будущего мифического Евразийского союза, каждая «палка» в колесо этой азиатской арбы, это благая весть для всех нас — русских европейцев.

7. В конце концов, если уж Крым стал частью России, то в него будут вкладывать деньги для развития инфраструктурных объектов, как мини-

мум. Пусть уж лучше эти деньги работают на российское общество, чем на американскую банковскую систему.

В конце концов, если уж Крым — *по факту и без нашего* спроса — стал российским, чего мы будем печалиться — вряд ли бы сегодня немцы, если бы их спросили, отказались от Восточной Пруссии, которая сегодня является Калининградской областью. Поэтому мы русские — с нами Бог, и все у нас получится!

И самое главное, события на Украине показали: противостоять «особому пути» сословной чекистской — чиновной — бюрократии, бросить вызов государственной корпорации клептократов, опирающихся на систему власти — собственности, может только политическая коалиция, скрепленная идеей национально-государственного строительства, движения к европейским, христианским, западным общественным и институциональным ценностям. Только при политической коалиции: национал-демократов, либералов-западников, современных «левых» — возможно строительство современной нации-государства как естественный процесс, в ходе которого будет сформирована новая идентичность политической нации, которая позволит собрать наш разделенный народ под одной цивилизационной крышей.

АЛЕКСАНДР РЕПНИКОВ

«НАМ НАДО БЫТЬ НАЦИОНАЛЬНО СТАЛЬНЫМИ...»

Возвращение имени и трудов историка, богослова, педагога, журналиста и русского националиста Дмитрия Васильевича Скрынченко (1874–1947) продолжается благодаря работе воронежского историка В.Б. Колмакова, публикации которого по данной теме появились 10 лет тому назад¹. После целой серии статей² историк подготовил и успешно осуществил переиздание избранной публицистики Скрынченко и его книги «Ценность жизни по современному философскому и христианскому учению»³. В 2012 г. вышли монография В.Б. Колмакова и подготовленная им публикация эмигрантско-

го дневника русского мыслителя⁴. В данной рецензии основное внимание будет уделено тексту дневника, а биографические сведения по необходимости будут приводиться из текста монографии.

Удаленность от Петербурга и Москвы сыграла со многими русскими консерваторами злую шутку. Как неоднократно подчеркивал В.Б. Колмаков, возвращение имен русских консерваторов из небытия началось с лиц «первого эшелона» (В.В. Розанов, М.О. Меньшиков, Л.А. Тихомиров). В отношении ряда консерваторов, еще недавно клеймимых «рenegатами», «мракобесами» и т.п., ситуация уже изменилась. Лучшее тому свидетельство — выход полного собрания сочинений К.Н. Леонтьева, собрания сочинений М.Н. Каткова, научных изданий Л.А. Тихомирова, К.П. Победоносцева, Н.Я. Данилевского и др.

Однако именно на окраинах Империи в противостоянии полонизации и «украинству» постепенно оформлялся иной вид русской националистической мысли, чем у петербургских чиновников или московских последователей славянофильской традиции. В этих кругах знали Д.В. Скрынченко, Д.И. Пихно, А.И. Савенко, В.В. Шульгина, С.Н. Щеголева и др. Те, кто до крушения самодержавия жил и работал на окраинах

¹ Колмаков В.Б. Дмитрий Васильевич Скрынченко. Биографический очерк // Воронежский епархиальный вестник. 2003. №2, 3; Колмаков В.Б., Скрынченко В.А. Верный сын Православного Отечества // Минские Епархиальные ведомости. 2003. №1; Колмаков В.Б. Д.В. Скрынченко (1874–1947) — деятель Церкви, историк и педагог // Из истории Воронежского края. Воронеж, 2003. Вып. 11 и др.

² Список приводится в монографии и библиографии к статье: Колмаков В.Б. Скрынченко Д.В. // Русский консерватизм середины XVIII — начала XX века: энциклопедия / Ответственный секретарь издания А.В. Репников. М., 2010. С. 466.

³ Скрынченко Д.В. Минувшее и настоящее. Избранная публицистика / Предисловие и подготовка текста В.Б. Колмакова. Воронеж, 2009. Ч. 1. Ч. 2; Он же. Ценность жизни по современно-философскому и христианскому учению / Вступительная статья и комментарии В.Б. Колмакова. М., 2010.

⁴ Колмаков В.Б. С Россией в сердце. Дмитрий Скрынченко. История жизни. Воронеж, 2012; Скрынченко Д.В. Обрывки из моего дневника / Предисловие и подготовка текста В.Б. Колмакова; примечания А.Б. Арсеньева, В.Б. Колмакова, В.А. Скрынченко. М., 2012.

Империи, оказался забыт, за исключением, пожалуй, В.В. Шульгина, хотя тот больше прославился как депутат Думы.

Судьба Д.В. Скрынченко после 1917 г. складывалась драматически. Во время Директории Петлюры он был брошен новыми властями в Лукьяновскую тюрьму за активное осуждение деятельности Церковной Рады на Всеукраинском Церковном Соборе 1918 г. Чудом уцелел, был освобожден, но в Киев вошли красные. Скрынченко скрывался. Рисковал и своей жизнью, и жизнями тех, у кого он останавливался. Впоследствии Дмитрий Васильевич вспоминал, как прятался у своего коллеги И.К. Воронцова. В доме напротив устроили облаву, но было уже поздно, и Скрынченко не мог уйти, т.к. после 19 часов запрещалось ходить по улицам. Забыв о собственном тяжелом положении, он молился, чтобы Воронцов не пострадал из-за него. Потом в город ненадолго пришли войска А.И. Деникина. И вот в ноябре 1919 г. Скрынченко бежал из Киева перед новым вступлением в город большевиков. Бежал в неизвестность. В прошлом остались его многочисленные научные труды, редакционная и публицистическая деятельность, недолгое (1906–1910) пребывание в «Союзе 17 октября», работа в монархическом «Русском собрании» и Всероссийском национальном союзе.

После скитаний, благодаря помощи сестры В.В. Шульгина Л.В. Могилевской, которая дала ему 5000 рублей «керенками», он покупает себе место на пароходе, отходившем в Болгарию⁵. Начинается период эмиграции. После краткой остановки в Болгарии он прибыл 12 февраля 1920 г. в Белград — столицу Королевства Сербов, Хорватов и Словенцев, а затем уехал в Сремские Карловцы, где осели многие из русских эмигрантов. Он проживает в городе Нови-Сад. В качестве секретаря в 1921 г. принимает участие в работе Рус-

ского Всеаграрного церковного Собора, во многом разделяя позицию митрополита Антония (Храповицкого), которого знал еще с дореволюционного времени.

Во вступительной статье к дневнику В.Б. Колмаков отмечает: «Нам, имеющим дом и семью, трудно представить себе чувства, охватывающие на чужбине человека, который лишен крова, привычного и устоявшегося круга общения, семейного тепла, да к тому же погружен в непривычную языковую и культурную среду»⁶. В конце XX столетия миллионы русских остались в бывших республиках СССР, ставших независимыми государствами. Из-за угроз многие вынуждены были бежать, бросая или продавая за бесценок свое имущество. Военные конфликты приводили к гибели людей. Те, кто пережил это, вполне могут представить трагедию Русского Исхода начала прошлого века. С жестокой откровенностью тогда обнаружилось, что русских некому защитить, что «братушки» сербы, как и союзники по Антанте — французы, не говоря уже о прочих, воспринимают эмигрантов отнюдь не дружески. Впрочем, это можно было предугадать еще во время Гражданской войны. 14 сентября 1919 г. Н.В. Устрялов отмечал, что большой успех в Омске имело стихотворение поэта Г. Маслова «Парижанину», напечатанное в белогвардейских газетах рядом с телеграммой В.А. Бурцева о равнодушии к России французского делегата на мирной конференции г. Тардье:

От хмеля победы горд,
Ты в веселом кафе сидишь,
Но скоро разгул обезумевших орд
Сметет одряхлевший Париж.
Банкир, убегая, уютное жильё
Запрет, тяжело дыша,
И наденет кружевное бельё
Любовница апаша.

⁵ Скрынченко Д.В. Обрывки из моего дневника. С. 29.

⁶ Колмаков В.Б. Предисловие // Скрынченко Д.В. Обрывки из моего дневника. С. 9.

На аэроплане умчится Фош
Вербовать надежные полки,
А ты, парижанин, в каморке замрешь,
Изнывая от страха и тоски.
И будет сниться в краю чужом
Париж, как русским Москва, —
А мы мириться вас позовем
На Принцевы острова...⁷

В записи от 15 февраля 1920 г. Скрынченко отмечает, что во время Гражданской войны «англичане презирали русских» и «просто оккупировали рус. север», «американцы приехали не для борьбы против большевиков, а ради железных дорог... Русские и сербы должны были подчиняться англичанам. Около Медвежьей горы, где заседали большевики, английский командир запретил французам стрелять, ибо “это ему мешает спать”... большевизм был среди английских, и особенно французских и итальянских солдат. Английские офицеры и солдаты занимались лишь торговлей; бутылку виски продавали по 200–300 рублей вместо 13... английские солдаты крали из вагонов, американские крали организованно», и в целом «союзники не хотели победы над большевиками»⁸.

Когда же русские эмигранты оказались на чужбине, лишенные родины и средств к существованию, но все еще сохраняющие боевой дух, то они стали настоящей головной болью для недавних союзников России. Характерен приведенный в воспоминаниях В.В. Шульгина «1921 год» диалог:

« — Европа не может, “ей слишком дорого” кормить армию Врангеля!.. Это — Европа, которая наложила колоссальную контрибуцию, которую она получила только благодаря России...

Ибо, если бы Россия, ценою восьми миллионов русских, не вывела из строя четыре миллиона немцев и австрийцев, то Германия не была бы разбита... Вот мое мнение... Германия войной разорила много стран, но Россию более всех. Во всяком случае, убытки, которые взыскивают с Германии, надо делить между пострадавшими...

— Чтобы, значит, было честно... Но ведь Европа говорит — что “мы изменили”...

— Изменили? Кто изменил? Мы? Вздор!.. Мы, все те, кто собрались вокруг Алексева, Деникина, мы не изменяли... Ложь!.. Мы не только не изменяли, мы продолжали ужасную борьбу — один против ста!.. Немецкие агенты, Ленин и Троцкий, бросили против нас всех тех, что побежали с фронта!.. Так скажите им, Валерий, что мы боролись с этой новой немецкой армией, — армией, составленной из русских!.. Боролись бесконечно, да!.. И вот, наконец, все те, кто уцелел, — собрались вокруг Врангеля... И эти боролись еще шесть месяцев!.. И теперь мы требуем, а не просим...

— Что же именно, ваша милость?..

— А вот что. Счет простой... Вы говорите — часть русских изменила... Ладно, сколько вы хотите снять за их измену?

— Не знаю, ваше превосходительство... Ей-Богу, это — не я, это — они, те, которые... ну словом, — Европа!

— Сколько бы ни снимали за “их измену”, наш счет будет достаточно велик. И когда я буду писать передовую статью, Валерий, “когда-то” я напишу так: “От имени не изменивших и не изменявших... от имени старой России, которая погибла жертвой своей верности... от имени миллионов русских, павших в Великой войне... от имени бесчисленных их вдов и сирот... от имени легионов инвалидов... и наконец, от имени старой русской армии, преемниками и наследниками которой мы состоим, мы требуем своей доли священного вознаграждения, купленного реками крови”...

⁷ Устрялов Н.В. Белый Омск. Дневник колчаковца // Русское прошлое. Историко-документальный альманах. 1991. №2. С. 311. О Принцевых островах упоминается и у Скрынченко (С. 44).

⁸ Скрынченко Д.В. Обрывки из моего дневника. С. 31–32.

Да, на эту, на свою долю, если вообще кто-нибудь имеет право!.. И вот из этих денег надо содержать армию генерала Врангеля... Над этим можно смеяться, и смеются... Но "rira bien qui rira le dernier" (смеется тот, кто смеется последним). Если Германия, опершись на Россию, начнет вторую мировую войну, тогда только поймут, какую ошибку сделали, пренебрегая и оскорбляя тех, кого на Босфоре, здесь, должны были встретить салютом из всех пушек... как людей... до конца исполнивших свой долг»⁹.

Хотя в Первую мировую войну русские сражались не только за свою родину, благодарности ни от Франции, ни от Великобритании, ни от других стран-союзниц они так и не дождались¹⁰. Не случайно мы встречаем в дневнике выписанное Скрынченко стихотворение Жака Нуара (псевдоним поэта-сатирика Якова Окснера):

Мы — нищие на паперти Европы
 Во вретнице, с протянутой рукой,
 Изведали ухабистые тропы,
 Изъедены нуждою и тоской...
 Нас не поймут — ни верный сын Корана,
 Ни чванный бритт, ни пляшущий француз,
 И мучит мысль, тяжелая как рана,
 Что мы для всех какой-то лишний груз...¹¹

Скрынченко неоднократно фиксирует в дневнике факты возмутительного отношения к русским эмигрантам со стороны сербов. А ведь он, как и многие консервативные публицисты в период Первой мировой, тоже писал о немецком варварстве и защищал братьев-славян. И вот оказалось, что русских хвалили, пока была великая Россия, способная воевать. Русский национа-

лист П.И. Ковалевский когда-то предупреждал, что, оказывая «братьям-славянам» постоянную поддержку, «русские проливали кровь за освобождение из-под ига турецкого греков, румын, сербов, болгар и т.д., и т.д. Все это хорошо. Все это похвально. Но... таким нашим заступничеством мы добились того, что все эти наши славянские братья смотрели на нас, как на своих обязанных батраков. Как только кто изобидит их, так Россия и должна их выручать. Если выручит — так и должно быть. В благодарность те же вырученные братушки и лягут эту глупую Россию...»¹². Вот и Скрынченко приводит конкретный пример, когда сербский монах Кирилл «разразился гневом по адресу России за то, что она всегда помогала Болгарии, сделала ее великой, а Сербия будто бы всегда стояла вне русского внимания и сама себя освободила»¹³.

Поработав в 1924 г. в библиотеке Матицы Сербской, Скрынченко отмечает, что том «Истории государства Российского» Н.М. Карамзина 1853 года издания до него никто не брал в руки и страницы в нем не разрезаны. Мелочь, кажется, но случай не единичный, и выходит, что «сербы ничего не читают по-русски, как и прежде не читали. Наши славянофилы очень заблуждались, посылая сюда книги. Русские издания в Матице оказались брошенными на потолок, не зарегистрированными, и когда я приехал сюда, мог взять себе сколько угодно»¹⁴.

Знакомый Скрынченко — публицист А.И. Савенко доказывал, что политика национального эгоизма должна заставить русских искать таких союзников, которые смогли бы помочь в достижении национальных задач. И если эти за-

⁹ Шульгин В.В. 1921 год // Континент. 2003. № 117. С. 179–180.

¹⁰ См. Гончаренко О.Г. Литургия Верных: Галлиполи в 1920–1921 годах // Он же. Бело-эмигранты между звездой и свастикой. М., 2005. С. 3–46.

¹¹ Скрынченко Д.В. Обрывки из моего дневника. С. 142.

¹² Ковалевский П.И. Русский Национализм и национальное воспитание России. СПб., 2006. С. 87.

¹³ Скрынченко Д.В. Обрывки из моего дневника. С. 43.

¹⁴ Там же. С. 104.

дачи достижимы только при условии союза с Германией, нужно «всеми силами стремиться к этому союзу (ближайшей целью союза должно быть поставлено обеспечение русских и германских интересов при разделе Австро-Венгрии)». Если же для заключения между Россией и Германией тайного союза придется пожертвовать интересами чехов и прочего западного (но не южного) славянства, то мы, «ни на минуту не задумываясь должны это сделать», как делают это поляки и чехи, поскольку «западное славянство само усердно лезет в немецкую пасть и для облегчения этой операции придумало соус под названием австрославизм». Следовательно, нужно «помочь им, если к тому же за простое непротивление в этой области Германия предоставит нам свободу в деле осуществления задач нашей национальной политики». Савенко приходил к выводу, что здоровая политика национального эгоизма решительно говорит, что «все интересы западного славянства не стоят ни одного русского солдата, ни одного русского рубля»¹⁵.

К схожим выводам приходил и Скрынченко, полагавший, что русским «много надо поучиться от сербов и прежде всего в смысле патриотизма» и «учиться национализму у крепких духом братьев-сербов»¹⁶. В одной из записей он отмечает: «...У нас, бывало, все свое хаяли. Нет, даже шовинизм полезнее, чем наша космополитичность»¹⁷. Как и М.О. Меньшиков, Скрынченко во многом винил русскую литературу, призывавшую спасать и просвещать всех и вся: «В нас действительно сидит эта ненужная и вредная для нас бацилла “спасения” всех. Через нее-то именно мы и погибли и гибнем там на Родине, мечтая о всеобщем братстве. С этой бациллой положительно надо бороться

и больше заняться проповедью национального эгоизма. Мы — великая нация, Бог дал нам великие способности и богатые материальные и духовные возможности. Нам надо быть национально стальными, и тогда западноевропейская гордость сама придет к нам и попросит нашего спасения, без нашего навязывания в этом отношении. Ведь подумать только: нас презирают даже славяне, даже бок о бок живущие с нами поляки и даже новоиспеченные “украинцы”... Нет, повторяю, нам надо в национальном эгоизме и самосознании стать в отношении Запада “*За чертополохом*”, как провиденциально писал Краснов»¹⁸.

Поначалу Скрынченко жил в монастыре «Великая Ремета», где не покладая рук изучал сербский язык. Многие раздражало: «Прислуга монастырская относится заметно недоброжелательно. Монахи скупы, жмутся дать лишний кусок хлеба, не говоря уже о чашке молока, а между тем у них такое во всем богатство... Управителю монастыря неприятно, что тут появился лишний рот, да еще русский»¹⁹. Монах Кирилл играет в карты с какими-то сельскими интеллигентами²⁰, «еще 7 часов утра, а монах Кирилл уже пьян»²¹; монах Корнелий рассказывает, что «будучи монахом, 28 лет жил с одной женщиной, имел от нее сына и что эта “жена” умерла лишь 2 года назад...»²², другие примеры приводятся в записи от 27 сентября 1920 г.

Негодование своим поведением вызывал архимандрит Григорий, которого крестьяне даже угрожали «побить камнями»²³. Обратим внимание на разговоры в среде духовенства о том, что архимандрит Григорий «по-

¹⁵ Савенко А.И. По славянским землям // Подолянин. 1911. 10 сентября.

¹⁶ Скрынченко Д.В. Обрывки из моего дневника. С. 102. 108.

¹⁷ Там же. С. 92.

¹⁸ Там же С. 171. Интересно сравнить эти размышления с рассуждениями нашего современника Г.М. Шиманова.

¹⁹ Там же. С. 36, 37.

²⁰ Там же. С. 42.

²¹ Там же. С. 58.

²² Там же. С. 47.

²³ Там же. С. 54.

губил протоиерея Восторгова»²⁴; что он «виновник расстрела протоиерея Восторгова»²⁵. Сам архимандрит говорил Скрынченко о Восторгове и его выдвигенце — редакторе «Московских ведомостей» Б.В. Назаревском, что когда Назаревский был арестован и расстрелян, то «жена его стала укорять дочь Григория за то, что почему²⁶ не арестован архимандрит Григорий»²⁷. В опубликованных в 2012 г. материалах судебного дела Иоанна Восторгова упоминается архимандрит Григорий (Васильев Иоанна Михайлович). В своем заявлении в Следственную комиссию Верховного революционного трибунала при ВЦИК о. Иоанн писал о том, как его намеренно пытались спровоцировать, обманув «широким и открытым участием в его деле поверенного Крутицкого, архимандрита Григория... втянуть... путем крупной взятки в 300 000 руб. в спекулятивную сделку, этим потом опозорить меня в глазах общественности, одновременно же войти ко мне в доверие и вызнать политические секреты в области активного участия моего в контрреволюции»²⁸. В справке указывается, что архимандрит Григорий окончил МДА и с 1912 г. был настоятелем Князе-Владимирской церкви в Московском епархиальном доме²⁹. В комментариях к дневнику Скрынченко биографии о. Григория нет (как, к сожалению и биографий ряда других персонажей), но можно предположить, опираясь на материалы следственного дела о. Иоанна, что информация о сомнительных действиях архимандрита в деле Восторгова имеет под собой основание.

²⁴ Там же. С. 52.

²⁵ Там же. С. 55.

²⁶ Так в тексте.

²⁷ Там же. С. 62.

²⁸ «Справедливость требует, чтобы мне дана была свобода». Документы из следственно-следственного дела протоиерея Иоанна Восторгова. 1918 год / Публикацию подготовил В.А. Орловский (игумен Дамаскин) // Исторический архив. 2012. № 4. С. 180.

²⁹ Там же. С. 189.

Постепенно осваиваясь в новой среде, Скрынченко с интересом фиксирует местные рассказы и легенды о сербах, швабах (немцах) (С. 47) и цыганах (С. 54), описывает Рождественские обычаи (С. 86), пересказывает интересную легенду «о происхождении мухи в пределах Голубца» (С. 88), переводит с сербского и полностью приводит обширную статью «Удивительные народные обычаи в Поречье» (С. 347–349).

В начале марта 1920 г. Скрынченко было предложено место преподавателя русского языка в сербской женской гимназии, где он проработает до лета 1936 г., преподавая также историю. Атмосфера в гимназии была сложной. Об этом свидетельствуют и дневниковые записи. В 1905 г. Скрынченко возмущало падение нравов в женской Мариинской гимназии, где под влиянием «свободомыслия» появились «очаги свободной любви», а одним из негодяев, развращавшим гимназисток, оказался «товарищ прокурора Минского окружного суда Савойский»³⁰. Теперь же приходилось противостоять распущенности в сербской гимназии (С. 78, 159, 204). Кого-то может покорибуть натурализм записи от 1 апреля 1931 г., но это тоже грустная реальность.

Когда Скрынченко перевелся в мужскую гимназию (преподавал там до 1941 г.), то ему стало проще, но не намного, каждый год нужно было продлевать контракт, жалование было гораздо ниже, чем у сербских преподавателей, и к тому же авторитет приходилось постоянно подкреплять. Трудолюбивый по природе, он смог доказать, что умеет и любит работать, и в итоге он не только добился уважения, но иногда устаивался и официальных похвал, как, например, на банкете в марте 1927 г., когда директор гимназии, которого переводили в другую гимназию, в своем прощальном выступлении высо-

³⁰ Скрынченко Д.В. Мои воспоминания // Публикация и комментарии В.Б. Колмакова // Имперское возрождение. 2010. № 1. С. 60.

ко оценил его заслуги (С. 138). Хорошо относились к нему и ученики. Помимо русского языка и истории, Скрынченко преподавал Св. Писание и латынь. В 1943–1944 гг. он был директором русской гимназии.

Как верно отмечает В.Б. Колмаков, общаясь с сербами на работе и вне стен гимназии, Скрынченко стремился остаться русским. Он долго верил в возможность возвращения в Россию, интересовался информацией о положении на родине и при этом способствовал сохранению русской культуры в эмиграции. Скрынченко был председателем Новисадского отделения Русской Матицы — общества, созданного русскими эмигрантами с целью сохранения национальной культуры. Эта работа отбирала немало сил и времени, порождала интриги со стороны других эмигрантов. Вместо объединения следовали расколы, что болью отзывалось в дневнике Дмитрия Васильевича. Характерны записи: «Среди русских ссоры, дразги, деления на партии, чуть не на касты... Опускаются руки, гибнет вера в людей»; «Наклонность к ссорам и разделению среди русских оказалась сильнее, чем я предполагал... велика и страшна эта наша язва, и невольно страшно становится за наше русское будущее»³¹. Он то надеялся на выздоровление России через крестьянство (С. 69), то ругал за спесь дворянство: «О, зубры... Ничему вы не научились и ничего не забыли. А пора бы» (С. 135). Доставалось евреям, полякам (обращу внимание на историю разрушения ими в Люблине местного православного собора — с. 156–157 и др.) и безнациональной интеллигенции: «Мы всегда были космополиты, ну и дождались Интернационала...» (С. 72).

С 1945 по 1947 г. Скрынченко работал библиотекарем в «Обществе по культурному сотрудничеству Воеводины и СССР». Он скончался 30 марта

1947 г. и был похоронен на Успенском кладбище в Нови-Саде. Его могила сохранилась, и ее фотография приводится в книге.

Завершая рецензию, отмечу некоторые ошибки и выскажу пожелания. В дневнике присутствуют тексты на сербском языке (С. 146, 152 и др.), которые даны без перевода, и далеко не каждый читатель может их понять. Было бы правильно дать и перевод. Андрей Шептицкий умер не в 1844, а в 1944 г. (С. 362); Н.Е. Марков умер не в 1947, а в 1945-м (С. 367)³²; непонятно отсутствие отчества и дат жизни у Г.В. Бостунича (С. 366)³³, даты жизни Дмитрия Васильевича Шульгина (сына Василия Витальевича) также можно было указать (С. 375); у Б.Э. Нольде чуть ли не единственного указано после даты смерти еще и место (С. 380). Многие из упоминающихся в тексте персоналий почему-то отсутствуют в указателе имен (Б.В. Назаревский и др.).

В.Б. Колмаковым была проделана большая работа по введению в научный оборот имени и трудов Скрынченко. Несомненно, что историк, изучающий русский национализм, обратится к его трудам. И закончить текст хотелось бы словами Скрынченко: «Иной раз хочется крикнуть эмиграции — бодрее, не спускай головы, русского народа не убить! Тупицы и копеечники Европы расступятся и дадут ему его дорогу, ибо не в силах будут поставить ему преграды»³⁴.

³² См.: *Богоявленский Д.Д., Иванов А.А.* Марков Н.Е. // *Русский консерватизм середины XVIII — начала XX века: энциклопедия.* С. 283.

³³ См.: *Репников А.В.* Григорий Шварц-Бостунич и его мировоззренческие метаморфозы: от критики Романовых до национал-социализма // *Революция 1917 года в России: новые подходы и взгляды.* СПб., 2012. С. 208–216.

³⁴ *Скрынченко Д.В.* Обрывки из моего дневника. С. 222.

³¹ *Скрынченко Д.В.* Обрывки из моего дневника. С. 85, 164.

АВТОРЫ НОМЕРА

Беляков Сергей Станиславович

(р. 1976), историк, литературный критик, кандидат исторических наук, заместитель главного редактора журнала «Урал», автор книг «Усташи: между фашизмом и этническим национализмом» (2009), «Гумилев сын Гумилева» (2012) и многих статей в научных и литературных журналах.

Бирюков Сергей Владимирович

(р. 1971), доктор политических наук, профессор кафедры политических наук Кемеровского государственного университета.

Василевский Владимир Исакович

(р. 1929), историк, кандидат исторических наук, автор монографий «Революция и гражданская война в Забайкалье» (1989), «Забайкальское казачье войско» (2000), «Забайкальская белая государственность» (2000), «Атаман Семенов. Вопросы государственного строительства» (2002) и др.

Вержицки Анджей

(р. 1970), доктор политических наук, профессор Варшавского университета.

Клёнов Николай Викторович

(р. 1982), публицист, автор книги «Несостоявшиеся столицы Руси» (2011).

Котов Александр Эдуардович

(р. 1980), кандидат исторических наук, доцент Государственного университета морского и речного флота им. адм. С.О. Макарова. Автор монографий «Русская консервативная журналистика 1870–1890-х гг.: опыт ведения общественной дискуссии» (2010) и «Птенцы гнезда Каткова» (2013).

Мальцев Владислав

обозреватель «Независимой газеты». Автор ряда публикаций в различных изданиях о событиях на Украине и национализме в странах Европы.

Марчуков Андрей Владиславович

(р. 1977), кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института Российской истории РАН, автор монографии «Украинское национальное движение в УССР. 1920–1930-е годы» (2006).

Молодяков Василий Элинархович

(р. 1968), историк, специалист в области истории международных отношений первой половины XX в., новой и новейшей истории Японии. Доктор политических наук, кандидат исторических наук, профессор университета Такусёку (Токио, Япония), автор 32 книг и более 400 статей.

Неменский Олег Борисович

(р. 1979), историк, политолог, научный сотрудник Института славяноведения РАН, старший научный сотрудник Российского института стратегических исследований, автор работ по истории этнического и исторического самосознания православных и унитарских жителей Западной Руси в XVI–XVII вв., а также по истории становления национальных проектов у славянских народов в XIX–XX вв.

Павлов Дмитрий Сергеевич

(р. 1984), историк, публицист, магистр востоковедения, преподаватель Санкт-Петербургского государственного университета, соавтор монографии «Ближний Восток: война и политика» (2010).

Петров Сергей Анатольевич
(р. 1972), кандидат филологических наук.

Репников Александр Витальевич
(р. 1973), доктор исторических наук, заместитель начальника Центра документальных публикаций Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ), профессор Российского университета театрального искусства (ГИТИС).

Святенков Павел Вячеславович
(р. 1975), политолог, публицист, автор книги «Машина порядка» (2008).

Сергеев Сергей Михайлович
(р. 1968), историк, публицист, кандидат исторических наук, научный редактор журнала «Вопросы национализма», автор книги «Пришествие нации?» (2010).

Уралов Анатолий Борисович
(р. 1949), социолог, публицист, заместитель руководителя Ассоциации социологов Московской области, член Союза журналистов России.

Храмов Александр Валерьевич
(р. 1989), публицист, общественный деятель, автор книги «Катехизис национал-демократа» (2011).

**rosndp.org —
официальный сайт Национально-
Демократической партии**

На этом портале вы всегда можете узнать свежие новости о деятельности партии, о проводимых НДП гражданских кампаниях и ознакомиться с партийной программой. Кроме того, данный сайт предлагает вашему вниманию регулярные публикации об актуальных событиях в политической, общественной и экономической жизни страны.

SUMMARY

The 18th volume of VOPROSY NATIONALISMA (STUDIES IN NATIONALISM) opens with publicist Alexander Khramov's reflections of "waves" of nationalism in European history and the prospects of a nationalistic "wave" in modern Russia.

Cover story is *Ukraine*. Political analyst Pavel Svyatenkov considers specifics of Ukrainian nationalist revolution of 2014 and its impact on the revival of the Russian movement in Ukraine and foreign policy of the Russian Federation.

Political analyst Sergei Biryukov and historian Oleg Nemensky predict future Russian southeastern Ukraine. Historian Sergey Sergeev explores the consequences of the Ukrainian crisis for the future of idea of Slavic unity and political situation in Russia.

Professor at Warsaw University Andrzej Wierzbicki analyzes events in Ukraine in the context of Polish-Ukrainian relations. Publicist Vladislav Maltsev talks about ideology and practice of Ukrainian right-wing organizations.

Historian Dmitry Pavlov explores the impact Bandera's Ukrainian nationalist movement in the formation of national identity in Western Ukraine. Historian Andrey Marchukov's article is devoted to nationalist sentiments in the Communist Party of Ukraine in the 1920s.

Historian Sergei Belyakov explores creative work and world view of the poet Taras Shevchenko as the most important basis of Ukrainian nationalism. Historian Alexander

Kotov analyzes Ukrainian theme in Mikhail Katkov's works.

In the rubric *Translations*, we publish an article "Ethnic nationalism, evolutionary psychology, and genetic similarity theory" by John Philippe Rushton (1943-2012), who was a Professor at the University of Western Ontario, as well as Rushton's obituary, written by Jared Taylor, one of the ideologues of the American "white nationalism".

Vasily Molodyakov, a professor at the Tokyo University, explores the ideological aspects of the Meiji Restoration in Japan, defining it as a conservative revolution.

Philologist Sergey Petrov reveals the myth of the "Eurasian choice" of Vladimir-Suzdal and "European choice" of the Principality of Galicia-Volhynia.

Anatoly Uralov, a social scientist, examines the formation and economic activity of the Azerbaijani diaspora in Moscow.

Publicist Nikolay Klenov focuses on the "federalist" trends in the history of Muscovy.

Historian Vladimir Vasilevsky's article is devoted to the national government policy of Grigogy Semeyonov, a leader of the White Movement in Transbaikal during the Russian Civil War.

Publicist Ivan Rusakov reflects about the features of the Russian political culture compared to the political culture of the United States in the context of current events in Ukraine.

The volume ends with the rubric *Reviews and Bibliography*, where historian Alexander Repnikov criticizes the edition of the works of Dmitry Skrynchenko, a Russian nationalist of the beginning of 20th century.

Журнал выходит 4 раза в год.

Свидетельство о регистрации: ПИ № ФС77-37202 от 13 авг. 2009 г.

За достоверность публикуемых материалов несут ответственность их авторы.
Мнения авторов могут не совпадать с точкой зрения редакции.

Подписано в печать 23.05.2014.

Формат 70x108 ¹/₁₆. Бумага офсетная. Печать офсетная. Тираж 1000 экз.

Адрес редакции: Москва, 119017, ул. Пятницкая, д. 37.

Телефоны: 8-964-551-49-52 (К. Крылов) k.a.krylov@gmail.com

8-916-950-61-43 (С. Сергеев) ssms1@yandex.ru

Распространение и подписка: 8-964-580-19-92 (Н. Шалимова) lasido@mail.ru

Адрес для писем: 115142, Москва, а/я № 1, Севастьянову А.Н.